

**ПОЛЯКИ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Герб

Венява

Семья Ю.Ю. Бяллозора,
ок. 1905 г.

Юлиан Бяллор, ок. 1915 г.

Георгий Бяллор, 1918 г.

Епископ Александр Бяллор

**ПОЛЯКИ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Ministerstwo Edukacji i Nauki Federacji Rosyjskiej

KUBAŃSKI UNIWERSYTET PAŃSTWOWY

INSTYTUT POLSKI W MOSKWIE

**Krasnodarska Organizacja Regionalna
POLSKIE CENTRUM NARODOWO-KULTURALNE
„JEDNOŚĆ”**

POLACY W ROSJI: dzieje i współczesność

**Krasnodar
2007**

Министерство образования и науки Российской Федерации

КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР В МОСКВЕ

Краснодарская региональная общественная организация

ПОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

«ЕДИНСТВО»

ПОЛЯКИ В РОССИИ: история и современность

**Краснодар
2007**

УДК 940/949 (0.8)
ББК 63.3 я 43
П 54

Редакционная коллегия:
Х. Граля, А.Л. Петровский, А.И. Селицкий (отв. ред.)

П 54 Поляки в России: история и современность. Краснодар:
Кубан. гос. ун-т, 2007. 288 с. 500 экз.
ISBN 978-5-8209-0606-0

Предлагаемый сборник научных статей посвящён проблемам российской Полонии, роли поляков в историческом развитии России. Рассматриваются различные аспекты польско-российского взаимодействия.

Адресуется как учёным, так и всем, кто интересуется историей польского населения в России и проблемами русско-польских связей.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Польского культурного центра в Москве

*Первую страницу обложки украшает орёл с боевого знамени дивизии
генерала Желиговского, 1918 г.*

УДК 940/949 (0.8)
ББК 63.3 я 43

ISBN 978-5-8209-0606-0

© Кубанский государственный
университет, 2007
© Польский культурный центр
в Москве, 2007
© КРОО Польский национально-
культурный центр «Единство»,
2007

ОТ РЕДАКТОРОВ

6–7 июля 2005 г. в Краснодаре состоялась Вторая Международная научная конференция «Поляки в России». Конференция проводилась по инициативе Польского национально-культурного центра «Единство» и Кубанского государственного университета, которую поддержали: Посольство Республики Польша, Польский культурный центр в Москве, Законодательное собрание Краснодарского края, администрация Краснодарского края, администрация города Краснодара, а также Союз славян Кубани.

В конференции приняли участие историки Белоруссии, Польши, России и Украины. Они в виде докладов и сообщений озвучили различные аспекты истории поляков в России за последние четыре века. Эти материалы легли в основу настоящего научно-сборника, издание которого по разным причинам затянулось на два года. За это время составители получили несколько новых интересных научных работ, которые также были включены в эту публикацию.

История поляков в России и русско-польские взаимоотношения никогда не отличались простотой и, как правило, сопровождались сильным эмоциональным накалом: яркие и светлые их стороны перемежались с тёмными и, часто, драматическими. Политические амбиции, особенно опирающиеся на насилие, вели к трагическим последствиям, крови и национальной розни, а прямо-таки уникальное взаимопроникновение культур вражду нивелировало. Как могло!

Историю нельзя переписывать, но извлекать из неё уроки – не только наша прямая обязанность, но и острая необходимость. Наши потомки не должны сводить исторические счёты и продолжать с подозрением относиться друг к другу. Многочисленные исторические мифы сформировали в нашем сознании стойкие взаимные предубеждения, разрушать которые и предстоит как раз историкам.

Именно во взвешенной оценке опыта предшествующих поколений мы видим свою задачу. Каждый новый и непредвзятый взгляд на историческое прошлое помогает воспринимать его многогранно и способствует сближению оценок и взаимопониманию. А это ли не лучший путь для снятия взаимных обвинений и прощения накопившихся обид.

OD REDAKTORÓW

W dniach 6-7 lipca 2005 roku w Krasnodarze odbyła się Druga Międzynarodowa Konferencja Naukowa „Polacy w Rosji”. Konferencję przeprowadzono z inicjatywy Polskiego Centrum Narodowo-Kulturalnego „Jedność” i Kubańskiego Uniwersytetu Państwowego w Krasnodarze dzięki poparciu Ambasady Rzeczypospolitej Polskiej w Federacji Rosyjskiej, Instytutu Polskiego w Moskwie, Zgromadzenia Ustawodawczego Kraju Krasnodarskiego, Administracji Kraju Krasnodarskiego, Administracji Miasta Krasnodar oraz Związku Słowian Kubania.

W Konferencji wzięli udział historycy z Białorusi, Polski, Rosji i Ukrainy. W wygłoszonych przez nich referatach i komunikatach poruszono rozmaite aspekty dziejów Polaków w Rosji w ciągu ostatnich czterech wieków. Owe materiały stały się podstawą dla wydania niniejszego zbioru naukowego, które z różnych przyczyn opóźniło się o dwa lata. W tym okresie otrzymaliśmy kilka nowych ciekawych referatów naukowych, które zostały włączone do tej publikacji.

Dzieje Polaków w Rosji i polsko-rosyjskie stosunki wzajemne nigdy nie odznaczały się nieskomplikowością, z reguły towarzyszyło im mocne rozpalenie się namiętności: jaskrawe i światłe ich strony przeplątywały się z mrocznymi i częstokroć dramatycznymi. Ambicje polityczne, zwłaszcza opierające się o przemoc, prowadziły do tragicznych skutków, krwi i waśni międzynarodowościowych, zaś unikalne wprost wzajemne przenikanie się kultur niwelowało wrogość. O ile potrafiło!

Nie wolno dziejów przepisywać, jednak pobieranie z nich lekcji nie tylko jest naszym bezpośrednim obowiązkiem, lecz nieodzowną koniecznością. Nasi potomni nie powinni kontynuować porachunków historycznych i nadal żywić podejrzliwość wobec siebie. Niezliczone mity historyczne ukształtowały w naszej świadomości trwale wzajemne uprzedzenia, zniszczenie których zależy właśnie od historyków.

Swój cel widzimy we właściwym rozważeniu doświadczenia poprzednich generacji. Każdy nowy i nieuprzedzony pogląd na przeszłość dziejową dopomaga uzmysłowić ją wszechstronnie, sprzyja zbliżeniu ocen oraz powstaniu wzajemnego zrozumienia. Czyżby nie było to najlepszą drogą dla zrzeczenia się wzajemnych oskarżeń i darowania nagromadzonych obrażeń.

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, ПОЛЬША И РУССКИЕ

А.А. МАСЛОВСКАЯ
г. Красноярск

КУЛЬТУРА И БЫТ РОССИИ XVII В. ПО ДАННЫМ ПОЛЬСКИХ ИСТОЧНИКОВ

В начале XVII в. между двумя славянскими народами были весьма сложные политические отношения. В России бушевала Смута и не последнюю роль в этих событиях играла Речь Посполитая. Именно отсюда в Московское государство пожаловал Самозванец. А в 1609 г. поляки вступили на территорию Московии и осадили Смоленск. В 1611 г. королевич Владислав, сын Сигизмунда III, был приглашён на русский престол. Поляки заняли Кремль, а затем были изгнаны оттуда Вторым земским ополчением под предводительством К. Минина и князя Д.М. Пожарского.

Но и после подписания Деулинского перемирия 1618 г., обошедшего молчанием претензии Владислава на русский престол, отношения России и Речи Посполитой не наладились. Уже в 1632 г. началась Смоленская война. В 1654 г. разгорелся новый конфликт. В Москве дали положительный ответ на прошение Богдана Хмельницкого о принятии украинских земель в состав России. Война 1654–1667 гг. была более удачной для России, она вернула утраченные во время Смуты земли. При Петре I Речь Посполитая попала в зависимость от России. Русские дипломаты влияли на избрание польских королей, России было выгодно существование слабого и политически зависимого польского государства.

В 1772 г. произошёл первый раздел Речи Посполитой между Россией, Австрией и Пруссией. Далее последовали ещё два раздела: 1793 и 1795 гг. Таким образом, часть земель Речи Посполитой вошла в состав России. А ведь ещё в начале XVII в. в Варшаве мечтали об обратном – превращении России в часть польского государства.

Московским событиям 1605–1613 гг., известным в Польше как «димитриада», посвящены не только летописные сведения, но и записки участников этих событий.

Элиаш Пельгжимовский, находившийся в Москве в течение нескольких месяцев, описал жизнь царского двора, бояр, сложную, напыщенную церемонию царской аудиенции. Он обрисовал Москву в чёрных красках и ввёл определение, широко распространившееся в польских мемуарах – «*gruba Moskwa*»¹.

В подобном стиле написан дневник Станислава Немоевского, случайно впутавшегося в московские дела: по поручению Анны База он

¹ Межва Э.А. Россия и российские дела в польской историографии второй половины XVI – первой половины XVII в. // Поляки в России: XVII–XX вв.: Матер. Межд. науч. конф. / Науч. ред. и сост. А.И. Селицкий. Краснодар, 2003. С. 10–11.

отправился в Москву, чтобы продать Дмитрию I Самозванцу драгоценности. После убийства Самозванца Немоевский был арестован и отправлен в отдалённые уголки России, где и написал свой дневник. О дневнике Немоевского напишут: «...превосходит все наши памятники в том, что касается подробностей о Москве, о стране и властях, о жизни и быте, о вере и о войске. В старой польской литературе нет равного ему произведения в точности и богатстве материала... он ничего не приукрашивает, наоборот, пишет с горечью, презрением и ненавистью, раздражается сожалением, сарказмом и, скорее, страдает предпочтением к отрицательным сторонам»². Этот же стиль очень ярок в «Дневнике Марины Мнишек», написанном в период путешествия Мнишек в Москву и пребывания её в России.

Стиль «*gruba Moskwa*» действительно очень ярок в записках Немоевского. Например, описание царской трапезы: «...Принесли мелко крошенный хлеб, горилку в больших чарках, романию в других, мальвазию в третьих, и всё это – натошак, после этого – кушанья из рыбы разного вкуса, студень светлый, сладкий, с миндалём, серый с гвоздикой; опять жареная рыба, распластанная с различными приправами; наконец, паточные, малиновые мёды, о вкусе которых лучше умолчать»³. Он отмечал, что вина дурные, а всё, что подавали, за редким исключением, – холодное. Глядя на такой стол, привычная к европейским кулинарным изыскам польская шляхта в одночасье теряла аппетит.

Не меньше иронии в общих сведениях о сервировке стола: «...хрустальных сосудов для напитков не найдёшь, стекло очень редко. Серебряная чарка – у самых знатных, но обыкновенно употребляют деревянные, а если чарка выточена из берёзовой шишки (т.е. нароста на стволе берёзы), то это уже – боярская штука.

Недавно наступила перемена, что у некоторых знатных бояр появилось по несколько серебряных мисок. Тарелок не употребляют, из миски берут горстью, а кости бросают под стол или опять в миску»⁴.

Подобные сведения находим в «Дневнике Марины Мнишек», автором которого считают Вацлава Дамантовского. «Первое блюдо было холодное, после него – водка, второе блюдо – жаркое, третье – варёные яства на железных сковородах, потом – пирожное, с луком без соли (скорее всего – неправильный перевод, должно быть “пирожки” или “пирожки”, это может быть чем угодно – от пирогов и кулебяк до пельменей. – А.М.). Смешно было глядеть, когда сам князь ел без тарелки и клал кости на скатерть. Перед нами всё же поставили несколько цинковых тарелок, очень грязных, и дали несколько деревянных ложек»⁵. Ситуацию с отсутствием на столе тарелок объясняет Мартын Стадницкий: «...тарелок нам не поставили, было, их на столе всего четыре, и то царь сказал, что этим нарушен обычай...»⁶. Это была обычная сервировка и трапеза в Московии, призванная показать, что никто никого не отравит. Поляки немало этому удивлялись, так как церемониал обеда в Европе и Речи Посполитой был давно иным.

² Цит. по: *Межва Э.А.* Указ. соч. С. 11.

³ Записки Станислава Немоевского. М., 1907. С. 27.

⁴ Там же. С. 163.

⁵ Дневник Марины Мнишек 1607–1609 гг. М., 1908. С. 49.

⁶ *Стадницкий М.* // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 233.

Но не только царский стол описывает ссыльный поляк (С. Немоевский), но и ту пищу, которую употребляют крестьяне, – «довольствуется тем, что в субботу сварят себе на целую неделю. Телёнком брезгуют и те, которые полагают, что они не должны питаться от него или не желают вскармливать для употребления молока, выбрасывают его псам, но оскобливши шкуру на пленки у окон»⁷. Недоумение связано с тем, что в Польше и в других странах ценили молодое мясо.

По свидетельству С. Немоевского в России очень много пили хмельных напитков: «первый напиток у них горилка, которым уже слишком обжираются не только мужчины, но и женщины. Употребляют и мёды, но чаще всего квас, который варят из ячменного солода без хмеля или из лесных ягод; пива меньше и очень скверное»⁸.

Между тем, употребление алкоголя в ту пору на Руси в чести не было. И вопреки сложившейся традиции считать, что пьянство в России всегда поощрялось, было запрещено варить даже пиво: «...Москвитяне соблюдают великую трезвость, которой требуют строго и от вельмож, и от народа. Пьянство запрещено; корчем и кабаков нет во всей России; негде купить ни вина, ни пива; и даже дома, исключая бояр, никто не смеет приготовить для себя хмельного; за этим наблюдают лазутчики и старосты, коим велено осматривать дома. Иные пытались скрывать бочонки с вином, искусно заделывая их в печах, но и там, к большой беде виновных, их находили. Пьяного тотчас отводят в бражную тюрьму, нарочно для них устроенную; там для каждого рода преступников есть особая темница; и только через несколько недель освобождают от неё, по чьему-либо ходатайству. Замеченного в пьянстве вторично снова сажают в тюрьму надолго, потом водят по улицам и нещадно секут кнутом; наконец освобождают. За третью же вину опять в тюрьму, потом под кнут; из-под кнута в тюрьму, из тюрьмы – под кнут и, таким образом, парят виновного раз по десять, чтобы пьянство ему омерзело. Но если и такое исправление не поможет, он остаётся в тюрьме, пока не сгниет...»⁹. Вероятно, алкоголь употребляли массово, иначе не было бы таких подробно описанных С. Маскевичем «репрессий» в отношении тогдашних алкоголиков.

Пишет Немоевский и о других странностях московских: «Никто не смеет носить оружие в городе, того более – приезжать с ним в Кремль, разве что с дороги. Если же один оговорит другого, то о поединке речь неслыханная, а тузят друг друга кулаками в бока или рукавами по губе, выпустивши их из рук. Удара в лицо никто не боится, хотя бы был он от преступника, но боятся от ногтя»¹⁰.

Предрассудком называется обычай мыться в бане после близости мужа и жены¹¹. Однако «роженица обязана также как можно скорее – в тот же день или на другой или третий идти с ребёнком в баню для смытия с себя греха и той скверны, в которую впала». Этот обычай Немоевский считает заблуждением и суеверием, возникшим в результате отхода от единой церкви¹².

⁷ Записки Станислава Немоевского... С. 162.

⁸ Там же. С. 163.

⁹ Маскевич С. Дневник // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 261.

¹⁰ Записки Станислава Немоевского... С. 60.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 126.

Станислав Немоевский оказался не меньше удивлён отношением русских к церкви и религии: «...простого человека (на церковной службе) бывает мало, женщин ещё меньше, а женская молодёжь редка. Когда мы их спрашивали, почему бы этой молодёжи не ходить бы в церковь, они объясняли: "а зачем им, когда они ещё молоды". По той же причине и таинства не принимают, разве в дряхлом возрасте... Когда мирянин женится в третий раз, его уже не допускают до принятия святого причастия, а только к исповеди, как такого, который тем самым становится недостойным Господней любви»¹³. Ещё больше удивляет автора то, что священники женаты, а после смерти жены они становятся простыми крестьянами, «как будто и достоинство священническое делает жена»¹⁴.

Безграмотность русского населения поражала многих иностранцев, побывавших в России: «...учебные заведения находились в жалком состоянии, само духовенство, которое было обязано просвещать других, как будто совестилось открыть путь распространявшейся учёности и довольствовалось тем, что учили читать и писать, и это в Москве считалось высокой степенью учёности»¹⁵.

С. Маскевич не менее был озадачен отсутствием в Московском государстве образовательных учреждений и отношением правительства к образованию собственных подданных. «Науками в Москве вовсе не занимаются, они даже запрещены. Русским книги казались очень мудрёными, сам царь (Иван Грозный) не понимал в них ни слова, по сему опасаясь, кабы народ не научился такой премудрости, приказал их все сжечь, купцу заплатить, сколько потребует. Одну из них я видел у Фёдора Головина. Он рассказал, что у него был брат, который имел большую склонность к языкам иностранным, но не мог открыто учиться им; для сего тайно держал у себя одного из немцев, живших в Москве, нашёл также поляка, разумевшего язык латинский; оба они приходили к нему скрытно, в русском платье, записались вместе в комнате и читали книги латинские и немецкие»¹⁶. В подобном положении были те немногие, кто стремился к получению знаний. По сообщению С. Немоевского население считало царя самым образованным и мудрым: «...никому не дозволено читать книг и иметь их в дому, кроме Псалтыри, иначе был бы в подозрении, что желает быть мудрее самого великого князя»¹⁷.

О «грубых нравах московских» пишет в своём дневнике С. Маскевич. Он явно иронизирует, если не насмехается над обычаями застольной трапезы, а также отмечает, что русские перенимают некоторые польские обычаи: «случалось мне бывать на свадьбах московских, у многих людей знатных. Обычаи там такие: в одной комнате сидят мужчины, в другой – женщины. Тут угощают их множеством яств, приготовленных в виде похлебки, подавая их в блюдах, с обеих сторон выбеленных и поставленных на сковороды для удобнейшего подогревания на угольях. Кушанья ставят на стол не все вместе, а сперва едят

¹³ Записки Станислава Немоевского... С. 125.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Торбаков И.Б.* Киево-Могилянская академия как культурно-просветительский центр переходного периода // Русская литература в переходный период от средневековья к новому времени. С. 111-112.

¹⁶ *Маскевич С.* Указ. соч. С. 261.

¹⁷ Записки Станислава Немоевского... С. 162.

одно, потом другое, до последнего; между тем принесённые блюда держат в руках. Никакой музыки на вечеринках не бывает; над танцующими смеются, считая неприличным плясать уважаемому человеку. Зато есть у них так называемые шуты, которые тешат их русскими плясками, кривляясь, как скоморохи на канате, и с песнями, большей частью весьма бесстыдными. Иногда же, в подражание нашим обычаям, приказывают играть на лирах... За этой забавой следует другая: из дальней комнаты, где сидят женщины – строение идёт рядом в три – четыре комнаты – являются несколько так называемых дворянок (то есть дворовых девок или женщин), хорошо одетых, это жены слуг. Они становятся у дверей, из которых вышли, при конце стола, где сидят гости, и забавляют их разными шутками; сперва рассказывают сказки с прибаутками, благопристойные, а потом поют песни, такие срамные и бесстыдные, что уши вянут. Русским, однако, это очень нравится, и на здоровье! Пусть остаются при своих забавах, не зная лучших!»¹⁸.

В России не были известны многие европейские развлечения вплоть до эпохи Петра Великого, когда появились балы, маскарады, фейерверки и т.п. И только при Петре женщины более высокого происхождения стали появляться в обществе открыто. В XVII в. по обычаю этого не допускалось, что не могло не отразиться в письменных источниках. С. Маскевич и другие поляки отметили это в своих дневниках: «...мужчины не допускают женщин в свои беседы, не позволяя им даже показываться на люди, кроме одной церкви. Да и тут каждый боярин, живущий в столице домом, имеет для жены церковь, не в далёком расстоянии от своего двора...»¹⁹. Подобная ситуация очень удивляла поляков, так как в Европе уже давно к женщинам относились иначе и они постоянно появлялись в обществе при дворе государя.

Давая описание города, С. Немоевский пишет: «...по улицам всюду мостки и хворостина вместо мостовой»²⁰. Такой облик улиц не мог не привести европейца в шок, и Немоевский не преминул это отметить.

В дневниках поляков сохранилось описание архитектурных строений, в том числе описания Кремля и несохранившихся его построек, к которым относятся палаты Самозванца и годуновские постройки. Подобное внимание поляков и других иностранцев к московской архитектуре отчасти объясняется стремлением изучить преимущественно оборонительные сооружения (каковым является Кремль) в военных целях.

Несмотря на весь сарказм и иронию записок, оставленных поляками, равно как и другими иностранцами, все они выражают восхищение московским Кремлём. Немоевский даёт описание Кутафьи – одной из кремлёвских башен: «через Неглинную – две каменные стены, одна возле другой, вдоль от основания выделенные о двенадцати сводах, тонкие и высокие; по сторонам большие окна... между стен – деревянный мост, пропущенный в кирпичную, умеренной толщины стену; он идет от Кремля с довольно частыми башнями наподобие бастионов»²¹.

¹⁸ Маскевич С. Указ. соч. С. 260.

¹⁹ Там же.

²⁰ Записки Станислава Немоевского... С. 52.

²¹ Там же. С. 38.

Вот какими он находит палаты Самозванца: «деревянные государевы покои, довольно мелкие и низкие, из нетёсаного круглого дерева, окна малые – полтора локтя ввысь и в ширину, но с весёлым видом из них на реку Москву, которая течёт под замок срединного города. При входе в те покои из залы – прежде всего сенцы, ничем не обитые, далее передняя. Обитая нидерландскими занавесями с фигурками, но в которых мало шёлку; лавки кругом покрытые красным сукном; стола не было; только огромный персидский ковёр на земле под огромным бархатным балдахинном, с оторочкою из широкого золотого позумента и золотой бахромой. Под балдахинном – два небольших образа Богородицы, вышитые мелким жемчугом. Из этой передней – покой, обитый довольно богатой турецкой парчой, сводчатый потолок, как бы выложенный мозаикой. Чудно сделанная печь в виде небольшого грота, около неё позолоченная решётка, стола также не было, одни только лавки кругом, покрытые нидерландскими, шёлковыми с золотом коврами. Посередине комнатки устроены четыре ступени квадратом, обшитые красным сукном, на них – небольшой трон, весь окованный золотом, крупными рубиновыми зёрнами и бирюзой густо высаженной, турецкой работы; будь камни настоящие – их пришлось бы оценить в большую сумму; сидение на нём красного бархата, вышитое мелким жемчугом, в виде чешуи»²². И в этом описании покоев и их внутреннего убранства также много сарказма, что стоит одно только замечание о подлинности камней на троне! Причин для сомнений было, конечно, много, но византийская традиция требовала соблюдения пышности и изобилия.

Кроме описанной, было ещё три комнаты, а также покои государыни. «Комнаты государыни были за государевыми комнатами, кроме сеней их было только две да третья – каморка сбоку. Построены тем же способом, что и государевы, и такие же низкие и крошечные. Первая была обита нидерландскими занавесями, но с малой долей шёлка, другая – красной камкой, боковая каморка – пёстрым ормезином, сени не обиты ничем. Отдельный вход в эти комнаты был сзади, но можно было пройти и переходом около государевых»²³.

Несмотря на всю свою предвзятость и иронию, дневники и другие письменные свидетельства иностранцев позволяют не только восстановить ход исторических событий, но и раскрывают многие культурные и бытовые аспекты жизни русского народа, как дворянства, так и простонародья. Они дают интереснейшие сведения о том, что русские носили, ели, пили, об их отношениях друг к другу, церкви, образованию – об укладе жизни в целом. В дневнике Немоевского даже встречаются цены на некоторые виды товаров. Все эти заметки и описания дают очень ценный материал для восстановления различных аспектов истории России.

²² Записки Станислава Немоевского... С. 52.

²³ Там же. С. 55.

И.В. РАЧКОВ
г. Москва

ИЗ ИСТОРИИ РОДА БЯЛОЗОРОВ ГЕРБА ВЕНЯВА

Словом «*białozór*» в польском языке обозначают кречета (исландского сокола) – самого крупного из соколов и любимую охотничью птицу польских королей и литовских великих князей, латинское название которой *Falco gyrfalco* или *Falco rusticolus*. Дворянский род, двум представителям которого посвящена эта работа, писал свою фамилию с одним или с двумя «л» («ф») и через чистое «о» (без чёрточки, придающей букве звучание «у»). Заметим, что удвоенное «л» стало появляться в XVII в. в фамилиях некоторых родов Великого княжества Литовского как указание на благородное происхождение (Радзивиллы, Соллогубы, Коцеллы и др.). В конце XIX – начале XX в. отдельные православные представители гродненско-виленской и могилёвской ветвей рода Бялосоров стали писать свою фамилию «Бълосоръ» (в то время как ковенская ветвь рода сохранила римско-католическое вероисповедание и традиционное написание фамилии).

Уже в книге «Гнездо добродетели» (Краков, 1578 г.), одной из первых в Польше геральдико-генеалогических работ, Бартош Папроцкий называет Бялосоров (sic! с одним «л») родом «славным и древним»¹. Сами Бялосоры вели своё происхождение от Гедимины, в пользу чего косвенно свидетельствует ряд фактов. Во-первых, прозвание (польск. *przydomek*) «Монтвид», которое использовала в своей фамилии ковенская ветвь рода (как известно, князь Монвид или Монтвид был старшим сыном Гедимины). Во-вторых, на могиле Регины Монтвид-Бялосор, супруги генерала Ивана Сухозанета, в Александро-Невской лавре было написано «Гедымин-Бялосор», а фамильный герб Бялосоров помещён на княжескую мантию под княжеской шапкой. По другой версии, впервые изложенной В. Кояловичем, Бялосоры (sic!) происходят от Андрея Саковича (смоленского воеводы), сын которого ок. 1460 г. стал называться Бялосором². Его предок литовский боярин Станислав Сака принял в 1413 г. на Городельском съезде для себя и своего потомства герб Помян (в золотом поле чёрного цвета голова зубра или буйвола, проткнутая между глазами мечом от правого угла к левому; в нашлаемнике закованная в латы рука с мечом), а фамильным гербом Бялосоров был польский герб Венява (в золотом поле чёрного цвета голова зубра или буйвола с рогами, загнутыми наподобие полумесяца; в ноздрях у буйвола проредот кольцо, сплетённое из древесных

¹ *Paprocki B.* Gniazdo Cnoty skąd herby rycerstwa sławnego Królestwa Polskiego, Wielkiego Księstwa Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Żmudzkiego i inszych państw do tego Królestwa należących książąt i panów początek swój mają. Kraków, 1578. S. 1195–1196.

² *Kojatowicz W.* Herbarz Wielkiego Księstwa Litewskiego, tak zwany Compendium / Opracował F. Piekosiński. Kraków, 1897. S. 234, 324.

ветвей; в нашлемнике возникающий по пояс лев, обращённый вправо, с короной на голове и мечом в правой лапе)³.

Родовое гнездо Бялозоров – имение Гринкишки (ныне Гринкишкес в Литве) принадлежало роду с середины XV в. по 1940 г. Последними владельцами имения были Монтвиды-Бяллозоры, представлявшие ковенскую ветвь. В XIX в. дворянское происхождение доказали три ветви Бяллозоров: гродненско-виленская, ковенская и могилёвская. В данной работе мы обратимся к биографиям двух представителей рода Бяллозоров, судьбы которых были связаны с кубанской историей. Первый из них – генерал Ю.Ю. Бяллор из гродненско-виленской ветви рода, а второй – епископ А.А. Бяллор из могилёвской ветви.

I

Юлиан Юлианович Бяллор родился 9 января 1862 г. в Свенцянах Виленской губернии⁴, а умер 13 апреля 1942 г. в Вильно, где и похоронен на Антокольском кладбище⁵. Хотя Юлиан был крещён в римско-католическом костёле, в послужных списках его указывали православным⁶ и, чем ближе к генеральским чинам, тем чаще писали «Бъллоръ». Видимо, такая мимикрия под русского была благоприятна для карьерного роста в армии.

Отцом будущего генерала был Юлиан Николаевич (родился 3 апреля 1827 г. в Троках, крещён 4 апреля 1827 г. в Новотроцком римско-католическом приходском костёле⁷, умер 24 июня 1876 г. в Вильно⁸). Первоначально Юлиан Николаевич был писцом низшего разряда в Троцком земском суде (7 декабря 1846 г.), по прошению 1852 г. переведён в контору Троцкой военно-временной больницы в той же должности. С 30 мая 1853 г. по 21 мая 1854 г. он был в отставке без награждения чином. По прошению 1854 г. определён письмоводителем 2-го стана Свенцянского уезда. 7 января 1857 г. Юлиан Николаевич стал архивариусом Свенцянской городской ратуши, а 13 мая 1859 г. – её регистратором⁹. Матерью Юлиана Юлиановича была Анна, урождённая Артман, умершая от воспаления лёгких 19 марта 1870 г. в Свенцянах в возрасте 44 лет и похороненная на местном приходском римско-католическом кладбище¹⁰. Она оставила мужу девять детей: Роберта¹¹, Николая, Константина, Марию, Брониславу, Целину, Паулину, Ядвигу и Пелагию.

³ Помимо Бяллозоров, гербом Венява пользовались такие известные польские фамилии, как Венявские (XIX в.: скрипач Генрик, композитор Иосиф, писатель Юлиан), Венява-Длугошевские (XX в.: Болеслав, генерал и соратник Ю. Пилсудского), Длугоши (XV в.: Ян – историк, дипломат, учитель детей польского короля, архиепископ львовский), Лещинские (XVIII в.: Станислав – польский король, его дочь Мария – королева Франции, супруга Людовика XV) и др.

⁴ ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 37. Д. 83. (Метрическая книга Свенцянского костёла за 1862 г.). Л. 70б. – 8. № 36.

⁵ По сведениям его внучки Светланы Георгиевны Бяллор.

⁶ Например, в послужном списке от 26 марта 1908 г.

⁷ Выпис из крестной метрической книги Новотроцкого приходского костёла, хранящейся в архиве Виленской римско-католической духовной консистории (копию любезно предоставила С.Г. Бяллор).

⁸ По сведениям С.Г. Бяллор.

⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 7737. Л. 68–69.

¹⁰ ГИАЛ. Ф. 604. Оп. 37. Д. 92 (Метрическая книга Свенцянского костёла за 1870 г.). Л. 565. № 76.

¹¹ Скорее всего, это и есть Юлиан Юлианович, так как в некоторых источниках его называют Юлианом-Ригобертом или Юлианом-Робертом. Ср., например: *Zychliński T. Złota księga szlachty polskiej. Poznań, 1883. Rocznik V. S. 1–19.*

Видимо, прозябание отца на гражданской службе в мелких чинах и ранняя смерть родителей (мать умерла, когда Юлиану едва исполнилось 8 лет, а отец – когда он достиг 16-летнего возраста, в то время, как совершеннолетие, по тогдашним законам, наступало в 21 год) предопределили военную карьеру Юлиана – в армии было легче, как сейчас говорят, зацепиться и сделать карьеру. Однако армейское воспитание привело к тому, что Юлиан достаточно скоро перестал ощущать себя поляком или литвином, а считал себя скорее русским или белорусом (для чего со временем отверг другое своё имя – Роберт, или Ригоберт, данное ему при крещении) и воспитал детей в православной вере¹². Данный феномен вхождения в великорусскую культуру был свойственен не только полякам: многие служившие в армии инородцы и иноверцы сознательно переименовывали свои имена под русские и переходили в православие¹³, иногда даже слишком нелепо выпячивая свою «русскость».

Ю.Ю. Бяллезор учился в Виленском реальном училище (не окончил курса), Виленском пехотном юнкерском училище (1878–1881 гг.), которое закончил по 2-му разряду, и офицерской стрелковой школе в Ориентибауме (1896–1897 гг.). Далее служба подпрапорщиком (12 августа 1881 г.), прапорщиком (9 января 1882 г.), подпоручиком 64-го пехотного Казанского полка (1 сентября 1884 г.), поручиком (25 октября 1888 г.), штабс-капитаном (11 декабря 1889 г.). С 1890 г. служил в войсках Приамурского края: 6-м и 10-м Восточно-Сибирских линейных батальонах, 8-м и 9-м Восточно-Сибирских стрелковых батальонах, 5-м и 22-м Восточно-Сибирских стрелковых полках.

11 июля 1891 г. в Де-Кастри (Хабаровский край) произошла встреча Ю.Ю. Бяллезора, тогда командовавшего 2-й ротой 6-го Восточно-Сибирского линейного батальона, с Иваном Павловичем Ювачёвым (отцом Даниила Хармса), который был сослан на Сахалин за революционную деятельность. Ювачёв так пишет о Бяллезоре (ошибочно называя его Юлианом Николаевичем) и его супруге: «...совсем молодые люди, петербуржцы¹⁴ (по происхождению, кажется, он поляк, а она немка¹⁵), очень милые, гостеприимные, симпатичные. Вскоре мы очень близко сошлись. Они интересуются литературой и новым учением Толстого. Они были настолько любезны, что предложили нам троим ночевать у них, но я и механик¹⁶ не воспользовались их вниманием¹⁷. <...> В пятницу 12 июля... в 4 часа пришли к нам гг. Бяллезоры (sic! – И.Р.), и мы поехали в гости на маяк (4 мили от города). Там после разных приключений на дороге нас радушно встретил г-н Спирготин с женою. <...> Вечером вернулись в город, и я опять

¹² По воспоминаниям Светланы Георгиевны Бяллезор, внучки генерала, её отец Георгий считал себя белорусом.

¹³ Например, знаменитые генералы Павел Ренненкампф и барон Пётр Врангель.

¹⁴ Из послужных списков Ю.Ю. Бяллезора не следует, что его можно назвать «петербуржцем». Возможно, незадолго до отъезда на Дальний Восток он, в самом деле, провёл некоторое, но весьма непродолжительное время в Петербурге.

¹⁵ На самом деле супруга Ю.Ю. Бяллезора была из белорусского дворянского рода Глеб-Копанских.

¹⁶ Вонифатий Петрович Лукьянов.

¹⁷ Ночевать остался только Пётр Кириллович Игнатъев, помощник смотрителя тюрьмы в Александровке на Сахалине, приставленный для надзора за Ювачёвым на время его плаваний.

должен был съехать на берег – провести с Бялзозорами последние минуты в Де-Кастри. Жалко было расставаться»¹⁸.

Вот ещё одно воспоминание Ювачёва о Бялзозорах: «Их разговоры ещё дышали последними новостями столицы, откуда они недавно прибыли. Посидев с ними до глубокой ночи, я весь отдался своим прошедшим временам, забыл, что нахожусь за далёкими горами и лесами в настоящей, глухой Сибири, и мысленно перенёсся в культурную Россию, где когда-то так сильно работала мысль над модными идеями, где так увлекался толпою и вместе с нею горячо стремился принять участие в борьбе со старыми формами жизни»¹⁹.

Эти воспоминания тем интереснее, что в 1891 г. Ю.Ю. Бялзозор был ещё никому не известным штабс-капитаном, только недавно женившимся и пока не имевшим детей.

15 июня 1893 г. Юлиан Юлианович Бялзозор был произведён в капитаны, 26 февраля 1901 г. – в подполковники. 13 мая 1904 г. в бою на Кинджоу (он же Цинаджоу – город, открывавший японцам дорогу на Дальний и Порт-Артур) Бялзозор командовал центром (12-я, 3-я, 8-я и 4-я роты) 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка. Вот что пишет об этом бое и роли подполковника Бялзозора командир этого полка Н. Третьяков: «Ко мне прибыл от подполковника Белозора вестовой с донесением. Подполковник писал: “Неприятель перед нами и атакует, а вам известно, что у нас до 700 шагов никем не занятых траншей. Необходима помощь”. Я сам видел, что атака японцев направляется на нашу 8-ю роту. Перед всеми остальными цепи остановились и шла усиленная перестрелка; к угрожаемому пункту я послал вторую полуроту 11-й роты... Неприятельские роты подошли уже к проволочной сетке перед 8-й и 4-й ротой, но не могли удержаться, в беспорядке отхлынули назад, скрылись за неровностями местности и открыли отчаянную стрельбу... В это время от подполковника Белозора прибежал другой посыльный; требовалась немедленная помощь, но я уже отправил к нему вторую полуроту 11-й роты и был уверен, что этого достаточно... Первоначальный подсчёт показал убыль в 1 500 человек и 75 офицеров. Штабс-капитан Шастин и подполковник Белозор, почитаемые нами убитыми, жертвуя своей жизнью для спасения отступающих, собрали 4-ю роту и людей, около них бывших, и, остановившись, открыли огонь по обходящим японским колоннам. Эта команда вся легла до одного человека, но дала возможность отступить спокойно остальным... При этом 4-я и 8-я роты, помня приказание, что отступления не будет, отступать отказались. Ими командовал доблестный подполковник Белозор... С отступлением 6-й роты из редута № 8, роты 4, 8, 3 и отчасти 12 очутились в безвыходном положении: в тылу у них были японцы, на № 5-м были японские пулемёты и с фронта массы японцев, готовых перейти в атаку, которая и не замедлила совершиться. Видя своих на высотах наших батарей и редуте № 8, неприятель перед фронтом бросился в атаку; но наши славные роты дружным залпом моментально остановили отчаянный натиск,

¹⁸ Ювачёв И. «Мне кажется, я люблю её и любил искренно». Эпистолярный дневник Ивана Ювачёва, адресованный Марии Антоновне Кржижевской // Новый мир. 2001. № 6. См. также: http://magazines.russ.ru/novyi_mir/2001/6/uvach.html

¹⁹ Миролюбов И.П. Восемь лет на Сахалине // Исторический вестник. 1900. Т. 80. С. 190.

положивши на месте тысячи неприятельских трупов. Повернувшись лицом к неприятелю, зашедшему в тыл, удалые роты пачками заставили его скрыться за высотами. Японцы на горе белыми платками и жестами предлагали ротам сдаться, но в ответ получали дружные залпы. Пользуясь нерешительными действиями японцев, зашедших в тыл, подполковник Белозор задумал вывести роты из неравного боя и отдал приказание отступать. Люди, отстреливаясь, двинулись по траншеям к тылу позиции, теперь уже сильно страдающая от выстрелов с гор; в некоторых местах приходилось выходить из траншей, так как они были завалены убитыми и ранеными. Всё-таки ротам удалось добраться до батареи № 1; но тут подполковник Белозор и шт.-капитан Шастин увидели японские колонны, намеревавшиеся отрезать наши роты, отступавшие с центра позиции. Неприятель наступал от берега Талиенванского залива. У доблестных офицеров явилась мысль, для спасения своих воспрепятствовать этому обходу, несмотря на неприятеля, напирającego с гор, и вот они собирают людей, останавливают их и открывают огонь залпами по обходящим; те повернули на них и в свою очередь стали обсыпать наших огнём из винтовок и пулемётов. Долго продолжался этот страшный бой, пока от наших героев не осталось ни одного человека, все до единого полегли в неравном бою, в конце концов защищаясь не только штыками, но и зубами. Подполковник Белозор от потери крови потерял сознание и упал. Капитан Шастин, простреленный в грудь навывлет, также упал; оба были подобраны японскими санитарями, но герои-солдаты были все перебиты, и если капитан Шастин и подполковник Белозор уцелели, то только благодаря японскому офицеру, который не приказал их добывать»²⁰.

В ходе боя на Кинджоу Бяллезор был тяжело контужен в голову, ранен осколком снаряда в левую руку и ружейной пулей навывлет в левую ногу, без сознания оставлен на поле боя, вследствие этого взят японцами в плен, где находился более полутора лет – по декабрь 1905 г. В 1907 г. он выступал свидетелем защиты в Верховном военно-уголовном суде по делу отставных генералов Стесселя, Фока, Смирнова и Рейса.

3 мая 1907 г. Бяллезор был переведён в 76-й пехотный Кубанский полк. 26 февраля 1908 г. за боевые отличия получил звание полковника. С 7 июня 1909 г. был командующим 263-го (с 30 августа 1909 г. – 207-го) пехотного Новобаязетского полка (г. Темир-Хан-Шура; современный Буйнакс в Дагестане) 52-й дивизии 3-го Кавказского армейского корпуса. 23 июня 1912 г. назначен командиром 10-го Сибирского стрелкового полка, 26 сентября 1912 г. вступил в командование. В следующем году Ю.Ю. Бяллезор стал генерал-майором, с назначением генералом для поручений при командующем войсками Приамурского военного округа и с зачислением по армейской пехоте (22 февраля 1913 г.). 17 октября 1914 г. назначен начальником санитарного отдела штаба

²⁰ Третьяков Н. 5-й Восточно-Сибирский стрелковый полк на Кинджоу и в Порт-Артуре. СПб., 1909. С. 30–43. Об этом же пишет барон фон Теттау, прикомандированный во время Русско-японской войны к русской армии (*Der Russisch-Japanische Krieg. Amtliche Darstellung des Russischen Generalstabes. Deutsche vom russischen Kriegsministerium mit Allerhöchster Genehmigung autorisierte Ausgabe von Freiherr von Tettau. Bd. V, 1. Teil. Berlin, 1910. S. 215–216*).

IX армии. 13 февраля 1915 г. Юлиан Юлианович назначен временно-командующим бригадой 3-й Гренадерской дивизии. С 26 февраля 1915 г. он уже начальник 2-й стрелковой бригады (28 марта 1915 г. переформирована в дивизию). 12 июня 1915 г. назначен командующим 2-й стрелковой дивизией. 6 декабря 1915 г. за боевое отличие Ю.Ю. Бялзор получил звание генерал-лейтенанта с утверждением в должности начальника дивизии.

Юлиан Юлианович Бялзор был награждён орденами: Св. Георгия 4-й степени (1 ноября 1915 г. за отличие в бою с австрийцами 20 октября 1915 г.²¹) и 3-й степени (7 октября 1916 г.²²), Св. Владимира 4-й степени (3 декабря 1908 г. за 25-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах), 3-й степени (25 февраля 1911 г.) и 2-й степени с мечами (13 октября 1915 г.), Св. Анны 3-й степени (28 декабря 1897 г.), 2-й степени с мечами (15 июня 1901 г.) и 1-й степени (13 мая 1915 г.), Св. Станислава 3-й степени (25 мая 1893 г.), 2-й степени с мечами (27 января 1901 г.) и 1-й степени (6 декабря 1913 г.), Двойного дракона 3-й степени 2-го класса (Китай), Короны 3-й степени и Красного Орла 4-й степени (Пруссия), Дракона (США), золотым оружием с надписью «За храбрость» за бой на Цинаджоуской позиции под Порт-Артуром 13 мая 1904 г. (30 января 1906 г.). Кроме того Ю.Ю. Бялзор был награждён медалями: в память царствования Александра III, военных событий в Китае 1900–1901 гг., с бантом за участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг., в память 300-летия Дома Романовых, за труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г. для ношения на груди на ленте цветов ордена Белого Орла и награудным знаком в память 50-летнего юбилея покорения Восточного Кавказа²³.

В сентябре 1917 г. Ю.Ю. Бялзор был назначен временно исполняющим обязанности командующего 9-й армии, входившей в состав Румынского фронта²⁴. В феврале 1918 г. генерал распустил 2-ю бригаду (ок. 800 чел.), стоявшую под Кишинёвом²⁵. Именно из этой бригады вышел знаменитый впоследствии полковник Дроздовский. С 1920 г. жил в Вильно в собственном доме на Зверинце. 27 декабря 1926 г. на собрании группы русских инвалидов в Вильно была создана

²¹ «За то, что в ожесточённом бою 20 октября 1915 г. в районе г. Чарторийска, когда противник, ведя энергичное наступление превосходными силами, прорвал расположение 6 и 7 стрелковых полков, лично повёл в бой резервы и руководил действиями их, чем и восстановил положения». Цит. по: Кавалеры ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевого оружия. Белград, 1935. С. 98.

²² «За то, что в боях 22 и 31 мая 1916 г. на фронте 40 армейского корпуса, командуя 2-й стрелковой дивизией, предварительно детально изучив расположение неприятеля на своём участке, заблаговременно тщательно подготовил операцию в пехотном, артиллерийском и инженерном отношениях, лично руководил действиями своей дивизии с ближайшего на передовой линии наблюдательного пункта, прорвал фронт неприятеля, последовательно захватив три линии сильнейших его позиций, и отбил энергичную контратаку. Перешёл затем в преследование, опрокинул врага с трёх занимавшихся им укрепленных позиций, стремительно продвинулся вперёд, достиг реки Стыри, лично руководил наводкой моста, перешёл реку и захватил неприятельские позиции на западном берегу её». Цит. по: Кавалеры ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевого оружия... С. 98.

²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Т. 43. Д. 25176 (1909 г.); Ф. 409. Оп. 1. П/с № 249–408 (послужной список на 29 марта 1916 г.). Л. 114об.–125об.; Адрес-календарь Российской Империи за 1912 г. // <http://www.george-orden.nm.ru/Port/belozor.html>

²⁴ <http://glory.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=21&page=4&lb=1>

²⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба ген. Корнилова (август 1917 г. – апрель 1918 г.). М., 1991. С. 328–329.

Секция русских военных инвалидов-эмигрантов при Виленском русском обществе²⁶. Её деятельность по оказанию помощи русским инвалидам распространялась на всю территорию Польши. Председателем правления стал генерал-лейтенант Ю.Ю. Бялзор, затем полковник Л.Т. Матвеев. В 1928 г. на базе Секции был образован Союз русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше.

Генерал был женат на дочери дворян Могилевской губернии Иосифа и Элеоноры Глеб-Кошанских – Марии (родилась в 1868 г. в поместье Соханы под Могилёвом, умерла 5 июня 1950 г. в Гожуве Велькопольском)²⁷. От этого брака родилось трое детей.

1. Елена, родилась 5 апреля 1892 г., умерла в 1908 или 1911 г. (самоубийство)²⁸;

2. Николай, родился 25 октября 1893 г., умер в 1918 г.²⁹ Окончил Тверское кавалерийское училище в 1914 г. Штабс-ротмистр 13-го уланского полка, офицер Вооруженных сил Юга России в Войсках Новороссийской области³⁰. Разыскивался осенью 1919 г. как пропавший без вести³¹.

3. Георгий, родился 18 февраля 1901 г. в Новокиевске³², крещён 19 апреля 1901 г., умер в 1945 г. (?) в Бухенвальде (?)³³. Вольноопределяющийся 13-го уланского полка. В Вооруженных силах Юга России в Войсках Новороссийской области. Разыскивался осенью 1919 г.

²⁶ Путеводитель. Т. 4: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории белого движения и эмиграции. М., 2004. XVIII. С. 543. В указанном архиве хранятся следующие документы Секции и Союза (Ф. Р-6124. Оп. 1. 10 ед. хр., 1926-1927 гг.): протоколы совещания инициативной группы русских военных инвалидов 19 сентября 1926 г. и общего собрания 27 декабря 1926 г., переписка с Главным правлением зарубежного Союза русских военных инвалидов, Союзом объединенных эмигрантских организаций в Польше, Русским попечительным об эмигрантах комитетом в Польше и другими организациями – членами Секции об оказании помощи инвалидам-эмигрантам; списки и сведения о членах секции; оправдательные документы (счета, расписки) о получении ссуд, книги казначея.

²⁷ Любопытно, что в бою под Кинджоу (1904 г.) в одном полку с Бялзором ординарцем полковника Н. Третьякова, непосредственного командира Бялзора, служил поручик Глеб-Кошанский (имя и отчество в книге Третьякова не указаны).

²⁸ По сведениям, сообщенным Светланой Георгиевной Бялзор, это несчастье случилось либо в апреле 1908 г., либо в декабре 1911 г. На эти даты косвенно указывают данные послужного списка генерала от 1916 г.: во-первых, он брал отпуск 21 апреля 1908 г. на 27 дней, а 20 мая 1908 г. этот отпуск был продлён ещё на 14 дней и затем (3 июня 1908 г.) ещё на 14 дней; во-вторых, с 20 декабря 1911 г. генерал находился в шестинедельном отпуске и возвратился в полк лишь 9 февраля 1912 г. Кроме того, по сведениям той же С.Г. Бялзор Елена воспитывалась в Смольном институте благородных девиц. Как многие выпускницы этого учебного заведения, она была неприспособлена к реальной, в том числе семейной жизни, имела идеализированные представления о ней. Елена без памяти влюбилась в первого встретившегося ей на балу мужчине – некоего Новидко, который был значительно старше её и к тому же двоюродным братом её матери. В то время он был (по данным С.Г. Бялзор) комендантом Петропавловской крепости и известным в Петербурге повесой. Мария, мать Елены, делала всё возможное, чтобы не допустить этого брака, но никакие увещевания не помогли. Через некоторое время Елена поняла, что из себя представляет её муж, и застрелилась в канун Нового года в возрасте 18 лет (в таком случае годом смерти Елены скорее следует считать 1911 г.). Однако, возможно, не всё в этой семейной легенде правда. В частности, в книге Н.П. Черепнина «Императорское Воспитательное общество благородных девиц» (Пг., 1915), где перечислены все выпускницы Смольного института вплоть до 1915 г., Елены Бялзор нет. Возможно, Елена не окончила институт (из-за самоубийства) или просто выбыла из него ещё до своей любовной истории (или из-за неё), а, возможно, училась в другом, менее престижном институте благородных девиц. Таким образом, историю жизни и смерти Елены ещё предстоит тщательно расследовать.

²⁹ По сведениям Светланы Георгиевны Бялзор.

³⁰ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 73.

³¹ Там же.

³² Скорее всего, речь идет о с. Ново-Киевское (Новокиевск) Посьетского р-на Хабаровского края. Однако, возможно, это Новокиевск Иркутской области.

³³ По сведениям его дочери Светланы Георгиевны Бялзор.

как пропавший без вести³⁴. После Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции, член Союза российских студентов³⁵. В 1920-х гг. окончил Высшую школу политических наук в Вильно, референт по безопасности Виленского воеводства³⁶. В 1931 г. организовал в Вильно отделение Российского общевойскового союза (РОВС), в 1934 г. создал его «боевую группу» в составе 8 человек и руководил ею³⁷. Группа якобы была тесно связана со 2-м отделом Главного штаба Польской армии, использовавшего членов РОВС в качестве агентов, забрасываемых в СССР со шпионскими, диверсионными и террористическими заданиями. Например, в 1935 г. 2-й отдел польского Главного штаба якобы «забросил в СССР члена РОВС Сергея Осиповича Гурина, который был схвачен в Ленинграде, разоблачён как террорист и расстрелян вместе с другими террористами в связи с убийством С.М. Кирова»³⁸. После начала Второй мировой войны Г.Ю. Бяллзор участвовал в сопротивлении в Замостье, после начала Великой Отечественной войны и занятия немцами Вильно переехал туда с семьёй к своим родителям, получил работу в городке Воропаево под Вильно. После начала советского партизанского движения в лесах поступил в бригаду полковника Родионова, сформированную из советских военнопленных для поддержки немецких войск, но на самом деле имевшую связь с партизанами³⁹. Через неделю после поступления Георгия Бяллзора в бригаду вся бригада перешла к партизанам. В 1943–1944 гг. он был партизаном советской 1-й антифашистской бригады, сражавшейся в Восточной Белоруссии. Узник концлагеря Бухенвальд⁴⁰.

Георгий Бяллзор был женат на Марии Михайловне, урождённой Кашубской (родилась 5 мая 1905 г. в Челябинске, умерла 19 января 1995 г. в Гданьске), дочь юриста (прокурора?) Михаила Кашубского и Анны Фёдоровны, урождённой Архиповой. После Второй мировой войны Мария работала государственным чиновником в Польше. Дочь Георгия и Марии Бяллзоров и внучка генерала Светлана Георгиевна Бяллзор – профессор химии Политехнического института в Гданьске.

II

Род Бяллзоров в определённой степени уникален своим вкладом в историю христианства, дав миру трёх епископов: католического Виленского епископа Ежи Бяллзора (умер в 1665/1667 г.), униатского Пинского епископа (1665–1666 гг., одновременно архимандрит базилианского монастыря Св. Троицы в Вильно и Лаврышевского монастыря), затем митрополита Марциана Бяллзора (годы жизни: ок. 1627–1707) и, наконец, православного епископа Александра Адольфовича Бяллзора (годы жизни: 1866–1933).

³⁴ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии... С. 73.

³⁵ «Zachodnia Białoruś». 17.XI.1939 – 22.VI.1941. Wydarzenia i losy ludzkie. Rok 1939. Oficyna wydawnictwa Rytm. Warszawa, 1998. S. 304.

³⁶ По сведениям его дочери Светланы Георгиевны Бяллзор.

³⁷ Согласно протоколам допросов в НКВД Анатолия Казимировича Сватко, Андрея Александровича Ипотовича, Дмитрия Даниловича Афанасьева. См.: «Zachodnia Białoruś»... S. 75, 301–302, 304, 306.

³⁸ Показания Анатолия Казимировича Сватко. См.: «Zachodnia Białoruś»... S. 302.

³⁹ По сведениям его дочери Светланы Георгиевны Бяллзор.

⁴⁰ По сведениям его дочери Светланы Георгиевны Бяллзор.

В XVII–XIX вв. многие представители рода щедро жертвовали на нужды церкви (в основном Римско-католической)⁴¹. Почти в каждом поколении той или иной ветви рода были духовные лица. Некоторые из них вошли в историю Великого княжества Литовского и Польского королевства. Например, виленский каноник Кшиштоф Бялзор (умер в 1741 г.) в 1698 г., будучи королевским секретарём, купил дворец «Под Бляхой» в Варшаве⁴² и отдал его в пользование князю Ежи Доминику Любомирскому; позднее каноник был наряду с Коцеллом и князьями Огинским и Вишневецким одним из вдохновителей и главных участников «домовой войны» литовской шляхты против Сапег, а затем и их союзников шведов. В 1702–1703 гг. каноник был послом литовской шляхты при Петре I.

Другой яркий представитель рода, принявший духовный сан, – виленский референдарий, королевский секретарь и прелат виленского капитула Ян Кароль Бялзор (умер в 1631 г.), один из образованнейших людей своего времени⁴³.

Будущий православный епископ Александр Адольфович Бялзор родился 1 января 1866 г. в Бобруйске Минской губернии и был крещён 6 января 1866 г. в Николаевской церкви Бобруйска⁴⁴. Его отец – Адольф Бялзор, родившийся 16 июня 1843 г. в мызе Карольполь Бобрского римско-католического прихода и крещённый 17 июня 1843 г. в Бобрском римско-католическом костёле, был сыном Антона Францевича и Михалины, урождённой Выжиковской, Бялзоров⁴⁵. В 1867 г. Адольф был секретарём Бобруйской городской полицейской управы, коллежским секретарём, затем губернским секретарём⁴⁶. Мать Александра Адольфовича – Ольга Григорьевна; девичья фамилия её неизвестна. Родители А.А. Бялзора развелись не позднее 1869 г.

В 1869 г. Александр переехал с матерью в Тифлис. После смерти матери (1874 г.) его воспитывала женщина, ранее помогавшая ей по хозяйству. Затем Александр жил в архиерейском доме в Астрахани, где его опекал епископ Евгений (Шерешиллов, с 1869 г. епископ Ставропольский), «отличавшийся исключительным благочестием и милосердием»⁴⁷. В 1884 г. Александр окончил Ставропольскую духовную семинарию. В 1886 г. будущий епископ тайно уехал в

⁴¹ Только в Тельшевской епархии (в нынешней Литве) на средства Бялзоров построены: в Вилкомирском деканате – деревянные церкви прихода во имя Божьей Матери (5 класса), 1826 г. в Погирах; церковь прихода во имя Св. Троицы (5 класса), 1781 г. в Водоклах (построена на средства помещика Онуфрия Бялзора); часовня во имя Христа Спасителя, 1817 г. в Водоклах; в Кроковском деканате – деревянная церковь во имя Св. апостолов Петра и Павла, 1712 г. в Василюшках; каменная приходская церковь во имя Пресвятой Богородицы (5 класса), 1618 г.; в Поневежском деканате – деревянная филия во имя Св. Карла Боромея церкви прихода во имя Св. Матвея и Евстафия (4 класса) в Новоместе, 1742 г. в Уните. См.: <http://www.petergen.com/bovkalo/sp/tels1880.html>

Иоанна Эльжбета, урождённая Долгат-Исайковская, жена Кшиштофа Бялзора, хорунжего Великого княжества Литовского (умер в 1687 г.), в 1680-х гг. организовала строительство деревянного костёла и основание монастыря доминиканцев в Дуниловичах Опшмянского повета.

⁴² *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Warszawa, 1893. T. XIII. S. 38.*

⁴³ О епископах Ежи и Марциане, канонике Кшиштофе и прелате Яне Кароле есть статьи в «Польском биографическом словаре» (*Polski Słownik Biograficzny. Kraków, 1936. T. 2. S. 8–12.*)

⁴⁴ НИАБ. Ф. 333. Оп. 9. Д. 788. Л. 15–16.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 7738. Л. 31–31об.

⁴⁶ Адрес-календарь Российской Империи за 1869–1870 гг.

⁴⁷ Православная энциклопедия / Под общ. ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II. М., 2000. Т. 1. С. 492–493.

Смоленск, предполагая заняться артистической деятельностью, однако, тяжело заболев, вернулся. В неустановленный период в течение двух лет он был послушником Александро-Свирского монастыря⁴⁸. В 1890 г. А.А. Бялзор стал делопроизводителем при Ставропольском архиерейском доме, в 1891 г. – диакон, в 1892 г. – священник, служил в храме великомученика Пантелеимона в Ейске, был учителем Закона Божьего в городских духовных училищах. Протоиерей при Вознесенской богадельненской церкви в Ейске (1910, 1912 гг.), жил в собственном доме. Ежедневно литургисал⁴⁹.

Указом от 25 июля 1915 г. по распоряжению благочинного Ейского округа отца Василия Новака, священник Капитон Виноградский в сослужении отца Василия Крутченского, отца Александра Бялзора, диакона Андрея Гончарова в присутствии представителей города Ейска, членов строительного комитета и молящихся заложили церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы⁵⁰.

В 1922 г., после смерти жены, Александр Адольфович принял монашество, был хиротонисан в епископы Ставропольского обновленческой церкви, в 1923 г. – в епископы Таганрогского, викарии Ростовской епархии той же церкви. В сентябре 1923 г. по совету православных Таганрога епископ Александр выехал в Москву, принёс покаяние и был принят Патриархом Тихоном в общение с Русской Православной Церковью в сущем сане. Патриарх Тихон подарил ему омофор и антиминс, и Бялзор возобновил ежедневное богослужение в Ейске. В 1930 г. он обратился к заместителю местоблюстителя патриаршего престола митрополиту Сергию (Старогородскому) с просьбой вернуть ему епархию и был назначен епископом Барнаульским⁵¹, а в 1931 г. – епископом Ростовским. В 1932 г. по состоянию здоровья подал прошение об увольнении и поселился в Ейске.

18 января 1933 г. епископ Александр был арестован ОГПУ и ложно обвинён в организации руководимой из-за рубежа церковно-монархической группы «Южно-Русский Синод» и в работе повстанческих ячеек. Под давлением следствия признал себя виновным. 7 мая 1933 г. на заседании тройки при ПП ОГПУ СКК приговорён к расстрелу, в тот же день приговор был приведён в исполнение⁵². Верующие любили и почитали епископа Александра. Епископ был среднего роста, тучный от болезни сердца и желудка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. епископ Бялзор был реабилитирован.

Александр Адольфович Бялзор был женат на дочери жандармского генерал-майора Николая Николаевича Обуха, который в 1912 г. проживал в Санкт-Петербурге на ул. Сергиевской, д. 18. От этого брака родилось трое детей.

⁴⁸ http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_680 Свято-Троицкий Александро-Свирский мужской монастырь находится в 170 км от Петрозаводска на территории Ленинградской области.

⁴⁹ http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_680

⁵⁰ <http://www.sannicola.ru/news/379.html>

⁵¹ Самостоятельная Барнаульская епархия, которая с 1937 г. именовалась Барнаульской и Бийской, была образована в 1930 г., возглавлял её епископ Александр (Бялзор). См. <http://bdu.eparhia.ru/history/>

⁵² http://www.kubanmemo.ru/bookmemo/content_table.php?alpha=Б&page=35 На момент ареста проживал в Ейске, ул. Розы Люксембург, д. 78.

1. Глеб, родился 14 августа 1892 г., дата смерти неизвестна. Окончил 1-е отделение Ставропольской духовной гимназии (1914 г.) по 1-му разряду⁵³ и Александровское военное училище (1 декабря 1914 – 1 мая 1915 г.), прапорщик по армейской пехоте (1 мая 1915 г.), в бою с австрийцами ранен в кисть правой руки (27 октября 1915 г.), подпоручик 10-го пехотного Ново-Ингерманландского полка (30 января 1916 г.), награждён орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» (12 июня 1916 г.)⁵⁴.

2. Кирилл, родился 14 апреля 1894 г., дата смерти неизвестна. Один год учился в Алексеевском Екатеринодарском духовном училище (1-й класс), 1 июня 1911 г. окончил частное реальное училище К.К. Мазинга в Москве⁵⁵ (4–7 классы), а 26 мая 1912 г. – дополнительный класс там же. Учился в Ейском реальном училище (продолжение военного обучения), прошёл ускоренный курс Михайловского артиллерийского военного училища по 2-му разряду (1 ноября 1915 г.). В ноябре 1915 г. Кирилл был младшим фейерверкером 2-й, затем 3-й батареи 1-го запасного артиллерийского дивизиона. 21 марта 1916 г. стал прапорщиком⁵⁶.

3. Зоя, родилась 6 февраля 1900 г. Определена на кошт отца в Московский Александровский институт благородных девиц⁵⁷ (1910 г.), который закончила в 1917 г.⁵⁸ Любопытно, что Зоя училась в этом институте в то же время, что и её троюродная тётка Ольга Николаевна Ермолаева (1896–1979), мать которой, Екатерина Феликсовна, урождённая Бялотор (1864–1934), была дочерью Феликса Францевича Бялотора – брата Антона Францевича (дед епископа Александра). Однако, по-видимому, ни одна, ни другая институтка об этом не знали, что свидетельствует о том, что их круг общения ограничивался, скорее всего, их одноклассниками и преподавателями и не распространялся даже на учениц других классов.

К сожалению, дальнейшая судьба детей епископа Александра Бялотора не известна. Автор был бы очень благодарен за любую информацию, которая могла бы помочь восстановить историю рода Бялоторов (Бяллоторов).

⁵³ <http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/stavropolesem.html>

⁵⁴ РГВИА. Ф. 409. П/с 120–225 (1915 г.).

⁵⁵ Карл Карлович Мазинг (1849–1926) – известный русский математик, педагог и инженер, председатель Московского отделения Императорского русского технического общества. В 1870 г. впервые организовал специальные вечерние рабочие курсы, классы и реальные училища в Петербурге и Москве, дающие возможность получить школьное и высшее образование.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Т. 36. Д. 36446 (1917 г.).

⁵⁷ Этот институт размещался в Москве по ул. Достоевского, д. 4 и был построен в 1811 г. архитектором Д.Б. Жилярди. Здание изначально предназначалось для Вдовьего дома, но он там никогда не находился (был размещен на Кудринской площади). Сначала здание было училищем для детей неимущих дворян и разночинцев, а в 1892 г. стало институтом.

⁵⁸ ЦГИА Москвы. Ф. 239. Оп. 2. Д. 438.

А.А. КРЫСЬКОВ
г. Тернополь

ПОЛИТИКА ДЕПОЛОНИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ НА ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ (1861–1883 гг.)

После буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в. капитализм начал быстро развиваться во всех сферах общественного производства, в том числе и в сельском хозяйстве Правобережной Украины, состоящей из Вольнской, Киевской и Подольской губерний. Движение помещичьего землевладения в этом регионе пореформенного периода известно преимущественно по материалам и исследованиям, посвящённым концу XIX – началу XX в. Меньше известно о начальном этапе земельной мобилизации, решающую роль в котором сыграла государственная политика уничтожения польского землевладения. Выяснение этого вопроса является важным, поскольку после отмены крепостного права основным показателем достатка дворянства стала земельная собственность.

Вопрос дворянского землевладения данного периода на Правобережье Украины не был предметом комплексного исследования, хотя отдельные аспекты проблемы нашли своё отображение в ряде монографий и статей¹. Однако анализ помещичьего землевладения именно этого периода составляет значительный исследовательский интерес, ведь именно тогда оно стало заложником правительственной политики русификации, а экономические факторы отошли на второй план.

Как известно, в результате второго (1793 г.) и третьего (1795 г.) разделов Речи Посполитой Правобережная Украина отошла к Российской Империи. Польское меньшинство, составляя менее 10 % населения региона, тем не менее, сохраняло черты закрытой, корпоративной общины, занимало ключевые позиции в экономической, политической и культурной жизни края. Кроме того, позиции польского меньшинства усиливались тем, что здесь до 1840-х гг. действовали отдельные положения Литовских уставов, Конституции Королевства Польского, польский язык оставался доминирующим в общении, дело- и судопроизводстве, бюрократический аппарат Правобережной Украины состоял в основном из польских дворян, привилегиями пользовались польское образование и Римско-католическая церковь.

¹ Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX века). М., 1969; Гуржій І.О. Україна в системі всеросійського ринку 60–90-х років XIX ст. Київ, 1968; Записка о землевладении в Юго-Западном крае / Сост. И. Рудченко. Киев, 1882; Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904. М., 1979; Леуценко М.Н., Мамалига А.І. Аграрно-капіталістична еволюція поміщицьких господарств Подільської губернії в 1861–1900 рр. // Український історичний журнал. 1976. № 9. С. 81–92; Павлюк В.В. Магнатерія Волині в умовах розвитку ринкових відносин у другій половині XIX ст. // Український історичний журнал. 2000. № 1. С. 102–108.

Ещё при Екатерине II началось наступление на польское землевладение, хотя польские магнаты и не были обойдены «монаршей милостью». За период 1793–1795 гг. часть государственных и конфискованных земель в Брацлавской, Волынской и Подольской губерниях были отданы генералам Кузузову, Маркову, Ферзену. Большие земельные владения получили Безбородко, Морков, Новосильцев, Репнин; 65 высокопоставленным лицам было подарено 79 550 крестьян². 17 декабря 1795 г. племянницам князя Потёмкина графиням Браницкой и Скваронской в Подольской губернии «на вечные времена» были подарены секвестрованные местечко Черче и 17 сёл с населением в 3736 крестьян мужского пола³. 18 августа 1795 г. графу Моркову было отдано «на вечное и потомственное владение, со всеми землями и угодьями» секвестрованное староство Летичевское без уездного города Летичев⁴. Также Моркову было подарено в Каменецком уезде 10 сёл (1548 крестьян мужского пола). В Ушицком уезде было подарено действительному тайному советнику С. Стрекилову 7 сёл, в которых проживало 2204 крестьянина мужского пола, генерал-майору В. Теременеву – 13 сёл с 1541 крестьянином мужского пола и т.д.⁵ Новые чины и звания получили польские дворяне Сангушки, Потоцкие, Ржевусские, Браницкие и др. На Правобережную Украину было распространено действие Жалованной грамоты дворянству⁶.

После вступления на престол Александра I практика дарения государственных имений дворянству продолжалась. Согласно данным по Ольгопольскому, Ямпольскому и Балтскому уездам Подольской губернии, на 1805 г. российским помещикам было здесь подарено 213 996 десятин земли⁷. По данным Подольской казённой палаты, в Каменецком уезде 11 российским дворянам было подарено до 1805 г. 66 сёл и 1 местечко с 12 242 крепостными мужского пола⁸.

Для периода до Польского восстания 1863–1864 гг. в действиях царского правительства на Правобережной Украине довольно чётко прослеживаются три тенденции: 1) ко всем лояльным подданным, которые арендовали государственные имения, продолжали применяться традиционные местные правовые нормы применительно к аренде; 2) из поземельных правоотношений изымались противники российского самодержавия (особенно ярко это проявилось после Польского восстания 1830–1831 гг., когда сотни тысяч представителей польской шляхты были деклассированы, а десятки польских имений были конфискованы и секвестрованы); 3) происходило последовательное проникновение российского законодательства в местные правовые традиции с лоббированием прав на землю российских дворян.

В ответ на Польское восстание 1863–1864 гг. правительство империи, с нарушением основных положений реформы 19 февраля 1861 г., провело 30 июля 1863 г. на Правобережной Украине региональную

² Русский архив. 1873. Кн. 3. С. 2302–2315.

³ К-ПГА. Ф. 227. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 92. Л. 455об.

⁵ Там же. Д. 537. Л. 9.

⁶ Смолий В.А. Возв'єднання Правобережної України з українськими землями в складі Російської імперії // Український історичний журнал. 1974. № 8. С. 61.

⁷ К-ПГА. Ф. 227. Оп. 1. Д. 537. Л. 23об. – 27.

⁸ Там же. Л. 9об. – 10.

земельную реформу. Усилилось государственное вмешательство в естественный процесс мобилизации помещичьих земель. Были изданы указы, которые, во-первых, лишали польских помещиков, принимавших участие в восстании, права на владение имениями, во-вторых, запрещали польским дворянам покупать землю и, в-третьих, вынуждали политически неблагонадёжных дворян-поляков в течение двух лет распродать свои имения. В то же время русским и украинским дворянам предоставлялись льготы для приобретения земель. Всё это способствовало сокращению удельного веса польского землевладения и увеличению площади земель украинских и русских дворян.

5 марта 1864 г. вступили в действие правила о льготах для покупателей польских имений при продаже их с торгов⁹. И если в 1864 г. из 2202 заложенных в кредитных учреждениях имений Правобережной Украины было продано только одно, то уже в 1865 г. на продажу было выставлено: в Киевской губернии – 8, в Подольской – 26 и в Волынской – 17. Однако покупок было мало – в Волынской губернии купили 4 и в Подольской 7¹⁰. Потенциальных покупателей отпугивало существование в имениях сервитутов и чересполосицы. К тому же 15 % имений региона были коллокационными, т.е. находились в одновременной собственности у нескольких помещиков¹¹. Русским и украинским помещикам, имевшим право на покупку, не хватало для этого средств. «Если бы кто-нибудь спросил, что так тревожит в эту минуту, то мы бы, не медля, ответили: отсутствие денег, сплошное безденежье, капиталов абсолютно нет, продажи имений с аукционов остаются без покупателей», – писал украинский помещик Подольской губернии в конце 1860-х гг.¹² Политика взяла верх над экономикой. В 1868 г. известный экономист Ю.Э. Янсон отмечал на этот счёт: «Реформа сделала лёгким переход земель из рук безденежных владельцев в руки людей с деньгами, людей коммерческих. Нигде, по-видимому, не произошёл бы этот переход так быстро и в таких больших размерах, как в Юго-Западном крае, если бы тамошние капиталы допускались к покупке земель; но они к покупке земель не допускаются, ибо находятся в руках евреев»¹³.

В ноябре 1864 г. покупателям непольской и нееврейской национальности при наличии разрешения генерал-губернатора было предоставлено право на правительственную ссуду при покупке польских имений на Правобережной Украине. Закон 10 декабря 1865 г. запретил полякам покупать земельную собственность и обязал их продать с торгов конфискованные и секвестрованные имения¹⁴. Это значительно ускорило рост здесь русского землевладения. Так, за период 1865–1869 гг. русские и украинские помещики при содействии правительства приобрели 1007 имений, за 1870–1876 гг. – 632 имения, за 1876–1881 гг. – 808 имений.

⁹ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 39. № 40656.

¹⁰ Записка о землевладении в Юго-Западном крае... С. 96.

¹¹ Шульгин М. Дворянське та селянське землекористування в Росії та на Україні. Харків, 1927. С. 52.

¹² Цит. по: Слабченко М.Е. Матеріяли до економічно-соціальної історії України XIX ст. Київ, 1927. Т. 2. С. 14.

¹³ Янсон Ю.Э. Влияние реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлебную торговлю в Юго-Западных губерниях // Труды Императорского ВЭО. СПб., 1868. Т. 4. С. 267.

¹⁴ ПСЗ. 2-е собрание. Т. 40. № 42759.

Таким образом, за 15 лет поляки на Правобережной Украине потеряли 2271 имение (1 613 тыс. десятин земли)¹⁵. Кроме того, богатые землевладельцы из России покупали имения у поляков и без помощи правительства. Например, П.М. Балашёв через своих агентов приобрёл большое Шпиковское имение у польского помещика Свейковского. На имении был долг в 900 тыс. р Балашёв скупил все кредитные обязательства Свейковского и вынудил его продать имение за 450 тыс. р¹⁶. После покупки Шпиковского имения (6617 десятин) Балашёв приобрёл за 1866–1872 гг. имения у помещиков Домбровского (2715 десятин) и Собанского (2316 десятин)¹⁷. Следовательно, на начало 1870-х гг. Балашёв стал владельцем 12 047 десятин земли в Подольской губернии.

По политическим соображениям правительство Российской Империи для обеспечения преимуществ русского землевладения на Правобережной Украине пошло на продажу государственной земельной собственности на льготных условиях лицам, которые либо здесь служили, либо их поселение в регионе было признано целесообразным для усиления российского присутствия. На условиях льготной инструкции от 23 июля 1865 г. на Правобережной Украине было продано с беспроцентной рассрочкой выплат на 20–37 лет 355 имений (143 788 десятин). Средняя стоимость десятины при продаже составляла 18,90 р, тогда как по оценкам банков стоимость десятины была 43,55 р¹⁸. Кроме того, в начале 1864 г. Министерство государственного имущества продало на льготных условиях в Балтском уезде Подольской губернии группе отставных высших офицеров около 30 тыс. десятин земли по цене от 9 до 15 р за десятину с рассрочкой на 36 лет и освобождением от уплаты на первые 6 лет¹⁹.

Привлекает внимание и тот факт, что мобилизация земельной собственности происходила и незаконными путями. Это касается евреев, которые в эти годы стали основными арендаторами польских помещичьих имений, а фактически – полными их владельцами. Об этом генерал-губернатору сообщал подольский губернатор в 1870 г. Он указывал на то, что во время восстания 1863–1864 гг. помещики-поляки тайно проводили сбор средств в своей среде для поддержки повстанцев, многие из них стали должниками евреев-кредиторов. Когда же кредиторы начали требовать уплаты долга, помещики-поляки были вынуждены отдавать имения им в длительную аренду, даже предоставляя арендаторам права вотчинника²⁰.

Таким образом, мобилизация помещичьей земли в первые пореформенные десятилетия носила, главным образом, внутрисословный характер. Будучи наибольшим продавцом на земельном рынке, дворянство в то же время выступало и основным покупателем, покупая земли больше, чем все другие состояния. Об этом свидетельствуют данные табл. 1²¹.

¹⁵ Записка о землевладении в Юго-Западном крае... С. 97–98.

¹⁶ Мамалыга А.И. Капиталистическая эволюция помещичьих и крестьянских хозяйств Подольской губернии в пореформенный период (1861–1900 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Каменец-Подольский, 1978. С. 77.

¹⁷ Фридрих И.Ф. Обзор лесного хозяйства в Рахно-Шпиковском имении Его Превосходительства Николая Петровича Балашёва. Немиров, 1896. С. 3.

¹⁸ Записка о землевладении в Юго-Западном крае... С. 99.

¹⁹ Мамалыга А.И. Капиталистическая эволюция помещичьих и крестьянских хозяйств... С. 76.

²⁰ Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 442. Оп. 50. Д. 369. Л. 3.

²¹ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России... С. 56.

Таблица 1

Оборот дворянского землевладения в процентах к 1862 г.

Регион	Год				
	1862	1867	1872	1877	1882
Правобережная Украина	100	101	99	97	95

В табл. 2²² показано поэтапное сокращение польского землевладения в пользу русского и украинского.

Таблица 2

Соотношение польского и русского землевладения на Правобережной Украине в 1863–1880 гг.

Губерния	1863–1865 гг.				1870 г.				1880 г.			
	Количество владельцев, тыс. чел.		Земля, тыс. десятин		Количество владельцев, тыс. чел.		Земля, тыс. десятин		Количество владельцев, тыс. чел.		Земля, тыс. десятин	
	русские	поляки	русские	поляки	русские	поляки	русские	поляки	русские	поляки	русские	поляки
Киевская	280	1055	403	1732	454	904	686	1317	568	837	826	995
Подольская	232	1321	194	1439	425	1149	413	1168	767	1365	673	1012
Волынская	156	2467	146	2776	417	1951	395	2307	1761	2525	1010	1957
Всего	668	4843	742	5947	1296	4004	1493	4792	3096	4787	2510	3018

Таким образом, в исследуемый период в центре процесса мобилизации земельной собственности был, с одной стороны, переход помещичьих земель от польских к русским и украинским дворянам (с 1865 по 1881 г. польское землевладение уменьшилось с 5947 тыс. десятин до 3962 тыс. десятин), с другой – последующая концентрация земель в руках крупных владельцев. Русское и украинское дворянство в полной мере воспользовалось льготами со стороны правительства империи в процессе земельной мобилизации на Правобережной Украине в первые пореформенные десятилетия. В 1880-х гг., по мере развития земельного кредита в регионе, польское землевладение, особенно крупное, стало более устойчивым.

²² Записка о землевладении в Юго-Западном крае... Приложения.

В.А. НЕСТЕРЕНКО
г. Каменец-Подольский

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВЯМИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Большое внимание отечественных и зарубежных исследователей продолжает вызывать история межконфессиональных отношений в разных регионах Украины. В этой связи значительный интерес представляет изучение отношений между Римско-католической и Православной церквями Правобережной Украины, которая находилась на границе западноевропейской и православно-христианской цивилизаций (по терминологии известного английского историка Арнольда Тойнби). Пограничное положение Подолья и Вольны привело к возникновению особых отношений между этими конфессиями и определённой религиозной и культурной диффузии.

Речь пойдёт об отношениях между католиками и православными Правобережной Украины во второй половине XIX – начале XX в. Эта историческая проблема частично уже нашла своё отображение в историографии. Впервые её рассмотрел в своих трудах выдающийся украинский историк и этнограф М.П. Драгоманов¹. Он затронул вопрос об этнических украинцах, которые принадлежали к римско-католической конфессии, проанализировал особенности их духовной культуры. По его мнению, подавляющее большинство католиков Правобережной Украины составляли потомки украинцев – греко-католиков, которые после ликвидации в 1839 г. греко-католической конфессии присоединились к Римско-католической церкви.

Немало материалов, посвящённых этой исторической тематике, мы находим на страницах печатных органов Подольской и Вольнской православных епархий. Местные священники тщательно изучали быт и культурные особенности здешних жителей, при этом преследуя прагматичную цель – более эффективно проводить борьбу против тамошних католических ксёндзов.

В советские времена этот вопрос изучался под углом тогдашней официальной теории «слияния наций». Именно в таком ключе написано в целом содержательное диссертационное исследование

¹ Драгоманов М.П. Евреи и поляки в Юго-Западном крае // Вестник Европы. 1875. Т. IV (54). С. 133–179.

В.К. Борисенко². Главное внимание исследовательница уделила анализу связей между православными-украинцами и католиками-поляками в сфере материальной культуры (ремёсла, характер земледелия, еда и т.п.) и межэтнических семейных отношений. В то же время вопрос о взаимоотношениях между поляками и украинцами Подолья в сфере духовно-религиозной культуры был упущен, что вполне понятно в условиях доминирования в тогдашней советской исторической парадигме идеологии марксизма-ленинизма.

Новый интерес к тематике нашего исследования возник в конце XX в. В это время в Украине выходит немало трудов, в которых детально освещается культурно-религиозная жизнь поляков Правобережной Украины второй половины XIX – начала XX в. Среди них особо следует отметить исследования И.Т. Лисевича³. В его работах особенно ярко проанализирован характер царской политики по отношению к польскому населению Правобережной Украины, описана культурно-образовательная жизнь поляков этого региона. Частично в работах И.Т. Лисевича рассматривается и исследуемая нами тема, однако достаточно бегло. К тому же трудно согласиться с отдельными методологическими основами этих работ. Например, вызывает большое сомнение следующая тезис: «Очевидно, что большинство католиков Правобережной Украины составляли всё же поляки, которые уже были ассимилируемыми или по определённым причинам считали необходимым записаться русскими»⁴. Имеющиеся в нашем распоряжении факты свидетельствуют о несколько иной тенденции.

Таким образом, несмотря на то, что данный вопрос частично уже нашёл своё отражение в работах историков и этнографов, в целом он остаётся недостаточно исследованным. В данном труде мы ставим перед собой следующие задачи: 1) осветить характер культурных связей католиков и православных в крестьянской среде региона; 2) проанализировать характер отношений между руководством Римско-католической и Православной церквей, которые в значительной мере определяли особенности традиционной духовной культуры польского и украинского населения, а также показать их отношение к межконфессиональным контактам и культурным заимствованиям.

Ввиду междисциплинарного характера исследования в работе используются как малоизвестные исторические документы, так и этнографические и культурологические материалы. Это даёт возможность комплексно и всесторонне рассмотреть проблему.

Тщательное исследование религиозной и социально-этнической структуры населения Правобережной Украины (в официальных российских документах того времени этот регион назывался Юго-Западным краем) началось только в середине 1870-х гг. Именно тогда специальная научная экспедиция Юго-Западного отделения Русского географического общества во главе с выдающимся деятелем украинского

² Борисенко В.К. Взаимосвязи в традиционной культуре и быту украинцев и поляков Подолья в конце XIX – начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1974.

³ Лисевич И.Т. У зацінку двоглавого орла (польська національна меншина на Наддніпрянській Україні в другій половині XIX – на початку XX ст.). Київ, 1993; *Он же*. Духовно спрагли. Духовне життя польської національної меншини на Наддніпрянській Україні в 1864–1917 рр. Київ, 1997.

⁴ Лисевич И.Т. У зацінку двоглавого орла... С. 33.

национального возрождения Павлом Чубинским (автором слов украинского национального гимна) комплексно исследовала этноконфессиональный состав населения этого региона. По данным экспедиции, всего в трёх губерниях Правобережной Украины (Волынской, Киевской и Подольской) тогда проживало 4 млн 850 тыс. малороссов (украинцев), 750 тыс. евреев, 91 тыс. поляков, 50 тыс. великороссов, 33 тыс. немцев, 12 тыс. молдаван, 7 тыс. чехов и т.д.⁵

В это же время католиков в Правобережной Украине насчитывалось согласно православным приходским спискам 389 тыс., а по полицейским сведениям – 432 тыс. лиц. Отсюда следует вывод, что П. Чубинский, как и официальные органы власти, далеко не всех католиков считал этническими поляками. Исходя из положений немецкой «романтической школы» (И.Г. Гердер, бр. Шлегель), он за основной критерий этнической идентификации брал языковой фактор, поэтому крестьян-католиков, которые разговаривали по-украински, он автоматически причислил к малороссам (украинцам), а к полякам отнёс только представителей дворянства и других зажиточных прослоек населения, которые считали своим родным языком польский.

Такая точка зрения во второй половине XIX – начале XX в. доминировала в российской и украинской официальной и научной среде. Когда в 1897 г. в Российской Империи была проведена Первая всеобщая всероссийская перепись населения, то главным критерием определения этнической идентификации продолжал оставаться языковой фактор. Так, в Подольской губернии в это время было зафиксировано 69,1 тыс. поляков (2,3 % всего населения), в то время как католиков – свыше 262 тыс. чел.⁶

Эта официальная точка зрения очень расходилась со взглядами крестьян Правобережной Украины, священников Римско-католической церкви, местных польских священников, которые часто отождествляли понятие «католики» и «поляки». На основании этого в польской историографии делается попытка доказать, что почти все католики Правобережной Украины в XIX в. были этническими поляками. Фактически их точку зрения разделяет и И.Т. Лисевич, который даже делает совсем, на наш взгляд, неправильный вывод, что для многих поляков в империи родным языком стал русский. Исследователя, по видимому, ввело в заблуждение то, что в официальных кругах того времени за украинским языком не признавалось право на собственное существование и он считался только диалектом русского.

Детальный анализ данной проблемы сделал М.П. Драгоманов. Рассматривая характер этноконфессиональных отношений в Правобережной Украине, он считал, что в XVIII – начале XIX в., когда ещё действовали ячейки греко-католической конфессии, в тогдашнем местном обществе ещё не было отождествления католицизма и «польскости». Однако после ликвидации в 1839 г. на территории Правобережной Украины Греко-католической церкви и после того, как царская власть устами министра народного просвещения С.С. Уварова объявила известную формулу «самодержавие, православие и народность», Римско-католическая церковь стала приобретать

⁵ Драгоманов М.П. Указ. соч. С. 134.

⁶ Там же. С. 134–135.

всё более польский характер и с середины XIX в. крестьяне начали уже отождествлять понятия «католик» и «поляк». Деятельность местной Православной церкви подвергалась всё большей регламентации, и она стала всё дальше отдаляться от католицизма. Однако, отмечает М.П. Драгоманов, народная жизнь не была некоторое время так жёстко регламентирована, в результате чего католики и православные продолжали поддерживать близкие отношения, заключали браки и т.п. Язык польских магнатов и шляхты всё больше обогащался украинскими словами, а «украинская тема» была любимой для части польских писателей и поэтов (Маврикия Гославского, Вацлава Залесского, Тымко Падуры и др.).

Павел Чубинский в своих работах отмечал, что в середине XIX в. католическая шляхта, польские крестьяне Подольской и Волынской губерний своим бытом и языком почти не отличались от местных православных жителей. Он впервые в научной литературе привёл факты того, что в Правобережной Украине существовали смешанные религиозно-культурные братства, в которые входили как католики, так и православные крестьяне. Во многих городах и городках (Брацлаве, Летичёве, Тарноруде и др.) украинские православные крестьяне посещали службы в костёлах, где участвовали в богослужениях и поклонялись католическим иконам⁷.

Известный деятель украинского возрождения Ф. Рылский (поляк по происхождению) также отмечал, что для крестьян Правобережной Украины были характерны тесные отношения между православными и католиками. Они часто вступали в браки, которые не вызывали осуждения со стороны членов сельских общин. Православные крестьяне нередко заявляли: «Католики и православные верят в одного Бога» и совсем не делали различия между этими двумя вероисповеданиями⁸.

Подобные тенденции доминировали в Правобережной Украине и во второй половине XIX в. Православные священники, которые тщательно исследовали культуру местных крестьян, часто указывали на это. Так, в первом номере «Подольских епархиальных ведомостей» за 1865 г. была опубликована заметка священника Д. Синицкого «Религиозная сторона нашего народа», в которой он детально проанализировал культурно-религиозные взгляды местных «малорусов» (украинцев). По его словам, местное православное крестьянство не проявляло никакой ненависти или неприязни к польскому народу и католикам, не отличалось религиозным фанатизмом. С точки зрения представителя церкви, безразличное отношение православных прихожан к католицизму было следствием незнания основных догматов Православной церкви⁹.

Следует отметить, что подобные настроения были свойственны не только для украинского крестьянства, но и для многих местных православных священников. Даже после Польского восстания 1830–1831 гг., которое непосредственно охватило Правобережную Украину, многие местные православные священники не могли отличить католических

⁷ Драгоманов М.П. Указ. соч. С. 144.

⁸ Рылский Ф. К изучению украинского народного мировоззрения // Украинці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991. С. 46.

⁹ Синицкий Д. Религиозная сторона нашего народа // ПЕВ. 1865. № 1. С. 92–96.

догматов от православных. Во многих православных церквях можно было найти изображения католических святых. Их изъятие из храмов часто вызывало недовольство местных прихожан. Православные священники активно поддерживали отношения с католиками, хорошо говорили на польском языке, знание которого было престижно и даже в известной степени необходимо в обществе того времени. В целом в семьях православных священников доминировали польское влияние и культура, что было отображением тогдашней этносоциальной ситуации на Подолье и Волыни.

Ситуация, правда, несколько изменилась после Польского восстания 1863–1864 гг. Российское правительство приняло радикальные меры по ограничению польского влияния в регионе. Так, все чиновники в Правобережной Украине должны были иметь российское происхождение. Польскую речь и литературу изъяти из программ учебных заведений. Специально созданные духовные православные училища должны были воспитывать будущих священников в духе преданности русской культуре и в антипольском духе, хотя на практике далеко не всегда это всё выполнялось.

Если царизму всё же удалось в определённой степени разъединить местных ксёндзов и православных священников, то ограничить отношения между крестьянами обеих конфессий было намного тяжелее. В течение всей второй половины XIX – начала XX в. отношения между ними продолжали оставаться тесными, что проявлялось во многих сферах народной религиозно-духовной жизни.

Так, «отпусты» (от польск. *odpust* - «отпущение грехов») – ежегодные храмовые праздники – по-прежнему были многолюдны, католики и православные Правобережной Украины собирались вместе и активно общались между собой¹⁰. «Отпусты» как следствие религиозной практики Греко-католической церкви не имели ничего общего с традиционным учением Православной церкви. Они возникли под воздействием католического учения о таинстве покаяния и о путях искупления грехов. У католиков «отпустами» назывались особенные религиозные собрания и молитвы, которые проводились в специальные церковные праздничные дни. Во время «отпуста» верующие после исповеди получали отпущение грехов. У католиков исповедь во время «отпуста» имела большую силу, чем в обычные дни, поэтому в это время в храмы приходило особенно много людей. Такие тенденции в XIX в. стали очень распространёнными не только среди католиков Правобережной Украины, но и среди православных крестьян. Проводили иногда «отпусты» и православные священники, невзирая на негласный запрет местной церковной власти.

В конце XIX в. большинство «отпустов» проходило в тех местностях, где был католический храм с особо почитаемыми святынями. Такими были «отпусты» в Тарноруде и Городке Проскуровского уезда. Особенно много людей посещало храмовый праздник в Летичевском костёле, куда прихожане шли, чтобы поклониться чудотворной иконе Божьей Матери.

¹⁰ А.Н. Историческая справка о происхождении названия «отпуст» и народного взгляда на значение отпустовой исповеди // ПЕВ. 1900. № 17. С. 399–405.

Как уже отмечалось, в Правобережной Украине, кроме католических, были распространены и православные «отпусты». Наиболее известным из них был храмовый праздник в Иоанно-Предтеченской церкви г. Каменец-Подольского (отмечался ежегодно 24 июня)¹¹. В этот день в городе устраивалась большая ярмарка, которую посещали не только местные католики и православные, но и приезжие, даже из Австро-Венгрии.

С особым размахом проходили православные храмовые праздники – «отпусты» в Бакоте – на месте бывшего древнерусского на скального монастыря XII в. Там также проводились большие ярмарки, где можно было купить религиозные книги, крестики и другие предметы церковной утвари.

Православные священники объясняли популярность «отпустов» среди местного крестьянства как бытовыми, так и религиозными причинами. По их мнению, многим православным жителям импонировал католический подход к предпасхальному посту. У католиков пост можно было отбыть и после Пасхи, в то время как у православных – только до этого праздника. Этот взгляд Римско-католической церкви нравился многим православным, которые, избегая порицания своего священника, шли исповедоваться на «отпуст».

В конце XIX в. кое-где православные священники Подолья продолжали (часто под воздействием своих прихожан) придерживаться тех религиозных обрядов, которые не отвечали канонам Православной церкви. По наблюдениям священников из центральных российских губерний, православные обряды в Правобережной Украине имели свои особенности, в чём церковное руководство видело влияние польской культуры и «латинизма».

Так, во многих приходах Подольской губернии православные крестьяне во время молитв над умершими родственниками часто читали молитвы: «Отче наш», «Святая Богородица» и другие, которые по своему содержанию ничего не говорили об умерших. Этот обычай некоторые украинские православные священники позаимствовали у католиков, в среде которых особенной заслугой считалось несколько раз прочитать названные молитвы. Во взгляде крестьян на епитимию как на получение Божьей правды за грехи отчётливо проявлялось католическое влияние. Прихожане часто просили у своих православных пастырей, чтобы они дали им наказание за их грехи, после искушения которых можно было получить Божью милость. Подобная практика также не была каноничной с точки зрения официального православия. Однако она широко вошла в местные крестьянские обычаи и верования¹².

Ещё один типичный пример. Во многих православных храмах Правобережной Украины был очень распространён обряд «вывода молодой». Его суть заключалась в том, что во многих сёлах на второй день после брака молодая жена вместе со свахой и дружкой шла к церкви «к выводу». Накануне, во время свадебного застолья голову молодой жены накрывали намёткой и красной лентой. Этот обряд сопровождался особыми песнями. Ничего подобного в религиозной практике Православной церкви не было.

¹¹ Храмовый праздник в Каменецкой Николаевской церкви // ПЕВ. 1898. № 19–20. С. 515–517.

¹² Черты из религиозной жизни народа // ПЕВ. 1900. № 8. С. 159–172.

Этот обряд также был заимствован местными православными священниками у католиков, у которых молодая жена на второй день после венчания шла к костёлу, где ксёндз читал специальные молитвы и просил, чтобы Бог благословил молодых супругов. Этот обряд ещё в XVII в. вошёл в церковную практику православных Правобережья. Оставили его и греко-католические священники. Крестьяне, привыкшие к этому обряду, продолжали следовать ему. Церковные иерархи Православной церкви считали подобные обычаи ненормальными, но вынуждены были с ними мириться под давлением прихожан.

В 1898 г. руководство Подольской православной епархии провело тщательное обследование церковей Подольской губернии. Было отмечено, что во многих православных церквях Подолья можно увидеть иконы католического типа: Сикстинской Мадонны (копии известной картины Рафаэля), изображение Коронации Божьей Матери и даже рисунки известного в то время французского художника Г. Доре (автора популярных иллюстраций ко многим библейским сюжетам). Особенно часто в православных храмах можно было увидеть иконы Св. Магдалины, выполненные в западноевропейском стиле. В некоторых церквях были литографии, гравюры с изображением святых. Это дало основание для замечаний, что стиль их не совсем православный и что в них много западного духа. Кроме того, в некоторых православных церквях были отмечены скульптуры христианских святых.

С целью недопущения подобной, вредной с точки зрения официального православия практики в «Подольских епархиальных ведомостях» была опубликована заметка православного священника А. Неселовского, в которой отмечалось, что западное христианство постепенно отошло от давних христианских заповедей, в связи с чем оно начало большое внимание уделять пластике, созданию для храмов статуй святых и др. Православная церковь не допускала в своих храмах скульптур святых и запрещала верующим держать их в своих помещениях. Однако во многих домах православных крестьян имелись статуэтки Иисуса Христа, Богоматери, рельефные и литые иконы¹³.

Нарушением православных канонов было и то, что многие православные крестьяне Подолья торжественно отмечали католические праздники (например, Божьего Тела – 14 июня), хотя и не знали о его значении. В то же время в смешанных украинско-польских сёлах православные жители часто совсем не отмечали православные праздники (например, в честь иконы Казанской Божьей Матери), поскольку считали их неважными. Много православных на Святой вечер в канун Рождества употребляли облатки (как это было принято у католиков). В целом же подобных католических обычаев среди православного населения, особенно в смешанных польско-украинских сёлах Подольской губернии, было очень много. Православные крестьяне продолжали считать, что вера у них одна, только католиков крестит ксёндз, а православных – батюшка. Иногда украинские крестьяне под воздействием католиков негативно относились к деятельности православных священников (особенно, если те были выходцами из центральных губерний Российской Империи)¹⁴.

¹³ Обозрение Его Преосвященством церквей и приходов // ПЕВ. 1898. № 25. С. 669; А.Н. О христианской иконографии // ПЕВ. 1898. № 33–34. С. 865.

¹⁴ А.Н. Священник в приходе со смешанным населением // ПЕВ. 1898. № 50. С. 1329–1334.

Местная гражданская и церковная власть провела ряд мероприятий по ограничению католического влияния на православных, однако и в последующие годы в православных храмах Правобережной Украины распространёнными были нарушения официального православия. Об этом в 1907 г. писал священник М. Ястрембский. Обследовав приходы Подольской православной епархии, он констатировал, что значительная часть украинского православного крестьянства пограничных Проскуровского и Каменец-Подольского уездов «поддалась полонизации», что проявлялось в верованиях, обычаях и характере людей. Во многих православных церквях продолжали сохраняться иконы с польскими и латинскими надписями, католические по своей форме. Во время религиозных служб некоторые православные священники всё ещё придерживались католического символа веры – *filioque* («и от Сына») ¹⁵.

Таким образом, несмотря на все запрещения местной власти (и светской, и церковной), ей так и не удалось в Подолье (как и в других губерниях Правобережной Украины) полностью русифицировать Православную церковь, в её религиозных обрядах оставалось много католических элементов.

В конце XIX в. в Правобережной Украине значительно усилилась борьба между руководством православной и католической конфессий, которая всё больше выходила за пределы религиозных диспутов и начала приобретать уже политический характер. Поскольку Римско-католическая церковь фактически выступала в роли консолидирующей силы польской нации, она активно занималась политической деятельностью.

Особенно усилилась конфронтация между православными и католическими иерархами с середины 1880-х гг. В 1889 г. член Училищного совета при Святейшем Синоде Игнатъевич после посещения Каменец-Подольского уезда писал обер-прокурору Синода о том, что влияние католицизма на православных жителей особенно стало ощутимым тогда, когда в 1884 г. вблизи российской-австрийской границы в Галиции были созданы иезуитские миссии, которые секретно посещали и крестьяне-католики из пограничных уездов Подольской губернии. В эти миссиях зачастую бывали и православные крестьяне, которые, возвращаясь домой, брали с собой книги католического содержания. Похожая ситуация наблюдалась также и в некоторых других уездах Подолья: Проскуровском и Летичевском ¹⁶.

Целью католических миссий было не только обсуждение моральных и религиозных вопросов, но и проведение политической анти-русской пропаганды, резкая критика православия и т.п. Те жители пограничных уездов Российской Империи, которые посещали эти миссии, впоследствии начали недоброжелательно относиться к православному сообществу, к российскому общественному укладу, стали говорить исключительно по-польски, мечтали о возрождении Речи Посполитой и т.д. Участились случаи перехода православных

¹⁵ Св. Ястрембский. Остатки унии у православных подолян // Православная Подолия. 1907. № 15–16. С. 342–346.

¹⁶ Латино-польская пропаганда среди православных Подолии в местностях со смешанным населением // ПЕВ. 1897. № 47. С. 1284.

крестьян в католическую веру. Некоторые крестьяне приносили в православные храмы польские молитвенники и читали их во время церковной службы¹⁷.

В конце XIX в. в Правобережной Украине активно действовали разнообразные католические братства и общества: терциарии, гонораты, «ружанца» и др. В них часто записывались и местные православные крестьяне. Бывали такие случаи, когда они возглавляли религиозные братства. Обеспокоенный таким развитием событий подольский губернатор в 1885 г. в своём отчёте императору Александру III говорил об усилении католического влияния в пограничных районах Подольской губернии. Российский император приказал центральной и местной власти обратить особое внимание на этот вопрос¹⁸.

В конце XIX в. католическое духовенство региона, которое почти полностью состояло из этнических поляков, начало формировать у своих прихожан резко негативное отношение к русскому языку и культуре, выступало против сближения крестьян-католиков с православными¹⁹. Кроме того, католическое духовенство неблагосклонно относилось к деятельности русских школ, куда часто местные крестьяне-католики отправляли своих детей. Оно настаивало на открытии тайных школ для католиков, где обучение осуществлялось бы исключительно на польском языке.

Однако большинство местных крестьян-католиков и в дальнейшем поддерживали самые тесные контакты с православными украинскими крестьянами, не проявляя к ним никакой вражды. В конце XIX в. большинство католиков Правобережной Украины отличались от православных крестьян лишь тем, что только молились по-польски, говорить хорошо на польском языке они не умели. Никаких намерений относительно возрождения независимой Польши у них не наблюдалось. Некоторые из них знали, что когда-то существовала Речь Посполитая. Но о возвращении к старым временам с барщиной и крепостническими порядками никто из них даже не думал²⁰.

В период Первой русской революции 1905–1907 гг. царизм под давлением политических неудач был вынужден пойти на некоторые уступки религиозным конфессиям. Новым законом о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. разрешался переход людей из православного вероисповедания в католическое. И уже в 1906 г. свыше 1500 православных жителей Подольской губернии перешли в католицизм²¹. С каждым годом количество таких лиц увеличивалось. Причина этого явления состояла в том, что у католиков была лучше организована приходская жизнь и действовали разнообразные религиозные общины, которые активно помогали людям.

Такие процессы вызвали недовольство местных священников Православной церкви, которые теряли много своих прежних прав

¹⁷ По поводу латино-польской пропаганды среди русского населения нашего края // ПЕВ. 1897. № 5. С. 92.

¹⁸ Латино-польская пропаганда среди православных Подолии... С. 1284–1286.

¹⁹ По поводу латино-польской пропаганды среди русского населения... С. 92.

²⁰ Кое-что из взаимных отношений православных и католиков в местностях со смешанным населением // ПЕВ. 1897. № 40. С. 1112–1116.

²¹ Причины неудовлетворительного состояния православной миссии в Подольской епархии и меры к их устранению // Православная Подолия. 1907. № 1–2. С. 1.

и привилегий. Они начали писать жалобы в центральные и местные органы власти с просьбой возобновить исключительный статус Православной церкви. Приведём только один пример. В 1905 г. к подольскому губернатору А.А. Эйлеру (деду известного учёного-физика, погибшему в 1920 г. в Крыму во время Гражданской войны) поступила жалоба настоятеля православной церкви с. Дорошово А. Длугопольского, в которой он писал, что крестьяне-католики «неправильно пользуются манифестом о свободе вероисповедания» и начали якобы усиливать «репрессивное влияние на увеличение польской национальности, собирались бандами и говорили, что не они (поляки. – В.Н.) живут в России, а Россия – в Польше»²². Подобных заявлений было немало, и они вызывали соответствующую реакцию со стороны местной власти.

18 августа 1905 г. губернский департамент МВД послал подольскому губернатору рапорт, в котором, в частности, подчёркивалось, что выполнение указа о веротерпимости на практике привело к большим трудностям из-за нечёткости самого порядка перехода из православия в католицизм. По мнению руководителя МВД, нужно было оказывать всевозможную поддержку местным православным приходам для борьбы с католическим влиянием и придерживаться строгого порядка отхода от православия. 28 апреля 1906 г. губернатор А.А. Эйлер направил всем начальникам полиции Подольской губернии циркуляр, в котором обязал их привлекать к уголовной ответственности всех римско-католических священников, которые нарушали достаточно сложные требования закона от 18 августа 1905 г.²³

6 марта 1907 г. на заседании Государственной Думы председатель Совета Министров П.А. Столыпин решительно высказался за господствующее положение Православной церкви и дал понять, что католицизм в России не будет полноправной религиозной конфессией. Переход православных в католицизм опять начал жёстко преследоваться²⁴. Не стояло в стороне от этого вопроса и руководство Святейшего Синода, которое резко критиковало указы от 17 апреля и 17 октября 1905 г., направленные на демократизацию общественно-политической и культурно-религиозной жизни Российской Империи. На своём заседании в декабре 1907 г. руководство Синода решительно настаивало на том, чтобы за Православной церковью были сохранены все права и преимущества доминирующей конфессии, чтобы только она могла свободно распространять своё учение, а переход верующих из православия в другие вероисповедания был категорически запрещён²⁵.

В 1912 – начале 1913 г. власти Подольской губернии провели новое тщательное обследование деятельности римско-католических священников. Его следствием стал рапорт начальника Подольского губернского жандармского управления Соколова в марте 1913 г. Он отметил, что идея возобновления Королевства Польского в прежних

²² К-ПГА. Ф. 228. Оп. 1. Д. 7456. С. 11.

²³ Там же. С. 11, 28.

²⁴ Лисевич И.Т. Духовно спрагли... С. 193.

²⁵ Православная Подолия. 1908. № 5. С. 82.

его границах «от моря до моря» находит всё большую поддержку в польском обществе, особенно среди помещиков, владельцев заводов и предприятий. Возглавляет это движение Римско-католическая церковь, представители которой с большой энергией и последовательностью распространяют среди местных поляков идею польской государственности. С этой целью и была создана, по мнению автора рапорта, широкая сеть католических обществ: терциариев, гоноратов, «ружанцев» и др. Было отмечено, что руководство Луцко-Житомирской католической епархии всячески способствует распространению в Правобережной Украине агитации в пользу «католицизма и польщины»²⁶.

В целом же агитация римско-католических священников в Подольской губернии имела значительный успех. И не только у этнических поляков, но и у украинцев-католиков. Об этом свидетельствуют рапорты уездных полицмейстеров подольскому губернатору в 1912 г. В них сообщалось, что подавляющее большинство прихожан костёлов Подолья принадлежит к украинскому крестьянству. Так, в Винницком костёле из 6334 прихожан 4264 составляли этнические украинцы²⁷. Похожая ситуация наблюдалась и в других уездах губернии, за исключением Каменец-Подольского и Проскуровского, где большинство католиков составляли этнические поляки. Костёлы Подольской губернии, невзирая на вялые попытки местной власти русифицировать религиозные службы, продолжали сохранять свой польский характер.

Губернская власть вынуждена была констатировать свою беспомощность в противостоянии деятельности римско-католических священников Подолья. Этим занимался только черносотенный Союз русского народа, ячейки которого были созданы почти во всех уездах губернии. Его деятельность заключалась «в насаждении русских начал и ограждении от ополячивания», однако значительной работы члены этой партии не проводили. Многие местные крестьяне относились к деятельности «черносотенцев» недоброжелательно²⁸.

Кроме того, для борьбы с католическим влиянием в период реакции, наступившей после столыпинского переворота 3 июня 1907 г., в некоторых уездах Подольской губернии начали действовать православные церковно-приходские братства, созданные по образцу католических обществ. Значительную работу проводили православные братства в Виннице и Каменец-Подольском, пытаясь противостоять католическим обществам. Однако их меры были не очень эффективными. Как ни странно, но все православные братства, несмотря на то, что служили верной опорой для Российской Империи и самодержавия, почти никакой помощи от власти не получали и вынуждены были самостоятельно собирать средства среди прихожан. Вследствие этого они так и не смогли конкурировать в своей деятельности с римско-католическими обществами.

Таким образом, отношения между Православной и Римско-католической церквями на территории Правобережной Украины во

²⁶ К-ПГГА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 8833. Арк.19.

²⁷ Там же. Ф. 228. Оп. 1. Д. 8199. С. 23.

²⁸ Там же. С. 24–26.

второй половине XIX – начале XX в. характеризовались сложностью и неоднозначностью. Это было связано с непростыми, а кое-где и враждебными отношениями между католическим и православным духовенством. В то же время в пограничных губерниях Российской Империи (в частности, Волынской и Подольской) православные украинские крестьяне и даже некоторые священники продолжали придерживаться многих обрядов, общих с католической религиозной культурой, запрещённых каноническим синодальным православием. Это способствовало активному заимствованию украинскими православными крестьянами элементов польской этнической культуры. С другой стороны, поляки-католики, постоянно общаясь с украинскими крестьянами, перенимали и некоторые украинские культурные обычаи. Особенно это проявилось в языке общения. Правда, в конце XIX – начале XX в., когда польское сообщество Правобережной Украины во главе с Римско-католической церковью начало активно поддерживать политический курс на возрождение независимой Польши, а руководство Православной церкви вместе с местными гражданскими властями сурово запрещало деятельность католических польских школ и религиозно-культурных обществ, межконфессиональные отношения между католиками и православными были значительно ограничены, хотя определённые контакты остались и в дальнейшем. Но это уже тема для другого исследования.

Л.Г. ПОДЛЕВСКИХ
г. Киров

СИСТЕМА АРЕСТАНТСКИХ РОТ ГРАЖДАНСКОГО ВЕДОМСТВА И ЕЁ РОЛЬ В ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ НАЧАЛА 1860-х гг.

После разделов Речи Посполитой и эпохи наполеоновских войн поляки стали частью населения России, Австрии и Пруссии. В течение XIX в. польский вопрос являлся одним из наиболее сложных в европейской политике в целом и российской внутренней политике в частности. Массовые выступления поляков в XIX в. и карательные действия российского правительства привели к созданию своеобразного явления в жизни России – польской политической ссылки. Одним из видов наказаний, которым подвергались поляки в Российской Империи в 1860-х гг., было заключение в арестантские роты гражданского ведомства.

Арестантские роты были созданы в 1823 г. (военные арестантские роты инженерного ведомства). В 1830 г. были учреждены арестантские роты гражданского ведомства¹. Первые из них были открыты в Новгороде и Пскове. «Записка о сформировании арестантских рот» подчёркивала их необходимость во всех губернских городах России². В 1830 г. было создано восемь рот в Одессе и Новороссии, затем – в Москве, Брест-Литовске, Кронштадте, Киеве, Екатеринославе и других городах. В 1865 г. число их доходило до 32³.

М.Н. Гернет особенно выделял методичность правительства в деле создания этих органов исполнения наказаний: «Николай I предполагал покрыть всю Россию сетью арестантских рот, и ко времени издания Свода законов 1842 г. такие роты уже существовали в 33 городах – в губернских городах на Волге, на Каме, на юге, в северных губерниях, в городах Сибири и в самом центре России»⁴. Роты гражданского ведомства до 1863 г. были подчинены главному управлению путей сообщения и публичных зданий, а с 1864 г. переданы в подчинение губернаторам⁵. В 1870 г. арестантские роты были переименованы в исправительные отделения. На протяжении 1882–1889 гг. в Российской Империи было 32 исправительных арестантских отделения⁶.

¹ Арестантские роты // Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890 г. М., 1990. Т. 3. С. 64.

² ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 3. Л. 1–2, 14–17.

³ Арестантские роты... С. 64.

⁴ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1961. Т. 2. 1825–1870 гг. С. 41.

⁵ ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 11об. – 12.

⁶ Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994. С. 44.

В эволюции арестантских рот гражданского ведомства М.Н. Гернет особенно выделял период второй половины 1840-х гг., когда эти подразделения стали бурно развиваться (в связи с появлением уголовного наказания о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). Он писал: «Уложение 1845 года в отличие от всего предшествующего законодательства наметило... несколько видов лишения свободы. На первое место среди них оно поставило исправительные арестантские роты гражданского ведомства»⁷.

Во второй половине 1840-х гг. заключение в арестантскую роту гражданского ведомства стало самостоятельным, постоянно использовавшимся, снижавшим нагрузку на сибирские губернии видом наказания: «Ссылка на поселение была заменена... ближайшим к ней по тяжести наказанием – исправительными арестантскими ротами, в которые попадало 10,2–13,7 % общего числа всех наказанных»⁸. В 1860-х гг. арестантские роты являлись привычным видом учреждений для исполнения наказаний. Так, в июле 1867 г. были подведены итоги очередной ревизии 11 губернских тюремных замков, 25 уездных тюрем, 4 смирительно-рабочих дома, 9 арестантских рот⁹.

Весьма важен тот факт, что уже в 1840–1850 гг. арестантская рота являлась привычным атрибутом повседневной жизни провинциального города Российской Империи. В этом качестве данное явление может выступать как оценочный критерий при рассмотрении истории повседневности местного общества. Так, Р. Уортман, описывая посещение Николаем I Симбирска 22–23 августа 1836 г., пишет: «После обычной церковной службы и встречи с губернскими сановниками и чиновниками император проследовал для осмотра местного гарнизона и больницы. Больницу он не одобрил и прямо заявил об этом местному приказу общественного призрения». Далее автор описывает предпочтение монарха: «В ответ на объяснение губернатора, что средства были истрачены на новую тюрьму, Николай с гневом возразил, что лучше было бы их потратить на сообразное и удобное помещение для арестантской роты»¹⁰. Явно выказанное пожелание царя демонстрирует предпочтение, отдаваемое носителем верховной власти арестантской роте перед таким привычным атрибутом провинциальной городской жизни, как тюрьма.

В 1864–1868 гг. многие арестантские роты использовались для изоляции политических врагов режима. Рассматривая это явление, М.Н. Гернет подчёркивал, что в 1864 г. из 11 503 осуждённых 60 % были приговорены к лишению свободы в местах заключения, а именно: 19,5 % (2243 чел.) попали на каторгу и 40,6 % (4666 чел.) – в арестантские роты¹¹. Убеждение в необходимости использования арестантских рот для наказания польских однодворцев и мещан было высказано министром внутренних дел П.А. Валуевым в письмах военному министру Д.А. Милютину от 2 и 5 мая 1863 г.¹²

⁷ Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 47.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ Там же. С. 69, 71.

¹⁰ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии (Материалы и исследования по истории русской культуры). Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 403–404.

¹¹ Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 535.

¹² ОР РГБ. Ф. 169. Д.А. Милютин. Оп. 41. Д. 29. Л. 23об., 32–32 об.

В мае 1863 г. для единообразного исполнения наказаний принимаются «Правила о порядке суждения и распределения пленных польских мятежников» и «Дополнительные правила о порядке суждения и распределения пленных польских мятежников»¹³. Третий параграф дополнительных правил устанавливал порядок отбывания наказаний в арестантских ротах. Согласно этим правилам повстанцы, осуждённые в арестантские роты гражданского ведомства, распределялись по разным губерниям (в зависимости от места осуждения). Из губерний Киевского военного округа они должны были следовать в арестантские роты гражданского ведомства Симферопольской, Херсонской, Екатеринославской, Харьковской, Курской, Орловской губерний, из Витебской и Могилевской губерний – в Смоленскую, Калужскую и Тульскую арестантские роты, из Виленского военного округа – в арестантские роты Псковской, Ярославской, Костромской, Владимирской и Рязанской губерний¹⁴.

В выписке из журнала заседания комитета министров от 8 октября 1863 г., направленной П.А. Валуеву для руководства, содержалась информация о мерах, необходимых для распределения лиц, высылаемых из Царства Польского и Западного края за участие в восстании, а также правила распределения повстанцев по арестантским ротам и о содержании там¹⁵. Осуждённые на заключение в арестантских ротах решениями военных начальников и лица, удаляемые административным порядком за участие в мятеже или помощь восставшим из Виленского военного округа, должны были предварительно сосредотачиваться в Пскове. Те, кто следовал из Киевского военного округа, пересылались в Харьков, из Могилевской и Витебской губерний – в Смоленск¹⁶. На сборных пунктах происходило распределение по арестантским ротам в соответствии с числом имевшихся свободных мест. Командиры арестантских рот через каждые десять дней должны были представлять в МВД сведения о числе вакантных мест, оставшихся в их подразделениях¹⁷. Это число определялось не по штатному составу подразделения, а по тому количеству людей, на которое рассчитывалось здание роты¹⁸.

Поляки должны были содержаться отдельно от всех других арестантов¹⁹. Заключённые могли быть назначены на городские работы по указанию губернаторов, председателей губернских строительных комиссий и комитетов распоряжением командиров рот. Работать поляки должны были отдельно от других арестантов и под охраной²⁰. Вся заработная плата лиц, высланных из Царства Польского и Западного края, направлялась на покрытие расходов по их содержанию. При серьёзном нарушении дисциплины, а также неповиновении, соединённом с насилием или «с наущением оному других», поляки, согласно § 4 Высочайше утверждённых 31 мая 1863 г. «Правил о

¹³ ОР РГБ. Ф. 169. Д.А. Милютин. Оп. 41. Д. 29. Л. 60–60об.

¹⁴ Там же. Л. 64об.

¹⁵ Там же. Л. 101–107.

¹⁶ Там же. Л. 104–104об.

¹⁷ ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

¹⁸ РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 32. Л. 105–105об.

¹⁹ Там же. Л. 105об.

²⁰ Там же. Л. 106.

ссылных польских мятежниках», подлежали военному суду. Приговор полевого военного суда утверждался окружным генералом внутренней стражи²¹.

После окончания срока заключения в ротах, поляки должны были высылаться на водворение в Сибирь. Генерал-губернаторы и губернаторы должны были особо следить за отправлением этой части арестантов²². Авторы очерка «Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке» приводят следующие данные о роли арестантских рот в системе исполнения наказаний для поляков: «Из 3990 польских ссылных, водворённых в Тобольской губернии, 2684 человека ранее отбывали наказание в арестантских ротах гражданского ведомства в Европейской России»²³. В процентном отношении это количество арестантов составило 67,27 %, т.е. большую часть от общего количества сосланных. Согласно воспоминаниям М.Н. Муравьёва, от общего количества высланных из Царства Польского арестанты составили 27,11 %, т.е. почти 1/3.

Одним из многих регионов, предназначенных для ссылки поляков в XIX в., был и Вятский край. Изучением истории польской политической ссылки на вятской земле занимались в XX в. П.Н. Лупшов, В.М. Фоменкова и Т.А. Дворецкая²⁴. Характерной чертой их творчества является ограничение понятия «польская политическая ссылка» той её частью, которая состояла под надзором полиции. При этом необоснованно игнорировались судьбы многих поляков, которые были высланы за принадлежность к делам о Польском восстании 1863–1864 гг. в Вятскую арестантскую роту. Исключение из анализа заключённых, содержащихся в этом подразделении, ведёт к искусственному и неоправданному сужению понятия «польская политическая ссылка», поскольку из данного этносоциального явления исключается существенная часть.

Выяснение количественного состава является особенно важной задачей. Советской исторической школой, изучавшей русско-польские революционные связи, ещё в середине XX в. была создана методология для подобного рода работы. И.С. Миллер и В.А. Дьяков в 1964 г. подчёркивали: «Глубокое изучение истории революционного движения требует... полного воссоздания состава его участников. Именно этот путь, несмотря на его сложность и трудоёмкость, несмотря на возможные единичные ошибки, ведёт к новым источникам, а это в свою очередь даёт возможность по-новому прочесть уже известные ранее источники, сделать новые выводы, подойти к новым обобщениям»²⁵.

²¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 53. Д. 32. Л. 107–107об.

²² Там же. Л. 108–108об., 139, 142–143.

²³ Участники польского восстания 1863–1864 гг. в Тобольской ссылке. Тюмень, 1962. С. 27.

²⁴ Лупшов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М., 1933; Фоменкова В.М. Русско-польские связи на вятской земле в XIX в. // *Вятская земля в прошлом и настоящем* (К 125-летию со дня рождения П.Н. Лупшова): Тез. докл. и сообщ. II науч. конф. Киров, 1992. Т. 1. С. 93–94; Она же. Участники польского освободительного движения в Вятской ссылке // Учён. зап. / КГПИ. Киров, 1965. С. 115–174; Дворецкая Т.А. Врачи-поляки на земской службе // Земское самоуправление: организация, деятельность, опыт: материалы науч. конф., посвящённой 135-летию Вятского земства. Киров, 2002. С. 113–117; Она же. Польские имена в истории Вятской публичной библиотеки и музея // Герценка: Вятские записки: Науч.-попул. альм. Киров, 2002. Вып. 3. С. 17–21; Она же. Участники польского восстания 1863–1864 гг. в вятской ссылке // *Польская политическая ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры*: Сб. ст. Казань, 1998. С. 56–58; Она же. Участники польского восстания 1863–1864 годов в вятской ссылке: Библиограф. словарь. Статьи. Очерки. Киров, 2002.

²⁵ Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964. С. 4.

В. Сливовская, описывая свою работу по составлению компьютерной базы польской ссылки во второй половине XIX в., особенно подчёркивала сложность реконструкции количественного состава²⁶. Целесообразно заметить, что, применительно к первой половине XIX в., данная проблема была решена в 1998 г., когда увидел свет биографический справочник польской политической ссылки первой половины XIX в.²⁷ Однако признание необходимости выяснения состава ссылки слабо отражалось на региональных конкретно-исторических исследованиях. Л.П. Роцевская, характеризуя степень изученности политической ссылки в Западной Сибири по состоянию на 1974 г., пришла к выводу: «К числу неизученных аспектов истории... ссылки относится анализ её состава. Общие рассуждения о большом количестве ссыльных... остаются недостаточно аргументированными»²⁸.

В данной работе предлагается выделить роль арестантских рот в истории польской политической ссылки. В рамках статьи сделать это в целом по империи не представляется возможным. Поэтому предлагается взять одну из арестантских рот в качестве примера. Таким примером может служить Вятская арестантская рота № 38 гражданского ведомства. Существующие исследования польской политической ссылки в Вятской губернии, как и в целом по империи, не дают исчерпывающего ответа на вопрос об этом историческом явлении. Количественный состав поляков, сосланных в Вятку в 60-х гг. XIX в. не выяснен. Словарь Т.А. Дворецкой, содержащий краткие биографические данные о 498 ссыльных повстанцах, был издан в 2002 г.²⁹ Однако уже в вышедшей в 2003 г. монографии В.Д. Сергеев упоминал о 560 поляках, сосланных в Вятку именно за участие в восстании 1863 г.³⁰ Таким образом, у исследователей отсутствует единое и аргументированное мнение о составе польской политической ссылки в этом регионе.

Проблема численности ссыльных имеет большое значение не только для истории польской политической ссылки, но и для реконструкции повседневной жизни провинциального российского города второй половины XIX в. **Население губернских и уездных городов того времени не отличалось многочисленностью.** Насильственное и широкомасштабное расселение людей с иным мировоззрением, с иным жизненным укладом не могло не внести некоторого своеобразия в провинциальное существование. В связи с этим и выяснение состава арестантов-поляков приобретает новое значение.

Работа произведена, в основном, по материалам ротной отчётности и документам Вятского губернского правления (контролировавшего деятельность командира роты). Основными видами источников являются алфавитные и общие списки роты (Государственный архив Кировской области). Этот вид источников дополняется докладами

²⁶ Сливовская В. Составление Словаря польских ссыльных первой половины XIX в. и компьютерной базы данных о польских ссыльных – участниках восстания 1863 г. в Институте истории Польской академии наук // *Польская политическая ссылка в России XIX–XX веков... С. 16–18.*

²⁷ *Siłowski W. Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku.* Warszawa, 1998.

²⁸ Роцевская Л. П. Основные проблемы и вопросы историографии политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX века // *Вопросы истории Западной Сибири.* Тюмень, 1974. С. 70.

²⁹ Дворецкая Т.А. Участники польского восстания 1863–1864 годов... С. 3.

³⁰ Сергеев В.Д. Разночинцы – демократы Вятки. Вятка, 2003. С. 36.

вятского губернатора министру внутренних дел (Российский государственный исторический архив), в III Отделение Императорской канцелярии (Государственный архив Российской Федерации), а также перепиской Д.А. Милютина (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Анализ общих и алфавитных списков роты показывает, что на протяжении 1864–1868 гг. в Вятской арестантской роте № 38 гражданского ведомства отбывали наказание 615 поляков. Все они были участниками политических волнений 1863–1864 гг.

Начало функционирования Вятской арестантской роты относится к 10 марта 1864 г.³¹ Заключение в арестантских ротах представляло собой вид исправительного наказания. Причиной создания такого рода подразделений в сфере исполнения наказаний стало увеличение количества приговорённых к отбыванию ссылки в Сибири. Завершение строительства каменных казённых зданий для помещения арестантской роты и их принятие в ведение губернского начальства относится к 1856 г. Вплоть до 1863 г. в этих строениях размещался батальон внутренней стражи. В 1863 г. вятский губернатор констатировал: «Ныне... признано возможным поместить в оные политических арестантов из поляков»³². 10 марта 1864 г. Вятская арестантская рота начала работать³³. Завершение строительства каменных казённых зданий для помещения арестантской роты и их принятие в ведение губернского начальства относится к 1856 г.³⁴

В роту поляки стали прибывать с 29 марта 1864 г.³⁵ Одновременно в губернском городе было создано соответствующее попечительство. В указе о создании попечительства особо отмечался факт создания роты именно для сосланных по политическим причинам: «В Вятке открыта арестантская рота гражданского ведомства для политических преступников»³⁶. Состав арестантов отличался этнической однородностью. С самого начала «на содержании в одной находились политические преступники из уроженцев Царства Польского, Западного края и иностранцы»³⁷. На протяжении 1864 г. в данном подразделении содержались 283 поляка. В текущем году из прибывших пять человек скончались³⁸. После окончания военно-судных дел (или вынесения административных распоряжений о высылке) арестанты следовали этапным порядком к месту назначения. Большой удельный вес имела часть повстанцев, высланных через Псков в Сибирь и отдалённые губернии³⁹. За 1864 г. в Вятку крупные арестантские партии поступили 11 мая, 12 апреля и 29 марта (59, 43 и 30 поляков соответственно). В 1865 г., 1866 г. и 1867 г. численность партий, поступающих в роту, была меньше, не превышая 5–9 чел.⁴⁰ Первый отчёт, содержащий список арестантов-поляков, датируется 30 апреля 1864 г. Этим отчётом фиксируется поступление 90 чел.⁴¹

³¹ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 139.

³² РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 30. Л. 43–43об.

³³ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 139.

³⁴ Там же.

³⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 30. Л. 43–43об.; ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 139.

³⁶ ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–11об.

³⁷ Там же. Ф. 583. Оп. 603. Д. 1085. Л. 17.

³⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 30. Л. 29–29об.; ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 7. Л. 139.

³⁹ О препровождении этапным порядком партий поляков в период с сентября 1863 по март 1865 г. см.: РГИА. Ф. 1286. Оп. 24. Д. 139, 169, 174, 181, 184, 194, 197.

⁴⁰ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 32. Л. 120–121, 145об.–150.

⁴¹ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 32. Д. 7. Л. 6–7об.

Апогей перемещений арестантов из Вятской губернии выпадает на период май – сентябрь 1866 г. В связи с сокращением срока содержания в арестантских ротах наполовину 18 мая 1866 г. из роты подлежали высылке в Сибирь сразу 229 чел.⁴² Их отправка состоялась в середине мая – конце августа 1866 г.⁴³ Несмотря на это, в сентябре 1866 г. численность арестантов в роте превысила все прежние показатели и достигла 354 чел. Концентрация поляков достигла таких размеров, что оказались занятыми все помещения роты, включая и те, которые предназначались для служащих. В рапорте от 24 сентября 1866 г. командир роты докладывал: «По случаю постоянно увеличивающегося числа арестантов... помещения унтер-офицеров оказывается весьма затруднительным, так что некоторых из них необходимо перевести на обывательские квартиры»⁴⁴.

В связи с этим шёл постоянный процесс отправления арестантов в Сибирь на водворение. Наиболее крупные партии были отправлены из Вятки в Енисейскую губернию 21 ноября и 19 декабря 1866 г. (30 и 28 чел. соответственно)⁴⁵. На протяжении следующего года, 1867-го, также прослеживается процесс смены персонального состава поляков в арестантской роте. Одновременно возникает тенденция к постепенному уменьшению количественного состава. Так, на 1 января 1867 г. насчитывалось 116 поляков⁴⁶. Кроме этого, командир роты был извещён о прибытии ещё 20 чел.⁴⁷

Первые русские арестанты прибыли в роту в период с 11 по 21 апреля 1867 г. в количестве 11 чел.⁴⁸ В дальнейшем численность уроженцев великороссийских губерний постоянно возрастала, став преобладающей к началу 1868 г.⁴⁹ На 1 декабря 1867 г. в роте осталось только семь поляков⁵⁰. Всего за 1867 г. выбыли из роты 110 чел.⁵¹ Самая крупная партия (42 чел.) вышла из Вятки 2 мая 1867 г.⁵² На 1 января 1868 г. в роте содержались 217 арестантов, из них: русских – 210, поляков – 7⁵³.

9 января 1868 г. в роту прибыла последняя партия (из трёх поляков)⁵⁴. К 1 марта 1868 г. в роте содержались 5 польских арестантов. Из них в марте были отправлены в Сибирь на поселение трое⁵⁵. На 1 апреля в составе роты числились 2 поляка⁵⁶. С 11 апреля по 1 ноября 1868 г. среди арестантов оставался единственный поляк. В ноябре 1868 г. в списке только русские арестанты⁵⁷. Таким образом, время пребывания польских политических ссыльных в Вятской арестантской роте было

⁴² ГАКО. Ф. 583. Оп. 603. Д. 1078. Л. 189–230.

⁴³ Там же. Л. 82, 110, 115–118, 128–130об., 133–136об., 141–142об., 144–144об., 159–160, 161.

⁴⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 22. Л. 167–167об.

⁴⁵ Там же. Д. 32. Л. 202–203.

⁴⁶ Там же. Д. 32. Л. 5–5об., 66–66об.

⁴⁷ Там же. Д. 27. Л. 1–1об.

⁴⁸ Там же. Л. 67, 81.

⁴⁹ Там же. Л. 84об.–85, 110об.–111.

⁵⁰ Там же. Л. 235об., 237об., 239об.

⁵¹ Там же. Л. 268об.–271.

⁵² Там же. Л. 99об.

⁵³ Там же. Д. 32. Л. 5–5об., 18, 66–66об.

⁵⁴ Там же. Л. 16–16об.

⁵⁵ Там же. Л. 110.

⁵⁶ Там же. Д. 33. Л. 69.

⁵⁷ Там же. Л. 93об., 94об., 95об., 176, 327, 359.

сравнительно недолгим. Оно охватывает период с 29 марта 1864 г. по 1 ноября 1868 г. В декабре 1868 г. была составлена итоговая справка о заключённых-поляках.

Всего количество поляков в Вятской арестантской роте за 1864–1868 гг. составило 615 чел. К 1 ноября 1868 г. все поляки из арестантской роты были отправлены в Сибирь.

В начале 1860-х гг. польские политические ссыльные стали частью (одним из элементов) населения провинциального российского города. Но элемент существует только в системе его связей с остальными элементами, т.е. в системе отношений. Отношения представителей различных национальностей начинаются с их представлений друг о друге. Взаимные представления людей, относящихся к различным этносам, складываются на протяжении длительного времени, при этом одну из основных ролей играет такой фактор, как конфессиональная принадлежность.

В мышлении русских слова «поляк» и «католик» являлись синонимами. В 1860-х гг. русское массовое сознание всех уроженцев Северо-Западного края, попадавших во внутренние губернии Российской Империи, делало «поляками»⁵⁸. Существование устойчиво отрицательного образа «поляка-смутьяна» подчёркивал также Т.Г. Снытко. Он отмечал: «Слово “поляк” сразу же настораживало жандармов и привлекало особое внимание следствия». Более того, средства массовой информации в критических ситуациях даже приходилось оправдываться, что тяжкое преступление совершено не поляком: «После убийства Александра II краковская газета “Час” опубликовала “самые точные сведения” о том, что убийца царя Александра – Гриневский – был... вовсе не поляком»⁵⁹. Гораздо более резко отзывалась о создании такого стереотипа в русском общественном мнении С. Куль-Сельверстова. Она отмечала, что слово «поляк» имело не только этническое, но и социальное значение: «Поляк – это чаще всего ссыльный, каторжанин, политический преступник»⁶⁰.

15 октября 1864 г. при прохождении арестантской партии через г. Малмыж Вятской губернии произошёл конфликт, грозивший обернуться вооружённым столкновением. Партия состояла из 45 поляков. Особенностью данной партии (и её восприятия конвоем) было то, что из неё до Малмыжа уже бежали трое арестантов. Следствием конфликта (после множественных оскорблений поляками командира партии) стало ужесточение содержания ссыльных. Начальник арестантской партии «приказал надеть на арестантов Варинского и Наленче наручни. Услыжав такое приказание, прочие польские арестанты бросились как на него, так и прапорщика Иевлева и завязали у последнего назад рукавами бывшего на нём пальто». Затем «арестанты были отбиты конвойными прикладами ружей»⁶¹.

Рапорт командира Вятской роты подпоручика Скоробогатова от 16 июня 1864 г. свидетельствует о чрезвычайном происшествии,

⁵⁸ Куль-Сельверстова С. Роль польских восстаний в формировании представлений поляков и россиян о белорусско-литовской шляхте // *Polacy a Rosjanie. Warszawa, 2000. С. 57, 64.*

⁵⁹ Снытко Т.Г. Русское народничество и польское общественное движение 1865–1881 гг. М., 1969. С. 139.

⁶⁰ Куль-Сельверстова С. Указ. соч. С. 64.

⁶¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 3–4; ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 309. Л. 135–136.

случившемся накануне. Арестанты собрались на кухне и шумели. Командир роты вынужден был оттолкнуть подошедшего к нему слишком близко арестанта. После этого арестант Ц. Залевинский заявил от имени собравшихся: «За подобные толчки они будут отвечать тоже толчками, и не будут вовсе работать»⁶². Командир роты сделал этому арестанту предупреждение, что за подобные дерзости того посадят в карцер. Рапорт другого участника этого столкновения рисует данный конфликт в более резких тонах: «20 арестантов, столпившихся вокруг ротного командира, и из числа их впереди всех... арестант из сапожников, кричавший, что если ротный командир будет бить их, то и они будут его колотить». Арестанты даже требовали в роту губернатора, до приезда которого отказывались выходить на работу. Это дело стало предметом особого разбирательства⁶³.

26 марта 1865 г. было совершено покушение группы поляков, содержавшихся в Вятской арестантской роте, на убийство и завладение оружием караульного солдата. Арестанты М. Хмелевский, С. Янчек и Ю. Костржева совершили групповое нападение на караульного. По данному делу проводилось официальное расследование. Соучастники были приговорены к кратковременному тюремному заключению⁶⁴.

Это происшествие было связано с другим явлением – обращением поляков-католиков в православие. В марте 1865 г. арестанты Г. Вилль, К. Геник, Э. Краузе, Ян Михальский приняли православную веру. Соседи по камере стали враждебно относиться к ним. Командиру роты пришлось принимать специальные меры для обеспечения безопасности новообращённых.

Для унтер-офицерского состава в роте было оборудовано особое «ретирадное место», которым было предписано пользоваться и вновь обращённым. Арестант Ю. Костржева заколотил досками входную дверь в это место. Унтер-офицер Герасим Григорьев сделал два предупреждения полякам, однако работавшие не обратили на него никакого внимания. Более того, они вступили в драку с Г. Григорьевым. Избиение служащих роты происходило при свидетелях. Поляки окружили служащих, арестант С. Янчек ударил по шее стоявшего рядом с ним унтер-офицера, были нанесены оскорбления командиру роты⁶⁵. Представитель попечительства над ротой, майор Чалеев докладывал в рапорте от 24 января 1866 г.: «22 января арестанты не хотели идти на работу... Я приказал арестовать старших тех камер, в коих не было исполнено приказание командира роты... В одной камере встретил сопротивление арестантов в выдаче своего старшего, и только приводом части караула "в ружьё" он был арестован». Подстрекателями беспорядков оказались арестанты Басевич и П. Чарковский. Их решено было наказать розгами. Экзекуция состоялась 29 января 1866 г., каждый из них получил по 30 ударов⁶⁶.

В период 1864–1866 гг. польские политические ссыльные предприняли несколько побегов. Так, групповой побег был совершён 15 апреля

⁶² ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2.

⁶³ Там же. Л. 3–4, 5–6.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 16–16об.

⁶⁵ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 54–54об.

⁶⁶ Там же. Ф. 144. Оп. 1. Д. 6. Л. 8–10, 12.

1864 г.⁶⁷ В 1865 г. мещанин Люблинской губернии С. Войцек, за добровольное участие в мятеже осуждённый на четыре года пребывания в арестантских ротах, по пути следования в Вятку бежал. За побег его приговорили к четырём месяцам тюрьмы⁶⁸.

В апреле 1865 г. поляки-арестанты П. Свентковский, П. Гурский, В. Пшибыльский, Ф. Яницкий сбежали с казёнными вещами. 26 апреля они были пойманы крестьянами в окрестностях Вятки и доставлены в полицию губернского города⁶⁹. За побег им было назначено наказание розгами⁷⁰. Этот случай был особо отмечен в МВД: командиру роты было поставлено на вид за слабость надзора за арестантами⁷¹.

14 мая 1865 г. совершил побег И. Цвикло⁷². Этот арестант был назначен на работы. Однако перед выходом из роты он симулировал болезнь и был оставлен в роте для отправления в больницу⁷³. В назначенный для заболевших арестантов час его не оказалось на месте. Новый караул также не обнаружил И. Цвикло на месте. После этого была проведена дополнительная проверка наличного состава роты; о побеге было сообщено губернатору и в попечительство. Однако уже 15 мая крестьяне деревни Сустигаевской Н. Леонтьев, Г. Самойлов и бессточнотпускной рядовой М. Мухин привели беглеца в Троицкое воссрочноуправление. Они рассказали, что И. Цвикло вышел к ним из леса и стал просить милостыню. М. Мухин привёл его к себе домой и там задержал⁷⁴. Дело о побеге И. Цвикло передали в суд, сам арестант был подвергнут тюремному заключению. После окончания следствия И. Цвикло был возвращён в роту⁷⁵.

14 июля 1865 г. совершили самовольную отлучку из роты два арестанта, отправленных на речку для стирки белья. Они были возвращены в тот же день в расположение роты в состоянии алкогольного опьянения⁷⁶.

Неудачный побег мог стать причиной продления срока заключения в арестантской роте. С. Войцек был приговорён к содержанию в роте на четыре года. При следовании в арестантской партии он совершил побег, за что и был приговорён к тюремному заключению на четыре месяца. Позднее факт совершения побега стал причиной задержки его в роте⁷⁷. Кроме побегов имели место и другие нарушения дисциплины. Главными среди них являлись попытки создания связей отбывающими наказание с персоналом роты. Так, 6 августа 1865 г. караульный солдат С. Кузьмин оставил свой пост и завязал разговор с арестантами. Он дал поляку К. Раку денег на покупку водки.

⁶⁷ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 507. Л. 17об.-18; ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 23. Л. 9-10, 11об.-12, 67об.-68.

⁶⁸ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 23. Л. 19об., 26; Д. 32. Л. 41-44.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 17; ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 63-64; Д. 22. Л. 81, 96-98.

⁷⁰ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 22. Л. 96об. - 97.

⁷¹ Там же. Д. 14. Л. 98-99.

⁷² ГАРФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 43. 1868 г. Д. 7. Ч. 72. Л. 1-7; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 17, 19; ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 74-75; Д. 22. Л. 94; Ф. 582. Оп. 60. Д. 35. Л. 1-2.

⁷³ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 74.

⁷⁴ Там же. Л. 74 об.-75, 76-76об.; Ф. 582. Оп. 60. Д. 35. Л. 4-6 об.

⁷⁵ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 80-80, 101, 103-104, 114, 115-115об., 118-120, 148-149; Ф. 582. Оп. 60. Д. 35. Л. 9-9об.

⁷⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 106-106об., 107-108.

⁷⁷ Там же. Д. 32. Л. 41-42.

Оба были задержаны в пьяном состоянии⁷⁸. При поступлении в январь 1866 г. в роту арестанта Г. Бемма при нём не оказалось необходимых вещей. Выяснилось, что этот арестант продал свой полушубок во время следования в арестантской партии. Сразу же после прихода в здание роты Г. Бемм продал валенки унтер-офицеру Г. Григорьеву, «который снова успел продать их другому унтер-офицеру А. Онучину... каковые валенные сапоги были замечены на ногах унтер-офицера Л. Петрова»⁷⁹. Однако эти сведения могут подчёркивать лишь отсутствие предубеждения по отношению к сосланным со стороны персонала роты.

На отношение к полякам в российской провинции начала 1860-х гг. гораздо сильнее влиял другой фактор – пожары. Они были связаны с появлением анонимных «возмутительных» посланий. Для описания сложившейся ситуации характерно издание МВД циркуляра от 12 сентября 1864 г. Этим документом предписывалось докладывать об обнаружении случаев анонимных писем с угрозами⁸⁰. Сам факт наличия подобного приказа свидетельствует о возрастании напряжённости в российском обществе. Хранящиеся в архивах материалы дают основание судить о подобных событиях, происходивших на территории Вятской губернии. Донесением губернатора от 3 декабря 1864 г. было представлено министру внутренних дел П.А. Валуеву подмётное письмо, адресованное полицмейстеру и вице-губернатору Вятки⁸¹.

Письмо содержало угрозы в адрес русских. Оно представляет большой интерес, поэтому целесообразно привести его текст: «В отпадении за родичей наших, мы имеем честь уведомить Вашу особу, что город Вятка будет представлять... прекрасный вид и приятное зрелище для нас, поляков, пожары начнутся в самом скором времени и истребление будет скорое, не более, как в двои сутки город будет представлять одни развалины и груды обгорелых головней... как Симбирск, если не хуже, а потому вятскую полицию просим, под опасением жизни... полицмейстера, а особенно Батурина... Мало того, все поляки-арестанты по одному мановению подадут нам сильную помощь, и мы тогда утёмся жаждой мести... и это исполнится очень, очень скоро по данному сигналу собрание вятских повстанцев, и мы весело отпразднуем праздник Рождества Христова. Мстители»⁸².

Текст письма содержит прямое указание на арестантов-поляков как обладающий серьёзной силой (или способный внушать опасения власти) социальный элемент. Показательно также, что послание губернскому начальству подчёркивает возможность опоры именно на содержащихся в арестантской роте, игнорируя поляков, состоявших под надзором полиции.

Арестанты представляются автором как главные исполнители возможных антиправительственных действий и как потенциальный «горючий материал», ресурс для бунта. Текст вятского документа имеет много общего с устными заявлениями уроженца Витебской

⁷⁸ ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 123–123об.

⁷⁹ Там же. Д. 22. Л. 92.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 5.

⁸¹ Там же. Л. 215.

⁸² Там же. Л. 6–6об.

губернии С. Григорьева. Католик по вероисповеданию, он был задержан в сентябре 1864 г. в Симбирске. Полевой суд установил его вину: «В нарушении долга верноподданнической присяги, в богохульном порицании православной церкви и во всенародном заявлении, что пожары, истребившие Симбирск, были делом мести единомышленных ему поляков»⁸³. Д.А. Милютин вспоминал, что С. Григорьев «на городском базаре богохульствовал, порицал православную церковь и гласно перед народом заявлял, что пожары были делом мести поляков за пролитую польскую кровь»⁸⁴.

Наличие поляков в числе подозреваемых и казнённых дали подтверждение слухам: «Существовало общее убеждение в том, что поджоги были делом поляков, высланных из Польши и Западного края и рассеянных по всем губерниям, преимущественно же восточным... Но подтверждения эти получили подтверждение только впоследствии, в показаниях некоторых из польских революционеров»⁸⁵. Вятское письмо содержит свидетельство присутствия в губернском городе симпатизирующего польским ссыльным слоя коренных жителей (пропольски настроенной группы русских) или особого социокультурного слоя – ассимилировавшихся поляков. Данный слой воспринимается автором подмётного письма в качестве силы, противостоящей провинциальной власти. В таком же качестве его воспринимали и сами представители губернской администрации.

Письмо содержит недвусмысленно выраженные угрозы в отношении не только представителей провинциальной элиты, но и всего населения губернского города. Автор письма использует паническое мировосприятие жителей провинциального российского города, обусловленное частыми пожарами. По истечении месяца губернатор доложил министру о том, что виновные в написании письма не найдены⁸⁶.

Пожары не были редкостью в Вятке. В частности, волна крупных пожаров прокатилась по населённым пунктам этой провинции летом 1860 г.⁸⁷ Однако опасность возгораний летом и осенью 1864 г. имела социально-политический характер: она напрямую связывалась с польской угрозой и была обусловлена особенностями восприятия провинциальным населением поляков. В мышлении жителей российской провинции формировался образ врага-поляка. Характерной является ассоциация пожаров в Вятке с аналогичными происшествиями в Симбирске, виновниками которых провинциальное общество единодушно считало именно поляков⁸⁸.

Волна пожаров, прокатившаяся по некоторым внутренним губерниям России, вызвала неприязненное восприятие поляков, независимо от того, являлись ли они ссыльными. Данное отношение вызывалось страхом населения российской провинции и может быть охарактеризовано термином «терроризм». Депеша барона

⁸³ ОР РГБ. Ф. 169. Д.А. Милютин. Оп. 36. Д. 9. Л. 9–10.

⁸⁴ Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003. С. 484.

⁸⁵ Там же. С. 487.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 9.

⁸⁷ Хроника истории Вятской губернии [Текст] // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края: В 2 т. Вятка, 1880. Т. 1. С. 15.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 109. 1-я экспедиция. Оп. 38. 1863 г. Д. 23. Ч. 222. Л. 27–28.

А.Е. Врангеля к своему начальнику, Д.А. Милютину, свидетельствует о подобной ситуации и в окрестностях Симбирска: «В окрестных сёлах поджоги ежедневны. Жители в страхе. Напряжение умов чрезвычайное»⁸⁹. Обмен информацией между внутренними губерниями позволял держать в курсе население Поволжья в целом. В частности, в Вятке были осведомлены о происшествиях в Симбирске и сочувствовали жителям этой провинции. Осенью 1864 г. в губернском городе были собраны пожертвования для симбирских погорельцев. 231 р 10 к. от жителей города Вятки были посланы в Симбирск. 1 ноября 1864 г. по благотворительным билетам был устроен спектакль в Сарапуле, давший 100 р для Симбирска⁹⁰.

Пожары, случившиеся в Вятке зимой 1865 г., не могли не влиять на настроения жителей. Провинциальная элита эти пожары ассоциировала с угрозами, которые содержались в подмётном письме. Так, в ночь на 24 января 1865 г. в Вятке сгорело здание приказа общественного призрения, где находились 63 арестанта. Губернатор сообщил об этом происшествии: «Пожар начался неизвестно от чего в пятом часу пополудни и кончился в восемь часов утра». Пожарные рукава при тушении застыли, здание сгорело⁹¹.

Следующий крупный пожар в губернском городе произошёл через полтора месяца, 12 марта 1865 г. Сгорело здание Вятской арестантской роты, которое в то время у местного населения непосредственно ассоциировалось с поляками и политическими преступлениями. Повреждения здания произошли не столько от самого пожара, сколько от мер тушения. Был разрушен верхний этаж и потолок. С высоты упали один из арестантов, полицмейстер и командир роты. Арестант был доставлен в городскую больницу⁹². Согласно докладу губернатора, помещения арестантской роты загорелось «единственно от дурной... постройки здания»⁹³. 18 июля 1865 г. в слободе Кукарка было найдено несколько писем, содержащих угрозы сжечь селение, что привело к постоянной особой охране как этой слободы, так и других селений Яранского уезда⁹⁴.

Содержащиеся в архивах данные не могут комплексно осветить проблему отношений арестантов-поляков и местного населения. Однако даже без учёта пожаров, сама по себе концентрация польских политических ссыльных не могла не оказывать влияния на настроения провинциальной власти. В 1863–1864 гг. вятскому губернатору был присвоен статус военного губернатора. Он добивался этого, аргументируя свои притязания необыкновенно большим количеством ссыльных в губернии и польской опасностью в целом. В качестве доказательства выдвигались сведения, полученные от местного штаб-офицера корпуса жандармов «о распространении злонамеренными людьми возмутительных воззваний к народу о ниспровержении существующего порядка, и... о намерении поднять в Вятской губернии знамя бунта с нападением на казармы и разграблением казначейства с преступной целью стремления к революции»⁹⁵.

⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 169. Д.А. Милютин. Оп. 36. Д. 9. Л. 1.

⁹⁰ Хроника истории Вятской губернии... С. 42, 49.

⁹¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 11–12.

⁹² ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 14. Л. 53–53об.

⁹³ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 126. Л. 13.

⁹⁴ Там же. Л. 21.

⁹⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 140. Д. 198. Л. 6–7об.

Небывалое сосредоточение потенциально опасных для режима лиц закономерно вызывало тревогу в губернской администрации. Сопутствовавшие этому слухи и пожары только способствовали нагнетанию подозрительности по отношению к полякам в губернии. Восприятие их в Вятке характеризовалось тревожностью, сопряжённой с прагматичностью (стремлением и возможностью власти использовать ситуацию в губернии в своих целях). Проявлением этого являлись обращения губернатора к центральному руководству по поводу расширения своих полномочий. Данный запрос был воспринят имперской властью как соответствующий моменту. На непродолжительный период вятский гражданский губернатор приобретает также статус военного губернатора города Вятки. Одновременно происходит административное преобразование общегосударственного масштаба: создание временного казанского генерал-губернаторства. В дальнейшем подобные меры не повторялись, что также свидетельствует не только об исключительности создавшейся ситуации в стране, но и об особом отношении к ней⁹⁶.

Таким образом, анализ источникового материала, содержащегося в различных архивах, позволяет сделать вывод о том, что арестантские роты играли большую роль в истории польской политической ссылки. Определялось это прежде всего большим количеством поляков, обречённых на данную форму наказания. Разумеется, по одному из элементов системы нельзя делать категоричное утверждение, однако пример Вятской арестантской роты позволяет выделить данную проблему в качестве отдельного исследовательского направления. Это необходимо для выявления точных параметров ссылки и для выяснения влияния ссылки на российское общество 1860-х гг.

---

⁹⁶ Трушков С.А. Администрация и полиция Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в. Киров, 2001. С. 34–35.

С.В. ЛЕОНЧИК
г. Абакан

СПАСЕНИЕ – ТОЛЬКО В ЕДИНСТВЕ. НАРЦИЗ ВОЙЦЕХОВСКИЙ – ССЫЛЬНЫЙ УЧАСТНИК ВОССТАНИЯ 1863 г.

Большой вклад в развитие промышленности и культуры Минусинского округа на рубеже XIX–XX вв. внесли семьи польских ссыльных. Особым почётом пользовались среди минусинцев большие и дружные семьи Войцеховских, Коженёвских и Даниловичей.

Биография главы одного из семейств – Нарциза Войцеховского – весьма интересна. Его жизненный путь описан им самим в мемуарах 1916 г. «*Moje wspomnienia*» («Мои воспоминания»). Эти воспоминания послужили основой для написания в 1986 г. повести «*Wzgórze błękitnego snu*» («Сопка голубого сна»), польского писателя Игоря Неверли¹. Оригинал (точнее, машинописная копия, отпечатанная по-польски внучкой Нарциза Войцеховского Галиной) хранится в фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Рукопись же была сожжена фашистами во время Варшавского восстания 1944 г. Воспоминания своего дедушки передала музею дочь Болеслава Войцеховского – Галина Войцеховская-Месснер. Это произошло в 1978 г. Тогда же в Минусинске и была сделана фотокопия воспоминаний, послужившая основой для повести Игоря Неверли².

Каким же был герой повести И. Неверли, и в чём правда, а в чём вымысел автора, – это становится ясно после знакомства с большим мемуарным, эпистолярным наследием, которое оставили Н. Войцеховский и члены его семьи. С этим наследием, кроме упомянутого архива Минусинского регионального краеведческого музея, можно ознакомиться в фондах Минусинского городского государственного архива и в архиве Союза Сибиряков Республики Польша в г. Варшаве (так называемый Архив Галины Войцеховской).

Кроме того, многочисленные упоминания о Войцеховских встречаются в документах Красноярского краевого государственного архива в г. Красноярске.

Родился Нарциз Войцеховский в 1846 г. в г. Сероцке, в настоящее время это небольшой городок по дороге из Варшавы в Пултуск. Его родителями были Юзеф Войцеховский и Валерия Дорант. В семье кроме него были два брата и сестра. Брат Станислав был ранен во время восстания 1863 г. и скончался в российской тюрьме.

¹ *Newerly I. Wzgórze błękitnego snu. Warszawa, 1999.*

² *Леончик С.В. Архив семей Войцеховских в Союзе Сибиряков Республики Польша // Мартьяновские краеведческие чтения (1999–2002 гг.): сб. докл. и сообщ. Абакан, 2003. Вып. 2. С. 231–234.*

Родители хотели выучить Нарциза на ксёндза, но из-за отсутствия средств не смогли. Дядя забрал его в Варшаву, и там с 13 лет Нарциз стал учиться на органиста. В 1862 г. он закончил учёбу и сразу был принят учителем в начальную школу в Елонках. В январе 1863 г. вспыхнуло восстание. Нарциз вступил в отряд Мыстковского. Этот отряд после нескольких мелких столкновений с русскими войсками под угрозой полного уничтожения был распущен. Нарциз вернулся к родителям, а через некоторое время, в апреле, выехал в Варшавскую губернию, где стал работать учителем в школе и органистом в станиславовском костёле. Оказывал активную помощь повстанцам. После поражения восстания помогал им перебираться через границу. Двоих из них поймали, и найденные у них документы скомпрометировали Войцеховского. После 9 месяцев заключения в варшавской Цитадели его выслали в Сибирь «на житьё с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ в менее отдалённые места Восточной Сибири», – как было сказано в конфирмации наместника, объявленной в день высылки 11 октября 1866 г.³

В письме к родителям он пишет: «Приговор со спешкой приведён в исполнение, и поэтому мы выезжаем. Прощение на имя наместника комиссия писать не позволила, так как говорит, что этого не практикует. Ничего удивительного, что спастись они не позволяют. Для них только унижать, мучить, морить хлебом и водой, ущемлять человеческое достоинство битьём, писать фальшивые протоколы и заставлять их подписывать – это они умеют»⁴.

Дорога к месту ссылки для Нарциза Войцеховского проходила в кандалах по этапам: Петербург (тюрьма Литовский замок), Москва (тюрьма Калымажный двор), Казань (на барже под палубой), Пермь (на подводах). Из Перми, где сыльные долгое время находились в камере с уголовниками, пеший путь до Тобольска проходил в наручниках с прикованием цепями к телеге. Самым тяжёлым был этап из Тобольска в Каинск в сильные морозы без тёплой одежды. Из Каинска вместе с 300 политическими сыльными Нарциз Войцеховский прибыл в Томск, откуда на подводах их доставили в Красноярск.

В Красноярске впервые полякам было разрешено ходить без конвой и здесь их отделили от уголовных сыльных⁵.

Из общего числа сыльных за Урал (18 623 чел.) на Восточную Сибирь приходилось, согласно официальным данным, 8199 чел. В Енисейскую губернию направленно 3719 чел., из них в Канский округ – 1457 чел., в Минусинский – 1026 чел., в остальные округа – 1236 чел.⁶ Однако в Красноярском краевом архиве находятся данные о 4419 чел. – поляках, пребывающих в Енисейской губернии в 1863–1870 гг.⁷ С чем это связано? Прежде всего с делением сыльных на категории высланных на каторгу, проживание (житьё), поселение и водворение. В архивных документах часто встречается термин, относящийся к определённой группе сыльных поляков – «западнопольский переселенец», тем самым акцентируется якобы неполитический характер этого поселения.

³ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания (на польском языке). 1916 г. // Архив Минусинского регионального краеведческого музея. Оп. 4. Д. 227. С. 1.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же.

⁶ ГАИО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 79. Л. 82–83.

⁷ ГАКрК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 13. Л. 170.

Из выделенных 4419 ссыльных больше всего было представителей польской шляхты – 1865 (из них особо титулованной шляхты – 230). Нарциз Войцеховский принадлежал к шляхте Варшавской губернии, не утверждённой Герольдией в русском дворянстве⁸.

Из группы в 11 товарищей в Красноярск пришли только Нарциз и его друг Матеуш Пшепорковский. Остальные остались на этапах, в больницах. Изначально местом пребывания Нарциза Войцеховского должна была стать Кежда, расположенная на север от Красноярска на Ангаре. Однако благодаря помощи поляка Шимона Гоштотва, который исполнял функцию смотрителя поселений, его направили в село Сагайское около Минусинска, что в 400 км от Красноярска на юг.

27 апреля 1867 г. в арестантском халате, с 40 коп. в кармане прибол Войцеховский в Сагайское, где уже проживали 40 польских ссыльных.

Первую работу Нарциз Войцеховский находит в Каратузском. В этом казацком селе также проживала большая польская колония. Поляки работали в качестве губернёров, секретарей, экономов. Врачом в селе был Даниловский, а фельдшером – Суликовский.

После первого заработка – 30 р – Войцеховский снимает вместе с другом М. Пшепорковским комнату, а затем они начинают своё первое совместное предприятие – изготовление папирос. Активно занимались они охотой на зайцев, уток, тетеревов и куропаток. С другим ссыльным – Францишком Киньским – открыли производство конопляного масла. Из конопляных стеблей ссыльный по имени Фредерик изготовлял верёвки, которые продавали золотопромышленникам в Каратузском. Войцеховский и Пшепорковский занимались сельским хозяйством. Сеяли овёс, рожь, пшеницу, косили сено для своих коней.

В 1869 г. в связи с катастрофическим неурожаем Нарциз Войцеховский бросает занятия земледелием и ищет новую работу. Благодаря рекомендации поляка Юзефа Врублевского в 1870 г. Войцеховский стал помощником волостного писаря в 4 деревнях в окрестностях Кочергино. Затем он получает предложение от хозяина паровой мельницы Серафима Гусева стать там управляющим с вознаграждением 25 р в месяц. Работа была очень тяжёлой – 21 ч в сутки. Однако именно с этого времени можно говорить о начале жизненной и предпринимательской карьеры Войцеховского.

В начале 1876 г. Войцеховский переезжает в Минусинск, где работает в магазине Яна Прендовского. В этом же году Прендовский продаёт магазин Владиславу Коженёвскому. Коженёвский был женат на Лидии из рода Шерцингер, немцев из Баденского княжества, два поколения которых уже проживали в Томске. Благодаря жене Коженёвского Войцеховский познакомился с её сестрой Эммой. Их бурный роман, который можно проследить по оставшимся письмам, привёл в 1877 г. к бракосочетанию. В это время Войцеховский был управляющим на предприятии Гусева – вино-водочном заводе, заводах по изготовлению стекла и соды – крупнейшей в то время фирме в Енисейской губернии.

⁸ ГАКРК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 1131. Л. 7.

Материальное положение Н. Войцеховского улучшалось день ото дня, в год выходило более 1500 р. Войцеховский не останавливался на достигнутом и вместе со ссыльным Желтковским открыл мыловаренный завод, где производством заведовал инженер Александр Венцковский. После ликвидации этого завода в 1880 г. с новым компаньоном Станиславом Гутовским Войцеховский начал поиски золота в Ирбинском крае на границе с Тувой. Кроме того, он входит в пай с Александром Скочинским в соляное дело на абаканских соляных озёрах⁹.

1883-й год. Император Александр III **оглашает амнистию, согласно** которой ссыльные, повстанцы 1863 г., получали свои права и имели возможность вернуться на родину. Однако несмотря на желание вернуться в Польшу, Войцеховский решает пока остаться в Минусинске. Поиски золота увенчались успехом.

В августе 1885 г. семья Войцеховских – а это его жена и два сына Казимир (1878 г.) и Болеслав (1883 г.), покупает в центре Минусинска большой дом из 6 комнат. Там родились их дети – Ян (1886 г.), Юзеф (1888 г.), Мария (1894 г.) и Михалина (1895 г.). В это время Нарциз впервые после ссылки посещает свой родной дом и уговаривает родителей приехать к нему в Сибирь. Мать прожила с ним 16 лет и умерла в декабре 1904 г. Похоронена в Красноярске. Отец умер четырьмя годами позднее и похоронен в Минусинске, рядом с могилами малолетних детей Нарциза¹⁰.

В 1880 – начале 1890-х гг. родственные семьи Войцеховских, Коженёвских и Андроновских составляли ядро минусинской польской диаспоры. Важную роль играла также семья доктора Даниловича и польская группа в музее Николая Мартянова¹¹.

По инициативе Войцеховского в его доме была устроена католическая часовня, в которой несколько раз в году происходили богослужения с участием приходского священника Францишека Скобеико из Красноярска. В 1871 г. в Красноярске было 4269 прихожан, а за пределами города – 1385¹². Жил священник в польских семьях и несколько дней проводил службы, крестил, венчал и отпевал, посещая могилы умерших на неправославной части минусинского городского кладбища.

Поляки, проживавшие в Минусинске, старались дать своим детям образование. Кроме обучения в школе, дома детей учили родному польскому языку. Однако в Минусинске долгое время не было гимназии и поэтому семьи Даниловичей, Коженёвских и Войцеховских выехали в Красноярск. У Войцеховских рождаются сыновья Леон (1899 г.) и Станислав (умер в 1906 г.). «Золотой интерес», а именно соледобывающие шахты, находился далеко от Красноярска, места пребывания семьи. Летом вся семья на пароходе три дня плыла до Минусинска, а оттуда на солёное озеро Кызыл-Куль, до солеваренного завода¹³.

В Красноярске Нарциз Войцеховский сблизился с многочисленной Полонией и стал активным общественным деятелем. Он выделил финансовую помощь на строительство в Красноярске нового

⁹ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания...

¹⁰ Там же.

¹¹ Leńczyk S. Polskie karty w historii Minusińska. Abakan, 2004.

¹² Majdowski A. Kościół katolicki w Cesarstwie Rosyjskim. Syberia. Daleki Wschód. Azja Środkowa. Warszawa, 2001. S. 55–56.

¹³ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания...

римско-католического костёла в неоготическом стиле. Войцеховский исполнял обязанности председателя Совета съездов золотопромышленников. Казначейская палата избрала его членом отдела по налогам. В 1906 г. он был докладчиком на собраниях по избранию в Первую Государственную Думу. Во время революционных событий 1905 г. был делегатом в комитете по спасению 800 бастующих членов паровозного цеха, был членом комиссии, которая отстаивала права уволенных забастовщиков.

В сентябре 1907 г. семья вновь вернулась в Минусинск, где была уже открыта женская гимназия, и дочери могли закончить образование. Старшие сыновья уже учились в вузах: Казимир в Томске, Ян в Москве, а Болеслав во Львове.

Войцеховский продал золотой рудник и стал заниматься только добычей соли. В это время он так же, как и в Красноярске, активно участвует в общественной жизни маленького городка Минусинска. Он был членом городской Думы, участвовал в комитетах по проведению железной дороги до Минусинска, по открытию навигации по Енисею до границы с Монголией, по строительству казарм для нового гарнизона, в музейном комитете, в комитете по опеке над инвалидами Японской войны и в комитете по открытию Общества взаимного кредита.

Однако самым ценным для Войцеховского стало избрание в качестве докладчика на 50-летие отмены крепостного права в России. На собрании 19 февраля 1911 г. не только Дума, но и все присутствующие устроили Войцеховскому овацию. Всё это говорит о том, что Войцеховского очень уважали в родном его Минусинске. Однако не всегда его карьера была столь безоблачной. Войцеховский приводит в своих воспоминаниях такой факт: когда его избрали почётным опекуном городской школы, генерал-губернатор не утвердил выбора и рекомендовал выбрать кого-нибудь другого. Дума единогласно постановила уклониться от исполнения желания генерал-губернатора, указав, что «не находит среди минусинцев более подходящей особы, заслуживающей этой чести». Несмотря на это генерал-губернатор телеграммой рекомендовал обществу опеки над народным образованием убраться Войцеховского с поста председателя, но общее собрание отклонило эту рекомендацию. Войцеховский, боясь недовольства генерал-губернатора по отношению к минусинцам, сам отказался от председательства, но его отставка они не приняли и уговорили председательствовать.

То же самое произошло и когда минусинцы в числе четырёх мировых судей выбрали Войцеховского, но генерал-губернатор не утвердил.

Войцеховский подчёркивает, что с самых первых своих шагов в Сибири его окружали в основном люди, всегда готовые помочь, и благодаря им, как отмечает Войцеховский, ссыльные не только выжили в тяжёлых условиях Сибири, но и сделали здесь карьеру.

Очень показательна одна цитата из воспоминаний Н. Войцеховского: «Всё это вместе не только составляет мою моральную награду за честный труд в течение ряда лет для общества, с которым вынужден был жить, но и служит неопровержимым доводом, что мы, поляки, могли бы в этих москалях, в которых традиционно вынуждали нас видеть

врагов, иметь доброжелательных и искренних друзей, если бы между нами – народом польским и народом русским – не стояло на страже российское правительство, которое из собственных интересов не допускает взаимопонимания народов, и наоборот, постоянно, всеми средствами старается возбуждать взаимную ненависть»¹⁴. Слова, написанные в 1916 г., актуальны и сейчас.

Не оставляла Войцеховского мысль о возвращении на родину. «Всегда, всегда, как во время наибольшего успеха в делах, так и после испытанных неудач и упадков, не покидала меня мысль о возвращении на родину, в любимую Польшу»¹⁵. В 1911 г. семья решила съехать на родину. Соляной бизнес был оставлен сыновьям как фирма «Торговый дом Н. Войцеховский и сыновья». Войцеховские выехали с 17-летней дочерью Марией, 16-летней Михалиной и 12-летним Леоном. Дорога длилась 9 дней.

В своих воспоминаниях Мария Войцеховская пишет: «Волнение отца было огромным. Всегда важный, державший себя в руках – сейчас, после пересечения границы, не мог он скрыть своего волнения. Его радовало всё – виды из окна, разговоры в вагоне на родном языке и даже толпы людей при приближении к Варшаве»¹⁶.

Войцеховские планировали осесть в Варшаве или Люблине. Однако приближающаяся война с Германией и опасения потери денег, привезённых из Сибири, а также дальнейшее обучение сына Леона вынудило их вернуться в Москву. Он считал, что лучшего образования, чем в Москве, его сын нигде не получит. В это время его сын Болеслав учился в Московской консерватории. В 1913 г. Войцеховский последний раз посетил Варшаву, где на 50-летию восстания встретил ся со своими товарищами по оружию.

Первая мировая война отрезала Войцеховских от Польши. В 1916 г. Нарциз в возрасте 70 лет перенёс тяжёлую операцию и начал писать свои воспоминания. «Я мало жил в Польше, мало вообще знаю мир, кроме Сибири, но из того, о чём я слышал и читал, делаю вывод, что перипетии, какие я пережил, и результаты, каких я достиг, возможны, вероятно, только в Сибири»¹⁷.

Революция 1917 г. и тяжёлое состояние здоровья вынудили Войцеховского с женой и сыном Леоном выехать в Сибирь, в Томск. В Томске Войцеховский был председателем Польского народного комитета. Выезжал он и в свой родной Минусинск, где, выступая на собраниях городского совета, призывал к единству, подчёркивая, что только единение и совместная работа принесут спасение России и Сибири.

Нарциз Войцеховский скончался 13 декабря 1919 г. в Томске. В сибирской газете «Труд» вышел некролог Ивана Чибишева, в котором подчёркивается большой вклад Войцеховского в развитие Сибири, его поддержка в создании сибирского университета, высших женских курсов. «С каким нетерпением он ждал освобождения всего русского народа и как горячо верил в светлое будущее России и Сибири»¹⁸.

¹⁴ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания... С. 14–16.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Wojciechowska M. Radosne wspomnienie // Archiwum Haliny Wojciechowskiej. Cz. III/31; Korzeniowska M. // Stolica. 1962. Nr. 47. S. 23.

¹⁷ Нарциз Войцеховский. Мои воспоминания... С. 15.

¹⁸ Там же; Некролог из газеты «Труд».

Л.М. АРЖАКОВА
г. Санкт-Петербург

НИКОЛАЙ КАРЕЕВ И МИХАЛ БОБЖИНЬСКИЙ

Как повествует Н.И. Кареев в своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое» (изданных лишь в конце XX в., но подготовкой к публикации которых занимался ещё сам автор¹), в 1879 г. он лишился надежды получить место штатного преподавателя в Московском университете и был поставлен перед выбором: либо «остаться учительствовать» в Москве, либо, покинув Москву, занять должность экстраординарного профессора в Варшавском университете. Н.И. Кареев предпочёл второй из этих вариантов, и с конца лета 1879 г. для него наступает период (длившийся до начала 1885 г.) «профессорства в Варшаве», который историк довольно подробно описал в мемуарах, поделившись своими впечатлениями о почти пятилетнем пребывании в столице Царства Польского².

Иными словами, происшедшие перемены в направлении научных изысканий Н.И. Кареева («Займусь и я там историей Польши, во многих отношениях интересной»³) в значительной мере были обусловлены сугубо житейскими обстоятельствами. В Варшаве Н.И. Кареев поневоле окунулся в атмосферу «стихийной ненависти к полякам», поощряемую попечителем округа А.Л. Апухтиным (в то же время, по наблюдениям Кареева, такое «русификаторское рвение... не одобряли многие русские, особенно судебские и военные, вообще бывшие далёкими от внутренней политики»⁴). Но не желая прослыть «казённым обрусителем», молодой профессор предпочёл сблизиться с польской средой. Судя по всему, это было движение навстречу друг другу: поляки не могли не быть признательны новому русскому профессору за введение им в свои курсы материалов о Польше, ведь, как известно, в Варшавском университете курс истории Польши в программе отсутствовал. Годы спустя, в своей статье «Мои отношения к полякам» на страницах «Русских ведомостей» Н.И. Кареев вспоминал: «Польская история в Варшавском университете не преподаётся... и таким образом о прошлом родной страны студенты-поляки слышали с университетской кафедры только в моей аудитории, если не считать того, что они слышали на лекциях русской истории, нередко, как жаловались многие, неприятно задевавших их национальное чувство»⁵.

¹ Золотарёв В.П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 37–40.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 156–172.

³ Там же. С. 156.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам // Русские ведомости. 1901. № 124.

И там же, что любопытно, заявил: «кроме научного интереса польские дела возбудили во мне интерес общественный. Польский вопрос есть один из наших внутренних вопросов (выделено нами. – Л.А.), постоянно нам о себе напоминающий»⁶.

В этой же статье Кареев признавался, что только «в два-три кратких посещения Кракова и Львова (речь идёт о поездках 1889 г., 1901 г. – Л.А.) я приобрёл среди польской интеллигенции гораздо больше знакомств, чем за всё пятилетнее пребывание в Варшаве»⁷. Говоря о порядках в Варшавском университете (где, по словам Кареева, «"политики"... было хоть отбавляй»), в своих мемуарах историк отмечал, что тамошний Совет был разделён поровну, на две партии – русскую и польскую, примерно по тридцать человек в каждой. Н.И. Кареев пишет, что сам он выступал одним из тройки профессоров (составлявших центр), которая, «даже не сговариваясь, стояла на принципиальной точке зрения, вследствие чего мы подавали свои голоса в зависимости от сущности дела то с поляками, то с русскими. Первые за это были нам благодарны, а вторые негодовали»⁸.

Помимо всего прочего, Н.И. Кареева чрезвычайно заинтересовал спор о судьбах Речи Посполитой и причинах её гибели, всколыхнувший как раз в год его приезда польскую научную среду, – после выхода в свет книги Михала Бобжиньского «Очерк истории Польши» (1879 г.)⁹. К тому времени М. Бобжиньский был уже фигурой довольно известной. С 1872 г. он член-корреспондент (а с 1883 г. действительный член) Краковской академии искусств, с 1877 г. – профессор Ягеллонского университета в Кракове, с 1878 г. – директор Краковского архива, автор целого ряда научных работ, нашедших широкий отклик среди коллег-историков, а впоследствии – и видный общественный деятель (с 1885 г. – депутат Венского парламента)¹⁰. Но эта его известность, а главное – её характер, оказалась несравнима с той, какую историк приобрёл уже после первого издания своего «Очерка истории Польши» – книги, в которой были сформулированы выводы, в буквальном смысле слова повергшие польское общество в состояние шока.

Поневоле став свидетелем этого *события* (и подобный эпитет представляется здесь вполне уместным), Н.И. Кареев позднее писал: «Появление книги произвело сильную сенсацию и в обществе, и в прессе, что только способствовало оживлению полемики, которая возникла вследствие замечаний на книгу, сделанных компетентными критиками»¹¹. Косвенным показателем того, в какой мере случившееся повлияло на самого Н.И. Кареева, может быть хотя бы то, что в мемуарах историк, прежде чем сказать о своих первых шагах в постижении польской истории, несколько забегая вперёд,

⁶ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам...

⁷ Там же.

⁸ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 162.

⁹ Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Kraków, 1879.

¹⁰ Serejski M.N., Grabski A.F. Michał Bobrzyński i jego „Dzieje Polski w zarysie” // Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie / Opr. M.N. Serejski i A.F. Grabski. Warszawa, 1974. S. 12–13; Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 329.

¹¹ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 55.

фиксирует: «прочёл польскую историю Бобржинского, впоследствии вышедшую в русском переводе по моей инициативе и под моей редакцией»¹².

Так что же так взволновало поляков в книге Бобжиньского? Сконцентрировав основное внимание на поиске причин падения Речи Посполитой, автор «Очерка...» недвусмысленно заявляет: «Не границы и не соседи, только наш внутренний разлад довёл нас до потери государственного существования». И, развивая эту мысль, поясняет: «Везде... существовало правительство, которое, усмотрев зло, раньше или позже поправляло или уменьшало его. У одних только нас (выделено нами. – Л.А.) недоставало этого оздоравливающего фактора, недоставало правительства, которое в решительную минуту сокупило бы около себя, хотя и разрозненные, общечеловеческие силы и придало им единое направление. Если поэтому, прожив победоносно столько веков, в конце XVIII столетия мы не могли противостоять опасности, то единственная причина этого заключалась в нашем внутреннем безнравии»¹³.

То, как М. Бобжиньский ответил на один из ключевых вопросов, стоявших перед польской историографией на протяжении последнего столетия, – в чём заключались главные причины гибели Речи Посполитой, – было воспринято многими поляками крайне болезненно. Град обвинений едва ли не в прямом предательстве интересов польского народа посыпался на историка. Его книга «за резко отрицательный взгляд на прошлое Польши вызвала массу нападок на автора как на человека, “марающего родное гнездо” и чуть ли не подкупленного московскими рублями»¹⁴.

Одним из объяснений такой реакции польского общества может быть то, что происходивший в польской исторической литературе после поражения восстания 1863 г. пересмотр взглядов на прошлое своей родины, положивший, как известно, начало формированию Краковской исторической школы, поначалу не выходил за рамки научной литературы, тогда как книга Михала Бобжиньского носила научно-популярный характер и привлекла всеобщее внимание.

Как писал коллега и единомышленник Бобжиньского Станислав Смолька, газетные нападки на автора «Очерка истории Польши» были вызваны тем, что тот «подвёл общие итоги под результатами монографической разработки польской истории, произведшими коренной переворот во взглядах на прошлое Польши, но оставшимися неизвестными громадному большинству публики, которой Бобржинский и должен был показаться опасным новатором, не уважающим национальных традиций»¹⁵.

Нападали на Бобжиньского главным образом с двух сторон. Во-первых, на него ополчились приверженцы лелевелевской школы, трагически переживавшие разгром восстания 1863 г., но не утратившие веры в величие Речи Посполитой и «шляхетской демократии».

¹² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 165.

¹³ Цит. по: Кареев Н.И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. Декабрь. С. 556.

¹⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое... С. 170.

¹⁵ Он же. От редактора перевода // Бобржинский М. Очерк истории Польши: Пер. с 3-го польск. изд.; Под ред. проф. С.-Петербургского университета Н.И. Кареева. СПб., 1888. Т. 1-2. С. I.

И, во-вторых, с иных позиций, но не менее темпераментно, против Бобжинского выступила так называемая Варшавская школа, т.е. Владислав Смоленский, Тадеуш Корзон и другие видные историки, доказывавшие, что у Речи Посполитой в XVIII в. были реальные возможности оздоровить экономику и государственное устройство и что только внешнее вмешательство оборвало этот процесс.

Конечно, «польская научная критика... вступив в полемику с Бобжинским по некоторым частным вопросам, в общем признала за его трудом немалое значение», как отметил позднее Н.И. Кареев. Именно «эта учёная защита возымела своё действие: нападки на него прекратились, и книга его сделалась одной из наиболее популярных. В ней, конечно, много лично принадлежащего Бобжинскому, т.е. такого, что не разделяется другими польскими историками, но, и по их отзывам, „Dzieje Polski w zarysie” ценны именно тем, что популяризируют результаты работы современных историков для большей публики»¹⁶.

Н.И. Карееву, который волею судеб оказался в самой гуще событий, довелось первым из российских коллег прочувствовать всю остроту развернувшейся полемики. Чутко уловив значение происходящего, он сумел найти исключительно точное название для своей, вышедшей несколькими годами позже (1886 г.) статьи, которая, в частности, содержала детальный разбор книги Михала Бобжинского: «Новейшая польская историография и переворот в ней (1861–1886)»¹⁷ (выделено нами. – Л.А.).

Н.И. Кареев сознавал, что переворот в польской историографии произошёл не вдруг, потому в своей монографии 1888 г. счёл необходимым подчеркнуть очевидную взаимосвязь между научной концепцией М. Бобжинского и позицией его предшественника Ю. Шуйского: «За эпохой... в которую апология была главным знаменем польской историографии, наступает другая, когда среди серьёзных работ... рушатся прежние апологетические системы... В новом этом направлении могут быть увлечения и односторонность, появляющиеся время от времени; оно однако имеет будущее и непоколебимое право на существование, ибо стремится дать обществу объективную истину. Направление это положило конец несчастному и столь долговременному заблуждению – защите и апофеозу анархичной Польше»¹⁸.

Интерес к польской истории не угас у Н.И. Кареева и после переезда в 1885 г. из Варшавы в Петербург. Одна за другой выходят его монографии, в которых в той или иной мере отразились идеи Бобжинского и полемика вокруг них: «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (М., 1886), «Исторический очерк польского сейма» (М., 1888), «"Падение Польши" в исторической литературе» (СПб., 1888), «Польские реформы XVIII века» (СПб., 1890). Особое внимание на себя в этом списке обращает «"Падение Польши" в исторической литературе», где Н.И. Кареев продолжил исследование проблемы падения Речи Посполитой, начатое им в статье 1886 г., расширив объект своего наблюдения за счёт привлечения разноязычной литературы.

В том же 1888 г. (как и «Падение Польши») в Санкт-Петербурге выходит русский перевод книги Михала Бобжинского под редакцией

¹⁶ Кареев Н.И. От редактора перевода... С. II.

¹⁷ Он же. Новейшая польская историография и переворот в ней...

¹⁸ Цит. по: Кареев Н.И. «Падение Польши»... С. 61–62.

Н.И. Кареева¹⁹, выполненный по третьему, дополненному изданию «Очерка истории Польши», увидевшему свет в 1886 г. В 1889 г. в Кракове состоялось личное знакомство Н.И. Кареева – профессора уже Петербургского университета, с профессором М. Бобжиньским²⁰.

Что касается русского перевода книги, нельзя не отметить настойчивость, с какой Н.И. Кареев стремился реализовать задуманное предприятие, особенно если учитывать тогдашнюю его занятость, связанную, с одной стороны, с завершением работы над докторской диссертацией «Основные вопросы философии истории» (защищённой в Московском университете в 1884 г.), с другой – с неустанным изучением и, что важно, сразу же находившим выход в публикациях, польской истории, нового для себя направления исследований. Известно, что начиная с 1881 г. Н.И. Кареев становится одним из наиболее активно пишущих для газет и журналов – о польских делах – авторов (в 1905 г. все эти статьи были собраны в отдельную книгу²¹). Не удивительно, что труд Бобжиньского с тех пор прочно ассоциируется с именем Кареева, его научной и публицистической деятельностью.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что ещё за пару лет до того, как статья Н.И. Кареева «Новейшая польская историография и переворот в ней» положила начало циклу его трудов, так или иначе касающихся книги Бобжиньского и развиваемой им концепции падения Речи Посполитой, на выход сочинения М. Бобжиньского откликнулся другой русский историк – профессор Московского университета Н.А. Попов. В 1884 г. в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» он выступил с сообщением «О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год»²². На этот, долго остававшийся незамеченным нашей историографией, факт обратила внимание И.Г. Воробьёва²³.

В своём сообщении Н.А. Попов представил обзор событий в польской исторической науке за 1883 г., привлёкших его внимание. Воздав дань памяти В. Мацевского, Ю. Шуйского и Г. Шмитта (кстати, двух последних Попов называет «самоучками в польской истории»²⁴, почему-то не распространяя подобную оценку на более других её заслуживающего Мацевского), русский историк в общих чертах охарактеризовал их творчество. Затем он перешёл, что называется, к текущим делам, проинформировав читателей, к примеру, о замещении должностей в том или ином польском университете, и пр.

Значительное место в обзоре было уделено Михалу Бобжиньскому – «важнейшему представителю польской историографии», как говорит о нём Попов. При этом было подчёркнуто, что его, Бобжиньского, «исследования сделали имя автора известным в учёном мире; но оно получило всеобщую известность не только в польской литературе, но

¹⁹ *Бобжинский М.* Очерк истории Польши... Т. 1.

²⁰ *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое... С. 169.

²¹ *Он же.* *Polonia: Сб. статей по польским делам.* СПб., 1905.

²² *Попов Н.А.* О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год // ИССБО. 1884. № 2. С. 22–27.

²³ *Воробьёва И.Г.* Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 71–75; *Она же.* Зарубежная историография славянских народов в трудах Н.А. Попова // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 33–37.

²⁴ *Попов Н.А.* О важнейших явлениях... С. 24.

и других, когда он издал своё интересное во многих отношениях сочинение: „История Польши в общем очерке”²⁵, которое «произвело сильное волнение между польскими историками, ибо ставило изучение польской истории на совершенно новые основания»²⁶.

По мнению Н.А. Попова, Бобжинский являлся «наиболее близким к научной истине между современными польскими историками», поскольку он «первый с замечательной ясностью и без всяких недомолвок определил отношение нынешней польской историографии к предшествовавшим направлениям»²⁷.

На примере их главных представителей – Адама Нарушевича, Иохима Лелевеля, Михала Бобжинского, Н.А. Попов постарался разъяснить читателям особенности каждого из направлений, после чего одобрительно подчеркнул, что «теперь уже польские историки всё менее и реже отдают свою науку на служение философским теориям, политическим учениям и клерикальным целям, и ищут оснований для своих выводов лишь в критически объяснённом историческом материале, в сравнении польской истории с историей других народов и в более или менее беспристрастном отношении к слабым сторонам польской жизни»²⁸.

Отдавая должное наблюдательности и в известной степени проницательности Н.А. Попова (по сути он действительно первым открыл Бобжинского для русской публики), заметим, что историку всё-таки было трудно разобраться в исторической концепции М. Бобжинского. Тем не менее, на взгляд И.Г. Воробьёвой, сделать ему это удалось, и «работа Попова, – по её словам, – оказалась глубокой и созвучной с оценкой позитивиста-либерала Кареева»²⁹. Насколько бесспорно это наблюдение?

Наверняка можно говорить о том, что Н.А. Попов в книге Бобжинского отметил давно знакомые ему – по сочинениям и разговорам коллег – суждения о польских делах. Его собственное восприятие гибели Речи Посполитой отвечало уже устоявшемуся к тому времени в русской исторической традиции пониманию причин польской катастрофы, какое находим у С.М. Соловьёва и других русских историков задолго до него³⁰. Так, С.М. Соловьёв в своей монографии «Александр I. Политика. Дипломатия» (1877 г.) безапелляционно заявлял: «Польша погибла вследствие своих республиканских форм»³¹.

Если трудно согласиться с И.Г. Воробьёвой относительно глубины разбора Н.А. Поповым «Очерка истории Польши» Бобжинского, то исследователями безусловно права, когда отмечает созвучие оценок этой книги Поповым и Кареевым.

²⁵ Попов Н.А. О важнейших явлениях... С. 25. К слову заметим, что Н.А. Попов предлагает несколько иной, чем Н.И. Кареев, перевод названия книги Бобжинского („Бобржинского”, как писали в XIX в.): «История Польши в общем очерке», а не «Очерк истории Польши».

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 26.

²⁸ Там же.

²⁹ Воробьёва И.Г. Профессор-славист... С. 72.

³⁰ Аржакова Л.М., Якубский В.А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo. Коллеги и учителя – Г.Е. Лебедевой*. СПб., 2005. С. 173–193.

³¹ Соловьёв С.М. Собр. соч.: В 18 кн. М., 1996. Кн. 17. С. 213.

Действительно, говоря о причинах гибели Речи Посполитой, Н.И. Кареев ничуть не сомневался в том, что: «всё спасение их (поляков. – Л.А.) родины могло заключаться только в установлении крепкой правительственной власти»³². Выход «Очерка...» Бобжиньского дал русскому историку повод с удовлетворением отметить, что пусть и позднее других, но поляки «стали понимать истинные причины падения старой Польши»³³. Это в полной мере отвечало всегдашним чаяниям Н.И. Кареева, чьим «самым искренним желанием было содействовать установлению между нами и поляками мирного сожительства в духе истины и справедливости»³⁴.

Исходя из того, что «правдивая наука – лучший путь для установления человеческих отношений между обеими национальностями»³⁵, Кареев, создаётся впечатление, видел в концепции Бобжиньского оптимальный шанс для сближения поляков и русских. И что, пожалуй, самое главное – ему чрезвычайно импонировало, что Бобжиньский в своей книге «с особенной настойчивостью» доказывал тот самый тезис о причинах гибели Речи Посполитой, который для российских историков давно, по его же словам, не был новостью³⁶.

Парадоксальным образом в трактовке такой кардинальной для отечественной полонистики проблемы, как падение Речи Посполитой и его причины, практически совпали мнения представителя консервативной историографии Н.А. Попова, который в этом отношении шёл по стопам С.М. Соловьёва (и многих его предшественников), и либерала-позитивиста Н.И. Кареева, многократно обруганного в российской печати за полонофильские настроения и, в частности, за пропаганду книги Бобжиньского (когда редактора русского перевода обвинили «в непатриотическом поступке и чуть ли не в подкупе поляками»³⁷).

³² Кареев Н.И. Новейшая польская историография... С. 554.

³³ Там же. С. 537.

³⁴ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам...

³⁵ Там же.

³⁶ Кареев Н.И. Новейшая польская историография... С. 554.

³⁷ Он же. Прожитое и пережитое... С. 170.

Н.И. КИРЕЙ
г. Краснодар

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.Ф. КАРСКОГО В РОССИЙСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ ВАРШАВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1893–1915 гг.

Необычайно ярким явлением в истории отечественной науки является 48-летняя творческая деятельность выдающегося филолога-слависта и этнографа Евфимия Фёдоровича Карского (1861–1931), основателя белорусской филологии, академика АН СССР. Его жизнь связана с родной Гродненщиной, украинским городом Нежин, с Варшавой, Москвой, Ростовом-на-Дону, Петроградом-Ленинградом¹. Е.Ф. Карский написал 1016 (!) научных работ, в том числе 96 книг, 143 статьи, 777 отзывов, рецензий, аннотаций, критико-библиографических обзоров². Его научное наследие не потеряло своей значимости и в наше время. Многие из тех ныне развивающихся направлений белорусистики, славистики и этнографии восточных славян были заложены в его трудах ещё на рубеже XIX–XX вв. **Этот научный кладёзь требует**, конечно, всестороннего изучения и практического использования. Однако при этом необходимо также реконструировать на базе исторических источников (труды Е.Ф. Карского, архивные материалы, документы, воспоминания, музейные коллекции, статистические данные, беседы автора статьи с информантами) личную и творческую биографию Е.Ф. Карского, особенно польский её период. Ему уделено место лишь историками белорусской этнографии и фольклора, прежде всего В.К. Бондарчиком и М.Я. Гринблатом, издавшими свои труды преимущественно на белорусском языке³, а также – фрагментарно – С.А. Токаревым⁴ и Э.Р. Соболенко⁵. Но не только эти обстоятельства стали мотивом обращения автора (земляка Е.Ф. Карского) к творчеству выдающегося деятеля науки. Причина нашего интереса к Е.Ф. Карскому кроется ещё и в чисто науковедческих аспектах русско-польских связей.

Е.Ф. Карский (в белорусском варианте – Яхiм Фёдаравiч Карскi) родился 1 января 1861 г. в деревне Лаша нынешнего Гродненского

¹ Кирей Н.И. Выдающийся филолог – славист и этнограф Е.Ф. Карский // Синергетика образования: Межвуз. сб. ст. Ростов н/Д, 2004. Вып. 1. С. 138–154.

² Памяць. Гiсторыка-дакументальная хронiка Гродзенскага раёна. Мiнск, 1993. С. 92.

³ Бандарчык В.К. Гiсторыя беларускай этнаграфii. Пачатак XX ст. Мiнск, 1970; *Он же*. Гiсторыя беларускай савецкай этнаграфii. Мiнск, 1972; Гринблат М.Я. Белорусы: очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968.

⁴ Токарев С.А. Этнография народов СССР. М., 1958. С. 29.

⁵ Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 152.

района Гродненской области в семье учителя народного училища. Позже, в 1868 г., Карские переехали в село Ятра (тогда – Новогрудский уезд (повет) Минской губернии), что примерно в 200 км к востоку от г. Гродно. В селе была корчма, церковь, школа, в которой стал работать отец Евфимия. После окончания ятранской школы мальчика отдали на учёбу в Минское духовное училище. Завершив обучение в духовном училище, Е.Ф. Карский поступил в Минскую духовную семинарию. Там он находился на полном государственном обеспечении, получил прекрасную подготовку в специальных дисциплинах, овладел церковнославянским и греческим языками, что предопределило в будущем его научные пристрастия и дальнейший выбор в жизни. С 1881 до 1885 г. Е.Ф. Карский – студент историко-филологического института в г. Нежине (находится между Киевом и Черниговом), удивлявший там всех результатами на письменных экзаменах, упорством и трудолюбием в изучении славянских языков, а также древнегреческого, латыни, санскрита, владением сравнительно-историческим методом в языкознании. В Нежине и началась его научная деятельность. Ранние научные опубликованные работы Е.Ф. Карского были фольклорно-этнографического содержания и связаны с Гродненщиной, его «малой родиной». В дальнейшем Е.Ф. Карский специально занимался славянской филологией и языкознанием. Однако его работы по истории белорусского языка и диалектологии всегда были тесно связаны с исследованием этнографии белорусского народа.

Первая научная работа Е.Ф. Карского – «Белорусские песни с. Березавца Новогрудского уезда Минской губ.» – была опубликована в «Русском филологическом вестнике» (Варшава, 1884–1885. Т. 12–13). В том же издании (1889. Т. 21) он опубликовал и «Белорусские песни д. Новосёлков-Затрокских Виленской губернии Трокского уезда». Однако после окончания института (с отличием) он, имея все предпосылки для занятия наукой, был вынужден из-за необходимости материально помогать родителям стать преподавателем в Виленской гимназии. Это, правда, не мешало настроенному на словесность молодому педагогу изучать язык древних белорусских памятников письменности в рукописном отделе Виленской библиотеки. Серьёзным и фундаментальным трудом Е.Ф. Карского на белорусском языке стал «Агляд гукаў і форм беларускай гаворкі («Обзор звуков и форм белорусской речи»). В нём исследователь утверждал самостоятельность белорусского языка, сделав тонкий анализ живых белорусских говоров, заложив основу для научного изучения родной речи.

Важнейшим периодом научно-педагогической деятельности Е.Ф. Карского стал 1893–1915 гг. – время работы в Российском Императорском Варшавском университете, куда учёный был переведён из Вильно по личной просьбе. Первоначально он преподавал русский язык, а с 1894 г. стал экстраординарным профессором кафедры русского и старославянского языков и истории русской литературы. Он также преподавал славянскую палеографию, русскую диалектологию, грамматику церковнославянского языка. В 1905–1910 гг. Е.Ф. Карский занимал должность ректора Варшавского университета.

До появления первых научных трудов Е.Ф. Карского этнографические сведения о белорусах не были систематическими, хотя они встречаются в ранних летописях, хрониках, актовых материалах (акты судов, судебные приговоры, завещания, писцовые книги и т.п.), в произведениях художественной литературы. В них проявилась ещё в XV в. определённая «этническая» концепция – защита этнической самостоятельности населявших Великое княжество Литовское (XIII–XVI вв.) народов – литовцев, белорусов, украинцев, а также противопоставление Литовского государства Польскому, протест против ополячивания как реакция защиты этнической и религиозной принадлежности. В связи с тремя разделами Польши (1772, 1793, 1795 гг.) и соединением белорусских земель с Россией белорусы стали привлекать внимание общественных кругов как в России (где Белоруссия царским правительством была объявлена исконно русским краем), так и в Польше (где её рассматривали как провинцию Польши и отрицали этническую самостоятельность белорусов). Белорусская же этнография как наука в то время ещё не сложилась.

Рост национального движения в славянских странах, возникновение славяноведения, развитие сравнительного языкознания, зарождение славистической этнографии в конце XVIII – начале XIX в. обусловили и повышенный интерес к белорусам. Это в первую очередь касается видных представителей славяноведения чеха П.И. Шафарика (1795–1861) – пропагандиста идей «славянской взаимности», а также выходца из Белоруссии З.Я. Доленга-Ходаковского и позже – поляка М. Федоровского. Их интерес к собиранию и изучению белорусского фольклорно-этнографического материала стал примером для других учёных, занимавшихся позднее этнографией белорусов (Н. Шидловский, Я. Чечот, И. Крашевский, А. Рыпинский и др.). Большинство работ по белорусской этнографии было написано на польском языке представителями ополяченного белорусского дворянства и интеллигенции и напечатано в польских изданиях.

Расширению собирательской работы в Белоруссии в середине XIX в. способствовала также деятельность Императорского Русского Географического общества (ИРГО), Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, подготовка Всероссийской этнографической выставки 1867 г., деятельность офицеров Генштаба по сбору статистических и этнографических сведений с целью доказать исконно русский характер населения Белоруссии и ослабить там польское влияние. А с 60–70-х гг. XIX в. уже сами белорусские учёные стали занимать ведущее место в этнографическом изучении своего народа. В эти годы началась научная деятельность П.В. Шейна, Е.Р. Романова, Н.Я. Никифоровского, А.К. Сержпутовского, В.Н. Добровольского, Н.А. Янчука, А.Е. Богдановича⁶. Следовательно, жизнь и научная деятельность Е.Ф. Карского не могли не соотноситься с тенденциями как научного прогресса, так и политикой царизма в Польше.

После подавления Польского восстания 1830–1831 гг. царское правительство закрыло Варшавский (основан в 1816 г.) и Виленский

⁶ Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897–1903. Т. 1–3.

университеты (Главную школу Великого княжества Литовского, основанную ещё в XVI в.). Эти вузы готовили национальные кадры учителей, врачей и католических священников. Вместо них в 1834 г. был учреждён Киевский университет – как центр утверждения русского влияния на Правобережной Украине. А в Польше (с 1815 г. Царство Польское, с 1888 г. – Привисленский край), юридически унифицированной с Российской Империей, после разгрома Польского восстания 1863–1864 гг. процесс дальнейшей унификации с империей стал особенно интенсивным. В административной структуре и в области просвещения были ликвидированы немногие местные польские учреждения и вводились общерусские, усиливалась русификация в школе, суде. В контексте политики царизма в 1869 г. была закрыта и созданная ранее (в 1862 г.) Главная Школа в Варшаве. Её-то и заменил в 1869 г. Российский Императорский Варшавский университет. Он предназначался в «Русской Польше» для детей русской администрации, а также и для польской молодежи, чтобы отвлечь её от поступления в Краковский и Львовский университеты, находившиеся в то время на территории Австро-Венгрии. Это повлекло за собой введение не только нового языка преподавания, смену национального состава студентов, потерю академических должностей и материального статуса большинством профессоров-поляков, а также утрату возможности образования для следующих поколений учёных. Кадры польской Главной Школы, влившиеся в Варшавский университет, который был практически русифицирован, оставались малочисленными. Так, в 1870 г. среди собственно научных сотрудников оставалось 36 поляков (а в 1910 г. – лишь один). Однако большинство студенческой молодёжи (где были и белорусы) составляли поляки (в 1870 г. – 91 %, в 1905 г. – 70,4 % от общего числа студентов). Поляки, выпускники университета, не желали и не могли работать здесь⁷. В такой общественно-политической атмосфере довелось работать в Варшаве Е.Ф. Карскому.

Таким образом, Е.Ф. Карский начал свою творческую деятельность в Варшаве, когда общий уровень науки и культуры в образованном русском обществе был достаточно высоким. Стремительно развивались этнографические исследования и исследования в смежных с этнографией областях знания (археология, демография, языковедение, фольклористика и т.п.). К тому же русская этнография той поры не переставала находиться под сильнейшим влиянием практических потребностей: планомерного собирания и изучения этнографических сведений как о народах окраин, так и о населении центральных областей для административных потребностей. Этим занималась так называемая казённая, правительственная этнография. Одной из её задач было собирание статистико-этнографических сведений о населении Западного края. Между крайними общественно-научными тенденциями в тогдашней русской этнографии находилось множество промежуточных течений (как умеренно-консервативных, так и умеренно-демократических). Их сосуществование обеспечивала крупнейшая научная организация, возглавлявшая этнографическую

⁷ Мичиньска М. Общественная жизнь и меценатство науки и просвещения в Варшаве после Январского восстания (1863) до 1890-х гг., основы и формы // Интеллигенция в истории. М., 2001. С. 103–105.

работу в стране – ИРГО с его отделением этнографии и сетью местных отделов и подотделов. Заметное место принадлежало в них и белорусским этнографам. Именно в это время обострился интерес к понятию народности, шли ожесточённые споры вокруг теории этого понятия, усилилась деятельность научных обществ, активизировалась стационарно-краеведческая работа и правительственная этнография в различных частях Российской Империи, этот период (1870–1890-е гг.) характеризуется господством эволюционистского направления. Чуть позже появятся в стране этнографические музеи, журналы, серийные издания, «школа заимствований» и разные эклектические идейные течения, составившие конкуренцию эволюционизму, господствовавшему в русской этнографии конца XIX в.

В 1894 г. Е.Ф. Карский опубликовал своё исследование «Об языке так называемых литовских летописей», а в целом за научные достижения в области этнографии Совет ИРГО 15 января этого же года наградил молодого учёного золотой медалью. В 1896 г. в Москве он защитил докторскую диссертацию «Западнорусские переводы Псалтыря в XV–XVII вв.», **в которой поставил и решил вопросы взаимодействия старобелорусского языка с церковнославянским (старославянским) и польским.** Доктора филологии Е.Ф. Карского избрали членом Археологической комиссии Московского археологического общества, а в 1898 г. – членом-корреспондентом Товарищества любителей древней письменности.

Повысилось внимание к молодому доктору наук и его научной деятельности в области традиционной культуры со стороны представителей передовой белорусской интеллигенции. В Варшаве для популяризации белорусской культуры и народного творчества многое сделали студенты-белорусы Варшавского университета, организовавшие несколько вечеринок с участием Е.Ф. Карского. Они расклеивали афиши «на беларускай мове» (а разрешалось только на русском либо польском языках). Активное участие в белорусских вечеринках в Варшаве принимали жена Е.Ф. Карского Софья Николаевна Спепуржинская (родом из Новогрудка) и дочь Наталья Евфимиевна, поэт Гальяш Левчик, Аркадий Соловьевич, труппа Игната Буйницкого.

Но на первом месте у Е.Ф. Карского были научные изыскания. Он глубоко, всесторонне, комплексно изучал материальную и духовную культуру, фольклор, говоры, литературу белорусского народа, вникал во все детали собирания фольклорно-этнографических материалов, создал методику записей произведений фольклора, а также «Программу для сбора особенностей белорусских говоров» (1897, 1916 гг.). Собранные другими фольклористами и этнографами материалы тоже обогащали научные исследования Е.Ф. Карского. Больше того, он постоянно поддерживал личные связи с ними (П.В. Шейном, Н.Я. Никифоровским, В.Н. Добровольским, Н.А. Янчуком, М.В. Довнар-Запольским, Я. Карловичем, М. Федоровским и др.). В зоне его особого внимания находился народный учитель Евдоким Романович Романов (1855–1922) – один из видных белорусских краеведов. За обзор этнографических работ Е.Р. Романова⁸ Е.Ф. Карскому была

⁸ Карский Е.Ф. Разбор историко-этнографических трудов Е.Р. Романова по Северо-Западно-ю краю, выпедших в течение 1898–1901 годов. СПб., 1904.

присуждена медаль П.Н. Батюшкова. Поддерживал учёный творческие связи, обменивался трудами с выдающимися языковедами И.И. Срезневским, И.А. Бодуэном де Куртенэ, И.В. Ягичем, А.А. Потебней, А.И. Соболевским, А.А. Шахматовым.

Несомненно, варшавский 22-летний период был самым плодотворным в научно-педагогической деятельности Е.Ф. Карского. Он досконально исследовал устно-поэтическое творчество белорусского народа, его быт, вопросы истории и развития белорусского языка, происхождения белорусов, их этнической территории. Е.Ф. Карский обобщил при этом и всё то, что было сделано в сфере белорусской филологии русскими, украинскими, польскими и белорусскими учёными. Он доказал, что белорусы, несмотря на многовековую политическую и экономическую зависимость, на жёсткий национальный гнёт, жили самостоятельной жизнью, создали богатую культуру, что памятники белорусской письменности имеют такое же историческое значение, как и памятники языка и культуры других народов. Публикации новых статей по языку, литературе и фольклору, собранный им огромный фактический материал требовали системного обобщения. И оно появилось. Это капитальная трёхтомная монография «Белорусы», над которой учёный работал почти 40 лет⁹. Она и ныне остаётся основным исследованием по географии расселения белорусов, их этнической истории, истории изучения народа. А в 1918 г. была опубликована ранее составленная в Варшаве «Этнографическая карта белорусского племени»¹⁰.

В первом томе исследования «Белоруссы»¹¹. Введение к изучению языка и народной словесности» (1904 г.) шесть его разделов посвящены происхождению белорусской народности и её истории. Прародиной славян Е.Ф. Карский считал Полесье (бассейн Припяти, верхнего Немана и нижней Березины). Период после распада Киевской Руси он характеризовал как время формирования русской, украинской и белорусской народностей (XIII–XV вв.). **Опираясь на языковые, исторические, археологические и антропологические данные, автор сделал вывод об автохтонности белорусов. Учёный утверждал, что основу белорусской народности составили древнерусские племена дреговичи, радимичи и кривичи (современной наукой это не подтверждается)**¹². Осталась, на наш взгляд, не доказанной и его гипотеза о происхождении названия «белорусы». Оно не совсем ясное вплоть до наших дней. Термин «Белая Русь» первоначально употреблялся только поляками и литовцами. Существовала и его латинская форма «Alba Russia» (XIV в.). С XVII в. «Белая Русь» употребляется и в русских документах. Е.Ф. Карский связывал название народа с преобладающим белым цветом одежды и светлыми волосами у белорусов. Но есть и другие мнения: 1) «белая» Русь означало «вольная», т.е. не платящая дань татарам; 2) «Белую Русь» часто связывают и с древней топонимикой бассейна р. Буг (Беловежа, Белосток, Бельск, Бяла), откуда, дескать,

⁹ Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 1. Варшава, 1904; Т. 2. Варшава, 1908–1912; Т.3 (Вып. 1). М., 1916; Вып. 2, 3. Пг., 1921, 1922.

¹⁰ Дурново Н. Академик Е.Ф. Карский // *Slavia. Praha*, 1931. V. 10. S. 3.

¹¹ Так в подлиннике.

¹² Токарев С.А. Этнография народов СССР... С. 26.

название распространилось на более широкую область; 3) «Белой Русью назывались земли, население которых раньше приняло христианство, а Черной Русью – земли, где дольше сохранялось язычество»¹³. Но Е.Ф. Карский доказал, что этноним «белорусы» утвердился лишь в конце XIX – начале XX в.

Значительное место в первом томе «Белорусов» отводилось и вопросам языкознания, в частности, окончательной выработке «в эпоху зависимости Белоруссии от Литвы» особенностей белорусского языка и вытеснения им литовского. Раскрыт автором процесс заимствований литовцами из белорусской речи массы слов, некоторых суффиксов и даже фонетических особенностей¹⁴. В седьмом разделе первого тома дан критический анализ научных работ конца XVIII – начала XX в., касающихся белорусской этнографии, языка, фольклора и литературы. Е.Ф. Карский также определил границы этнической территории белорусов, исследовал проблему их этногенеза в связи с формированием языка. Это ему удалось сделать на основе сведений, полученных во время полевых фольклорно-этнографических поездок (по специальному разрешению) в Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Витебскую, Могилёвскую и Минскую губернии. В 1886–1905 гг. Е.Ф. Карский лично посетил и обследовал больше ста населённых пунктов Белоруссии, составил этнографическую и диалектологическую карты, выявил границы распространения белорусского языка. Он бывал на «кірмашах» (ярмарках) в городах, местечках, где проживали и евреи, встречался там с крестьянами, съезжавшимися из окрестных хуторов, сёл, вёсак (деревень), слушал их «гаворкі», фиксировал каждый языковой факт (в том числе полонизмы) на бумаге. Он часто приезжал в Гродненскую губернию, бывал летом 1896 г. в г. Гродно, в родной деревне Лаша, в деревне Жуки, в Мигове, Лососно, Лабне (под Гродно), посетил Балю Костельную, Гольнку, Сопоцкин, Алекшыцы, Малую и Большую Берестовицу, иные населённые пункты.

В 1908, 1911, 1912 гг. вышли в свет 1-й, 2-й и 3-й выпуски второго тома «Белорусов» – «Язык белорусского племени». В них автор рассматривает звуковую и грамматическую строй старобелорусского и современного ему белорусского языка в его народно-диалектной и литературной формах.

В годы Первой мировой войны Е.Ф. Карский вместе с Российским Императорским Варшавским университетом эвакуировался в Москву. Но в Москве не было условий для продолжения его работы. И тогда встал вопрос о временном перемещении университета в один из периферийных городов. 12 августа 1915 г. состоялось экстренное заседание Совета Варшавского университета о переводе университета в г. Ростов-на-Дону. Его ректор С.И. Вехов изложил историю вопроса об организации занятий в будущем академическом году. Как свидетельствуют архивные материалы, ещё «в 20-х числах июля к ректору явился главный врач Николаевской Ростовской-на-Дону больницы доктор Н.В. Парийский, по уполномочию Ростовского-на-Дону городского управления, предложивший перевод университета в г. Ростов-на-Дону

¹³ Этнография восточных славян... С. 148; Токарев С.А. Этнография народов СССР... С. 29.

¹⁴ Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 1. Варшава, 1904. С. 13–124.

со всеми факультетами». В результате дальнейших переговоров в Петрограде и в Ростове-на-Дону 7 августа члены Правления университета (ректор С.И. Вехов, проректор Я.П. Щелкановцев, и.о. деканов профессора В.В. Курилов, Д.Л. Давыдов, Е.В. Осипов, В.А. Погорелов) отправились в Ростов-на-Дону для непосредственного осмотра предлагаемых городом помещений.

10 августа 1915 г. в присутствии представителей университета состоялось чрезвычайное собрание Ростовской-на-Дону городской думы, где заслушали доклад городской управы о переводе Варшавского университета в г. Ростов-на-Дону «в полном его объёме». Было выделено более 20 зданий в распоряжение университета, а также решено «ассигновать на внутреннее оборудование помещений университета» 300 тыс. р «в счёт 2 млн р., ассигнованных на учреждение университета в Ростове». Совет Варшавского университета нашёл «желательным временный перевод Российского Императорского Варшавского университета в г. Ростов-на-Дону»¹⁵. На деле этот перевод оказался окончательным.

В Ростове-на-Дону Е.Ф. Карский читал лекции лишь до весны 1916 г. В это время он был избран ординарным академиком Императорской Санкт-Петербургской академии наук (с мая 1917 г. она стала называться Российской академией наук, с 27 июля 1925 г. – АН СССР) и переехал в Петроград, работал членом правления Президиума АН, директором Музея антропологии и этнографии, председателем Словарной комиссии, членом комиссии «Наука и научные работники», профессором университета.

В Петрограде Е.Ф. Карский завершил работу над третьим томом «Белорусов» («Очерки словесности белорусского племени» в трёх выпусках). Первый выпуск «Народная поэзия» был им подготовлен ещё в Варшаве и издан в Москве в 1916 г., а второй («Старая западнорусская письменность») и третий («Художественная литература на народном языке») в Петрограде в 1921 и 1922 г. В итоге многолетний труд «Белорусы» стал настоящей энциклопедией белорусской филологии, единым по объёму и непревзойдённым по богатству материалов трудом в мировой литературе. В 1924 г. Е.Ф. Карский издал монографию «Русская диалектология». Исключительное значение для славистики имели его труды «Лаврентьевская летопись», «Русская Правда». Его университетские лекции варшавской поры были оформлены в солидный труд «Славянская кирилловская библиография» (1928 г.).

В Петрограде (с 1924 г. – Ленинград) Е.Ф. Карский был избран почётным членом Товарищества любителей российской словесности (1925 г.) и Товарищества письменности и искусства (1927 г.). Трудно перечислить все звания выдающегося учёного, но высшие из них – академик Российской академии наук по Отделению русского языка и словесности, член правления Президиума АН. Широкий кругозор, достижения в области филологии и этнографии, универсальность таланта помогали Е.Ф. Карскому в его редакторской деятельности. С 1 января 1905 до 1917 г. он работал в крупнейшем литературоведческо-лингвистическом журнале «Русский филологический вестник», а в советское время был

¹⁵ ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 34. Л. 190, 195–196.

редактором журнала «Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук». В рамках своей деятельности в историко-археологической комиссии он участвовал в издании памятников письменности («Повесть временных лет», «Суздальская летопись» и др.).

Академик Е.Ф. Карский умер 29 апреля 1931 г. на 71-м году жизни, не успев завершить работу над сравнительным словарём славянских языков. Похоронен в Ленинграде. В наши дни имя Е.Ф. Карского присвоено Гродненской областной библиотеке, Лашанской восьмилетней школе, именем академика названа одна из улиц г. Гродно, уголки-музеи Е.Ф. Карского созданы в Гродненском университете и в областной библиотеке его имени. 19 декабря 1964 г. в Лашанской школе был открыт музей Е.Ф. Карского, где экспонируются личные вещи, автографы, фотокопии рукописей, научные труды. Есть там и микрофильмы докладов учёного, присланные Пражской АН, воспоминания его дочери Н.Е. Барковской, члена-корреспондента АН Белоруссии В.И. Барковского, внучки Т.С. Карской. С апреля 2005 г. в Гродненском университете проводятся «Карские чтения». Это своеобразный поклон великому подвижнику науки в области этнографии и филологии.

К. ЛЯТАВЕЦ
г. Люблин

ПОЛЯКИ В ОТДЕЛЬНОМ КОРПУСЕ ПОГРАНИЧНОЙ СТРАЖИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Проблема службы поляков в войсках Российской Империи уже не раз освещалась в польской историографии¹, но совершенно неисследованным представляется вопрос о службе лиц, происходивших из Царства Польского, в структурах царской пограничной стражи в 1893–1914 гг.

Пограничная стража фактически была образована в 1827 г.², когда император Николай I подписал 5 (17) августа указ об учреждении с 1 (13) января 1828 г. таможенной стражи на границах империй³. Это формирование было предназначено, прежде всего, для защиты границ империи от внешнего нелегального наплыва товаров, с которых Россия взимала таможенные сборы, составлявшие немалую долю дохода государственной казны. Попутной задачей стражи был контроль за лицами, пересекавшими границу. Указ о создании упомянутого формирования, конечно же, не охватил Царства Польского, фактически отделённого от империи таможенной границей. Стоит отметить, что на границе Царства Польского со стороны Виленской, Гродненской и Волынской губерний функционировали три таможенных пограничных округа (Юрбургский, Гродненский и Радзивилловский) с личным составом из 1528 таможенных стражников⁴.

¹ См.: *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii rosyjskiej w latach 1831–1873*. Warszawa, 2001; *Он же*. *Kantoniści z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1832–1856* // *Kwartalnik Historyczny*. R. 106. 1999. Nr 2. S. 3–13; *Он же*. *Losy żołnierzy powstania listopadowego wcielonych do armii carskiej* // *Przegląd Historyczny*. 2000. T. 91. Z. 2. S. 235–245; *Он же*. *Służba wojskowa Polaków na Kaukazie w latach 1831–1856* // *W kraju i na wychodźstwie*. Księga pamiątkowa ofiarowana Profesorowi Sławomirovi Kalembce w sześćdziesięciopięciolate urodzin / Pod red. Z. Karpusa, N. Kasparka, L. Kuka i J. Sobczaka. Toruń; Olsztyn, 2001. S. 725–743; *Śliwowska W., Caban W.* Polacy w carskim korpusie oficerskim w latach 1832–1873. Stan i potrzeby badań // *Polacy i osoby polskiego pochodzenia w siłach zbrojnych i policji państw obcych. Historia i współczesność: Materiały VI Międzynarodowego Sympozjum Biografistyk Polonijnej, Mons (Shape) 28–29 września 2001* / Pod red. A. Judyckiej i Z. Judyckiego. Toruń, 2001. S. 484–491; *Kozłowski E.* Służba rekrutów w armii rosyjskiej (1832–1862) // *Spółczesność polskie XVIII–XIX wieku* / Pod red. W. Kuli i J. Leskiewiczowej. Warszawa, 1974. T. 6. S. 109–128.

² В 1782 г. Екатерина II учредила таможенную стражу при таможенных палатах каждой губернии. В начале второй декады XIX в. функции, присвоенные позднее пограничной страже, исполняли казацкие полки, контролировавшие всю западную сухопутную границу России.

³ С 1835 г. название «Пограничная таможенная стража» была заменено на «Пограничная стража». См.: *Плеханов А.А., Плеханов А.М.* Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917). М., 2003. С. 4–15.

⁴ «Положение о пограничной таможенной страже» было дополнено двумя инструкциями от 1827 г. и 1829 г., которые регулировали основы её функционирования. См.: *Плеханов А.М.* Отдельный корпус пограничной стражи России. Краткий исторический очерк. М., 1993. С. 17; *Чернушевич М.Р.* Материалы к истории пограничной стражи. Часть 1-я. Служба в мирное время. Стычки с контрабандистами и прочие происшествия на границе (сборник). Вып. 1. В царствование Императора Николая I (1825–1855 гг.) / Под ред. генерал-майора Сахарова. СПб., 1900. С. 49–50.

Структуры вновь созданного формирования были подчинены департаменту внешней торговли министерства финансов. Представителями этого департамента на территориях, охваченных таможенными округами, являлись их начальники. И именно они осуществляли непосредственный надзор за деятельностью подразделений пограничной стражи в сфере их юрисдикции.

В пограничной страже была принята воинская внутренняя структура, организационно состоявшая из бригад, полубригад, отрядов (батальонов) и рот. Отдельные подразделения возглавлялись надзирателями и помощниками надзирателей. Эти лица имели некоторый опыт офицерской службы в воинских частях регулярной армии. Нижние чины пограничной стражи, которые непосредственно исполняли дозорную службу (конные и пешие стражники), были унтер-офицерами и рядовыми, уволенными из армии в запас. Кроме того, эти должности занимались солдатами, находящимися в срочных и бессрочных отпусках.

С течением времени структуры российской пограничной стражи преобразовывались. Так, по императорскому указу от 5 (17) ноября 1850 г., подписанному в Царском Селе, с 1 (13) января 1851 г. была ликвидирована таможенная граница между Царством Польским и империей. На территории Царства была образована таможенная администрация (три таможенных округа) и пограничная стража в количестве трёх бригад⁵. Структуры пограничной стражи постепенно охватили и контроль морской границы. Специализированные подразделения охраняли побережье Белого, Балтийского и Чёрного морей. С целью повышения надёжности южной сухопутной границы империи в 1882 г. реорганизации подверглась Черноморская бригада пограничной стражи. В результате было создано несколько новых бригад на границе, проходящей по Закавказью. Двенадцать лет спустя надзор за государственной границей был распространён на территорию Закаспийского округа. Там были сформированы две бригады: Закаспийская и Амударьинская, которым была доверена охрана российской границы от Каспийского моря до Алтайских гор.

Под конец царствования Александра III **соединением, охраняющим государственную границу**, 15 (27) октября 1893 г. было присвоено окончательное наименование – Отдельный корпус пограничной стражи. Обязанности шефа пограничной стражи были возложены на министра финансов⁶.

Любопытно выглядит проблема организации последнего округа пограничной стражи Российской Империи. Для охраны территорий, расположенных южнее реки Амур 9 (22) января 1901 г. был создан Заамурский округ пограничной стражи⁷. Ему, прежде всего, поручалась дозорная служба на территории Манчжурии, где по российско-китайскому договору 1896 г. строилась Восточно-китайская железная

⁵ Это были: Вержболовская, Калишская и Завихойская бригады пограничной стражи. См.: *Ustawa celna dla Królestwa Polskiego. Warszawa, 1851. S. 6–25. Следует добавить, что с 1 (13) января 1867 г. на территории Царства Польского была образована ещё одна бригада пограничной стражи – Александровская (на прусской границе).*

⁶ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. 1893. № 162. 22 октября. С. 3627–3628.

⁷ Там же. 1901. № 12. 28 января. С. 297.

дорога⁸. Здешняя пограничная стража была напрямую образована из стражи, охранявшей упомянутую железную дорогу. Несомненное влияние на учреждение Заамурского округа пограничной стражи оказало так называемое «восстание боксёров» на территории Китая. В состав нового пограничного округа вошли четыре бригады, на которые была возложена обязанность охраны железнодорожных станций и персонала железной дороги. Район непосредственного действия бригад ограничивался 25-верстовыми полосами безопасности по обе стороны от железной дороги, а разведывательные операции проводились на территориях, расположенных до 75 вёрст от района непосредственного действия⁹.

В течение второй половины XIX в. российскую пограничную стражу затронул ряд системных преобразований. Ещё в конце 1840-х гг. для служащих пограничной стражи были введены военные чины. Но одним из важнейших моментов, отразившихся в воинском характере формирований, было решение от 8 (20) мая 1861 г., в соответствии с которым пополнение личного состава конкретных бригад пограничной стражи стало проводиться на основе воинского рекрутского набора. Каждой бригаде утверждался штат, ежегодно восполняемый очередным призывом рекрутов¹⁰.

Важным периодом для внутренней организации российской пограничной стражи стали 1880–1890-е гг. В 1883 г. количество пограничных округов, которым подчинялись конкретные бригады, уменьшилось с 17 до 9. Централизация управления пограничной стражей, несомненно, улучшила её эффективность. Кроме того, стоимость содержания таможенной администрации уменьшилась, что положительно отразилось на экономических показателях самого министерства финансов. Шестью годами позже на территории империи осталось лишь семь пограничных округов, а центры их управления располагались в Санкт-Петербурге, Вильне, Варшаве, Бердичеве, Одессе, Тифлисе и Ташкенте¹¹. В 1901 г. был создан, как уже упоминалось, совершенно новый пограничный округ с центром управления в Харбине.

По данным 1900 г. в структуре российской пограничной стражи, поделённой на семь округов, числилась 31 бригада и 2 специальных батальона. Штаб I округа располагался в Санкт-Петербурге и ему подчинялись следующие части: Беломорский специальный пограничный батальон, 1-я Петербургская Государя Александра III бригада пограничной стражи (БПС), 2-я Ревельская БПС, 3-я Аренбургская БПС и 4-я Рижская БПС¹². Части I округа охраняли морскую границу, проходящую на высоте Петербургской, Эстляндской, Инфляндской и Курляндской губерний.

⁸ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1: 1849–1894. Детство. Царствования Александра II и Александра III. С. 355; см. также: *Аблова Н.Я.* История КВЖД и российская эмиграция в Китае (первая половина XX в.). Минск, 1999.

⁹ См.: *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М., 1990. С. 110–111.

¹⁰ Переход на комплектование пограничной стражи путём рекрутского набора привёл, как и в армии, к необходимости создания учебных подразделений. С 1889 г. учебные курсы функционировали при штабах бригад.

¹¹ В 1903 г. штаб IV пограничного округа был переведён в Киев. См.: *AGAD. Olkusi Oddział Czesłochowskiej Brygady Straży Granicznej (OOCzBSG)* (польск. Олькушский отряд Ченстоховской бригады пограничной стражи). *Sygn.* 57. К. 206–208.

¹² *Potęga wojenna Rosji w świetle najnowszych danych urzędowych.* Lwów, 1900. S. 62–63.

Оставшийся отрезок морской границы и часть российско-германской сухопутной пограничной полосы, тянувшейся вдоль Ковенской, Сувальской и Ломжинской губерний, охранялись бригадами II округа. На его территории располагались: 5-я Гродненская БПС, 6-я Таврогинская БПС, 7-я Вержболовская БПС, 8-я Граевская БПС и 9-я Ломжинская БПС¹³.

Следующий отрезок границы с Германской Империей охранялся бригадами III округа. На территории Плоцкой, Варшавской, Калишской, Пётрковской и Келецкой губерний располагались: 10-я Рыпинская БПС, 11-я Александровская БПС, 12-я Калишская БПС, 13-я Велюнская БПС и 14-я Ченстоховская БПС. Кроме того, штабу III округа была подчинена ещё и 15-я Новобережская БПС, охранявшая русско-австрийскую границу на отрезке от Кракова до Полянца¹⁴.

Тянущаяся далее к югу граница России была доверена бригадам IV округа. Продолжение её участка вдоль Австро-Венгрии охраняли: 16-я Сандомирская БПС, 17-я Томашевская БПС, 18-я Волынская БПС и 19-я Волочискская БПС. Эти части дислоцировались в Радомской, Люблинской и Волынской губерниях. Далее следовала граница с Румынией, где несла службу 20-я Хотимская БПС (IV округ) и две бригады V округа: 21-я Скулянская БПС и, на одном из устьев Дуная – 22-я Измаильская БПС¹⁵.

В состав V округа входили также: 23-я Одесская БПС, 24-я Крымская БПС и Керченский специальный батальон пограничной стражи. На берегах Чёрного моря располагалась также 25-я Черноморская БПС (VI округ). Эти части охраняли побережье и государственные территориальные воды.

Самая тяжёлая служба по охране границ империи выпала частям VI округа. Под его контролем оказалось русско-турецкое и русско-персидское пограничье. На особо сложной горной местности располагались посты 26-й Карской БПС, 27-й Эриванской БПС и 28-й Елисаветпольской БПС. Следующей, 29-й Бакинской БПС, выпало охранять границу по Каспийскому морю¹⁶. В аналогичном положении оказалась и 30-я Закаспийская БПС из VII округа. С ней соседствовала 31-я Амударьинская БПС из того же VII округа¹⁷. Приведённая выше схема охраны государственной границы по участкам просуществовала до рубежа июля-августа 1914 г.

Формирования пограничной стражи Российской Империи без значительных преобразований действовали до 1914 г. За несколько дней до начала Первой мировой войны Генеральный штаб, после предварительных консультаций с министерством финансов, распорядился вывести эти формирования с приграничных территорий. Фактически все бригады пограничной стражи после того, как покинули свои места, были переформированы во вспомогательные кавалерийские части (так называемые конные полки) и приданы соответствующим армейским корпусам¹⁸. Следует отметить, что они приняли активное участие в боевых действиях на Западном и Кавказском фронтах.

¹³ Potęga wojenna Rosyi... S. 63.

¹⁴ Carlowitz von Maxen. Eintheilung und dislokation der Russischen Armee. Leipzig, 1901. S. 31.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Potęga wojenna Rosyi w świetle najnowszych danych urzędowych... S. 63–64.

¹⁷ Ibid. S. 64.

¹⁸ АРЛ. Zarząd Powiatu Janowskiego (польск. Управа Яновского повета). Sygn. 5 (вся сшивка); Ивангород в 1914–1915 гг. Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.В. фон Шварца коменданта крепости. Париж, 1969. С. 26.

Что же явилось фактором появления в подразделениях российской пограничной стражи представителей польской национальности? Основная причина службы поляков вытекала из вышеупомянутых решений, касающихся пополнения личного состава конкретных бригад. Министерство финансов, фактически курировавшее Отдельный корпус пограничной стражи, было обязано заботиться о постоянном, по набору, пополнении рядов пограничных стражников нижними чинами. Упомянутое ведомство ежегодно консультировалось с военным министерством по вопросам удовлетворения своих потребностей в виде доли из общего числа призываемых. Этот контингент перед каждым рекрутским набором распределялся между различными губерниями, и губернии Царства Польского были вынуждены направлять некоторую часть рекрутов в бригады с очень отдалённой дислокацией¹⁹. Это соответствовало обязательному тогда принципу значительного удаления мест службы от мест постоянного проживания рекрутов²⁰.

Данные, касающиеся пополнения рядов пограничной стражи лицами из числа рекрутов, до сих пор ещё не были исследованы. Более того, они не вызвали и повышенного интереса. Без сомнения, влияние на это оказал и затруднённый доступ к такого рода источникам, хотя информационный материал был опубликован в виде приказов по войскам Отдельного корпуса пограничной стражи. Первые, из числа сохранившихся, полные данные относятся к рекрутскому набору, проведённому для частей пограничной стражи осенью 1898 г. В соответствии с повсеместно господствующими принципами для некоторого количества бригад пограничной стражи исключалась возможность пополнения лицами, происходящими из Царства Польского. Эти соединения были представлены частями, подчинёнными штабам II, III и IV пограничных округов, то есть бригадами под номерами с 5 по 20.

В результате осеннего рекрутского набора 1898 г. в структуры пограничной стражи было направлено более 600 лиц с территории Царства Польского. Это вовсе не означает отсутствия поляков в этих структурах в предшествующие годы. В Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г. нет данных, касающихся непосредственно пограничной стражи. Однако тщательный анализ территориального происхождения и структуры вероисповедания лиц, включённых в вооружённые силы, даёт возможность отыскать следы информации, относящейся к службам, охраняющим границы Российской Империи. Перепись отмечает значительное количество поляков в приграничных губерниях империи²¹.

¹⁹ При подборе кадров для бригад пограничной стражи, дислоцированных на территории Царства Польского, применялся тот же принцип – в них служили преимущественно выходцы из центральных губерний империи. См.: APL. *Komisje Spisowe* (польск. Списочные комиссии). Sygn. 235–238 (все сшивки).

²⁰ Вопросы рекрутского набора в русскую армию на территории Царства Польского в период до реформы 1874 г. и распределения новобранцев освещены в монографии: *Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii rosyjskiej...*

²¹ См.: Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г., тома анализа профессиональной структуры населения приграничных губерний и округов, кроме губерний Царства Польского.

Таблица 1

**Рекрутский набор из Царства Польского
в Отдельный корпус пограничной стражи в 1898 г.**

Наименование бригады	Наименование губернии постоянного жительства рекрутов	Количество рекрутов из данной губернии	Общее число пополнения данной бригады	Процентный состав рекрутов из Царства Польского
Петербургская	Сувалкская	20	79	25,3
Ревельская	Сувалкская	12	126	9,5
Аренбургская	Седлецкая	11	115	9,5
Рижская	Радомская	20	161	12,4
Одесская	Седлецкая	30	116	25,8
Крымская	Седлецкая	28	100	28,0
Керченский отряд	Сувалкская	12	46	26,0
Измайльская	Люблинская	65	252	25,7
Черноморская	Сувалкская / Седлецкая	40/45	331	25,6
Карская	Радомская	110	426	25,8
Эриванская	Люблинская	40	327	12,2
Елисаветпольская	Келенкая / Люблинская	35/40	291	25,7
Бакинская	Плоцкая	75	288	26,0
Закаспийская	Ломжинская	60	241	24,9
Амударьинская	Пётрковская	50	197	25,4

Источник: AGAD. OOCzBSG. Sygn. 44.

Поскольку информация о методах пополнения пограничной стражи за предшествующие годы оказалась ограниченной, можно лишь предполагать, что количественные данные рекрутского набора 1898 г. были подобны предыдущему периоду. Нельзя исключать, что именно в результате реформы пограничных формирований 1893 г. были сформулированы указания по вопросам пополнения личного состава стражников нижними чинами.

Из таблицы 1 явствует, что поляки, к примеру, в Крымской БПС составляли 28,0 % её пополнения. В других частях поляков в составе рекрутов было от 24,9 до 26 %. Следует признать нехарактерно низким количество рекрутов из Царства Польского в Аренбургской, Ревельской, Рижской и Эриванской БПС, где поляки составляли 9,5–12,4 %.

Напрашивается вопрос – все ли рекруты из Царства Польского были поляками? Памятуя о национальной дифференциации населения Привислинского края, можно предположить, что наряду с поляками в рекрутском контингенте могли бы быть, к примеру, евреи, представители национальностей, принявших униатство или литовцы. Евреев можно решительно исключить из числа рекрутов, пополнявших пограничную стражу, так как лицам этой национальности была запрещена служба в приграничных формированиях²². Что же касается других национальностей, то они не представляли собой заметной группы, влияющей на наши оценочные данные.

²² См.: Ustawa celna dla Królestwa Polskiego... S. 40–41.

Поляки, распределённые по рекрутской повинности в конкретные бригады пограничной стражи, представляли собой достаточно дифференцированные по своему территориальному происхождению группы. Причём в общем количестве рекрутов из Царства Польского, направленных в Отдельный корпус пограничной стражи, доли губерний были различны. В 1898 г. наименьшая доля рекрутов-пограничников была определена для Келецкой и Пётрковской губерний (лишь 5,05 % и 7,2 % от общего контингента соответственно). Наибольшая же доля (21,0 %) пришлась на новобранцев из Люблинской губернии²³. Набор 1898 г. не охватил Калишской и Варшавской губерний. Отсутствие рекрутов из Калишской губернии заставляет задуматься. Неужели штаб Отдельного корпуса пограничной стражи избегал комплектования своих рядов лицами из приграничных территорий? Наверняка не существовало никаких специальных предписаний по этому вопросу. Это подтверждает и практика того же 1898 г. Среди рекрутов довольно большую долю составили представители других приграничных губерний: Люблинской, Плоцкой и Сувальской.

Приведённые выше данные могут указывать на то, что среди нижних чинов пограничной стражи поляки могли составлять до 30 % личного состава. Штаб Отдельного корпуса пограничной стражи, скорее всего, был последователен в методах пополнения личного состава своих частей. Он не допускал, чтобы в конкретных бригадах нарушался принцип русского (православного) перевеса над рекрутами других национальностей. Этот принцип соблюдался особенно тщательно в период ежегодной осенней ротации личного состава.

Таблица 2

**Рекрутский набор из Царства Польского
в Отдельный корпус пограничной стражи в 1903 г.**

Наименование бригады	Наименование губернии постоянного жительства рекрутов	Количество рекрутов из данной губернии	Общее число пополнения данной бригады	Процентный состав рекрутов из Царства Польского
Одесская	Седлецкая	34	110	30,9
Крымская	Седлецкая	38	124	30,6
Измаильская	Ломжинская	60	193	30,5
Черноморская	Келецкая / Сувальская	70/33	332	31,0
Карская	Радомская / Келецкая	66/60	411	30,7
Эриванская	Сувальская / Радомская	50/46	311	30,9
Елисаветпольская	Люблинская	63	286	22,0
Бакинская	Плоцкая / Люблинская	62/45	267	40,1
Закаспийская	Плоцкая	62	200	31,0
Амударьинская	Пётрковская	40	130	30,1

Источник: AGAD. OOCzBSG. Sygn. 85.

²³ В контингенте 1898 г. присутствовали также призывники из Радомской (18,75 %), Седлецкой (16,46 %), Сувальской (12,11 %), Плоцкой (10,83 %) и Ломжинской (8,66 %) губерний. Подсчитано автором на основе данных: AGAD. OOCzBSG. Sygn. 44 (вся сшивка).

Несколькими годами позже, накануне революции 1905 г., обозначился процесс постепенного увеличения рекрутского контингента, набираемого в пограничную стражу с территории Царства Польского. Интересно, что с 1900 г. поляки призывались лишь в 10 бригад, которые охраняли южные границы империи²⁴. Анализируя данные таблицы 2 можно отметить рост доли рекрутов польской национальности, что особенно заметно на примере Бакинской БПС, где доля поляков составила более 40 % рекрутского пополнения. В других бригадах, за исключением Елисаветпольской, доля рекрутов из Царства Польского составила 30–31 %²⁵. Из этого следует, что тенденции подбора новых кадров для пограничной стражи сохранились, хотя в некоторых случаях это приводило к нарушениям принципа замещения инородцами не более 1/3 должностей.

Таблица 3

**Рекрутский набор из Царства Польского
в Отдельный корпус пограничной стражи в 1908 г.**

Наименование бригады	Наименование губернии постоянного жительства рекрутов	Количество рекрутов из данной губернии	Общее число пополнения данной бригады	Процентный состав рекрутов из Царства Польского
Одесская	Сувалкская	30	108	27,8
Крымская	Сувалкская	29	92	31,5
Керченский отряд	Седлецкая	12	38	31,6
Измаильская	Ломжинская / Люблинская	40/38	253	30,8
Черноморская	Келецкая	91	357	25,5
Карская	Радомская / Келецкая	67/67	432	31,0
Эриванская	Сувалкская / Радомская	35/39	433	17,1
Елисаветпольская	Люблинская	64	343	18,7
Бакинская	Плоцкая / Люблинская	34/105	439	31,7
Закаспийская	Сувалкская / Плоцкая	50/71	390	31,0
Амударьинская	Пётрковская / Радомская	44/28	232	30,2

Источник: AGAD. OOCzBSG. Sygn. 129.

Поляки, начинавшие службу в пограничной страже, представляли восемь губерний Царства Польского. Так же, как и в 1898 г., рекруты из Калишской и Варшавской губерний в бригады пограничной стражи не направлялись. При призыве 1903 г. проявились некоторые, хотя и небольшие, изменения, касающиеся представительства рекрутов отдельных губерний Привислинского края. На этот раз в наименьшей степени были представлены Пётрковская (5,49 %) и Ломжинская (8,24 %)

²⁴ Это не означает, что поляков не было среди нижних чинов в бригадах, дислоцированных на Белом и Балтийском морях, хотя новобранцы 1903 г. туда и не направлялись.

²⁵ В Елисаветпольской БПС поляки составляли 22 % новобранцев (см. таблицу 2).

губернии. Самые же многочисленные группы будущих стражей границы происходили из Келецкой (17,84 %) и Плоцкой (17,12 %) губерний²⁶.

Тенденции, проявившиеся в рекрутских наборах середины 1890-х гг., продолжали быть актуальными и под конец первой декады XX в. Данные, содержащиеся в таблице 3, сопоставимы с предыдущей подборкой. Не очень от них отличаются и данные 1898 г. Можно заметить, что в пополнении семи бригад пограничной стражи поляки составляли от 30,2 до 31,7 %. Поляки в 1908 г. были наиболее многочисленны в пополнении Бакинской, Крымской бригад и Керченского специального отряда.

На этот раз, в отличие от 1903 г., меньше поляков попало в Эриванскую бригаду. Лишь каждый шестой, начинающий службу в этом соединении под конец 1908 г., происходил из Царства Польского. Немного больше поляков было направлено и в Елисаветпольскую бригаду (18,7 %).

Произошли небольшие изменения, по сравнению с 1898 и 1903 гг., в отношении территориального происхождения рекрутов из Царства Польского. Наибольшее число рекрутов было из Люблинской губернии (24,52 %). Это стало своеобразным новшеством, поскольку до сих пор ни одна губерния Привислинского края не выставляла столь большого количества рекрутов. Кроме того, многочисленный контингент был представлен Келецкой (18,72 %) и Сувалкской (17,06 %) губерниями. На этот раз части пограничной стражи пополнились лишь двенадцатью представителями Седлецкой губернии (1,42 %)²⁷. Из этого следует, что губернии Царства Польского были представлены группами разной величины, направляемыми на службу в Отдельный корпус пограничной стражи. Никаких закономерностей на этот счёт не существовало. По-видимому, численность отдельных контингентов определялась лишь потребностями пополнения рядов российских пограничных формирований.

Влияние на колебания численности пополнения, принимаемого из Царства Польского в пограничные формирования, оказывали инструкции по набору рекрутов, разработанные в штабе Отдельного корпуса пограничной стражи. Не всегда удавалось соблюсти жёсткие планы пополнения рядов пограничных служб. Однако некоторых директив старались придерживаться и в конкретные бригады пограничной стражи постоянно направлялись рекруты из одних и тех же губерний Царства Польского. Таким примером может служить постоянный приток рекрутов из Люблинской губернии в Елисаветпольскую бригаду, или из Плоцкой губернии – в Бакинскую бригаду. Трудно объяснить, какие мотивы способствовали порождению подобных традиций. В этой связи возникают и вопросы – почему вдруг после длительного направления в данную часть рекрутов из конкретной губернии, принцип рекрутского набора неожиданно менялся, и пополнение начинало поступать из иной губернии.

²⁶ По статистическим данным рекруты из Радомской губернии составили 15,37 %, Люблинской – 14,69 %, Сувалкской – 11,38 % и Седлецкой – 9,87 %. См.: AGAD. OOCzBSG. Sygn. 85 (вся сшивка).

²⁷ Рекруты других губерний Царства Польского в 1908 г. были представлены следующим образом: Радомская – 15,88 %. Плоцкая – 12,44 %, Пётрковская – 5,22 % и Ломжинская – 4,74 %.

К сожалению, данные по годам, непосредственно предшествующим Первой мировой войне, неизвестны. Можно предполагать, что в мирное время рекрутский набор в пограничную стражу продолжался, а принципы его проведения не менялись. В отношении территориального происхождения стражей границы радикальных изменений, по-видимому, не произошло. Несущественные изменения касались лишь общего количества лиц, набираемых из Царства Польского, процентных пропорций отдельных контингентов из данной губернии и распределения рекрутов по конкретным частям Отдельного корпуса пограничной стражи.

Говоря о поляках в Отдельном корпусе пограничной стражи нельзя не упомянуть и об их службе в офицерском корпусе этого формирования. Офицерский корпус пограничной стражи функционировал на тех же принципах, что и офицерский корпус регулярной армии. Пополнялся он лицами, окончившими юнкерские училища²⁸, прослужившими не менее двух лет в регулярных частях и согласившимися перейти на службу из военного министерства в министерство финансов. Таким образом, в пограничную стражу попадали лица, которые имели за плечами, как минимум, 4-летнюю военную службу. После перехода в пограничные формирования офицерам присваивались чины кавалерии²⁹.

Царские власти проводили по отношению к офицерскому корпусу пограничной стражи такую же специфическую кадровую политику, как и в регулярной армии. Её главной целью было недопущение офицеров польской национальности в состав бригад, дислоцированных на территориях, где преобладало коренное польское население. Это было причиной того, что офицеры-поляки, хоть и немногочисленные в пограничной страже, были заметны лишь в частях, расположенных вдоль южной границы империи. Численность этой группы оценивается в неполные два десятка человек³⁰. Основным же критерием для выделения этой группы служило вероисповедание, в нашем случае – римско-католическое. Однако необходимо иметь в виду, что поляки могли быть и протестантами, и даже православными³¹.

Можно было бы привести множество примеров службы поляков в офицерском корпусе пограничных формирований. Замечательным образцом такой службы представляется карьера Яна Станкевича. После окончания в 1882 г. 1-го Павловского юнкерского училища и четырёхлетней службы в лейб-гвардии гренадерском полку, в 1886 г. он

²⁸ При переходе офицеров в пограничную стражу предпочтение отдавалось выпускникам кавалерийских училищ, но это требование зачастую игнорировалось, и в интересующем нас формировании служило много выпускников пехотных училищ.

²⁹ Низшим офицерским чином был чин корнета.

³⁰ Данные и предположения основываются на официальных списках личного состава Отдельного корпуса пограничной стражи. См.: Справочная книжка по личному составу Отдельного корпуса пограничной стражи с кратким квартирным и штатным расписанием и алфавитом постов сего корпуса. СПб., 1902; Личный состав чинов Отдельного корпуса пограничной стражи по старшинству. Составлен по 1 января 1909 г. СПб., 1909; Личный состав чинов Отдельного корпуса пограничной стражи по старшинству. Составлен по 6 декабря 1913 г. СПб., 1914.

³¹ Принятие православного или протестантского вероисповедание могло быть продиктовано личными причинами, поскольку облегчало профессиональную карьеру как в русской армии, так и в гражданской администрации.

в чине поручика перешёл в пограничную стражу. После 23 лет службы в ведомстве министерства финансов Станкевич вышел в отставку в чине полковника³².

Поляки служили не только в офицерском корпусе или в качестве нижних чинов, но и во вспомогательных службах: медицинской и ветеринарной. Совершенно иными были принципы назначения поляков на гражданские чиновничьи должности, связанные с медицинской и ветеринарной службами. Это касалось должностей старших и младших лекарей бригад, ветеринарных лекарей, медицинских и ветеринарных фельдшеров. Анализ персонального замещения упомянутых выше должностей привёл к любопытным выводам. По отношению к полякам, занимавшим интересующие нас гражданские чиновничьи должности, не применялось дискриминационное правило, запрещавшее им служить на территориях с преимущественно римско-католическим населением. Поляки служили не только в бригадах пограничной стражи, размещённых на южных рубежах империи. К примеру, следует отметить Теофила Леськевича, который в 1913 г. был старшим лекарем 20-й Хотимской БПС³³. В Таврогинской БПС, дислоцированной в Ковенской губернии, должность старшего лекаря занимал Бронислав Павлович, происходивший из Новогрудского повета Минской губернии³⁴.

В качестве ветеринарного лекаря с конца 1907 г. служил в Сандомирской БПС Эдвард Михневич, выпускник Харьковского ветеринарного института³⁵. Этот пример подтверждает тезис, что на чиновничьих должностях поляки могли служить даже в бригадах, размещённых на территории Царства Польского.

Из приведённых рассуждений следует, что поляки присутствовали в структурах Отдельного корпуса пограничной стражи, подтверждая тем самым тезис о своей способности приравниваться к службе, как в силовых ведомствах, так и в чиновничьем корпусе царской России, за пределами Царства Польского.

³² Ян сын Францишека Станкевич, род. 4 апреля 1862 г. в Вильне, римско-католического вероисповедания, поляк. В 1880 г. окончил 1-ю Петербургскую военную гимназию, в 1883 г. получил чин гвардии прапорщика. См.: *Centralne Archiwum Wojskowe w Rembertowie* (польск. Центральный военный архив в Рембертове). *Akta personalne generała Jana Stankiewicza* (польск. Личное дело генерала Яна Станкевича). *Sygn. Ap.* 28 573, 19 236.

³³ Теофил Леськевич род. в 1887 г. предположительно в Келецкой губернии. Учился в Варшавском университете. В Отдельном корпусе пограничной стражи служил с 1904 (?) по 1914 г. См.: Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1913 г. СПб., 1913; *Szarejko P. Słownik lekarzy polskich XIX wieku. Warszawa*, 1991. Т. 1. S. 327–328.

³⁴ См.: Российский медицинский список... на 1913 г.; *Szarejko P. Op. cit.* S. 418.

³⁵ Эдвард Михневич в момент занятия должности имел чин надворного советника. См.: Список ветеринарным врачам пограничной стражи по старшинству. Составлен по 1 января 1909 г. // Личный состав чинов Отдельного корпуса пограничной стражи по старшинству. Составлен по 1 января 1909 г. СПб., 1909. С. 8.

с. И. ПАЛЕЧНА
г. Туансе

ОРДЕН СЕСТЁР ЛОРЕТАНОК: ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К концу XVIII в. Речь Посполитая была одной из крупнейших европейских держав, но в результате трёх разделов она утратила свою государственность. Значительная часть бывших польских земель отошла к Российской Империи. Неудивительно, что поляки обосновались в различных губерниях России и в её столице – Санкт-Петербурге. По свидетельству того времени перевес поляков в римско-католических церквях в России был настолько велик, что их можно называть польскими церквями.

Одной из самых крупных и старейших из сохранившихся до наших дней католических церквей России является храм Св. Екатерины Александрийской. 14 сентября 1738 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о выделении на Невском проспекте места для возведения католического костёла. Но только 7 октября 1783 г. состоялось торжественное освящение церкви, названной в честь мученицы Св. Екатерины. Над главным входом в храм высечена дата его освящения и надпись из Евангелия: «Дом мой домом молитвы наречется».

В 1798 г. в храме были захоронены останки последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, который перед смертью год жил в Петербурге. Кроме того, в храме Св. Екатерины до 1922 г. находились и останки другого польского короля – Станислава Лещинского. В 1916 г. приход Св. Екатерины насчитывал 30 тыс. верующих, а приход Св. Станислава Мученика, основанный в 1825 г. для больных и пожилых верующих, насчитывал более 10 тыс. прихожан. При советской власти католические храмы были закрыты, а их помещения использовались по другому назначению¹.

В феврале 1992 г. храм Св. Екатерины был возвращён верующим, начались реставрационные работы, заработала воскресная школа. Храму были возвращены те немногие реликвии, которые удалось сохранить. Одной из них стало распятие, чудесным образом спасённое в 1938 г. прихожанкой Софьей Степулковской. 11 мая 2003 г. состоялось торжественное открытие церкви Св. Екатерины Александрийской. Сегодня многонациональный приход храма на Невском проспекте насчитывает ок. 500 чел.

¹ История Римско-католической Церкви в России и Польше в документах архивов, библиотеки и музеев Санкт-Петербурга / Гл. ред. кс. Кшиштоф Пожарский. СПб.; Варшава, 2000. Т. 2. С. 182–185; *Ханковска Р.* Храм Святой Екатерины в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.

Церковь Св. Екатерины всегда была духовным центром и, находясь в столице империи, собирала вокруг себя поляков и представителей других национальностей, внося свой вклад в историческое развитие Санкт-Петербурга. С середины XIX в. церковь представляла духовную и интеллектуальную опору национального единства поляков, оставаясь центром веры, образования, науки и благотворительности.

При церкви Св. Екатерины были организованы школы для детей и молодёжи, которые всесторонне ею поддерживались. Эти школы во всём соответствовали требованиям народного образования России, более того, часто предоставляли значительно высший уровень образования и воспитания, чем государственные.

В начале XX в. в Санкт-Петербурге работали девять католических школ, одной из которых была школа при церкви Св. Екатерины. Она была воссоздана во второй половине XIX в. на основе небольшой приходской школы существовавшей ещё в период правления Петра I. В начальной школе был открыт интернат с платным обучением. Основными предметами были уроки религии, письмо, грамматика, арифметика, а также языки – польский, который был введён в начале XX в., русский, литовский, немецкий и латынь.

Аналогичная семилетняя женская школа с интернатом была создана при церкви Св. Екатерины в 1840 г. К 1901 г. в ней насчитывалось более 280 учениц, большинство из которых составляли польки. Кроме основных предметов в женской школе изучали музыку, пение, танцы, а также занимались физкультурой. В 1906 г. эта школа была преобразована в Частную гимназию при Римско-католической церкви Св. Екатерины.

В 1890 г. по инициативе викарного священника прихода Св. Станислава о. Антония Малецкого было создано Благотворительное общество, действовавшее по всему Петербургу, оказывая адресную помощь нищим и обездоленным. В результате упорного труда и благотворительной деятельности о. Антония Малецкого был создан приют с интернатом для мальчиков².

На территории Санкт-Петербурга также действовали приюты для взрослых женщин и обездоленных девочек. Действовал Приют доброго пастыря, основанный Обществом добродетели, одной из основных целей которого была организация помощи девочкам-блудницам. Нелёгкая жизнь в столице империи вынуждала не только девочек испытывать все её трудности и прегрешения, но выбрасывала на улицу взрослых мужчин, обречённых на нищенское существование, для которых чуть позже также были созданы мужские приюты. В каждом таком приюте имелась часовня, где священники из церкви Св. Екатерины совершали Св. Мессу.

² Антоний Иосифович Малецкий родился в Санкт-Петербурге 17 апреля 1861 г. Окончил Петербургскую Духовную семинарию. Рукоположен в священники в 1884 г. В 1887-1896 гг. – викарий прихода Св. Станислава. В 1896 г. организовал приют для мальчиков, а через несколько лет ремесленную школу и первую в России польскую католическую гимназию. О. Малецкий в бытность в Петербурге очень много сил и внимания уделял молодёжи, образованию детей, за что получил прозвище «Петербургский дон Боско». В 1926 г. он тайно был хиротонисан в епископы и назначен Апостольским администратором Ленинграда. В 1930 г. арестован и отправлен на каторгу в Сибирь. В 1934 г. усилиями польских властей выехал в Польшу, где и умер на следующий год. См.: Наш Край: Исторический журнал, издаваемый приходом Св. Станислава в Санкт-Петербурге. 2000. № 1, 2; 2002. № 7.

Большим авторитетом в Санкт-Петербурге пользовалась Духовная академия. Это было единственное место во всей Российской Империи, где можно было получить римско-католическое образование.

Академия возникла ещё в 1579 г. на основе преобразования Виленской иезуитской коллегии в высшую школу. Сама коллегия была основана в 1570 г. Академия имеет богатую историю и большие научные достижения. В 1842 г. она была переведена из Вильно в Санкт-Петербург. Духовная академия была предназначена только для духовных лиц. Поляки обычно составляли в ней ок. 66 % от общего числа студентов. Учились также литовцы, латыши и др. Основным, после латинского языка, был польский. Докторская диссертация принималась на двух языках: польском и латыни. В Духовной академии наряду с теологией, философией, Св. Писанием также изучали и дидактические материалы из русской литературы и истории. Многие из выпускников в последующем стали ректорами и профессорами этой академии.

За период своего существования академия выпустила 57 епископов. Доля польских епископов преобладала. Ими были, к примеру: о. Францишек-Альбин Симон (1841–1918) – ректор академии, а позднее – могоилёвский епископ; о. Болеслав Клопотовский (1848–1903), долго время был профессором академии, впоследствии – могоилёвский архиепископ; о. Иоанн Цепляк (1857–1926), был долгое время профессором академии, впоследствии – могоилёвский епископ; о. Александр Каковский (1862–1938), ректор академии, впоследствии – архиепископ варшавский и примас Польши; о. Юрий Матулевич (1871–1927), профессор академии, титулярный архиепископ адулитанский; о. Игнатий Свирский (1885–1950), профессор академии и духовной семинарии в Санкт-Петербурге, впоследствии – подляский епископ³.

Духовная академия в Санкт-Петербурге, кроме занятий теологией, культивировала также здоровые христианские традиции, народные и патристические⁴. Академия давала возможность контакта с учёными разных стран, обмена мнениями между студентами разных национальностей.

Духовная академия имела богатую библиотеку. Основу её составила библиотека Виленской иезуитской коллегии. На формирование фондов этой библиотеки значительное влияние оказал великий князь литовский и польский король Сигизмунд II Август. Большую часть своей жизни он провёл в Вильно, где собрал хорошую библиотеку. После его смерти в 1572 г. основная часть этой библиотеки была передана Виленской иезуитской коллегии и впоследствии вместе с Виленской академией переехала в Санкт-Петербург. Библиотека Духовной академии более 70 лет служила профессорам, студентам и жителям города. В 1918 г. деятельность Духовной академии была прервана советским декретом. Она потеряла свой законный статус и была переведена в Люблин, где существует до сих пор как Люблинский католический университет. В настоящее время он принимает на учёбу, как духовных лиц, так и мирян.

³ История Римско-католической Церкви в России и Польше... С. 296–300.

⁴ *Ольшевский Д.* Отец Игнатий Клопотовский – жизнь и апостольская деятельность. Варшава, 1996. С. 36.

Одним из выдающихся выпускников Духовной академии Санкт-Петербурга был о. Игнатий Клопотовский, родившийся 7 июля 1866 г. в с. Коженёвка Дрогиченского повета. Его родители – Иоанн и Изабелла Клопотовские принадлежали к мелкопоместной шляхте⁵.

Молодой Игнатий, после окончания гимназии в Седльцах, поступил в духовную семинарию в Люблине, продолжая учёбу и, следуя христианским обычаям в повседневной жизни, встал на путь священника. После четырёхлетней учёбы в Люблине его направляют в Санкт-Петербург для продолжения образования в Духовной академии.

В Санкт-Петербурге проживал его дядя – о. Францишек Добровольский, который на протяжении 30 лет был петербургским римско-католическим деканом (1863–1893 гг.), одновременно исполняя обязанности настоятеля церкви Св. Станислава⁶. Деятельность польского духовенства и мирян, которую студент Клопотовский мог увидеть в Санкт-Петербурге, оказала большое влияние на его дальнейшую жизнь как священника, общественного деятеля и «апостола печатного слова» в Польше.

Студент Игнатий Клопотовский после четырёх лет учёбы в 1891 г. возвращается в Люблин со степенью магистра теологии. 5 июля 1891 г. в двадцатипятилетнем возрасте в Люблинском кафедральном соборе он был рукоположен в сан священника епископом Францишеком Ячевским. Тогда молодой священник в душе спросил: «Чем я отблагодарю Господа Бога?». Человек не в состоянии найти дело, которое хотя бы частично выражало его любовь и благодарность, но когда он спрашивает Господа Бога: «Что Ты хочешь, чтобы я сделал?», Бог укажет ему дело, а человек становится «Его орудием».

Молодой священник Игнатий начинает работать в люблинской епархии. Занимает должность vicария, капеллана больницы, профессора духовной семинарии. Занимаясь всеми этими делами, он глубже узнаёт страдания, беды и проблемы людей. Чаяния пожилых, живущих в нищете и унижении, молодых девушек, не имеющих работы и потому вынужденных идти на улицу, брошенных детей и сирот, живущих без всякой опеки.

Усугубление происходящего о. Игнатий Клопотовский видит и в том, что Польша более ста лет как потеряла свою независимость и государственность, будучи поделённой тремя державами. Все эти трудности не оставляют о. Клопотовского равнодушным и он ищет выход из этой ситуации. Решение данной проблемы он видит в открытии домов для престарелых, для молодых девушек, где они могли бы научиться готовить пищу, шить, стирать и многому другому. О. Клопотовский открывает детские сиротские приюты, где дети получают возможность не только учиться, но и работать на огороде и дома. Для получения материальной помощи он нередко брал тележку с надписью: «Что лишнее вам – дайте нам» и шёл по улицам Люблина.

О. Игнатий Клопотовский видел, как уничтожается дух народа, ширится неверие и безразличие к делам духовным. И с целью доведения истинных ценностей до народа и изменения сложившейся

⁵ Ольшевский Д. Указ. соч. С. 13.

⁶ Наш Край: Исторический журнал, издаваемый приходом Св. Станислава в Санкт-Петербурге. 2002. № 7. С. 11.

ситуации он берётся за перо и организует типографию, где издаёт книги и журналы. Начинает ежедневно выходит газета «Поляк-католик», которую он сам редактирует. Для сельчан издаёт еженедельник «Посев», выпускает журнал «Кружок Розария» и много других книг и брошюр.

После 17 лет интенсивной работы в Люблине в 1905 г. он переезжает в Варшаву, где открывает новую типографию. Работать начинает в очень тяжёлых условиях, одновременно исполняя и священнические обязанности.

В 1920 г. о. Клопотовский создаёт Орден сестёр Лоретанок, который вносит свой благотворительный вклад в общее дело. Название ордена происходит от славного Санктуария Матери Божьей Лоретанской в Италии.

В Варшаве существует костёл под названием «Матери Божьей Лоретанской», где настоятелем был о. Клопотовский. Будучи серьёзно больным, с угрозой ампутации ноги, он молился перед статуей Божьей Матери Лоретанской и получил чудесное исцеление. Считается, что по этой причине особой благодарности он и избрал покровительницей ордена – Божью Матерь Лоретанскую.

7 сентября 1931 г. о. Игнатий Клопотовский, после 40 лет интенсивной работы, будучи в возрасте 65 лет, внезапно отдал Богу душу. Ещё при жизни он сказал: «уже не как редактор и публицист, а как священник, я был бы готов тут же перечеркнуть всю мою общественную деятельность, если бы она не согласовывалась с волей моего Архиепископа»⁷. Следует подчеркнуть, что о. Игнатий Клопотовский перенял пример служения людям от польского духовенства, живущего в России.

Главной харизмой деятельности сестёр Лоретанок является свидетельствование Слова печатного. С этой целью они сами издают религиозную литературу. Сёстры работают в издательстве как редакторы, наборщики, корректоры, переплётчики, они также занимаются распространением издаваемых ими же журналов, брошюр и книг. Сёстры готовят детей, молодёжь, взрослых к принятию Св. Таинств. Они посещают детские сады, заботятся о брошенных детях и оказывают помощь домам для престарелых женщин. В настоящее время сёстры работают в Италии, Польше, России, США, Украине и Швейцарии.

В Россию, на Северный Кавказ, сёстры прибыли в 1992 г. по приглашению польского священника Богдана Северыника. Сам он приехал сюда как капеллан польских рабочих строительной фирмы «Будимекс». До этого времени на Кавказе не было католических священников. О. Богдана приглашали в разные населённые пункты, чтобы он совершал Св. Мессы. Он посещал Адлер, Лазаревское, Пятигорск, Ростов-на-Дону, Сухуми, Туапсе и ещё много других городов.

С приездом сестёр Лоретанок в Сочи, о. Богдану стало легче. Сёстры стали выполнять многие хозяйственные и пастырские обязанности. Больше людей стало ходить на Св. Мессу. Один из прихожан Сочинского костёла Генрих Аращенко, живущий в Лазаревском, рассказал о том, как долго он ждал приезда католического священника

⁷ Ольшевский Д. Указ. соч. С. 56.

на Кавказ. Ещё до приезда о. Богдана он молился в протестантской церкви, но всегда говорил протестантскому пастырю, что как только появится ксёндз, он перестанет посещать его храм. Любопытно, что первым о приезде католического священника узнал протестантский пастырь и сообщил об этом пану Генриху.

Сёстры Лоретанки с самого начала нашли большое поле деятельности для себя. Они со священником посещали приходские общины, помогали в различных работах при строительстве католических церквей в Сочи и в Туапсе. Сёстры организуют театральные постановки, актёрами этих театров являются дети и молодёжь. Через эти постановки сёстры дают возможность увидеть религиозные и моральные стороны библейских текстов. Театр – это интересное занятие для юных актёров, раскрывающее их необыкновенные таланты.

Летом для детей и молодёжи сёстры организуют экскурсии в Польшу, где они ок. 300 км идут пешком в Ченстохову к Санктуарию Матери Божьей Ченстоховской – Королевы Польши. Таким образом, они могут хорошо познать и оценить труд паломничества, осмотреть некоторые города и сёла, познакомиться с их историей, почувствовать симпатию и гостеприимство поляков.

Сёстры на Кавказе принимают в своём доме детей, молодёжь, взрослых, чтобы они могли надышаться морским воздухом, насладиться красотами природы и искупаться в Чёрном море. Во время их пребывания всегда открыта церковь, где отдыхающие могут свободно молиться перед дарохранильницей, а также принимать участие в службе. Сёстры Лоретанки уделяют большое внимание прихожанам католической церкви в Сухуми. Несколько раз в течение года к сёстрам приезжают сухумские дети, чтобы в атмосфере мира и радости пожить какое-то время и углубить свои религиозные знания. В 2002 г. во время каникул сёстры в течение месяца принимали группу из 40 детей и взрослых из Чечни. Сёстры радовались, что могли помочь этим бедным детям, напуганным войной.

Сёстры Лоретанки на Кавказе одаривают ещё и другими благами, о которых нужно здесь вспомнить. Они вносят великий вклад в экуменическую деятельность посредством встреч с людьми разных вероисповеданий – православными, протестантами и мусульманами, с которыми проводятся разговоры, молитвы. На этих встречах поднимаются темы, которые волнуют всех – веры и Бога, людей мира. Такие встречи наполнены атмосферой дружбы и всегда в душе возникает желание увидеться вновь. Сёстры Лоретанки всегда открыты к ценностям других вероисповеданий, не теряя сущность воззвания Христа: «Я Истина, Путь и Жизнь».

Сёстры Лоретанки, трудящиеся в России, с великою любовью отдают себя служению людям разных национальностей. Они познают их культуру, традиции, обычаи, чтобы лучше им служить в духе Христовом.

Н.С. СИДОРЕНКО
г. Краснодар

ЛЬВОВСКО-ВАРШАВСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА

Когда мы говорим о философии в Польше, мы, прежде всего, имеем в виду научные достижения Львовско-Варшавской школы. Она просуществовала меньше полувека, но результаты её деятельности во многом определили ход развития современной философской мысли¹. Временные рамки Львовско-Варшавской школы – 1895–1939 гг. – совпадают с периодом творческой деятельности её создателя Казимежа Твардовского. К его единомышленникам можно отнести Владислава Витвицкого, Яна Лукаевича, Казимежа Айдукевича, Стефана Балей, Бронислава Бандровского, Стефана Блаховского, Станислава Лесьневского, Владислава Татаркевича, Альфреда Тарского и др.

Становление школы происходит одновременно с поиском новых путей развития молодого независимого государства, поэтому неудивительно, что в её основе лежит идея создания национальной философии. С одной стороны, философские интересы всех представителей Львовско-Варшавской школы отражают интенции мирового научного сообщества того времени – они целиком ограничены проблемным полем математики и логики. Но, с другой стороны, в этом поле формируются определённые черты, которые указывают на самобытный характер польских философских исканий. Прежде всего следует заметить, что все историки философии подчёркивают трудность понимания школы как целостного феномена. Это в основном можно объяснить характером используемых методов исследования и постановкой определённых частных проблем. Интересы польских философов были связаны с решением отдельных вопросов, а не с построением глобальных систем. К тому же любой вопрос всегда рассматривался с различных позиций и постоянно переосмысливался.

Несмотря на разнообразие подходов, можно выделить некоторые общие тенденции в формировании философских взглядов представителей Львовско-Варшавской школы. Первая из них связана с метафизическим обоснованием логических и математических понятий, а вторая – с установлением норм языковых форм и парадигмы их использования. В рамках этого можно выделить два момента, которые раскрывают особенности научного поиска польских мыслителей и отражают дух философии того времени.

В первую очередь, речь пойдёт об определённом понимании науки. Ценность научного знания неоспорима. Но в чём заключается его сущность? Для польских философов наука является прежде

¹ Воленский Я. Львовско-Варшавская философская школа. М., 2004; Домбровский Б. Львовско-Варшавская философская школа // Логос. 1999. № 3 (13). С. 120.

всего цепочкой высказываний, поэтому её основу составляет логика. И именно логика приводит нас к осознанию границ науки, которые не совпадают с логическими, а простираются дальше их.

Обычно между наукой и искусством проводят чёткую границу. Первую сводят к достижению истинного знания, а второе понимают как творческое дело. Ян Лукасевич замечает, что такие взгляды односторонни. Он пишет: «Из изучения истории наук я почерпнул убеждение, что тот, кто не восторгается искусством и красотой, кто нечувствителен к боли и обиде, в ком отсутствует религиозное чувство, словом, тот, кто, живя лишь трезвым рассудком, ведёт убогую духовную жизнь, тот определённо никогда не создаст ничего великого ни в астрономической обсерватории, ни в химической лаборатории, ни в одной из областей научного знания»². Искусство и наука весьма близки. Точкой их соприкосновения выступает то знание, которое называют «искусством искусств и наукой наук», а именно логика.

Под научным знанием в основном понимают знание всеобщих закономерностей. И если в классической философии эти закономерности имеют метафизическую окраску, то в современной науке они приобретают практическое назначение. Я. Лукасевич пишет: «Много научных истин вызвала к жизни жизненная необходимость. Однако более пользы, даже практической, принесло человечеству незаинтересованное культивирование знаний. Исследуя поведение катушки из провода в магнитном поле, Фарадей вообще не думал, что его исследования могут стать чем-то большим, чем удовлетворение теоретического интереса. Он открыл явление электромагнитной индукции. Использованию этого открытия мы сегодня обязаны мощными электростанциями, которые дают нам электрический свет, двигают моторы и трамваи, переносят силу на расстояние. Приземлённо думают о науке те, кто рад бы из неё сделать служанку в повседневной жизни. Возвышенной, хотя не лучше, думал Толстой, когда, порицая экспериментальные исследования, требовал от науки единственно поучений в вопросах этики. Наука имеет огромное практическое значение, может возвысить человека этически, случается, становится источником эстетического удовлетворения; однако её существенная ценность заключена в чём-то другом»³.

Лукасевич убедительно доказывает, что истина не является необходимым и достоверным выражением научного познания, «ибо существуют истинные высказывания, равно как частные, так и общие, которые не принадлежат науке»⁴. Истина является ценностью, поскольку связана с реализацией интеллектуальной потребности человека. И на этом пути наука не может ограничиться только описанием фактов, но неизбежно стремится к созданию теорий, в которых воплощается творческая активность человеческой личности. Философ приводит пример: «Долгие годы астрономы не могли объяснить отклонений в движении планеты Уран, противоречащих вычислениям, основанным на законе гравитации Ньютона. Лаверьё допустил, что эти отклонения вызывает новая и неизвестная планета, находящаяся позади Урана.

² Лукасевич Я. О науке // Логос. 1999. № 7 (17). С. 120.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 111.

Он вычислил её путь, время вращения и массу. Вскоре затем вблизи указанного места Галле открыл Нептун. Гипотеза Леверье была творческим созданием его разума, а не воссозданием тогда ещё никому неизвестного факта»⁵.

Лукаевич замечает, что именно редукция, а не дедукция лежит в основе научных теорий. Последние лишены отношений следования от заключения к основанию, и разуму необходимо совершить скачок. Таким образом, логика приводит нас к пониманию того, что наука в своих рассуждениях выводит нас за границы логического следования. «Взгляд, в соответствии с которым каждая эмпирическая теория содержит элемент творчества, – пишет он, – обнаруживает свой глубочайший источник в факте, имеющем логическую природу: в несимметричности отношения следования. Этот факт оставляет след не только в уже готовых результатах человеческой мысли, но находит равно сильный отзвук в действиях создающего теорию разума»⁶.

Таким образом, науку, по мнению польского мыслителя, нужно понимать как творческий процесс создания теорий, призванный удовлетворить нашу интеллектуальную потребность. При этом поэтическое творчество от научного не отличается большим полётом фантазии. «Кто, как Коперник, сдвинул с места Землю и направил её на путь вокруг Солнца, или же, как Дарвин, узрел во мгле истории превращение видовых признаков, тот достоин стать в ряд величайших поэтов. Однако учёный тем отличается от поэта, что всегда и везде рассуждает. Не всё он должен и может обосновать, но что провозглашает, то должен логическими узлами повязать в единое целое. На дне этого целого лежат высказывания о фактах; над ними возносится теория, которая объясняет факты, упорядочивает, пересказывает. Так рождается поэзия науки»⁷.

Рассуждение, в котором реализуется научное познание, по сути, есть смыслообразующий процесс. С этим связан второй момент, который наделяет польскую философскую мысль своеобразными, ни на что не похожими чертами. Всё, что связано с нашей сознательной деятельностью, имеет определённое значение, определённый смысл. Но можно ли поставить вопрос о смысле самого смысла? Этим и занимается Казимеж Айдукевич. Он стремится к дефиниции этого понятия. Он замечает, что, несмотря на значимость понятия «смысл» для теории познания, нигде оно точно не было определено: «Большая часть довольствовались обращением к некоторому “вниканию”, некоторой “интуиции” того, что понимается под “смыслом”»⁸. Именно это понятие привело К. Айдукевича к формулированию собственной философской позиции, получившей название «радикальный конвенционализм».

Ход мысли польского философа приводит к признанию того, что существует определённая связь между смыслами, которые соответствуют выражениям языка, и способом, которым мы пользуемся в этих выражениях. «Связь можно сформулировать, например, в следующих правилах:

⁵ Лукаевич Я. О науке... С. 117.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 122.

⁸ Айдукевич К. Язык и смысл // Логос. 1999. № 7 (17). С. 67.

лишь тот связывает с выражениями русского языка подчинённый им в этом языке смысл, кто, испытывая такого-то и такого вида чувства (например, чувство боли), готов признать некоторое предложение (например, болит)»⁹. Айдукевич доказывает, что смысл слов и выражений каждого языка формирует некоторые правила смысла. Эти правила требуют от каждого, кто пользуется этим языком, определённых действий в отношении узнавания предложений этого языка. «Кто не руководствуется этими правилами смысла, тот тем самым доказывает, что с выражениями, принадлежащими этому языку, он не связывает того смысла, который им в этом языке соответствует, а следовательно, пользуется не этим языком, но каким-то другим, одинаково звучащим»¹⁰. Правила смысла языка относятся не только к выражениям, но и к синтаксическим формам. Таким образом, смыслообразование происходит в рамках того или иного языка и всецело зависит от него. Человек в процессе своей жизнедеятельности или принимает готовые смыслы или видоизменяет их, но тогда он вступает в область понятийного аппарата уже другого языка.

Итак, можно обозначить (хотя и весьма условно) приоритеты Львовско-Варшавской философской школы. Они связаны с пониманием логики не только как методологии философии, но и как ценностного ориентира для всего научного творческого процесса. Мыслители приходят к выводу, что решение многих философских проблем требует выхода за пределы этой дисциплины и обращения, например, к области языковых форм, которые объясняют природу смысла. В целом Львовско-Варшавская школа преобразует исходные философские идеи в основополагающие понятия современной логики и идеалы программы аналитической философии. Для историков философии научные поиски польских мыслителей не всегда предстают в ярком свете, многое выглядит загадочным. Но это как раз и является свидетельством того, что Львовско-Варшавская школа внесла свой вклад в сокровищницу мировой философии, осмыслить который нам ещё предстоит.

⁹ Айдукевич К. Язык и смысл... С. 74.

¹⁰ Там же. С. 75.

Е.В. ЖЛОБА
г. Краснодар

«ПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ» НКВД 1937–1938 гг.

Массовые репрессии 1937–1938 гг. против лиц польской национальности – закономерное следствие в целом конфронтационной политики советского руководства 1920–1930-х гг. в отношении Польши. Существенно обострили взаимное недоверие в эти годы и неудавшаяся попытка установить в Польше советский режим в ходе Советско-польской войны, и итоги Рижского мирного договора, а также деятельность Коминтерна, направленная на дестабилизацию внутриполитического положения в Польше и подготовку прокоммунистического переворота. Нельзя не учитывать и наличие непреодолимых идеологических противоречий.

Особый интерес И.В. Сталина к «Польской операции» был связан с тем, что Польша рассматривалась им в качестве союзницы Германии в возможной будущей войне против Советского Союза и как плацдарм для нападения на СССР. После заключения германо-польского соглашения о неприменении силы от 26 января 1934 г., визита Германа Геринга в Варшаву 27–31 января 1935 г. советское руководство было уверено в том, что существует секретный дополнительный протокол о военном сотрудничестве между двумя странами, в котором содержатся договорённости о совместных действиях против Советского государства. Во многом по этим причинам преследование поляков, проживавших на территории СССР, рассматривалось Сталиным как необходимое условие подготовки к войне и «чистки» страны от потенциальной возможности формирования «пятой колонны»¹.

Начиная с 1929 г. против ряда польских коммунистов, проживавших в СССР и занимавших различные партийные, военные и советские посты, выдвигались обвинения в принадлежности к так называемой «Польской организации войсковой» (ПОВ), а в 1933 г. были проведены первые аресты по этим обвинениям. ПОВ была создана в начале Первой мировой войны на польских территориях Российской Империи как подпольная патриотическая военная организация. Её основной задачей была самая разнообразная поддержка легионов Ю. Пилсудского, участвовавших в войне на стороне Австро-Венгрии, в том числе разведка в их пользу. ПОВ первоначально действовала против России, а в 1917–1918 гг. – против Германии, затем, после восстановления независимости Польши в конце 1918 г., была влита в Войско Польское и формально прекратила своё существование. Однако с 1918–1920 гг. использовалась в разведывательных целях на территориях, охваченных

¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М., 2004. С. 648.

Гражданской войной, в частности, на Украине². Она рассматривалась советским руководством как контрреволюционная организация. В закрытом письме Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР от 11 августа 1937 г. «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной и террористической деятельности польской разведки в СССР» утверждалось, что ПОВ (в тот момент уже давно не существовавшая) продолжает свою деятельность, а масштаб этой деятельности изображался в нереальном, гипертрофированном виде. В закрытом письме ГУГБ указывалось, что ПОВ проводит в СССР шпионскую и диверсионную работу, что участники организации глубоко внедрили в компартию Польши, захватили руководящие посты в партии и польской секции Исполкома Коминтерна, что ПОВ засылает провокаторов для разложения партии, использует партийные каналы для внедрения шпионов и диверсантов в СССР, что деятельность организации – это «работа, направленная к превращению компартии в придаток пилсудчины, с целью использования её влияния для антисоветских действий во время военного нападения Польши на СССР». На протяжении долгих лет (с 1929 г.) «дело ПОВ» служило питательной средой для дискредитации Коммунистической партии Польши (КПП).

В 1934–1936 гг. происходит заметное усиление репрессивного курса против лиц польской национальности, и, прежде всего, против представителей КПП и её автономных организаций – Коммунистической партии Западной Украины и Коммунистической партии Западной Белоруссии.

В сентябре 1935 г. по Киеву, Минску и Москве прокатилась волна арестов, призванных, согласно официальной версии, положить конец так называемой агентурной сети ПОВ³. Одновременно с этой акцией началась ликвидация польских региональных автономий. В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР за № 776-120 под грифом «Совершенно секретно» от 28 апреля 1936 г. из приграничных областей Украинской ССР (главным образом Каменец-Подольской, Винницкой и Житомирской) были выселены в Казахстан ок. 36 тыс. поляков⁴.

Аресты 1935–1936 гг. нашли отражение в «чистке» не только аппарата Коминтерна, одного из орудий внешнеполитической деятельности СССР, но и аппарата НКВД – важнейшего инструмента реализации внутренней политики. Сначала судебному преследованию подвергались верховные иерархи органов госбезопасности, затем стали допрашивать и рядовых членов. На пленуме ЦК ВКП(б) в июне 1937 г. Н.И. Ежов проинформировал присутствующих о том, что ПОВ «внедрилась в советские разведывательные органы» и что НКВД удалось «раскрыть и ликвидировать крупнейшую из польских подпольных шпионских организаций».

Первым звеном в цепи разоблачений польских «шпионов», внедрившихся в органы государственной безопасности, стало дело

² Чёрная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. М., 1999. С. 344.

³ *Контвэст Р.* Большой террор: В 2-х т. Рига, 1991. Т. 2. С. 236.

⁴ Россия и Польша: историко-культурные контакты (сибирский феномен): Матер. Межд. науч. конф. (24–25 июня 1999 г., Якутск). Новосибирск, 2001. С. 18.

Ю.И. Маковского – начальника Особого отдела УГБ НКВД по Омской области, а до этого – резидента советской разведки, работавшего в Польше. Маковского арестовали 28 декабря 1935 г. На конспиративной квартире за рубежом в его сейфе оказалось гораздо больше денег, чем он указал, и, кроме того, там хранились письма от его сестры, жившей в Польше. В этих письмах, относящихся к 1926 г., среди знакомых упоминались видные государственные чиновники Польского государства. Всё это дало основания для подозрений. К концу 1936 г. были арестованы ещё один бывший резидент советской разведки в Польше В.В. Илинич и заместитель начальника УНКВД по Саратовскому краю комиссар госбезопасности 3 ранга И.И. Сосновский. В процессе следствия к ним применялись методы физического воздействия, и в результате оба сознались, что принадлежали к ПОВ и выполняли задания разведорганов Польши.

Позже сотрудники Коминтерна и НКВД под пытками назовут сотни других поляков – «соучастников шпионской деятельности». В уже упоминавшемся закрытом письме НКВД СССР от 11 августа 1937 г., посвящённом деятельности польской разведки, отмечалось, что в СССР произошёл «полный захват и парализация всей нашей разведывательной работы против Польши и систематическое использование проникновения членов организации в ВЧК–ОГПУ–НКВД и Разведупр РККА для активной антисоветской работы».

В период, предшествовавший Большому террору, ок. 35 % арестованных в целом по стране якобы за шпионаж обвинялись в принадлежности к польским разведорганам: в 1935 г. из 6409 арестованных – 2253, а в 1936 г. из 3669 – 1275⁵.

В период массовых репрессий 1937–1938 гг. особо актуальной становилась борьба со шпионско-диверсионным контингентом, поэтому 11 августа 1937 г. в НКВД за подписью Н.И. Ежова появился оперативный приказ № 00485, предписывающий «разгромить польские шпионско-диверсионные и повстанческие группы». Вместе с закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР», он был разослан во все местные органы НКВД.

Необходимость одновременного издания этих двух документов была продиктована некоторыми особенностями предстоящей операции. В отличие от предыдущего оперативного приказа № 00447, который был направлен против «традиционных» врагов советской власти, тех, кого арестовывали и осуждали многие годы, приказ № 00485 вызывал определённые вопросы. Во-первых, хотя речь там велась не о поляках как таковых, а о польских шпионах, всё-таки из него следовало, что под подозрением оказывается едва ли не всё польское население СССР, а это довольно трудно увязывалось с официально провозглашаемыми государством интернационалистскими лозунгами. Во-вторых, приказ этот был по своей направленности совершенно не ясен не только рядовым работникам НКВД, которым предстояло его осуществлять, но и руководителям. Он был направлен против непривычных для них категорий лиц, например, всех перебежчиков или всех бывших военнопленных. Не тех из них, кто подозревается

⁵ Хаустов В.Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С.14–15.

во враждебной деятельности, а именно всех. В практике НКВД такого рода директива была новацией. По-видимому, именно в предвидении такой реакции на приказ № 00485 и было издано параллельно ему «закрытое письмо», которое дополняло приказ и в некотором роде обосновывало его.

Тридцать страниц письма, очень подробно расписывали деятельность польской разведки на территории СССР на протяжении двадцати лет. Эта деятельность направлялась и осуществлялась ПОВ вместе со Вторым (разведывательным) отделом Польского генштаба. Согласно письму, агенты ПОВ прокрались не только в руководство КПП и польскую секцию Коминтерна, но и в качестве политэмигрантов и перебежчиков просочились на руководящие должности в ведущие комиссариаты СССР с исключительно вредительскими целями – свержения советской власти и территориального передела. Имелась обширная питательная среда: по данным Всесоюзной переписи населения 1937 г, всего в СССР проживало 636 220 этнических поляков. Из них в УССР – 417 613, в БССР – 119 881, в РСФСР – 92 078⁶. Верхушка организации «к настоящему времени» (то есть к августу 1937 г.) уже считалась разгромленной, и основной задачей органов НКВД, как она была сформулирована в преамбуле к приказу, стала «полная ликвидация незатронутой до сих пор широкой диверсионно-повстанческой низовки ПОВ и основных людских контингентов польской разведки в СССР»⁷.

Были выделены восемь категорий, намеченных к аресту:

- а) выявленные в процессе следствия и до сего времени не разысканные активнейшие члены ПОВ по прилагаемому списку;
- б) все оставшиеся в СССР военнопленные Польской армии;
- в) перебежчики из Польши, независимо от времени перехода их в СССР;
- г) политэмигранты и политобмененные из Польши;
- д) бывшие члены ППС и других польских антисоветских политических партий;
- е) наиболее активная часть местных антисоветских националистических элементов польских районов.

Кроме того, в приказе сказано: «Всех проходящих по показаниям арестованных шпионов, вредителей и диверсантов – немедленно арестовать». Таким образом, по существу был издан приказ арестовать всех лиц польской национальности.

Начало операции по обезвреживанию польского элемента началось на 20 августа 1937 г. На «зачистку» отводилось ровно три месяца.

Приказ предусматривал внесудебное решение дел арестованных по спискам с кратким изложением сути обвинения.

Вскоре в списки были включены жёны и дети арестованных. Так, 2 октября 1937 г., Н.И. Ежов специальным указанием распространил на членов семей лиц, арестованных по приказу № 00485, свой приказ «О репрессировании жён изменников родины, членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осуждённых

⁶ Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. М., 1991. С. 83–85.

⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 301.

Военной коллегией и военными трибуналами», изданный ещё 15 августа 1937 г. Согласно этому приказу, аресту подлежали все жёны осуждённых этими судебными органами, вне зависимости от причастности к «контрреволюционной деятельности» мужа, а также их дети старше 15 лет, если они были признаны «социально опасными и способными к антисоветским действиям». Жёны по приговору Особого совещания (ОСО) заключались в лагеря на 5–8 лет, дети старше 15 лет, в зависимости от имеющихся на них характеристик, направлялись в лагеря, колонии или детские дома особого режима. Дети от 1 года до 15 лет, оставшиеся сиротами, направлялись в ясли и детские дома Наркомпроса. Вскоре выяснилось, что исполнение директивы от 2 октября сталкивается с техническими трудностями – поток жён арестованных поляков и харбинцев (на последних также распространили приказ от 15 августа) оказался гораздо больше ожидаемого, а возможности размещения в тюрьмах женщин были относительно ограниченными, к тому же обозначилась острая нехватка мест в и без того переполненных детских учреждениях. Поэтому уже 21 ноября 1937 г. Ежов эту свою директиву вынужден был отменить, одновременно заявив, что в будущем жёны арестованных поляков и харбинцев будут выслены из мест их проживания. Кажется, эта последняя мера осуществлялась эпизодически только в отдельных регионах, а последовательно по СССР в целом так и не была осуществлена⁸.

Помимо перечисленных категорий по приказу № 00485, исключительно по собственной инициативе низовых инстанций начали появляться всё новые категории граждан, репресслируемых по «польской» операции. Так в отдельных регионах стали арестовывать оставшихся в СССР поляков-военнопленных Первой мировой войны (воевавших в составе польских легионов Пилсудского, германской и австро-венгерской армий), а затем и бывших российских военнопленных, побывавших в плену в Польше. В центральном аппарате НКВД это самопроизвольное возникновение новых категорий не встретило возражений, и в феврале 1938 г. последняя из них даже была легализована.

В ходе проведения «польской» операции принимались дополнительные меры, направленные на выявление лиц, имевших контакты с иностранцами. 28 октября 1937 г. был принят приказ НКВД СССР № 00698, нацеленный на полное блокирование посольств и консульств Польши, а также Германии, Японии и Италии. Ставилась задача пресечь все связи советских граждан, с иностранными дипломатическими представительствами, подвергая их немедленному аресту. Из иностранных подданных, связанных с диппредставительствами, следовало арестовывать только тех, кто подозревался во враждебной деятельности по отношению к СССР⁹.

В «закрытом письме» был перечислен целый набор возможных обвинений: шпионаж во всех областях, особенно в военных, вредительство во всех сферах народного хозяйства, террор, участие в повстанческих ячейках и подготовка вооружённого восстания на случай войны, антисоветская агитация и т.п.

⁸ Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 26.

⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 650.

При проведении операции предлагалось особое внимание обратить на тщательную очистку от подозреваемых пограничных районов, промышленных предприятий, особенно оборонного значения, транспорта, морских портов, армии, флота, войск НКВД и органов НКВД. Весь этот уникальный по всеохватности перечень обвинений был активно использован при реализации «польского приказа».

«Польский приказ» № 00485 создавал принципиально новый в практике ОГПУ-НКВД процессуальный порядок осуждения – «альбомный». После окончания следствия на обвиняемого составлялась справка «с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного». Отдельные справки каждые десять дней надлежало собирать и перепечатывать в виде списка, который представлялся на рассмотрение комиссии из двух человек – начальника НКВД-УНКВД и прокурора (отсюда разговорное, в официальной переписке не встречающееся название этого органа – «двойка»). В задачу «двойки» входило отнесение обвиняемого к одной из двух категорий: первая категория, подлежащая расстрелу, к которой относились все шпионские, диверсионные, вредительские и повстанческие кадры польской разведки; вторая категория – менее активные из них, подлежащая заключению в тюрьмы и лагеря на срок от 5 до 10 лет. Затем список отсылался на утверждение в Москву, где его должны были окончательно рассматривать и утверждать Нарком внутренних дел и Генеральный прокурор, то есть Ежов и Вышинский. После этого список возвращался в регион для исполнения приговоров¹⁰.

В «альбомном порядке» осуждалось подавляющее большинство, но всё-таки не все арестованные по «польской линии». Альбомы были предназначены для «низовки», для тех, кого арестовывали по приказу № 00485. Многие из обвинённых в шпионаже в пользу Польши и причисленные к верхушке «шпионско-диверсионной сети», были осуждены Военной коллегией Верховного суда СССР или военными трибуналами. В осуждении по «польской линии» участие принимали и ОСО, рассматривавшие дела на заключенных, а также на жён арестованных. Репрессивная роль ОСО была усилена специальным решением Политбюро от 5 сентября 1937 г., согласно которому ОСО было разрешено «по делам об антисоветской деятельности бывших польских перебежчиков, бывших членов ППС и т.п.» назначать тюремное заключение до десяти лет включительно¹¹.

Изначально на осуществление «польской» операции отводилось три месяца. Но срок этот постоянно продлевался вместе со сроками на проведение других «операций по национальным контингентам». Вначале до 10 декабря, затем до 1 января 1938 г., до 15 апреля и, наконец, решили завершить «польскую операцию» 1 августа 1938 г. Исключение сделали лишь для Белоруссии – здесь операция продолжалась до 1 сентября.

«Нацконтингента» оказалось так много, что региональные «двойки» не успевали рассматривать, поступающие «альбомы». Обязанная

¹⁰ Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. М., 2000. С. 202.

¹¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С. 336.

их визировать Москва также утонула в поступающих с мест делах. К лету 1938 г. в Центре скопилось альбомов более чем на 100 тыс. чел. С мест сыпались жалобы на перегруженность вследствие этого тюрем, на дороговизну содержания уже фактически приговорённых к расстрелу заключённых и т.п. Возможно, именно по этой причине 15 сентября 1938 г. Политбюро приняло решение отменить «альбомный порядок» осуждения и создать в каждом регионе специально для вынесения приговоров по «национальным операциям» Особые тройки. Персональный состав «особых троек» не требовал утверждения Политбюро. Теперь в него входили исключительно по должности, и только первые лица: местный партийный руководитель, прокурор, начальник НКВД-УНКВД. Решения «особых троек» не требовали утверждения в Москве и приводились в исполнение немедленно. Особые тройки получили право освобождать обвиняемых (верный признак того, что массовые репрессии шли на убыль, – прежде в «альбомных» операциях возможность освобождения не предусматривалась). Срок их действия был определён в два месяца. Рассматривать они должны были дела тех, кто был арестован до 1 августа 1938 г. Дела на арестованных после этой даты следовало передавать в суды, трибуналы, Военную коллегию или на ОСО¹².

На основе этого постановления 17 сентября 1938 г. был выпущен приказ НКВД № 00606, а в последующие две недели из Центра по регионам разослали все не рассмотренные альбомы. В сентябре – октябре 1938 гг. ими было осуждено 105 тыс. чел., из которых свыше 72 тыс. были приговорены к расстрелу¹³.

Деятельность Особых троек была приостановлена точно в срок – 15 ноября 1938 г. Вместе с тем было строго приказано приостановить приведение в исполнение всех не исполненных к этому дню расстрельных приговоров. 17 ноября 1938 г. совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР объявило о прекращении всех массовых операций, а последовавший за ним приказ НКВД (подписанный уже новым наркомом – Л.П. Берия) отменил все оперативные приказы 1937–1938 гг. и директивы, изданные в их развитие¹⁴.

В общей системе репрессий 1937–1938 гг. национальные операции занимают особое место. Они теснее других связаны со сталинским ощущением надвигающейся войны, с его страхом перед «пятой колонной». Все те государства, народы которых подверглись репрессиям, по утверждению И.В. Сталина мечтают уничтожить или ослабить СССР, ведут против Советского Союза непрерывную подрывную работу, то есть фактически находятся по отношению к нему в состоянии необъявленной (до времени) войны. Соответственно и с агентами их следует поступать по нормам войны¹⁵.

По «польскому» приказу с 25 августа 1937 г. по 15 ноября 1938 г. были рассмотрены дела на 143 810 чел., из которых осуждено 139 835,

¹² Московские новости. 1992. 21 июня.

¹³ Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. М., 2002. С. 139.

¹⁴ Петров Н.В., Рогинский А.Б. Указ. соч. С. 31.

¹⁵ Сталин И.В. О недостатках партийной работы и о мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников: доклад на февральско-мартовском пленуме (1937 г.) // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 5–6.

в том числе приговорено к расстрелу 111 091 чел., что составляет 77,25 % от числа рассмотренных дел и 79,44 % от числа осуждённых. При этом никаких специальных директив относительно масштабов применения расстрелов не было. Не было таких директив и в отношении отдельных регионов (в отличие от операции по приказу № 00447, где каждому региону спускались твёрдые лимиты на осуждения и по первой и по второй категориям) – возможно, всё зависело от инициативы местного начальника НКВД–УНКВД. Процентные соотношения поэтому были самыми разными. Например, в Куйбышевской области процент расстрелянных по отношению к осуждённым (по всем национальным операциям) – 48,16 %, в Вологодской – 46,5 %, в Армении и Грузии, соответственно, 31,46 % и 21,84 %; в то же время в Ленинградской области и Белоруссии он равен 87–88 %, в Краснодарском крае и Новосибирской области превышает 94 %, наконец, в «рекордной» Оренбургской области достигает 96,4 %.

Меньше всего массовость репрессий по «польской линии» определялась какой-то специальной личной нелюбовью Сталина к полякам. Дело было не в поляках как таковых, а в Польше. Национальные операции были проведены «по линиям» практически всех стран «враждебного окружения», но не национальность в них была критерием «преступности», а рождение или наличие любого вида связи с ней. С помощью анкеты органы НКВД выявляли классовый, социальный или политический статус репрессируемых. В национальных операциях 1937–1938 гг. впервые поводом для репрессии стала анкетная «связь с заграницей», ранее считавшаяся лишь основанием для подозрений. В первую очередь арестовывались те, кто ранее проживал в Польше, а потом по каким-то обстоятельствам оказался в Советском Союзе, затем те, кто поддерживал связь с Польшей, наконец, близкое окружение тех и других. Конечно, большинство арестованных были поляками, но далеко не все. Как далеко не все арестованные поляки были арестованы по «польской линии». Причина состояла в том, что вначале национальность человеку вписывалась со слов подозреваемого, а потом сведения по национальному составу не суммировались. Только 16 мая 1938 г. НКВД СССР приказал местным органам включать в свои отчёты данные о национальном составе арестованных¹⁶.

Всего Особые тройки по всем национальным операциям осудили за эти два месяца 105 032 чел. Поляков по национальности (то есть тех, кому согласно паспорту, или иному документу записывали в следственное дело, что он – поляк) среди них было больше всего – 21 258 (затем следовали немцы – 17 150, русские – 15 684, украинцы – 8773, белорусы – 5716...). Из общего числа осуждённых Особыми тройками (105 032 чел.) по «польской операции» было осуждено 36 768 чел. Из них поляков – 20 147, белорусов – 5215, украинцев – 4991, русских – 3235, евреев – 1122, немцев – 490, литовцев – 396, латышей – 271, эстонцев – 112, чехов – 87, цыган – 76, австрийцев – 59, болгар – 53, венгров – 47, румын – 29, греков – 27, молдаван – 26, татар – 23, «прочих» – 362. В то же время и поляков осуждали по всем другим «линиям» – более всего по немецкой (500 чел.) и латышской (209 чел.).

¹⁶ Жертвы репрессий. Нижний Тагил 1920–1980 гг. / Под ред. В.М. Кириллова. Екатеринбург, 1999. С. 206.

В целом по «польской операции» было осуждено почти 140 тыс. чел. Это примерно 10 % от общего числа всех осуждённых в ходе массовых политических репрессий 1937–1938 гг. Если же говорить об арестованных (не осуждённых, а именно арестованных) поляках, то здесь цифры более приблизительны. Всего за два года «Большого террора» всеми органами НКВД СССР (без милиции) было арестовано несколько более 1 млн 600 тыс. чел. Среди них поляков 118–123 тыс. В том числе по национальным операциям – 96–99 тыс. (из них подавляющее большинство по «польской операции»), остальные (примерно поровну) – по приказу № 00447, а также всем другим направлениям репрессий¹⁷.

В Краснодаре с января 1937 по февраль 1938 г. по «польскому делу» было арестовано свыше трёхсот чел. Аресты производились по спискам, составленным на основе данных паспортного стола. В ходе следствия было установлено, что «основной базой концентрации и оседания агентов польских разведывательных органов, переброшенных для контрреволюционной работы на Кубани, являлась стекольная промышленность г. Краснодара и края». От обвиняемых были получены показания, что руководители ПОВ считают «наличие поляков в Краснодаре, помноженное на казачьи белогвардейские кадры, сохранившиеся на Кубани», благоприятным фактором для решительного удара в тылу советских войск в условиях предстоящей войны. Вся система следствия была построена на фальсификации. С первых же дней образования краевого управления НКВД (сентябрь 1937 г.) была взята линия на «широкий разворот» сфабрикованного дела польской контрреволюционной организации. К примеру, бывший сотрудник УНКВД по Краснодарскому краю Г.Д. Стерблич подтвердил на допросе ещё в 1939 г., что по указанию заместителя начальника УНКВД М.Г. Сербинова он сфальсифицировал показания одного из подследственных, вписывая в протокол допроса целый раздел о якобы существовавшей его связи с краснодарской группой ПОВ¹⁸.

Мотивация для проведения «польской операции», в принципе, была понятна: декларировавший интернационализм СССР видел в ближайшей соседке реальную угрозу свержения советской власти. Польша воспринималась советским руководством как плацдарм европейских государств для подрывной деятельности против диктатуры пролетариата, и возможного военного нападения.

Поляки являлись одним из народов, в наибольшей степени подвергшихся репрессиям со стороны советских властей. Недоверие советских руководителей к Польше и полякам, в частности особенно подозрительное отношение И.В. Сталина к этой стране, сложилось на основе многовековых исторических конфликтов.

23 сентября 1957 г. Военный трибунал Ленинградского Военного округа, рассмотрев материалы дела о ПОВ по вновь открывшимся обстоятельствам, отменил постановления «двойки» – Комиссии НКВД и Прокурора СССР и дело производством прекратил за отсутствием в действиях обвиняемых состава преступления. Все они посмертно реабилитированы.

¹⁷ Петров Н.В., Рогинский А.Б. Указ. соч. С. 37–38.

¹⁸ Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар, 1993. С. 568–570.

А.Н. КАНАРСКАЯ
г. Москва

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ В СССР

Геополитическая стратегия И.В. Сталина определения судьбы западных соседей СССР соответствует месту «польского вопроса» в системе международной безопасности Советского Союза. «На протяжении истории, – говорил Сталин У. Черчиллю и Ф. Рузвельту в Ялте, – Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию... Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надёжно закрыт только изнутри собственными силами Польши»¹. Осуществление такого замысла предполагало, с одной стороны, передвижение границы Советского государства на запад, а с другой – приход к власти в Польше правительства, которое будет дружественным СССР. «Дружественное отношение» подразумевало принятие Варшавой двух принципиальных условий. Первым условием было признание советско-польской границы по «линии Керзона»², закреплявшее советские территориальные приобретения 1939–1940 гг. В этом случае, по словам главы польского правительства в эмиграции С. Миколайчика, пришлось бы согласиться на добровольную передачу СССР одной пятой части Польши, где до 1939 г. совместно с украинцами, белорусами, евреями и литовцами проживало ок. 5 млн поляков³. По данным исследования, проведённого американским межведомственным комитетом, было установлено, что на территории Польши, включённой в состав Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г., проживало примерно 11,8 млн чел., из которых 4,7 млн (39 %) поляки, 4 млн (34,2 %) украинцы, 1 млн (8,3 %) белоэмигранты, 1 млн (8,3 %) евреи и 1,1 млн другие национальности⁴. Выступая на заседании Национального совета в 1943 г. Миколайчик неоднократно заявлял, что «мы не хотим ничего терять из нашего наследства: ни земли, ни прав, ни

¹ Тегеран – Ялта – Потсдам. Сб. док. / Сост. Ш.П. Санакоев, Б.Л. Цыбулевский. М., 1971. С. 144.

² «Линия Керзона» – условное название линии, установленной Верховным советом Антанты 8 декабря 1919 г. в качестве временной восточной границы Польши, проходившей через Гродно – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг, восточнее Грубешова и далее, западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Вопрос о «линии Керзона» был поставлен перед правительством СССР в ноте английского министра иностранных дел Джорджа Натаниела Керзона 12 июля 1920 г., однако по Рижскому мирному договору 1921 г. советско-польская граница была проведена восточнее «линии Керзона».

³ Ржевский О.А. Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 6. С. 127.

⁴ Фейс Г. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 34.

идеалов... Линия Керзона, как граница между Польшей и СССР, неприемлема, так как Польша слишком много теряет на востоке. Возмозжные территориальные приобретения за счёт Германии не компенсируют потерь на востоке. Польша должна выйти из войны территориально не уменьшенной, а, по возможности, выросшей»⁵.

Вторым условием было установление в послевоенной Польше такой власти, которая отказалась бы от политической оценки СССР как «врага Польши». Планы советского руководства предусматривали, чтобы Польша, «по крайней мере на протяжении жизни ближайшего поколения»⁶, на внешнеполитической арене и во внутривнутриполитических делах признавала патронат Москвы и стала бы ключевым звеном послевоенного пояса безопасности из дружественных СССР государств Восточной Европы – надёжных внешнеполитических партнёров, находящихся под контролем Москвы.

Представления советского руководства и польского правительства в эмиграции о национально-государственных интересах и безопасности своих стран резко расходились. Антисоветски настроенный лондонский кабинет, поддерживаемый большинством польского населения, категорически отвергал требования Сталина. Поэтому для Москвы принципиально важным становился поиск польского партнёра, готового принять советские условия. Участие же коммунистов в послевоенной власти в Польше было бы гарантией обеспечения советских интересов.

История польской коммунистической эмиграции в СССР в период Второй мировой войны в рамках действовавшей в государстве социализма идеологической парадигмы достаточно исследована в советской историографии, а также в историографии ПНР и современной Польши. Однако некоторые существенные стороны деятельности польских коммунистов того времени по идеологическим и политическим причинам оставались неосвещёнными. В многочисленных работах, посвящённых Союзу польских патриотов в СССР (СПП), рассматривались по большей части вопросы, связанные с его агитационно-пропагандистской и культурно-воспитательной работой. Внимание уделялось общественно-политическим взглядам лидеров СПП⁷. Некоторые отечественные исследователи, описывая деятельность польских коммунистов в СССР, настаивали на её вполне самостоятельном характере, на том, что независимо от советских властей выдвигались и осуществлялись инициативы, направленные на создание национально-общественных и военных организаций в СССР и активизацию

⁵ АВР РФ. Ф. 07. Оп. 5. П. 46. Д. 121. Л. 2, 3.

⁶ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. М., 1999. Т. 1. С. 29. Док. 1.

⁷ История Польши: В 3 т. Очерки истории Народной Польши. М., 1965; Парсаданова В.С. Формирование Национального фронта в Польше (1944–1946 гг.). М., 1972; Сизова Т.И. Альфред Лямпе – видный деятель и идеолог польского коммунистического движения в годы Второй мировой войны. М., 1979; Она же. Польская коммунистическая эмиграция в СССР в годы Второй мировой войны (конец 1939 – середина 1948 г.) // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1978; Калениченко П.К. Деятельность Союза польских патриотов в СССР – славная страница в истории польской прогрессивной эмиграции // Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977. М., 1979; Ковальский В.Т. Борьба СССР за признание и утверждение Народной Польши на международной арене // Очерки истории советско-польских отношений 1917–1977. М., 1979; Сидорук В.И. Пресса Союза польских патриотов в СССР (1943–1944). Киев, 1985.

освободительной борьбы с фашизмом на территории Польши. На рубеже 1980–1990-х гг., когда в научный оборот стали вводиться новые советские документальные материалы, оценки отечественной историографии начали меняться. Однако из-за снижения интереса к этой теме широкого пересмотра проблемы не последовало.

Польская историография⁸ на сегодняшний день придерживается общего мнения о политической несамостоятельности и предельной зависимости польских коммунистов от указаний Сталина, находившихся как в Польше, так и в эмиграции в СССР. Концепции отдельных авторов варьируются от эмоционально-политизированных до умеренно-объективистских, основанных на изучении широкого круга источников. Хотелось бы вернуться к, казалось бы, исследованной проблеме, рассмотрев процесс создания польских воинских частей в СССР с учётом новой документальной базы.

Польская коммунистическая эмиграция в СССР существовала ещё с 1920-х гг. После драматических событий 1939 г., когда Польшу постигла военная катастрофа, миллионы польских граждан оказались на территории Советского Союза. Среди них были поляки Западной Украины и Западной Белоруссии (позднее и Литвы), депортированные вглубь СССР⁹, интернированные солдаты и офицеры Войска Польского, а также беженцы из центральных областей Польши¹⁰. В связи с этим состав польской диаспоры расширился. В неё входили представители различных социальных слоёв польского общества и различных политических течений.

Наиболее активной и политически организованной частью в общей массе беженцев были польские коммунисты. Точно определить их количество невозможно. Однако известно, что с сентября 1939 г. по первые месяцы 1940 г. советскую границу перешли 2–3 тыс. коммунистов¹¹. Хотелось бы отметить, что далеко не все польские коммунисты были радушно встречены в Советском Союзе. После роспуска Коммунистической партии Польши в 1938 г. органы НКВД относились к политэмигрантам как к «враждебным и подозрительным элементам», подлежащим также, как и остальные польские граждане, депортации вглубь страны. Г. Димитров в июле 1940 г. в письме к Г. Маленкову обращал внимание, что «согласно сообщениям Белостокского Обкома МОПР и многочисленных писем и телеграмм из Львова, а также из различных глубинных мест СССР от бывших польских политзаключённых, бывших членов КПП и КСМП, для

⁸ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004; Гловацки А. Сложные пути польско-советских отношений в годы Второй мировой войны // *Acta Universitatis Lodziansis. Folia historica* 51. 1994. S. 161–172; Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia: stosunki polsko-radzieckie 1944–1957. Pułtusk, 2002; Friszke A. Polska: losy państwa i narodu 1939–1989. Warszawa, 2003; Czubiński A. Historia Drugiej wojny światowej 1939–1945. Poznań, 2004; Paczkowski A. *Pół wieku dziejów Polski 1939–1989*. Warszawa, 1995.

⁹ В феврале, апреле и июле 1940 г. органами НКВД были осуществлены три массовые депортации в Сибирь, на Алтай и в степные районы Казахстана. По данным Главного управления конвойных войск НКВД СССР было депортировано более 400 тыс. чел. По польским данным – от 500 тыс. до 1 млн чел. См.: Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1 (до 22 июня 1941 г.). М., 1994. С. 400.

¹⁰ См. подробнее: Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2.

¹¹ Malinowski M. *Geneza PPR*. Warszawa, 1975. S. 96. Цит. по: Сизова Т.И. Польская коммунистическая эмиграция... С. 117.

большинства из них создалась очень тяжёлая обстановка. Во Львове советские паспорта даются лишь бывшим активистам КПП... Остальные – в большинстве бывшие рядовые члены КПП и КСМП – несмотря на наличие справок Обкома МОПР, высылаются вместе с подозрительными, спекулянтами и всеми враждебными элементами вглубь СССР, получая паспорта с § 11, по которым они часто не могут получить работу»¹².

Однако в среде польских политэмигрантов имелась часть активистов, которым удалось избежать сталинских репрессий 1937–1938 гг. По мнению Т.И. Сизовой, основной причиной эмиграции «видных польских коммунистов» (М. Новотко, П. Финдера, М. Форнальской, А. Завадского, Я. Турлейского, А. Лямпе, В. Василевской и др.) «было стремление сохранить партийные кадры», а также попытка воссоздать распущенную Коминтерном Коммунистическую партию Польши¹³.

Однако это были не единственные задачи, стоявшие перед польской партийной элитой. Оказавшись на советской территории и согласившись с планами Сталина в отношении Западной Украины и Западной Белоруссии, они активно включились во внутривнутриполитический процесс присоединения бывших польских территорий к СССР, «воссоединяя» украинский и белорусский народы в едином государстве, развернули активную агитационно-пропагандистскую и культурно-воспитательную работу во Львове и Белостоке, а также других областных центрах¹⁴. Руководство СССР оказывало им широкую поддержку, принимая их в ряды ВКП(б), привлекая к руководящей работе в советских государственных органах и других общественных организациях¹⁵.

Под влиянием тревожной внешнеполитической ситуации в ноябре 1940 г. Л.П. Берия предложил на рассмотрение Сталину план создания на территории СССР воинского соединения из интернированных польских офицеров и солдат. Основные задачи по его формированию были возложены на органы НКВД СССР. С этой целью из числа избежавших уничтожения весной 1940 г.¹⁶ и согласившихся сотрудничать с советскими властями старших офицеров была выделена группа (З. Берлинг, Л. Букоемский, Е. Горчинский, Л. Тышинский и др.) для «организации и руководства какими-либо военными соединениями из числа военнопленных поляков». Формируемые соединения предназначались «для борьбы с Германией и... создания Польши как национального государства»¹⁷. Лидером указанной группы был подполковник З. Берлинг. Именно ему Берия предлагал поручить организацию польской дивизии и формирование офицерского корпуса, предоставив возможность вести переговоры «в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях и отобрать кадровый состав

¹² Катень. Март 1940 – сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катени. Документы / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001. С. 547.

¹³ Сизова Т.И. Альфред Лямпе...; Она же. Польская коммунистическая эмиграция...

¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 180, 183.

¹⁵ Сизова Т.И. Польская коммунистическая эмиграция... С. 119.

¹⁶ По решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. в Катень, Харькове и Медном были расстреляны польские офицеры и полицейские.

¹⁷ Катень... С. 280–283. Док. 130.

будущей дивизии». Что касается рядового и младшего комсостава, то предполагалось проводить соответствующую вербовку людей в дивизию органами НКВД. Кроме этого был разработан подробный план формирования, вооружения, обучения и материально-технического обеспечения польской дивизии. Берлинг предлагал включать в её состав солдат и офицеров, независимо от их политических взглядов, заявив на встрече с Берией и Меркуловым, что имеются «прекрасные кадры для армии в лагерях в Старобельске и Козельске»¹⁸. Важно отметить, что, учитывая распространённость антисоветских настроений среди согласившихся на сотрудничество с советскими властями польских солдат и офицеров, НКВД организовал при дивизии Особое отделение «с задачами обеспечения внутреннего освещения личного состава дивизии». Решение о создании такой дивизии было принято в начале июня 1941 г. Однако его осуществление было приостановлено.

Одновременно с группой З. Берлинга работу в лагерях для военнопленных офицеров проводили и польские коммунисты. В июне 1941 г. в Минске они выдвинули «идею создания при Красной Армии польских вооружённых сил... – для начала польского батальона». Этот проект был передан в Секретариат ЦК КП(б) Белоруссии, а спустя месяц началась его реализация. Был организован Штаб 1-го польского батальона, и начался призыв польских беженцев из Западной Белоруссии. 3 июля 1941 г. было оглашено «Воззвание штаба 1-го польского батальона в СССР к польскому народу с призывом к борьбе против фашистских оккупантов». Вскоре на встрече с Г. Димитровым в Москве деятели польского политического руководства предложили проект документа «О создании польских вооружённых сил на территории СССР» и «План организационных мероприятий». Предлагалось проводить набор в батальон из «состава поляков – граждан Советского Союза, из поляков – красноармейцев, желающих перейти из рядов Красной Армии в Польские Вооружённые Силы, из состава польских военнопленных, из польских коммунистов»¹⁹. Политическая работа с солдатами и офицерами батальона возлагалась на «командно-политический состав» – на комиссаров и политруков. Стоит отметить, что ещё в июле 1940 г. Г. Димитров предлагал использовать бывших рядовых членов КПП, депортированных вглубь страны, как «резерв для отбора и подготовки кадров, необходимых для будущей работы»²⁰.

Советское руководство ещё в конце 1940 г. осознано целесообразность создания польских вооружённых сил для возможной совместной борьбы против Германии. К тому же во Франции и Англии с первых дней войны формировались добровольческие Национальные легионы. Их создание в СССР было воспринято негативно. Секретариат ИККИ в сентябре 1939 г. заявлял, что «польское правительство... формирует во Франции регулярную польскую армию. Поляки во Франции будут рекрутироваться в эту армию так же, как в самой Польше. Наше отношение в этом случае может быть лишь таким же и к любой другой армии капиталистического государства»²¹. Необходимо было

¹⁸ Катень... С. 194.

¹⁹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 197. Док. 132.

²⁰ Коминтерн и Вторая мировая война... С. 389.

²¹ Там же. С. 97.

создать национальные формирования в составе Красной Армии и под её командованием. Таким образом, усилия, предпринимаемые как З. Берлингом, так и польскими коммунистами, являлись частью одного плана, реализуемого с ноября 1940 г. по июль 1941 г.

Доступные на сегодняшний день документы не позволяют дать ответ о причинах приостановки реализации этого плана. Возможно, до 22 июня 1941 г. создание польских военных формирований было рискованным шагом, так как это могло бы ускорить нападение Германии на СССР. Кроме этого после заключения 30 июля 1941 г. соглашения о восстановлении советско-польских дипломатических отношений положение польских граждан, оказавшихся в Советском Союзе, изменилось. Соглашение предусматривало создание на территории СССР польской армии как составной части вооружённых сил суверенной Польской Республики, подчинённой её Верховному командованию. Командующим армией 6 августа 1941 г. был назначен генерал В. Андерс.

В дополнительном протоколе к Соглашению оговаривалось, что советское правительство обязуется предоставить амнистию всем польским гражданам, содержащимся в заключении на советской территории. 12 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал соответствующий указ.

По официальным данным НКВД, на сентябрь 1941 г. арестованных и высланных в тыловые районы СССР только из Западной Украины и Западной Белоруссии (т.е. с территорий, входивших в состав бывшей Польши) было 381 220 чел.²² Стоит учесть, что решением Советского правительства, принятым в декабре 1941 г., «все граждане, находившиеся на территории этих областей (Западная Украина и Западная Белоруссия – А.К.), к моменту их вхождения в состав СССР (1–2 ноября 1939 г.) приобрели... советское гражданство»²³. Польское правительство настаивало на том, что польскими гражданами являются все поляки, жившие в границах польского государства до 1939 г. В Москве пошли на уступку и согласились «признать гражданами лиц польской национальности, проживающих на указанных территориях к 1–2 ноября 1939 года». Польскими гражданами среди жителей Западной Украины и Западной Белоруссии стали считаться только поляки и евреи по национальности. Начиная с июля 1941 г. в документах НКВД этнические украинцы и белорусы именуются «бывшими польскими гражданами»²⁴. 16 января 1943 г. исключение, касающееся поляков, было отменено. Принятое решение лишало польского гражданства почти всех поляков, оставшихся в СССР. В беседе со Сталиным, состоявшейся в феврале 1943 г., польский посол Т. Ромер заявлял, что «советское гражданство навязывается не только коренному населению этих районов, но и беженцам, которые жили до нападения Германии в западных районах Польши, а затем случайно оказались в Западной Украине и Западной Белоруссии»²⁵.

В связи с постепенным нарастанием напряжённости в отношениях с польским правительством в Лондоне и с эвакуацией в 1942 г. из

²² Катень ... С. 547.

²³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 342. Док. 232.

²⁴ Дугасиданова В.С. Депортация населения... С. 37.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 26.

СССР армии Андерса (119 865 солдат, офицеров и членов их семей²⁶) советское руководство вновь вернулось к идее создания польской армии, но уже на новой политической и стратегической основе.

В планах Кремля значение политэмигрантов в СССР возрастало по мере того, как Москве не удавалось добиться перелома в советско-польских отношениях на своих условиях, а приближавшийся разгром Германии обретал реальные перспективы. В такой обстановке спектр задач, стоявших перед польскими коммунистами, становился шире. В их решении были заинтересованы как советская сторона, так и отдельные польские коммунисты. Во-первых, назрела необходимость «оформления идейных установок и консолидации прогрессивных сил польской эмиграции на платформе дружбы и сотрудничества с СССР». Под этим в первую очередь подразумевалось признание поляками советско-польской границы 1941 г. Во-вторых, речь шла о создании представительного польского органа, который мог бы официально выступать как выразитель общественных интересов сотен тысяч поляков, находившихся в Советском Союзе.

По инициативе эмигрантов-коммунистов на рубеже 1942–1943 гг. началась подготовка к созданию общественной организации – Союза польских патриотов в СССР. Он должен был выполнять организационные, опекунские, культурно-просветительские, а, главное, – руководящие функции. Среди основателей Союза были В. Василевская (писатель, депутат Верховного Совета СССР, член ВКП(б) с 1941 г.), коммунист А. Лямпе, беспартийный З. Берлинг, а также представители довоенных социалистической и крестьянской партий Б. Дробнер, А. Витос.

Идея создания Союза была выдвинута в письме главного редактора издававшегося для польского населения журнала «*Nowe Widnokreği*» А. Лямпе заместителю наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовскому 22 декабря 1942 г. В январе 1943 г. Лозовский просил Сталина дать согласие на созыв специальной конференции и проведение «радиомитинга», названного им важным организационным мероприятием. Он предлагал также учредить при ЦК ВКП(б) отдел, который осуществлял бы руководство «всей польской работой». Предложение было одобрено, и В. Василевская совместно с А. Лямпе приступили к организации «центра по польским вопросам, который бы объединял существующие кадры, притягивал к себе и воспитывал новые кадры, руководил практической работой в польской среде»²⁷.

1 марта 1943 г. в Москве было принято решение о создании Союза и был учреждён оргкомитет, а в мае – июне оформился и сам СПП, который возглавила Василевская. Изданная им декларация во многом, как показывает анализ документов²⁸, переключалась с программой Польской рабочей партии (ППР), действовавшей в Польше. СПП активно включился в политико-воспитательную работу среди поляков-эмигрантов, содействовал удовлетворению их материальных и культурных потребностей²⁹.

²⁶ Катънь... С. 547.

²⁷ Цит. по: Носкова А.Ф. Генерал Сигизмунд Берлинг: штрихи к политическому портрету (По документам российских архивов) // Профессор МГУ И.М. Белявская. М., 2005. С. 263–279.

²⁸ Kształtowanie się podstaw programowych Polskiej Partii Robotniczej w latach 1942–1945. Warszawa, 1958. S. 93–96.

²⁹ Калениченко П.К. Указ. соч. С. 277.

С 1943 г. в результате коренного изменения ситуации на советско-германском фронте количество «взятых в плен поляков» (призванных в вермахт. – А.К.) или «добровольно перешедших» на сторону Красной Армии, согласно сводкам Информбюро, всё время возрастало³⁰. По сообщениям Лозовского, среди них имелись люди, «которые действительно ненавидели немцев, а также немецкие агенты»³¹. По распоряжению советского руководства В. Василевская неоднократно посещала лагерь, проводила беседы с польскими военнопленными, собирала информацию об их положении и настроениях³².

Вскоре последовало официальное обращение СПП к Советскому правительству с просьбой сформировать в СССР польскую пехотную дивизию, которая, в отличие от армии Андерса³³, сражалась бы вместе с Красной Армией. 6 мая 1943 г. СНК СССР удовлетворил ходатайство СПП³⁴. Постановление Совнаркома стало ответом на поступающие предложения о том, «чтобы было разрешено полякам, чехам, югославам создать в СССР национальные комитеты и сформировать национальные части для совместной с СССР борьбы против германского фашизма»³⁵.

Позиция советских властей соответствовала настроениям многих поляков. По свидетельству С. Вербловского, опубликованному осенью 1943 г. в журнале «*Nowe Widnokregi*», идея сформировать новую группу польских воинских частей возникла среди военнослужащих, не ушедших вместе с В. Андерсом. «В сентябре прошлого года, – писал С. Вербловский, – последние солдаты армии Андерса высадились в Иране, а уже в ноябре почта начала приносить нам со всех концов Советского Союза письма то от не принятых в армию, то уволенных из неё, то подвергнутых дискриминации, то “недостойных” находиться в Иране... стремившихся создать польские воинские части в СССР»³⁶.

Задача по формированию дивизии была возложена на получившего вскоре звание генерала З. Берлинга³⁷, ставшего заместителем В. Василевской по СПП. Личный состав дивизии, которой было присвоено имя Тадеуша Костюшко, был весьма неоднороден. Доля коммунистов была невелика, они находились на командных должностях, в частности те, кто в 1936–1937 гг. сражался в Испании. Государственным комитетом обороны от 6 мая 1943 г. постановлялось удовлетворить ходатайство СПП «о призыве бывших польских граждан, поляков по национальности... из стройбатальонов всех наркоматов, включая НКВД», а также «направить в место формирования польской дивизии добровольцев

³⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 17–20.

³¹ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 90. Л. 106.

³² Там же. Л. 107.

³³ Армия создавалась под эгидой Польского правительства в эмиграции и подчинялась Главнокомандующему вооружёнными силами Польши, расквартированным на Западе. По настоянию польской стороны и Великобритании армия была эвакуирована на Ближний Восток (в Иран) и в боевых действиях на советско-германском фронте участия не принимала.

³⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 370. Док. 257.

³⁵ Там же. С. 198. Док. 127.

³⁶ *Wierblowski S. Sen o szpadzie // Nowe Widnokregi. 1943. № 9. S. 6.*

³⁷ Полковник З. Берлинг в армии Андерса считался просоветски настроенным офицером. За отказ в августе 1942 г. покинуть СССР заочно был приговорён военным трибуналом к высшей мере наказания как дезертир. См.: *Duraczyński E. Polska. Dzieje polityczne. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 240; Носкова А.Ф. Указ. соч.*

из числа бывших польских граждан непольских национальностей, а также поляков, коренных жителей и граждан СССР»³⁸. В «Справке по учёту бывших польских граждан»³⁹, поданной Берией Сталину, отмечалось, что только за 1943 г. «передано в польскую армию Берлинга 36 510 человек». Стоит отметить, что среди польских военнослужащих были и те, кто предпочёл остаться в СССР по идейным мотивам, согласившись на сотрудничество с советскими властями. Они считали себя свободными от каких-либо обязательств по отношению к Польскому правительству в эмиграции. Эту группу и возглавил З. Берлинг, сформировавший на её основе кадровый костяк польской дивизии. Кроме того, в дивизию были направлены и военнопленные – поляки по национальности, мобилизованные в германскую армию и оказавшиеся в советском плену. Впоследствии Берлинг относил на свой счёт инициативу включения военнопленных вермахта в Войск Польское. Однако с аналогичным предложением выступало и Польское правительство. В беседе со Сталиным, состоявшейся 26 февраля 1943 г., посол Польского правительства Т. Ромер сообщал, что в германскую армию было мобилизовано приблизительно 240–250 тыс. поляков, преимущественно жителей западных провинций Польши, и предлагал призвать поляков, находящихся в германской армии, переходить на сторону Красной Армии при условии, что последние «смогут служить под своими национальными знамёнами и бороться за освобождение своей родины»⁴⁰. По данным польских и украинских историков, 1-я дивизия состояла из поляков, жителей бывших восточных территорий Польши, 2-я на 70 % была укомплектована поляками, призванными в вермахт с территорий, включённых в рейх, главным образом из Силезии⁴¹.

Поскольку желавших вступить в дивизию поляков оказалось достаточно много, то уже в августе 1943 г. было принято решение начать формирование 1-го корпуса Польских вооружённых сил в Советском Союзе. В состав корпуса входили: две пехотные дивизии, артиллерийская и танковая бригады, офицерская школа. В октябре 1943 г. 1-я дивизия, прошедшая боевую подготовку под руководством советских инструкторов, выступила на фронт.

Во время формирования Польской армии, как и в дальнейшем, уже в ходе боевых действий особое внимание уделялось политическому воспитанию личного состава и подготовке кадров «политофицеров», поскольку, особенно в солдатской массе, были распространены антибольшевистские и антисемитские настроения⁴². Стремление воевать с Германией за освобождение Польши разделялось большинством, но одновременно многие опасались превращения Польши в «шестнадцатую республику СССР». Кроме того, далеко не все смирились с утратой польских восточных территорий. О необходимости «крепкой политической работы» в польских воинских частях, формируемых «путем мобилизации поляков – советских граждан как

³⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 113. Л. 162.

³⁹ Катънь... С. 546. Док. 218.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 17.

⁴¹ Polska-Ukraina: trudne pytania. Łuck, 1999. Т. 5. S. 262.

⁴² СССР – Польша. Механизмы подчинения. 1944–1949 гг.: Сб. док. М., 1995. С. 49, 61. Док. 18, 20.

из Польши, так и из западных областей СССР... поляков, мобилизованных в строй и трудколонны... некоторых военнопленных», писала Василевская Сталину в апреле 1943 г.⁴³

Острой проблемой в ходе формирования армии была нехватка офицерских кадров, поскольку тысячи были уничтожены весной 1940 г., а в 1942 г. подавляющее большинство польских офицеров покинуло СССР с армией Андерса. В связи с этим Советское правительство приняло решение направить в польскую армию советских офицеров «старшего и среднего состава для замещения офицерских должностей», преимущественно польской национальности, которые уже имели опыт боевых действий. Кроме этого в офицерские школы регулярно направляли «рядовой и младший командно-начальствующий состав из числа бывших польских граждан». Однако нехватка высшего офицерского корпуса ощущалась достаточно долго. Польское партийное руководство неоднократно сообщало в Москву, что «самая большая трудность это офицерский корпус. Мы не имеем офицеров, нам не хватает офицеров, особенно высших офицеров. Низший и средний состав мы можем ещё быстро иметь, но вопрос о высшем офицерстве мы не можем разрешить на протяжении короткого времени. На это нужны годы. Конечно, мы Войско Польское не можем целиком строить на бывшем офицерском корпусе бывшей польской армии, потому что в основном этот корпус реакционный, санационный. Вот, например, Красная Армия освободила из лагерей Германии несколько тысяч польских офицеров, захваченных немцами в плен ещё в 1939 г., но мы имеем от этого очень маленькую пользу. Сделали проверку и убедились, что сможем взять в армию 10 максимум 15 % этих людей, остальные пока не годятся с политической точки зрения – опасные элементы, поэтому мы их не возьмём»⁴⁴.

23 февраля 1944 г. на имя В.М. Молотова поступила от Г.М. Димитрова записка Центрального бюро коммунистов Польши в СССР «об оказании помощи ЦБ КП в организации военных курсов по подготовке политсостава польских воинских частей в СССР». Своё ходатайство Центральное бюро мотивировало «необходимостью усиления политработы в Польском корпусе», а также необходимостью создания резерва политработников на случай расширения польских воинских формирований. С этой целью советской стороной было выделено одно из военных училищ политсостава Московского военного округа. Организация и материальное обеспечение курсов возлагались на Главное политическое управление Красной Армии. По мнению организаторов, только в Москве возможно было подобрать преподавательский состав, «знающий вопросы внутренней и внешней политики современной Польши»⁴⁵.

В апреле 1944 г. решением Государственного комитета обороны СССР был создан Военный совет Польской армии во главе с З. Берлингом. В него входили коммунисты: полковник А. Завадский – заместитель командующего по политико-воспитательной части; участник войны в Испании генерал К. Сверчевский – заместитель командующего армией. Военный совет «до особых распоряжений» подчинялся в политических вопросах СПП, а в оперативных – Верховному главнокомандованию Красной Армии⁴⁶.

⁴³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений... С. 364. Док. 251.

⁴⁴ АВП РФ. Ф. 07. Оп. 5. П. 46. Д. 121. Л. 2.

⁴⁵ Советский фактор в Восточной Европе... Т. 1. С. 49. Док. 2.

⁴⁶ Там же. С. 51. Док. 3.

Контрразведывательную работу в Польской армии вели Особые отделы, или Отделы информации под руководством Главного управления контрразведки «СМЕРШ» Наркомата обороны. Берлингу, намеревавшемуся «взять в свои руки это дело» и переподчинить органы контрразведки в 1-й армии, было заявлено, «что организация, комплектование и руководство их деятельностью не является его компетенцией», о чём свидетельствует докладная записка комиссара государственной безопасности Г.С. Жукова в ЦК ВКП(б) Д.З. Мануильскому «О структуре органов контрразведки в Польской армии в СССР»⁴⁷.

Формирование органов военного управления Польской армии было завершено весной 1944 г. По своей структуре и функциям они ничем не отличались от действовавших соединений Красной Армии, в рядах которой предстояло сражаться польским дивизиям. Однако нельзя исключить элементов взаимного недоверия как внутри польского командования, так и между польским и советским командованием. В военном совете З. Берлинг оказался в окружении тех людей, на которых Кремль мог вполне положиться. На это косвенно указывают разногласия в вопросе о подчинённости контрразведывательных органов и составе Военного совета Польской армии.

Созданием Союза польских патриотов и дивизии имени Костюшко в СССР советское руководство заложило фундамент будущего просоветского правительства Польши и его вооружённых сил. По планам Сталина, который считал, что «поляки – это хороший боевой материал. Это доказано историей»⁴⁸. Польская армия должна была увеличиться до 1 млн чел. В беседе со Сталиным, состоявшейся в мае 1944 г., польский профессор Ланге, посетивший Советский Союз, отмечал, что «Польская армия представляет собой крупную политическую силу. Она будет расти... сейчас в Польской армии в СССР преобладают осадники и кулаки, но они встретятся в Польше с промышленным пролетариатом и растворятся в более широких слоях польского населения... Когда польские солдаты придут в Польшу, они будут влиять на мнение польского населения об СССР»⁴⁹. Но это не беспокоило советское руководство. По мере упрочения позиций коммунистов в Польше их воздействие на решение вопросов идейно-воспитательной работы, укрепление воинской дисциплины, боевой подготовки личного состава армии постоянно усиливалось.

На Западе создание в СССР Польской армии и СПП восприняли и как появление «потенциальных лидеров новой Польши», и как свидетельство отказа советского руководства от восстановления отношений с лондонским Польским правительством. Небезосновательно их считали «политическим инструментом в руках Советского правительства в случае вступления Красной Армии на польские земли»⁵⁰, что в дальнейшем показала история.

⁴⁷ Советский фактор в Восточной Европе... С. 57. Док. 5.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 53.

⁴⁹ Там же. Л. 53, 54.

⁵⁰ См. **подробнее:** *Duraczyński E. Polska. Dzieje polityczne. 1939–1945. Warszawa, 1999. S. 240.*

В.П. ПОПОВ
г. Краснодар

ПОЛЬСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.П. АСТАФЬЕВА

Русско-польские отношения имеют длинную и сложную историю, отражённую и в русской классической литературе. Интересны для исследования польские мотивы в творчестве русских писателей советского периода. В этом отношении характерен рассказ В.П. Астафьева «Далёкая и близкая сказка», открывающий цикл автобиографических рассказов и повестей «Последний поклон».

В.П. Астафьев рассказывает о том, как мальчик Виктор Потылицын (автобиографический герой произведения, чьё имя мы узнаём из другого рассказа) слушает игру на скрипке Васи-поляка. Как справедливо писал критик Юрий Селезнёв, одна из важнейших черт таланта В.П. Астафьева – «умение открыть глубину человеческой души, не обращаясь, как правило, к психологическому анализу, раскрыть целую судьбу во внешне обыденном эпизоде». Это умение в полной мере проявилось и в этом рассказе.

Бабушка Катерина Петровна рассказывает внуку историю Васи-поляка: «Отец и мать у него были из далёкой державы – Польши. Люди там молотятся не как мы, а по-другому. Царь у них королём называется. Землю польскую захватил русский царь, чего-то они с королём не поделили». И потом, чтобы отвязаться от внука, бабушка «бегом рассказала, что в земле этой далёкой взбунтовались люди против русского царя и их к нам в Сибирь сослали за это. Родители Васи тоже были сюда пригнаны». Вася родился на подворье, под тулупом конвоира. «И зовут его вовсе не Вася, а Стася – Станислав по-ихнему. Это уже наши, деревенские, переименовали». В этих простых безыскусственных и наивных словах – и трагическая судьба Польши, и родителей Стася, и его самого, и чисто народный взгляд на все эти события – понимающий, добрый. И это естественно, ибо бабушка у В.П. Астафьева олицетворяет «нравственность, мудрость, доброту и силу ушедшего в прошлое поколения крестьян» (В.А. Апухтина).

Внешне Вася-поляк рисуется жалким калекой, к тому же скоро ослепшим. «Роста он был небольшого, хром на одну ногу, и у него были очки. Очки эти вызывали пугливую учтивость не только у нас, ребятишек, но и у взрослых». «Рубаха на нём была расстёгнута, ноги босы, глаза в тёмных обводах, какие бывают от бессонницы». Точность изображения порой граничит с натуралистичностью, например, при описании «бледной ключицы, сиротливо выступившей из-под рубахи, и правой ноги, кургузой, кучей будто обкусанной

щипцами, и плотно, до боли закиснутых в чёрные ямки глаз». Жил Вася-поляк бедно, а когда ослеп, стал собирать милостыню по селу. Жил на задворках села в карауле без крыши, которую заменял разросшийся хмель.

Но и сам герой и его жалкое жилище в рассказе Астафьева имеют и другой план изображения. Вася-поляк – это «загадочный, не от мира сего человек, который обязательно приходит в жизнь каждого парнишки, каждой девчонки и остаётся в памяти навсегда. Такому таинственному человеку (вспомним «таинственного посетителя» у Зосимы в «Братьях Карамазовых» Ф.М. Достоевского. – В.П.) вроде полагалось жить в избушке на курьих ножках, рядом с лесом, под увалом, и чтобы огонёк в ней едва теплился, и чтобы над трубою ночами “по-пьяному” хохотали филины, и чтобы за избушкой дымился ключ, и чтобы никто-никто не знал, что делается в избушке и о чём думает её хозяин».

Эта таинственность, загадочность, необычность (первоисточник романтической поэзии), которая уже с самого начала обволакивает героя, позволяет художественно убедительно изобразить преобразование Васи-поляка во время игры на скрипке (вспомним преобразование немца Лемма из романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» во время его игры). Этому помогает и полутьма, превращавшая живого музыканта в тень, «которая металась по избушке и становилась прозрачной и нервной, будто отражение в воде». И тогда Вася начинал представляться мальчику «чем-то вроде волшебника из далёкой сказки, а не одиноким калекой, до которого никому нет дела».

Так ненарочито соединяются в рассказе два плана изображения, два измерения: калека – волшебник из далёкой сказки, караулка – избушка на курьих ножках. Отсюда становится понятно, почему рассказ назван сказкой, а ведь внутри сказки, как говорил М.М. Пришвин, «таится правда». Сам В.П. Астафьев по поводу одной из лучших своих повестей и одной из лучших в русской литературе о Великой Отечественной войне говорил: «В “Пастухе и пастушке” я стремился совместить символику и самый, что ни на есть грубый реализм». Во всём творчестве В.П. Астафьева в той или иной форме обнаруживается такое совмещение, но в рассматриваемом рассказе оно особенно явно. Без понимания этого нельзя понять глубинного содержания самого рассказа.

Вася-поляк, как и романтический герой вообще, одинок. Это подчеркнётся неоднократно: «до него никому нет дела», «редко кто заходил к нему», «одинокий калека». Глубоко символично, что автор рукою ребёнка кладёт в гроб Васи «ему на грудь скрипку и смычок», а на скрипку несколько жёлтых цветков мать-и-мачехи. Тем самым он как бы материализует русскую пословицу, объясняющую судьбу героя: «Родимая сторона – мать, чужая – мачеха».

Но особый смысл Васиного одиночества раскрылся людям лишь после его смерти. «Пока Вася-поляк был жив, они относились к нему по-разному, иные не замечали его, как лишнего человека. Иные даже и поддразнивали, пугали им ребятишек, а иные жалели убогого

человека. Но вот помер Вася-поляк, и селу стало чего-то не хватать. Какая-то виноватость томила души людские, и не было такого дома, такой семьи в селе, где бы не помянули его добрым словом в родительский день и в другие тихие праздники, и оказалось, что в незаметной жизни был он вроде праведника и помогал людям смиренностью, почтительностью быть лучше и любить друг друга». И через много лет женщины вспоминают его «благодно и горько». Одиночество Васи-поляка – одиночество праведника. А ведь по русскому народному верованию без трёх праведных не стоит ни один город, ни одно село.

И ещё одна характерная деталь. После игры Васи-поляка мальчик (будущий В.П. Астафьев) чувствует, как мир вокруг него изменился: «мне даже мимо кладбища не страшно было идти. Ничего сейчас не страшно, в эти минуты не было вокруг меня зла. Мир был добр и одинок – ничего, ничего дурного в нём не умещалось». Как у всякого крупного художника, все художественные связи у Астафьева глубоко значимы. И характеристика мира – «добр и одинок» – совмещается с характеристикой Васи-поляка, который, будучи одиноким, «жил тихо-мирно, зла никому не причинял», не случайно герой своей игрой на скрипке раскрывает перед мальчиком добрый мир, делает его душу доверчивой «доброте, разлитой лунным светом по всему селу и по всей земле». И мир, одинокий потому, что в нём «ничего дурного... не умещалось», переливается в героя, открывая новый аспект его одиночества, как раз и делающей его праведником.

Одиночество Васи-поляка заключается ещё в том, что он, как и праведники Н.С. Лескова, создавшего знаменитую галерею русских праведников (сегодня это понятие сразу ассоциируется с именем этого писателя) и на которых не мог не оглянуться Астафьев, в самых неблагоприятных обстоятельствах сохранил свою духовную самобытность. Своеобразие астафьевского героя лишь в том, что это национальная польская духовная самобытность. Ибо он не утратил свою кровную связь со своей далёкой многострадальной Родиной – Польшей.

В сущности и жил Вася-поляк как бы в двух измерениях: здесь и там, реально – в сибирском селе, куда забросила его судьба, чувствами и мыслями – в Польше. Прожив всю жизнь в русском селе, он не слился с его жителями. Даже в быту сохранил национальные черты. Он и чай пил «не по-нашему, не из блюдца, а прямо из стакана», замечает мальчик, и уходил от бабушки «церемонно, не крестясь». А когда внук говорит бабушке, что слышал скрипку Васи-поляка, та отвечает: «он чужое, батюшко, играет, непонятное. От его музыки бабы плачут, а мужики напиваются и буйствуют». «Вася – человек без роду-племени», – говорит бабушка. Это и так и не так. У него нет здесь рода-племени, но есть там, откуда привезли его отца и мать. И он никогда не забывал своего рода (за могилой родителей с большим чёрным крестом он «ухаживает пуще, чем за собой»), не забывал своей Родины. И именно эта нерасторжимая, но трагическая связь, удерживаемая с таким мученичеством и надрывом, делает его столь одиноким среди сибиряков. Поразительно напоминает он героя поэмы М.Ю. Лермонтова «Мцыри».

Судьба Васи-поляка трагична. Хотя этому и есть реальные причины, но они лишь реалистически объясняют исходный и сущностный романтический трагизм (как и романтическое одиночество). В этом вообще своеобразии романтического у В.П. Астафьева – оно, по сути, совпадает с реалистическим образом, давая ему лишь особую глубину. Трагично уже одиночество героя, его оторванность от Родины, трагична сама судьба его Родины, которая стоит за всеми мыслями и переживаниями Васи-поляка, в сущности определяя их, трагичен чисто романтический разрыв между жизнью и мечтой, действительностью и идеалом, бытом и высоким духовным порывом.

Уход в мир мечты, воспоминаний, в музыку помогал Васе осознавать своё призвание. Кстати, уже то, что в рассказе В.П. Астафьева рассказывается о трагической судьбе художника, тем более музыканта, вполне соответствует романтическим канонам, по которым художник-музыкант – идеал человека, а музыка – высший вид искусства, образец и норма всех прочих искусств.

Но трагизм страдания, на которое обречён польский герой как раз и возвышает его. Французский поэт-романтик А. де Мюссе говорил, что величие души – величие страдания. Особенное значение этой идее придавал Ф.М. Достоевский. Напомню хотя бы мысли героев самого известного романа «Преступление и наказание» Раскольникова: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца». «Русский народ всегда, как Христос, страдал», – говорит Соня Мармеладова. А в критике уже отмечалось, что в таланте Астафьева есть нечто роднящее его с Достоевским – беспощадная правдивость доведенных до накала драматических положений, страдательное сочувствие к той поре, когда человек ещё только складывается, и умение разыскивать лучшие высшие чувства там, где их вроде и подозревать невозможно.

Трагическая жизнь Васи-поляка вырастает у В.П. Астафьева в трагедию польского народа, лишённого собственной Родины, и в то же время в апофеоз его духовной силы. Величие души Васи-поляка проявляется в том, что он прекрасный музыкант. Его образ так крепко связан с музыкой, что и понять его можно лишь через музыку. Вася играет на скрипке и на всю жизнь потрясает душу ребёнка. Действие происходит ранней осенью, а осень у русских овеяна особой поэзией (вспомним Болдинскую осень Пушкина); происходит вечером, когда «одиноко светила звезда и в тёмном небе пропечаталась незаполненная луна, будто неровно обкусанная половина яблока», а ночь во всей мировой романтической литературе – время прозрения. Встреча с музыкой происходит за селом, около кладбища, где оказывается мальчик: «из-под увала, из плетения хмеля и черемух, из глубокого нутра земли возникла музыка» и пригвоздила мальчика к стене. И сердце его, «занявшееся от горя и восторга, как встрепенулось, как подпрыгнуло, так и бьётся у горла, раненное на всю жизнь музыкой». «Растроганными слезами благодарил я Васю, этот мир ночной, спящее село и спящий за ним лес».

Трагизм Васи-поляка выражен через трагизм музыки, через стон одинокой скрипки, душа которой «сочилась кровью». «На полуслове

смоклка скрипка, смолкла не выкрикнув боль, а выдохнула её». Мальчик понимает музыку через свои личные детские переживания: «Музыка эта говорит всё о печальном, о болезни вот о моей, вот говорит, как я целое лето малярией болел, и как мне было горько от хины, и как мне было страшно, когда я перестал слышать и думал, что уже навсегда буду глухим вроде нашего Аленьки, и как являлась ко мне в лихорадочный сон мама и прикладывала холодную руку с синими ногтями ко лбу. Кричал я на всю избу и не слышал своего крика».

Но в личные переживания мальчика музыка вносит и что-то большое, пока не понятное ему: «О чём же это рассказывала музыка? Не про обоз же? Не о мёртвой маме, не о девочке, у которой сохнет рука. О чём-то другом, очень большом. На что же это жаловалась она? На кого гневалась? Почему так тревожно и горько мне? Почему хочется заплакать, как я ещё никогда не плакал? Почему мне жалко самого себя, жалко тех вон, что спят не пробуждённым сном на кладбище, и среди них под бугорком лежит моя мать, рядом с ней две сестрёнки».

Постепенно открывается, что Вася-поляк не просто прекрасный, но, может, великий музыкант. В рассказе В.П. Астафьева он почти сливается с композитором – великим польским музыкантом М. Огинским (участником польского восстания 1794 г.). Сливается силой и глубиной своих чувств и полной растворённостью их в музыке композитора. «Сгорела должно быть чья то душа», – говорит писатель о музыке, имея в виду душу Васи-поляка и душу создавшего музыку композитора. «Эту музыку написал человек, которого лишили самого дорогого. – Вася думал вслух, не переставая играть. – Если у человека нет матери, нет отца, но есть Родина, он ещё не сирота... Всё проходит: любовь, сожаление о ней, горечь утрат, даже боль от ран проходит, но никогда-никогда не проходит и не гаснет тоска по Родине... Эту музыку, мальчик, написал мой земляк Огинский в корчме... Написал на границе, прощаясь с Родиной. Он послыл ей последний привет. Давно уже нет композитора на свете. Но боль его, тоска его, любовь к родной земле, которую никто не мог отнять, жива до сих пор».

Да, эти слова не только об М. Огинском, но и о самом Васе-поляке, которого судьба лишила самого дорогого – Родины, но в душе которого никогда не гаснет тоска по ней. Музыка в рассказе сравнивается с вздохом родной польской земли, которую «хранил в сердце человек, никогда не видевший Родины и всю жизнь тосковавший о ней». А именно потому, что весь рассказ написан как бы в двух планах, т.е. потому что он символичен, и образ Васи-поляка вырастает в символ польского музыканта. Вольно или невольно, но за ним начинается проглядывать и сам Фридерик Шопен – музыкальный символ Польши, а за ним и сама Польша.

Русским хорошо известно чувство ностальгии, неоднократно оно было описано и русскими эмигрантами, и теми, кто лишь на время покидал Россию. Напомню лишь одно высказывание крупнейшего русского композитора, пианиста и дирижера Сергея Васильевича Рахманинова, который в 1917 г. эмигрировал из России, тем более, что в рассказе В.П. Астафьева «Как лечили богиню»,

являющемся как бы продолжением рассказа «Далёкая и близкая сказка», младший лейтенант играл на рояле в панском доме именно «грустную музыку» Рахманинова: «Лишившись Родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиции и родной почвы, не остаётся желания творить, не остаётся иных утешений, кроме нерушимого безмолвия потревоженных воспоминаний». Игра на скрипке Васи-поляка – это его единственное утешение и воспоминание.

В.П. Астафьев поразительно глубоко проник в чувство тоски по Родине сына другой нации – поляка. Это, кстати, тоже в традициях русской классики, которым верен писатель. Вспомним хотя бы образ болгарина Инсарова из романа И.С. Тургенева «Накануне», всё обаяние которого, как показал в своей статье Н.А. Добролюбов, заключается в величии и святости той идеи, которой проникнуто всё его существо – постоянной, «слитой с ним идеи Родины и её свободы». Только безмерно любя свою Родину, можно так глубоко понять и любовь к чужой. И наоборот, познав чужую любовь, обогащаешь и свою. Не случайно маленький герой «Последнего поклона», в котором «звучала Васина музыка о неистребимой любви к его Родине, как никогда до того, начинает чувствовать и любовь к своей. А Енисей, не спящий даже ночью, крутолобый бык на той стороне, пила еловых вершин над дальним перевалом, молчаливое село за моей спиной, кузнечик, из последних сил работающий наперекор осени в крапиве, вроде бы один он во всём мире, трава как бы отлитая из металла, – это и была моя Родина, близкая и тревожная». Это и была «малая родина», через которую мальчик учился любить большую – Россию – мать, которую придётся ему защищать в самой кровавой и страшной войне. А раз у мальчика есть Родина, то, как сказал Вася, «он ещё не сирота». Кстати, музыка сроднила русского мальчика с Васей-поляком – он «первый бросил горсть земли в могилу Васи, будто ближний его родственник».

Размышление Васи-поляка о Родине прямо переключается с главным заветом, который бабушка даёт главному герою «Последнего поклона» перед уходом его на фронт: «Нету зова сильнее крови, да ишло земли родной. Мила, мила та сторона, где пупок резали... Землю почитайте – на том и стойте. За её держитесь, её и помятуйте... Забудешь родну землю, могилку мамкину да дедушкину покинешь – вовсе тогда завертит тебя смерчком-бурею, ни годов ни дней не заметишь, осыплешься на землю дряхлой, старой, одинокой, остановишься над обрывом, внизу ни зги, ни голосу, ни духу живого, ни дна, ни покрывки... Это и будет тебе предел! Своеручный ад! Какой сотворил – такой получи!»

Теперь мы глубже понимаем художественную закономерность ещё одного образа: в музыке поэтическая Васина душа вспыхнула таинственным «цветком папоротника, который цветёт только в сказках, раз в сто лет, и никому не дано увидеть его». Несколько раз появляется в произведениях В.П. Астафьева этот образ, становясь ключом к его замыслу. Причём образ этот органически связан, сращён со всей образной системой рассказа, одновременно вырастает и из

конкретных деталей реальной жизни сибирского села, и из «преданий старины глубокой», из седой славянской древности. В критике уже была пронизательно замечена «родственная созвучность» творчества В.П. Астафьева с древнейшими поэтическими воззрениями славян (Ю. Селезнёв), но мысль эта ещё не получила развитие. Тронею некоторые из этих связей, струн, которые на первый взгляд не видны, но звук которых улавливает чуткое ухо.

Во всех славянских землях верят в фантастический золотой цветок папоротника. По поэтическим воззрениям славян на природу он расцветает в ночь на Ивана Купалу. По свидетельству крупнейшего русского исследователя этих воззрений А.Н. Афанасьева, цветёт он в бурно-грозовые осенние ночи, известные под именем воробьиных или рябиновых. И не случайно в рассказе В.П. Астафьева говорится, что события происходят ранней осенью, упоминается маленькая рябинка, посаженная на могиле мальчика, и громы и молнии, страшная буря, пусть последние лишь пророчески представляются герою.

В славянских языческих преданиях фантастический цветок папоротника – метафора молнии. И этот образ прямо воспроизводится в рассказе: «сверкнул молнии, и от них вспыхнут таинственные цветы папоротника. От цветов зажжётся лес, зажжётся земля, и уже не залить будет этот огонь ни ручьём, ни Енисеем – ничем не остановить страшную бурю!» Смечальчака, который решится овладеть этим цветком, нечистая сила стремится оковать страхом. И в рассказе В.П. Астафьева на мальчика накатывается вместе с темнотою страх, даже жуть, в символическом плане рассказа это показывает, что он есть тот смельчак. Даже такая уже совсем прозаическая бытовая деталь: «В зарослях малой речки кто-то искал корову и позвал её ласковым голосом, то ли ругал последними словами», имеет и другой символический смысл, связанный с центральным образом. Не тот ли это крестьянин, который по преданиям искал потерянную корову, а нашёл цветок папоротника?

В.П. Астафьев прекрасно знал славянские предания, в том числе и о цветке папоротника, сам рассказывал о нём так: «Говорят, если найдёшь цветок папоротника – невидимкой станешь и можешь забрать все богатства у богатых и отдать их бедным, выкрасть у Кошца Бессмертного Василису Прекрасную и вернуть её Иванушке, можешь даже пробраться на кладбище и оживить свою родную мать и матерей всех осиротелых ребят». Древнее предание переплетено здесь с представлениями и мечтами мальчика-сироты. И при заведомой сказочности как добры и прекрасны они! Вся художественная логика рассказа показывает, что мальчик нашёл цветок папоротника, увидел его, а значит, действительно нашёл клад, не Кошца, но ещё более драгоценный – духовный клад. И получил он этот «духовный дар» от Васи-поляка, от его игры на скрипке. Он носитель этого богатства, хотя не ему суждено совершить подвиг, ибо он надломлен своими несчастьями и слишком слаб, убог и жалок для этого.

Учитывая символичность рассказа, полагаем, что большой смысл имеет то, что он начинается (ведь начало и конец в рассказах особо значимы) с упоминания о том, что Вася-поляк караулит общественный

семенной фонд, имеющий огромное значение для крестьян: «Если сгорит дом, если сгорит даже всё село, семена будут целы и, значит, село будет жить, потому что, покудова есть семена, есть пашня, в которую можно бросить их и вырастить хлеб». Вася-поляк не только хранит эти семена, но и бросает их в души людей, в душу ребёнка – героя рассказа. «Истинно, истинно глаголю вам: аще пшеничное зерно, падши на землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода». Эти евангельские слова взял эпиграфом к своему последнему роману «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский. Эти слова, на наш взгляд, помогают глубже понять роль образа Васи-поляка у В.П. Астафьева как сеятеля «добраго, вечного».

Музыка Васи-поляка поселила в мальчике «предчувствие бед и тревог. Предчувствие оказалось точным. Музыка не обманывает». Вася ослеп и скоро умер. Но музыка родила и предчувствие беды ещё более страшной, которая обрушится на землю и русского мальчика, и Васи-поляка, и всего человечества! Именно музыка в рассказе В.П. Астафьева сюжетно связывает эпизод его детства со Второй мировой войной.

Мальчик вырос, стал солдатом, и в грозные годы Великой Отечественной войны освобождал Польшу от коричневой чумы. И тоже осенью в небольшом разбитом городке из разбомбленного костёла он услышал звуки одинокого среди войны органа, которые напомнили ему «далёкое почти забытое детство». Это была «та самая музыка». «Да, музыка так же, как в далёкую ночь детства, хватала за горло, но не выжимала слёз, не прорастала жалостью, а звала куда-то, заставляя что-то делать, чтобы стихли эти пожары, чтобы люди не ютились в горящих развалинах, чтобы небо не подбрасывало взрывами». Далёкая сказка, рождённая скрипкой Васи-поляка, приблизилась, приобрела конкретный образ. В этом и смысл названия рассказа.

В.Е. МАРТИАНОВ
г. Краснодар

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ ГРАЖДАНСКОГО АВИАСТРОЕНИЯ

Со второй половины 1940-х гг. Советский Союз и Польша оказались на очередном этапе отношений, который характеризовался совместным членством в СЭВ, хотя экономическое наполнение этого союза вышло на полную мощь лишь в 1960-е гг. Членство в этой организации предусматривало, в частности, участие в международной системе разделения труда, когда социалистические страны, помимо производства для собственных нужд, специализировались бы на определённых видах промышленных изделий для экспортных поставок внутри социалистического лагеря. В области гражданского авиастроения СССР ориентировался внутри СЭВ прежде всего на сотрудничество с Чехословакией и Польшей как с государствами, имевшими до Второй мировой войны самую развитую в Восточной Европе авиационную промышленность. Польский авиапром в этих условиях был ориентирован на выпуск лёгких самолётов и вертолётов для транспортных перевозок и сельского хозяйства, а ЧССР досталась малая пассажирская авиация.

Первой «ласточкой» этого сотрудничества стало освоение в 1956 г. в ПНР серийного выпуска самолётов Як-12М, а двумя годами позже – Як-12А, однако поставки Як-12 в СССР погоды, по большому счёту, не делали, поскольку в Союзе шло параллельное производство такого же самолёта. Кроме того, этот тип самолёта оказался не слишком востребованным, а в сельском хозяйстве его применение было признано нерациональным. С 1974 г. из ПНР в СССР производились также поставки лёгкого самолёта аналогичного класса PZL-104 «Вильга 35», которые поступали в аэроклубы ДОСААФ в качестве буксировщиков спортивных планеров, но этих самолётов поставлялось, как и Як-12, немного.

Куда большее значение стало иметь в советско-польском сотрудничестве вертолётостроение. С 1954 г. началась подготовка к серийному выпуску в ПНР советского вертолёта Ми-1 на заводе «WSK»¹ в г. Свидник. В мае 1956 г. там началась сборка Ми-1 из поставляемых советских комплектующих. К началу 1957 г. советскими в этих машинах остались лишь двигатели АИ-26В, а в начале 1958 г. в г. Жешув наладили и их выпуск. Вертолёты, произведённые в Свиднике, носили обозначения SM-1/300, SM-1/600 и SM-1W, бывшие аналогами

¹ WSK – Wytwórnia Sprzętu Komunikacyjnego (польск. Завод транспортного машиностроения).

соответственно Ми-1Т, Ми-1А и Ми-1М. Производство вертолётов продолжалось в Свиднике до 1965 г., в ходе которого было построено 1597 машин, тогда как в СССР общее количество построенных Ми-1 равнялось 1012, а его серийный выпуск завершился уже в 1960 г.² Большую часть построенных в Польше вертолётов Ми-1 закупил Советский Союз. Советские авиаторы отмечали, что эти машины польской постройки более комфортабельны, нежели произведённые в СССР, но труднее управляются. В 1961 г. в Свиднике запустили в серию SM-2 с увеличенной кабиной, но СССР закупать этот вертолёт не стал в связи с тем, что на подходе был Ми-2. Продать за рубеж удалось лишь несколько машин, которые купила Чехословакия³.

В 1960-х гг. внутри СЭВ сотрудничество в области разделения труда усилилось, и польское авиастроение стало получать новые заказы от СССР. В 1964 г. на авиазаводе в г. Мелец завершилось продлившееся тринадцать лет производство истребителей серии Lim – аналогов советских МиГ-15 и МиГ-17. Естественно, что в Министерстве машиностроения ПНР готовились к этому событию заранее. Польская сторона просила передать заводу документацию на производство для СССР перспективных тогда Ан-10 или Ан-14, но для производства в Мелеце был предложен Ан-2 в связи с тем, что киевский авиазавод требовалось освободить для серийного производства уже начавшего летать Ан-24. Необходимо сразу отметить, что фатальной необходимости в передаче производства Ан-2 за рубеж не было, при желании на его выпуск можно было перепрофилировать несколько небольших авиаремонтных заводов в СССР, ведь самолёт изначально создавался для слабо оснащённого в технологическом отношении производства.

Сборка Ан-2 из советских деталей в Мелеце началась в 1960 г., а с января 1961 г. все комплектующие в производимых самолётах стали польскими. С марта того же года началась поставка Ан-2 мелецкой постройки в СССР. Годовой выпуск в 1961–1964 гг. держался на уровне 400 экземпляров. Тем временем в 1963 г. после постройки 3164 самолётов завершился серийный выпуск Ан-2 на заводе № 473 в Киеве⁴. Одновременно с этим польская сторона начала повышать цену за свои Ан-2, и в 1964 г. это вызвало недовольство Н.С. Хрущёва. Советский лидер заявил, что такие самолёты СССР может строить дешевле и вознамерился отказаться от закупки 500 машин этого типа, как было обозначено в советско-польском соглашении. Однако в октябре того же года Н.С. Хрущёв был отправлен в отставку со всех постов. Примечательно, что среди обвинений, которые были предъявлены ему при снятии с должности главы партии и правительства и прозвучали в выступлении секретаря ЦК М.А. Сулова на заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября 1964 г., фигурировал и эпизод с отказом от закупки Ан-2⁵. Впрочем, данным эпизодом воспользовались исключительно для того, чтобы проиллюстрировать негативные последствия волюнтаристского стиля руководства Н.С. Хрущёва.

² Михеев В.Р. Милевская «единичка» // *Авиация и Время*. 1998. № 4. С. 7, 10.

³ Там же. С. 10.

⁴ Заярин В., Удалов К. Летающий везде, где есть небо // *Авиация и Время*. 2003. № 2. С. 13.

⁵ Мевдедев Р. Н.С. Хрущёв. Год 1964-й: неожиданное смещение // Н.С. Хрущёв: материалы к биографии. М., 1989. С. 199. (В цитируемом тексте Ан-2 ошибочно обозначен автором как Ан-12, тогда как последние за пределами СССР производились только в Китае).

Тем временем к 1965 г. годовой объём серийного выпуска мелецких Ан-2 достиг 500 экземпляров. На вторую половину 1960-х гг. пришёлся ещё один инцидент, связанный с монопольным выпуском Ан-2 в ПНР (Ан-2 под маркой Y-5 выпускался и в КНР, но китайские машины в Восточную Европу, за исключением Албании, всё равно не попадали). Одновременно с прекращением выпуска Ан-2 в Киеве в таганрогском ОКБ Г.М. Бериева началась разработка специализированного сельскохозяйственного самолёта Ан-2М, который в 1966 г. был запущен в серию на заводе в подмосковном г. Долгопрудном. Ввиду того, что подмосковный авиазавод не обладал возможностью вести сопоставимое с Мелецем массовое производство и сложности запуска Ан-2М в серию, конкуренции польским Ан-2 он составить никак не мог. Тем не менее, сам факт начала серийного выпуска этого самолёта в СССР вызвал недовольство польской стороны, поскольку нарушал её монополию внутри социалистического содружества на выпуск сельскохозяйственных самолётов (лёгкие чехословацкие сельскохозяйственные самолёты L-60 «Бригадир» и Z-37 «Шмелак», хотя и поставлялись в другие социалистические страны, ввиду малосерийности своего выпуска конкурентами Ан-2 также не были). В итоге в 1971 г. выпуск Ан-2М на 506-м экземпляре прервали. Необходимо отметить, что большую часть самолётов этого типа получила Куба, а в СССР работало менее 200 экземпляров.

Во второй половине 1960-х гг. загрузка польских авиазаводов советскими заказами продолжалась, и в 1965 г. на авиазаводе в Свиднице началось производство вертолёт Ми-2 (первоначально под маркой SM-3). Отличие от выпуска Ми-1 состояло в том, что если первый производился в СССР и ПНР в пропорции примерно 2 : 3, то второй, совершивший первый полёт в 1961 г., был выпущен в СССР в количестве двух опытных экземпляров. Остальные 5418 машин этого типа будут построены в ПНР⁶. Как и в случае с Ан-2, СССР стал главным покупателем нового вертолёт.

На рубеже 1960–1970-х гг. экономическое положение ПНР ухудшилось, итогом этого стали массовые беспорядки в конце 1970 г., которые привели к расстрелу манифестации в Гданьске 20 декабря. В результате в Польше произошла смена руководства. Новый глава ПОРП Эдвард Герек в декабре 1971 г. на VI съезде ПОРП провозгласил программу вывода польской экономики из кризиса путём широкомасштабного сотрудничества со странами Запада. В результате этого в 1970-х гг. в ПНР широко разворачиваются лицензионные производства. Руководство Польши полагало, что сможет рассчитаться по кредитам за счёт поставки кредиторам лицензионных изделий. Поскольку СССР продолжал поставки энергоносителей на прежних условиях, это облегчало задачу по освоению выпуска западной продукции.

В этих условиях советское руководство не могло остаться в стороне и позволить союзнику перейти на югославскую модель развития экономики с перспективой выхода из-под внешнеполитического влияния СССР. Чтобы помочь польской экономике опротивиться от кризиса, Советский Союз увеличил закупки промышленных изделий

⁶ Комиссаров Д., Котлябовский А., Русецкий М., Хаустов А. Вертолёт с двойным гражданством // *Авиация и Время*. 2004. № 6. С. 8.

выпуска ПНР. Это затрагивало и авиационную промышленность. И к 1973 г. годовой объём производства Ан-2 достиг 600 экземпляров, а в сентябре 1984 г. в Советский Союз был торжественно передан десяти-тысячный экземпляр Ан-2 мелецкой постройки. Общий же объём серийного выпуска Ан-2 на этом предприятии до его полного прекращения в 2002 г. составил 11 915 экземпляров⁷. Необходимо сразу отметить, что потребность внутреннего рынка ПНР в Ан-2 была невелика. Так, польская сельхозавиация, входящая в состав авиакомпании «ЛОТ», обходилась шестью самолётами данного типа, поскольку в Польше на селе продолжал сохраняться частный сектор и малый размер земельных наделов на значительной части пахотных земель просто не позволял вести их химобработку с воздуха.

Но одновременно с этим в советско-польском сотрудничестве наступил момент реализации, пожалуй, самого амбициозного проекта в области малой авиации. В конце 1960-х гг. советским авиаконструктором Р.А. Измайловым началась разработка проекта реактивного сельскохозяйственного самолёта под индексом «И». В ходе проработки проекта и его обсуждения специалистами высказывались далеко не однозначные оценки этой весьма спорной идеи. Тем не менее, в 1971 г. конструктору удалось добиться поддержки министра гражданской авиации СССР Б.П. Бугаева. Было решено организовать производство нового самолёта в Польше на заводе в Мелеце, который имел опыт реактивного авиастроения. Устная традиция «Аэрофлота» приписывает лоббирование этого решения заместителю министра гражданской авиации СССР И.С. Разумовскому, этническому поляку. В итоге советский проект реактивного сельскохозяйственного самолёта И-711 был передан в мелецкое КБ Казимежа Гоцилы, где началась разработка уже полноценной технической документации. Машина в Польше получила индекс М-15.

При проектировании самолёта на него был установлен единственный подходящий по габаритам советский реактивный двигатель АИ-25, который применялся на советском пассажирском самолёте Як-40 и чехословацком учебно-боевом L-39 «Альбатрос». Проблема состояла в том, что эта силовая установка была абсолютным «чемпионом» по расходу топлива на единицу веса. В дальнейшем высокий расход топлива стал одним из факторов, предопределивших неудачу самолёта в эксплуатации.

Проектирование М-15 шло нелегко. С помощью советских специалистов удалось оптимизировать его в аэродинамическом отношении, и 30 апреля 1973 г. в воздух поднялся первый прототип. Однако с началом постройки самолётов первой серии в 1974 г. опять начались проблемы с аэродинамикой, которые всё же удалось преодолеть. В конце 1975 – начале 1976 г. были проведены государственные испытания М-15 в СССР, на которые было привлечено сразу пять машин. Итогом стали 264 замечания к самолёту, но они запоздали: акт лёг на стол министра 23 ноября 1976 г., когда «Аэрофлот» уже принял в эксплуатацию 18 серийных М-15 – ведь переподготовку лётного и технического составов начали ещё в феврале, невзирая на то, что

⁷ Заярин В., Удалов К. Летающий везде, где есть небо... С. 14.

государственные испытания продолжают. Получился замкнутый круг: сначала самолёт «толкали» в серию, невзирая на сомнения скептиков, а когда они подтвердились, то министр гражданской авиации СССР продолжал настаивать на эксплуатации, поскольку М-15 всё равно уже строятся в серии.

Всего М-15 поступили в пять лётных отрядов «Аэрофлота». Впечатление лётного и технического состава от работы с ними осталось двойственным. С одной стороны, самолёт прекрасно летал и хорошо управлялся, а при правильной организации работы и снабжения ощущалось превосходил по производительности Ан-2, но организовать работу было невероятно трудно. Прежде всего, из-за высокого расхода керосина возникли трудности по его доставке на полевые аэродромы. Польская сторона изначально лукавила, указав расход топлива по показателям Як-40, который летает не у земли, а значительно выше, и в итоге М-15 превзошёл эту цифру на четверть. Особенности конструкции М-15 и сложность его загрузки химикатами привели к тому, что самолёт, опережая Ан-2 по рабочим показателям, проводил при этом на загрузке и заправке больше времени, чем в полёте, и в итоге лётный состав терял в заработках. Самолёт требовал радикальной перестройки всей системы организации авиахимработ, поскольку для успешной эксплуатации требовалась новая наземная инфраструктура (средства обслуживания и загрузки, ангары, полевые площадки), но создана она так и не была. В некоторых местах лётный и технический состав, творчески относясь к работе, сумел кое-как приспособиться к новой машине, однако эти случаи так и остались исключениями.

Но наиболее уязвимым местом М-15 стала его сельскохозяйственная аппаратура. Построенная на сомнительных принципах, она непрерывно заедала, поскольку не была рассчитана на работу с некондиционными советскими химикатами, где часто попадались щепки и битый кирпич. Кроме того, самолёт был сильно подвержен коррозии из-за плохого качества лакокрасочного покрытия.

Довершало список дефектов откровенно халтурное исполнение мелкими авиастроителями целого ряда узлов и агрегатов. В период опытной эксплуатации в 1976–1979 гг. в советских авиаотрядах работали польские специалисты, а запасные части доставлялись из ПНР весьма быстро и оперативно, но едва в апреле 1979 г. советская сторона подписала сертификат лётной годности для М-15, специалисты уехали домой. Доставка же запчастей превратилась в сложнейшую проблему, связанную с прохождением бюрократических инстанций. В итоге себестоимость химработ на М-15 превышала таковую на Ан-2 (и это при том, что лётчики потеряли в зарплате!), а поскольку советская сельскохозяйственная авиация и так была планомерно убыточной, возникли серьёзные сомнения в необходимости эксплуатации реактивного сельхозсамолёта. В 1981 г. после выпуска 175 самолётов из-за массовых беспорядков в Польше серийный выпуск М-15 был прекращён, хотя планировалось построить три тысячи самолётов, а комплектующих было изготовлено более чем на двести экземпляров⁸. К лету 1983 г. большинство М-15 отлетали свой ресурс до первого капитального ремонта, но

⁸ Данные об общем количестве серийно выпущенных М-15 весьма противоречивы и получены путём анализа поступившей к автору информации.

польская сторона установила цену восстановления, равнявшуюся 95 % стоимости нового самолёта. Это и предопределило финал: осенью 1983 г. все М-15, включая более 30 новых самолётов, которые были закуплены советской стороной и уже стояли в аэропорту Львова, были отправлены на металлолом. Всего же эта программа поглотила более 100 млн инвалютных рублей⁹.

Дальнейшие совместные советско-польские авиапроекты такого размаха уже не имели. После 1971 г. ПНР приступила к массовой закупке лицензий на Западе, и в августе 1976 г. в Мелеце совершил первый полёт сельскохозяйственный самолёт М-18 «Дромадер», который представлял из себя планер американского S2R «Thrush Commander» с советским двигателем АИШ-62ИР, применявшимся на Ан-2. В тот период, когда Польша ещё не попала в огромные долги, даже удалось поставить в Северную Америку некоторое количество М-18, первые из которых перелетели за океан своим ходом (!). Однако в конце 1970-х гг. инвесторы отказались взимать долги польскими лицензионными товарами и потребовали валюту, которой не было. В результате уровень жизни в ПНР в конце 1970-х гг. резко упал, и это привело к массовым беспорядкам, которые начались с лета 1980 г. и имели антикоммунистический и антисоветский характер. В этих условиях мелецкое авиапредприятие, видя, что программа М-15 уже близится к концу, предложило М-18 СССР.

Испытания двух «Дромადеров» прошли в СССР летом 1981 г. Итоги их были достаточно оптимистичными, но советской стороной были предъявлены к самолёту повышенные требования. В ответ министерство машиностроения ПНР не оставило от советских предложений камня на камне, доказывая, что они невыполнимы и что М-18 – отличный самолёт, который обходится в серийном производстве дешевле, чем Ан-2.

Летом-осенью 1988 г. на испытания в СССР прибыло ещё три М-18. Их испытания в Тюменской области в качестве противопожарных самолётов закончились полным провалом, но это была не вина «Дромадера» – с таким небольшим грузом воды на борту эффективно бороться с лесными пожарами может только вертолёт. Итоги испытаний на химработах были обнадеживающими, но массовой закупке самолёта помешало сразу несколько обстоятельств. Ряд узлов и агрегатов имел слишком низкий ресурс, что привело бы к их частым заменам. По рабочим характеристикам самолёт превосходил Ан-2, однако это преимущество было таким незначительным, что могло принести экономический эффект лишь много времени спустя.

Но главным определяющим фактором стала цена М-18 – 243 тыс. р (Ан-2 обходился в 180 тыс.). При этом производители продолжали утверждать, что М-18 дешевле в производстве. На этой ноте переговоры и завершились.

По этой же причине не стал аэрофлотовским самолётом и PZL-106BT «Турбо Крук» с чехословацким двигателем М-601. Договорённость о срочных испытаниях его в СССР была достигнута во время визита в Варшаву М.С. Горбачёва в июле 1988 г., и их экстренно

⁹ Мартинюв В., Сеидов И. Первый и последний: Реактивный сельскохозяйственный самолёт М-15 // Мир Авиации. 2006. № 1–2.

провели уже в ноябре, хотя обычно это делают летом. Машина в целом показала себя неплохо, но её цена в 340 тыс. р (почти столько же стоил чехословацкий пассажирский L-410 с двумя такими же двигателями) поставила на всей затее крест¹⁰.

Тем временем авиастроители из Свидника завершили работу над вертолётom W-3 «Сокол», который создавался ими на основе Ми-2, но реально был представителем более тяжёлого класса. Объективно СССР нуждался в таком вертолёте: с 1970-х гг., когда из эксплуатации ушли Ми-4, образовалась свободная ниша между Ми-2 и Ми-8. Разработка машины затянулась – макет был готов ещё в 1976 г., а первый «Сокол» побывал на испытаниях в СССР только восемь лет спустя. По итогам первых испытаний вертолёт пришлось подвергнуть серьёзной переработке. В 1988 г. двадцать «Соколов» были переданы в опытную эксплуатацию в Советский Союз, но вертолёт оказался недоведённым. В итоге, после катастрофы в июле 1990 г. в Якутии из-за обрыва лопасти несущего винта, остальные машины вернули Польше (ещё одна была разбита в январе 1989 г. из-за ошибки экипажа)¹¹. К тому же в условиях ухудшающейся советской экономической ситуации и удорожания авиационных услуг польским вертолётom просто не нашлось на местах работы. После этого создатели «Сокола» однако не опустили рук и продолжили его совершенствовать. В результате некоторое количество W-3A было продано в Чехию и Южную Корею¹², а в 2003 г. один «Сокол» был приобретён администрацией Краснодарского края.

В 1988–1990 гг. в Мелеце польскими и командированными из ОКБ О.К. Антонова советскими специалистами под руководством Ю. Олексяка и В.Т. Чмиля начал проектироваться совместный советско-польский сельскохозяйственный самолёт МК-1 («Мелец-Киев»). Машина проектировалась весьма основательно, для турбовинтового двигателя предусматривалась двойная фильтрация его воздухозаборника, но после сдачи проекта в мае 1990 г. (по другим данным – в 1991 г.) он был «положен под сукно»: СЭВ распался...¹³

Подводя итог, хотелось бы отметить, что за сорок лет совместного сотрудничества в области гражданского авиастроения СССР вложил в польскую авиационную промышленность огромные средства. Вложения эти не всегда были оправданы и разумны, а цены на покупаемые летательные аппараты зачастую накладны для СССР. Диктовалось это прежде всего тем, что уровень потребления и жизни в ПНР был выше, чем в СССР. Соответственно, можно сделать вывод, что большинство поставляемых в СССР промышленных изделий были достаточно качественны, но вот по критерию «стоимость–эффективность» были весьма далеки от идеала.

¹⁰ Мартианов В. Сказ про то, как один биплан три моноплана победил: Иностранные сельскохозяйственные самолёты на испытаниях в СССР (1966–1988 гг.): рукопись статьи (на материалах архива НПК ПАНХ).

¹¹ Цыкин В., Гладкий В. Как «Сокол» стал «историей» // Гражданская авиация. 1991. № 11. С. 26.

¹² Гордон Е., Комиссаров Д. Лёгкий многоцелевой вертолёт Ми-2 // Авиация. 2000. Вып. 7. С. 18–19.

¹³ Зяряин В. Турбовинтовой наследник Ан-2 // Авиация и Время. 2004. № 4. С. 9. (Датировка событий в статье расходится с воспоминаниями участника создания МК-1 М.А. Пятецкого).

А. де ЛАЗАРИ
г. Подзь

MUSI TO NA RUSI... * (О РОССИЙСКОЙ «КУЛЬТУРНОЙ ЗАПРОГРАММИРОВАННОСТИ» И ПОЛЬСКОЙ РУСОФОБИИ)

Я разделяю мнение Геерта Хофстеде, что культура – это коллективное программирование человеческого разума, что она представляет собой систему, программирующую сознание определённой группы людей. В то же время мне представляются утопическими всяческие мечты об идеальной Всеобщности, в которой «Я» было бы свободно и, в то же время, не обособлено от «повсеместной общности» (идеи «общего дома», «глобальной деревеньки», «общей Европы», Вселенской церкви, не говоря уже о рухнувшей утопии коммунизма и других «общественных» исторических идеях). Упрямство политиков, таких как Джордж У. Буш, в том, что «моральная правда одинакова в любой культуре, в любое время и в любом месте», привести нас может лишь к новой «утопии при власти». Не существует единой общечеловеческой культуры. Имеет место неисчислимое многообразие «групповых» культур, среди которых, несомненно, очень важное место занимают культуры национальные. «Объединительные качества» этих культур можно выстраивать лишь опираясь на рациональное Право, как это имеет место в Европейском Союзе, мораль же всегда останется относительной.

Относительны и иные «ценности» – национальные, религиозные, идеологические. По-разному они оцениваются в отдельных культурах. Нас особо не удивляет иное мироощущение китайцев, японцев, арабов. Давайте же отдадим себе отчёт в том, что и наши соседи зачастую думают иначе, чем мы. И это «иначе» вовсе не должно означать «ошибочно». Поляки, вот, гордятся своим «гонором» (т.е. честью). А для русских «польский гонор» со времён Пушкина – это синоним тщеславной спеси и самонадеянности. Разве у русских нет оснований для такого мнения? Давайте взглянем на наших политиков и спортивных болельщиков. Где их гонор? Чаще всего на его месте – спесь.

Поляков больше всего раздражает в России государство и власть. В этом деле мы согласны со значительной частью российской интеллигенции. Виктор Ерофеев выразил эту проблему так: «Отчаянное пробуждение к вечным ценностям посреди говна. Хамское высокомерие

* *Musi to na Rusi, a u nas jak kto chce* (польск. поговорка) – «Должен – это на Руси, а у нас как кому вздумается».

вечно занятой собой власти, не имеющей времени объясниться с людьми. Новые обиды. Сила русской интеллигенции - внеправительственное мышление. Оно же - вечная слабость»¹.

Тут мы согласны, но возможно ли представить себе Россию без сильного Государства? Поляки не единожды доказали, что Польша может существовать без государственности - как культура. А могла бы Россия существовать по тому же самому принципу?

Не каждый россиянин - это русский, да и поляк может быть россиянином.

Когда мы изучали предубеждения российских студентов по отношению к Польше и полякам, возникла проблема. Мы желали исследовать предубеждения русских, на что наши русские коллеги отреагировали вопросом: «А каким образом мы должны для вас этих русских выделить из студенческих групп? Ведь среди них есть также казахи, украинцы, евреи, чеченцы и многие другие национальности, наверняка и поляк найдётся».

Оказывается, что ныне в России вопрос о национальности политически некорректен. Важна, что объяснимо в многонациональном государстве, государственная принадлежность, т.е. *российскость*, а не *русскость*, как принадлежность к «народу-культуре». И это понятно, потому что, если в России когда-нибудь могло бы появиться гражданское общество, она не может быть «национальной», «монокультурной» - *русской*; она обязана быть мультикультурной, «государственной», т.е. *российской*. И, вместе с тем, не уломать ведь чеченцев стать россиянами.

Сложная проблема, и выхода из неё нет - единственной, сплачивающей россиян ценностью, остаётся сильное Государство. Без неё России вообще бы не было. Ерофеев насмешливо объяснил это так: «Чем бесчеловечнее государство, тем лучше. На мой взгляд, консерваторы знают подноготную русской жизни. Русских надо держать в кулаке, в вечном страхе, давить, не давая расслабляться. Тогда они складываются в народ и кое-как выживают»². И в то же время: Россия - это «государство, которое не умеет быть государством» и, по всей видимости, «гражданственности» учиться будет в течение многих поколений, ибо там «масса превращена волей случая в электорат, имеет голос и ничего общего не имеет с демократией»³.

«Россия становится всё дальше от демократии» пишет «Газета» (18.02.05), с удовлетворением публикуя письмо западных организаций по правам человека и аналитических центров с обращением к Джорджу Бушу, чтобы заставил Путина (обобщаю) «демократизировать Россию». Западные аналитики забыли, что их страны добивались современной демократии в течение нескольких столетий, что в демократической системе необходимо правовое сознание граждан. В России нет, и никогда не было граждан, а тем более, правового сознания. Мало того - для большей части жителей России «демократия» стала словом

¹ Ерофеев В.В. Энциклопедия русской души. М., 1999. С. 45.

² Там же. С. 55.

³ Там же. С. 135, 166.

неприличным, о чём так сожалеет Солженицын. Это «дерьмократия», а дерьмо – это говно. Откуда это пошло? – От того, что после крушения коммунизма в рамках этой самой «дерьмократии» наступил черёд «прихватазации» («нахапывания», вместо приватизации), экономическая и политическая анархия. А всё потому, что Право никогда не было для русских авторитетом. Почиталась Милость (Божья, царская, чиновничья). Никогда в своём большинстве русские также не признали перевенства достойного «Я» по отношению к «Мы». Сколько усилий предстоит ещё нам, чтобы в Польше установить власть права, хотя, казалось бы, что правовой сознательностью мы располагаем, коль скоро в Конституции записали «Мы, Польский Народ – все граждане Республики», т.е. каждое «Я» по отдельности, хотя и сообща. В российской Конституции всё ещё преобладает «Мы – *многонациональный народ Российской Федерации*» (курсив наш. – А. де Л.). И ничего с этим не поделаешь. Культур, где «Мы» важнее «Я», в мире намного больше. «Я» наверняка когда-нибудь высвободится и в России, так, как высвобождается в Японии, но для этого необходимо несколько поколений и многих Путиных.

За Бога, Царя и Отечество!

Тем временем русские всё ещё гордятся своим смирением перед Богом, властью и судьбой. В польском восприятии смиренность русских свидетельствует об их покорности властям (ведь и мы сами шли в бой за Бога, Честь и Отчизну). Стоит, однако, разобраться, как русские были запрограммированы своей культурой на это «смирение». «Различное понимание “чести” в Московском Царстве и Речи Посполитой, – пишет Губерт Лашкевич, – базируется на различном понимании того, что приводит к утрате достоинства, а что – нет. Некоторые образцы поведения, считающиеся оскорбительными в культуре Речи Посполитой, в Московском Царстве являются нейтральными. Именование себя в переписке рабом царя не умаляет чести. Не приводит к утрате достоинства. Также нарушение правителем в некоторых ситуациях телесной неприкосновенности (понятие в Москве неизвестное) лица, принадлежащего к элите, не является для него постыдным... Правитель, занимая положение отца и абсолютного суверена, доминировал над своими подданными, отношение к которым было как к недорослям в семье. Патриархальная модель власти не позволяла формировать иные ритуалы, оберегающие личное достоинство. Была барьером, **не позволяющим принять западноевропейское понятие чести**»⁴.

Раз уж так, конечно мы можем насмехаться над «верноподданническим» отношением русских к властям – и в историческом прошлом, и в наше время (аналогично могут смешить нас, к примеру, «поклонь» японцев), но что нам от этого, кроме чванливого удовлетворения, будто мы вроде как более «цивилизованы»? Мы росли в разных культурах и «правды» у нас разные.

Визы и французская любовь (к России).

Во всём мировом Зле виноваты уже не евреи, как иногда думают даже в Польше, а русские. Француз (наверняка не французский араб) Андре Глюксман обвинил Фёдора Достоевского и других русских в

⁴ *Łaszkiewicz H. Pojęcie honoru w Carstwie Moskiewskim i w Rzeczypospolitej w XVI-XVII wieku // Dusza polska i rosyjska. Spojrzenie współczesne / Pod red. A. de Lazari i R. Bäckera. Łódź, 2003. S. 96.*

нападении на Америку 11 сентября 2001 г. (*Достоевский на Манхеттене*, 2003). Россия, по его мнению, является «величайшим бандитским государством в мире». Это она создала **нигилизм, который превратился в глобальную проблему.**

Глюксман, пренебрегая российским законодательством, пересёк границу России без визы, неофициально (не уподобился ли таким образом ненавистному себе нигилисту?). Теперь пишет, что «свобода слова для граждан России, безусловно, ограничена. Благодаря новому закону о выдаче виз администрация Путина пыгается заткнуть рот также иностранцам». Публикующая его текст «Газета» (11.02.05; *Визы для послушных*) в редакционном комментарии добавляет: «Статья перепечатана из еженедельника “Московские новости”».

Может ли кто-нибудь заметить здесь логику да это «ограничение» и «затыкание рта», коль скоро Глюксман, у которого проблемы с законодательством России, может свободно публиковать тексты в российских многотиражных изданиях? «Московские новости» не перенесли свою редакцию в Париж. Наоборот – парижский «Континент» и парижская «Русская мысль» теперь выходят в Москве. Проблема в другом, сколько у них читателей и каков тираж. Никто ведь не ограничивает им доступа к бумаге. Почему оппозиционная «Новая газета» выходит только дважды в неделю? Почему её номер за четверг без проблем можно купить в субботу? Может Глюксман вместе с «Газетой» полагают, что какая-то цензура лимитирует свободу слова русских (московских!) версий журналов: «Плейбой», «СПИД-Супер», «Бурда», «Мари Клер», «Космополитен», «Русский Ньюсвик» и т.д., которые приобрести можно в любом киоске, у каждой станции метро? В то же время никто не найдёт там моей любимой «Русской мысли» или, тем более, «Новой Польши». Уверяю, что решает это не Путин, а Рынок, эффективно охваченный западными концернами и мафией.

В свою очередь, получил бы Глюксман американскую визу, если бы неофициально пересёк границу США, а в своей очередной книге осудил Америку за войну в Ираке и обвинил, к примеру, Ралфа Уалдо Эмерсона в резне детей в Беслане? Тарику Рамадану, швейцарскому учёному-исламисту было отказано в американской визе. Не получил визы депутат Российской Думы, певец Иосиф Кобзон, норвежский ударник Кьетил «Фрост» Харалстад, режиссёр Сильвестр Лятковский, который почувствовал себя оскорблённым вопросами американской визовой анкеты, и несметное количество других людей.

Чтобы не было сомнений – даже не думаю осуждать за это Америку. Это её право. И ни к чему наши причитания по поводу безвизового въезда в Америку. В США Право – это Бог, и без визы поедем туда тогда, когда будем соответствовать требованиям американского Права.

Своеобразие России.

Стоит войти в Интернет, чтобы убедиться, сколько страха и неприязни вызывает у нас «Царь Путин» (несколько сотен ссылок). Поляки не любят сильную власть. Символом польского непонимания России и страха перед ней мне представляется Кристина

Курчаб-Редлих со своей «Пандрёшкой», корреспонденциями и выступлениями в средствах массовой информации. Пани Кристина, продолжая получать визы, и даже пятькратно добираясь до Чечни, решила «понять русских», так как, по её убеждению, «они сами освобождают себя от этого четверостишием Фёдора Тютчева». Переводит это четверостишие и переводом доказывает, что ничего не поняла.

Тютчев писал:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья –
В Россию можно только верить».

Курчаб-Редлих переводит: «Умом Россию нам (вроде бы русским. – А. де Л.) не постичь, / Большим аршином её не измерить, / Потому, что у России особенное право: / Потому, что в Россию можно только верить...» **.

Если бы пани Кристина отдала себе отчёт в том, что Адам Мицкевич, который был лишь чуть младше Тютчева, учил: «Чувство и вера говорят мне больше, / Чем мудреца очки и око» – наверняка правильнее перевела бы слова русского романтика на язык польской культуры и не имела бы претензий к русским, что «освобождают себя» от понимания. Ведь Тютчев говорит, что это пани Кристина – рациональный человек Запада, который пробует всё измерять общей мерой – Россию понять не в состоянии. И не ошибся! Можно обвинять Тютчева в национализме, но такие же претензии можно было бы предъявить и Мицкевичу. Тютчев не пишет, «что у России особенное право», потому, что «право» – это выдумка римского рационализма, чуждого России. Он пишет, что Россия являет собой нечто особенное, иное. Подобным образом Мицкевич утверждал, что Польша является Христом народов. Это те самые романтические категории, из которых поляки (надеюсь) уже выросли. А русские, несмотря на старания Путина, в романтическом образе мышления всё ещё пребывают.

Унизить Россию.

Решительное большинство поляков убеждено, что Россия обязана испытывать чувство вины по отношению к Польше за события из прошлого. Среди русских это мнение разделяет лишь горстка полонифилов. Отсутствие чувства вины вытекает из того, что понятия «чудо на Висле», «17 сентября», «Катынь» ни о чём не говорят. Они не понимают польских «расчётов» с историей, и недоумевают, что мы не желаем быть им благодарны за свободу в 1918 и 1945 гг. Путин очень поразил россиян, когда во время визита в Варшаву возложил цветы к памятнику Армии Крайовой и Подпольному Государству. Многие российские журналисты лихорадочно бросились искать информацию о том, что собой представляла АК (для «справедливости» уясним себе, как часто западные журналисты отождествляют Варшавское восстание с восстанием в Варшавском гетто).

Для поляков ещё труднее согласиться с «уравновешиванием» своей вины по отношению к России. Они также мало знают. И как

** „Rozumem Rosję nam (jakoby Rosjanom. – A. de L.) nie pojąć, / Arszynem wielkim jej nie zmierzyć, / Bo Rosja prawo ma szczególne: / Bo w Rosję można tylko wierzyć...”

почувствовать себя ответственным за захват Полоцка Баторием, за Дмитриев Самозванцев в Москве, за участие в кампании Наполеона, Ноябрьское и Январское восстания, коль скоро со стороны России были разделы Польши, жёсткая русификация, ссылки, война 1920 г., 17 сентября, выселения, Катынь, Старобельск, Осташков, Медное, не оказание помощи Варшавскому восстанию, навязывание коммунизма и «народовластия». Те немногочисленные россияне, кто ориентируется в этом (прежде всего из националистических кругов), упрямо возвращаются к попыткам оправдать войну 1920 г. и пакт Молотова-Риббентропа, «доказывают» немецкую вину за злодеяние в Катыни или ищут контр-Катынь на территории Польши.

История не является и никогда не будет фактором, способствующим формированию дружеских польско-русских отношений, и не следует ожидать от россиян того чувства вины, какое было привито немцам, или жеста (по образцу польских епископов) «прощаем и просим прощения». Россияне сами слишком много натерпелись от коммунистического режима, и слишком долго их воспитывали во враждебности к внешнему миру, чтобы они были способны на такого рода жесты по отношению к «чужим». Исключение представляет собой Александр Солженицын, призывающий русских к покаянию, однако более за грехи по отношению к самим себе, чем по отношению к «соседям». В его интерпретации коммунизм был навязан России нероссиянами и большую за это ответственность несёт Запад.

Поэтому давайте перестанем рассчитывать на то, что русские наделят нас правом предъявить счета «за историю». Они не в состоянии позволить себе этого ни финансово, ни по своему мировоззрению. В испокон веков ведущихся спорах о государственном гербе, флаге и гимне они с трудом ладят со своим собственным прошлым и польско-русская история никогда для них не будет иметь существенного значения.

У Мрожека когда-то прозвучало, что «Польша находится к востоку от Запада и к западу от Востока». Он пошутил, но был прав. Потому, что где же мы можем находиться, если не в своём собственном сознании? Нас Империя принуждает, а россиян всё ещё раскрепощает. Путин пользуется поддержкой «жителей» Федерации потому, что сумел взять в свои руки распадающуюся Империю. Поражение идеи Империи всегда до сих пор вело Россию к анархизму потому, что Право там имеет ценность решительно меньшую, чем у нас. Наш бунт ничего здесь не изменит. Проблему может вылечить лишь время, а ни в коем случае не политики, которые мечтают унижить Россию за все наши обиды.

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И КАВКАЗЕ

Б.Е. ФРОЛОВ
г. Краснодар

«ПОЛЬСКИЕ КОМАНДИРАЦИИ» ЧЕРНОМОРСКИХ КАЗАКОВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Третий раздел Речи Посполитой и присоединение части её земель к России поставили перед русским правительством задачу охраны новых границ империи. К содержанию кордонов на рубеже с Пруссией активно привлекались казачьи полки. С 1819 г. начались «командировки» в Царство Польское и казаков войска Черноморского. Эти внешние походы интересны для изучения в нескольких аспектах. В большинстве случаев на столь дальнюю и продолжительную службу старались отправить «бездомовных и неимущих» казаков. В связи с этим вырисовывается несколько направлений исследования: дифференциация казачьей сиромы по социальному и экономическому статусу, порядок и условия прохождения военной службы голутвенными казаками, политика войскового руководства в отношении как этой группы казачества, так и «хозяйственных» казаков, технологии освобождения от воинской повинности в среде «самобеднейшего», среднего и зажиточного казачества и т.д.

Цель настоящей работы – чисто военные аспекты: процесс формирования полков, снабжение их форменной одеждой и оружием, строевыми лошадьми, амуницией.

...В начале 1819 г. херсонскому военному губернатору графу А.Ф. Ланжерону поступил запрос из Главного штаба о возможности отправки в Польшу одного полка из войска Черноморского для смены стоявшего там 3-го Оренбургского казачьего полка. В ответ губернатор сообщил, что войско несёт большие тяготы по охране границы и предложил «сформировать сей полк из казаков бессемейных, не имеющих оседлости и переходящих с места на место для заработков, дабы таким образом сделать их полезными себе и обществу»¹. Мнение это получило одобрение императора и в апреле 1819 г. Ланжерон предписал атаману Черноморского войска Г.К. Матвееву сформировать новый полк из 2037 числившихся в войске бездомных казаков.

Согласно высочайше утверждённому 13 ноября 1802 г. докладу Военной коллегии «Об устройстве Черноморского войска» ему (войску) полагалось содержать 10 конных и 10 пеших полков². К 1819 г. добавилась ещё и конно-артиллерийская рота. В ведомости за апрель 1819 г. строевой состав Черноморского войска (без офицеров, урядников и канониров) показан в 10 824 казака³. Из этого числа на границе находилось 2500.

¹ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 746. Л. 1.

² ПСЗ. 1-е собрание. СПб., 1830. Т. 27. Ст. 20508.

³ ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 188. Л. 14.

Войсковой атаман понимал бесперспективность сбора полка из «бродячих» казаков. Это о них писал видный историк черноморского казачества П.П. Короленко: «...вербовали в службу обыкновенно тех, кто был под рукой, ибо многие черноморцы, скрываясь в ватагах по рыбным заводам, или в степях за отарами и табунами, вовсе не служили»⁴. Но среди бездомных и неимущих казаков было немало таких, кто постоянно проживал в куренных селениях, работая батраком за кров и пищу у казака-хозяина, а часто отбывая и службу за него. Внесённые в куренные списки, они, естественно, вписывались и в наряды на службу.

Вот из таких служилых сиром и решил Г.К. Матвеев скомплектовать полк, получивший номер «11». Командирам всех 20 полков войска атаман приказал выбрать по 30 человек, «вооружённых по новому штату и доброго поведения»⁵. 30 мая 1819 г. командиром 11-го конного полка Черноморская войсковая канцелярия назначила войскового старшину Стринского. Вот на него и обрушились все тяготы по комплектованию и снаряжению полка, ведь у «неимущих» казаков ничего не было.

Но первая проблема, с которой он столкнулся, касалась личного состава. Понятно, что командиры полков старались в первую очередь избавиться от худших своих людей. Архивное дело «О командировании 11-го конного полка в Польшу» переполнено жалобами Стринского на присылаемых ему казаков: «худого поведения» (преступники, пьяницы и буйные), «дряхлые летами», «слабые здоровьем», «с неспособными лошадьми». Он всё время требует заменить их другими. Относительно нравственности некоторых попавших в полк казаков никто не строил иллюзий. Недаром граф Ланжерон незадолго до выступления полка в поход приказал: «...воровство всеми способами отвращать и ...предупреждать, а для того попоручить в десятках всех круговую порукою»⁶.

В описанной практике не было ничего экстраординарного. Рекрутские артели в армии также связывались круговой порукой. Привычка помещиков отдавать в рекруты самых беспокойных и «порочных» крестьян настолько вошла в систему, что у современников сложилось следующее мнение: «Когда полковой командир получает человека маленького роста, некрасивого и слабосильного, то он может надеяться, что это честный человек; но если он получает красивого, высокого и сильного человека, то это наверно негодяй»⁷. Так что войсковой старшина Стринский в своих проблемах комплектования полка был совсем не одинок. Но ещё большие трудности возникли у него в деле снаряжения казаков «по новому штату». 11 февраля 1816 г. для казаков Черноморского войска были высочайше утверждены форменная одежда и оружие⁸. К 1819 г. ещё почти никто не имел образцовых вещей, да и впоследствии казаки годами уклонялись от их приобретения. Но если при отбытии кордонной службы в Черномории на это часто закрывали глаза (во всяком случае, кардинально изменить ситуацию не могли), то при выходе на внешнюю службу полк должен

⁴ Короленко П.П. Черноморцы. М.; СПб., 1874. С. 81.

⁵ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 746. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 457.

⁷ Цит. по: Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1698–1801. М., 1995. С. 127.

⁸ ПСЗ. 1-е собрание. СПб., 1830. Т. 33. Ст. 26138а.

был быть одет и вооружён однообразно, дабы походить на воинскую часть. Известный кубанский историк Ф.А. Щербина отметил: «При образовании полка оказалось, что многие казаки не имели ни сапог, ни приличной одежды, кроме выданных войском нарядных мундиров, и что у казаков не было денег на содержание лошадей во время передвижения»⁹.

Для шитья образцовых мундиров, киверов, вальтрапов, подушек, шинелей и т.п. к Стринскому направили портных из всех полков (по одному из свидетельств – не менее 43 чел.). Но многие вещи в пределах Черномории «справить» было невозможно. 27 августа 1819 г. войсковая канцелярия доложила атаману Г.К. Матвееву: «По невозможности потребных к обмундированию 11 конного полка нижним чинам на шинели серым сукном, белых ремней на перевязи и форменных карабинов здесь в продаже и подрядом в близком времени поставить, предписала Стринскому, чтобы он на марше в Царство Польское постарался сколько можно всё это построить, а кто на свои деньги купить не сможет, построить из суммы, отпущенной на непредвиденные случаи»¹⁰. Для приобретения недостающих предметов снаряжения Стринскому выдали 5000 р и ещё 5000 на путевое довольствие.

Карабины, перевязи и шинели Канцелярия «подрядила» у тульского оружейника Н. Лентяева. 7 декабря 1819 г. он отправил изготовленные вещи в г. Владимир. Но полк этот город уже прошёл и только в январе-феврале 1820 г. (вероятно, уже в г. Млаве) казаки получили долгожданное оружие¹¹.

Укомплектование полка хорошими лошадьми происходило простым и ставшим уже традиционным способом – их собирали по всем полкам, а взамен «вспоможествователи» (казаки, отдавшие своих коней) получали освобождение от военной службы¹². После долгих и мучительно трудных сборов полк 7 сентября 1819 г. выступил в поход, имея в своём составе одного штаб-офицера, 15 обер-офицеров, 10 урядников, одного писаря, 550 казаков и 578 строевых лошадей. 5 января казаки вступили в Варшаву, где их осмотрел инспектор кавалерии цесаревич Константин Павлович. Он остался доволен увиденным и 8 января издал приказ, где отметил: «Осматривая проходивший через Варшаву войска Черноморского 11 конный полк, я нашёл, что при таком дальнем пути... лошади сбережены хорошо, люди так же не изнурены, одеты опрятно...»¹³. Полк вошёл в состав Отдельного Литовского корпуса и расположился штаб-квартирой в г. Млава¹⁴.

Срок службы полка исчислялся с момента выступления в поход, т.е. с 7 сентября 1819 г. 25 сентября 1822 г. войсковая канцелярия постановила «в уважение трёхлетней службы» 11 полка переменить его другим. Ходатайство о смене полка пошло по цепочке вверх и вскоре последовало и высочайшее повеление. 6 марта 1823 г. командир Отдельного Кавказского корпуса А.П. Ермолов сообщил об этом в войско

⁹ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. С. 130.

¹⁰ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 746. Л. 519.

¹¹ Фролов Б.Е. Оружие кубанских казаков. Краснодар, 2002. С. 11.

¹² ГАКК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

¹³ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 746. Л. 652.

¹⁴ Там же. Д. 773. Л. 27.

и потребовал: «Наблюсти, чтобы как офицеры, так и нижние чины в командированный полк были выбраны отличные, хорошо обмундированные и имели бы хороших лошадей. Не худо бы людей сего полка научить некоторым правилам кавалерийской службы»¹⁵.

Черноморская войсковая канцелярия принимает решение собрать новый полк из казаков льготных полков. Порядок комплектования определяется следующим образом: «Но как канцелярии сей неизвестно, будут ли все чины способны к следованию в поход как по поведению, так оружием и лошадьми, то дабы скорее осмотреть сии недостатки... велено 12 числа апреля полковым командирам полков 1, 2, 3, 4 конных, 2, 3, 4 пехотных собрать полки с собственным местным провиантом и прибыть для осмотра и выбора лучших к р. Понуре к 1 мая, став по правую сторону оной»¹⁶. Если точнее, то сборное место назначили при Понурской почтовой станции (сборным местом 11-го конного полка служило селение Пашковское).

Ситуация с оружием, одеждой, амуниционными вещами и конным составом оказалась почти такой же, как в 1819 г. Приведём одну только выдержку из рапорта командира 2-го пешего полка – войскового полковника Кравцова: «Из 145 лошадей приличных нашёл 10 (деление на конные и пешие полки было в определённой степени условным, так как по приказу войсковой канцелярии 1817 г. в пешем полку полагалось иметь 300 конных казаков. – Б.Ф.), а прочие не только к дальнему походу неспособны, но и здесь служить не могут...»¹⁷.

Выбором людей занимались лично атаман Г.К. Матвеев и командующий в войске Черноморском генерал-майор М.Г. Власов. Они руководствовались несколькими критериями, и среди них для нас наиболее интересен такой: «люди неодинокие, так чтобы в домах имели братьев или нестарого отца для поддержания семейства и хозяйства, а хоть и неженатые и несемейные ни хозяйством, но чтобы поведения хорошего»¹⁸. В отличие от 11-го полка новый комплектовался не только из бездомных казаков.

К 9 мая М.Г. Власов и Г.К. Матвеев отобрали 410 казаков, и новый полк получил название 3-й конный полк Черноморского войска. 16 мая М.Г. Власов назначил командиром полка бывшего офицера лейб-гвардии Черноморской конной сотни, героя войны 1812 г. А.Д. Безкровного. 26 мая полковник Безкровный доложил о полном укомплектовании полка офицерами, урядниками и казаками, но вместе с тем предоставил арматурный список недостающих вещей. В пяти сотнях полка числился 531 казак, у этих отобранных «лучших» людей отсутствовало: 176 мундиров, 59 киверов, 428 шинелей, 150 пистолетов, 269 пистолетных шнуров, 101 сабля, 55 ружей; почти ни у кого не было фуражек, шпор и сапог¹⁹. На покупку недостающего обмундирования, оружия и амуниции командир полка выдал 15 000 р, и он специальной подпиской обязался всё «исправить» по пути следования до прибытия в г. Варшаву.

¹⁵ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 93. Л. 12.

¹⁶ Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 848. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 28.

¹⁸ Там же. Л. 6.

¹⁹ Там же. Ф. 261. Оп. 1. Д. 93. Л. 80-111.

30 мая 1823 г. 3-й конный полк выступил в поход со сборного места, имея в составе одного штаб-офицера, тринадцать обер-офицеров, трёх урядников, «занимающих места офицеров», 11 урядников, 550 казаков²⁰. Правда с личным составом есть определённая неясность. В рапорте А.Д. Безкровного от 6 июня 1823 г. в наличности показано всего 7 обер-офицеров, 8 урядников и 248 казаков. И только 8 июня он доложил о полном укомплектовании полка нижними чинами и выстулении с пределов войска в Екатеринославскую губернию²¹.

По прибытии 3-го конного полка в Царство Польское 11-й полк отправился в Черноморию. 15 февраля 1824 г. он вступил в селение Кушнёвское, где его 17 числа осмотрел войсковой атаман Г.К. Матвеев. Он нашёл полк «в отличнейшей исправности» и 18 февраля распустил по домам²².

Весной 1826 г. в Черноморском войске для смены 3-го конного полка начали формировать 2-й конный полк. Всё происходило по описанной выше схеме. Командиры полков получили приказ отобрать по «50 человек казаков видных собою, исправных по службе, оружием, отличным поведением, на лучших лошадях». Другой приказ предписывал полковым командирам выслать в распоряжение 2-го полка всех сапожников и портных «хотя бы они мало знали ремесло»²³.

Войсковой атаман Г.К. Матвеев 15 мая 1826 г. дал командирам полков и такое разъяснение: «Если при выборе из вверенного вам полка повеленного числа казаков для составления полка в Царство Польское, у казаков, которые видны собою, исправны оружием, обмундировкою и отличны поведением, будут лошади неспособны, то я рекомендую Вашему Высокоблагородию брать для них хороших лошадей у тех казаков, которые собою не видны, не обмундированы, не исправны оружием и ненадёжны поведением, и взамен оных отдавать им лошадей выбранных казаков»²⁴.

Полк формировался при Кочатинской почтовой станции около Мышастовского селения. Командиром полка был назначен войсковой полковник Перекрест. При подготовке полка он испытывал все те трудности, что и его предшественники. Вновь от войска отпусались карабины с перевязями, мундиры, сапоги, чемоданы, потники, вальтрапы... В сотни выдавалась кожа для изготовления конского снаряжения.

15 июля 1826 г. 2-й конный полк выступил в поход. В пути, как обычно, продолжалась подгонка и переделка наспех сшитого обмундирования, закупались конские медные наборы, шпоры и многое другое. В полку оказалось немало необученных казаков, которые не знали основ службы. 4 августа 1826 г. командиру полка пришлось издать по этому поводу специальный приказ, начинавшийся так: «Многие казаки имеют незнание кавалерийской езды, или от небрежения худо управляющие лошадьми, ещё хуже сидят на оных обвесив себя вперёд или набок... и представляют из себя фигуру весьма неприличную званию казака...»²⁵. Разделив сотни на 4 взвода, командир полка с помощью офицеров и урядников всеми силами старался научить казаков «кавалерийской казачьей службе».

²⁰ ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 93. Л. 151.

²¹ Там же. Л. 175.

²² Там же. Ф. 249. Оп. 1. Д. 875. Л. 12.

²³ Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.

²⁴ Там же. Ф. 286. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

²⁵ Там же. Ф. 294. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

Так дорого обходившиеся мундиры очень берегли и надевали только при прохождении городов, а если случалась плохая погода, то вообще отменяли вступление в город. При парадном прохождении населённых пунктов во фронт выставляли «лучших» казаков, а «худших» ставили на их место. При этом кивера одевали только офицеры, а нижние чины обходились фуражками.

Прибыв в г. Млаву, 2-й конный полк сменил расквартированный там 3-й полк, который отправился домой и в марте 1827 г. достиг границ Черномории. 20 марта полк осмотрел исправляющий должность войскового атамана подполковник Ляшенко, нашёл его в «наилучшем виде» и отпустил на льготу.

По всей видимости 2-й конный полк завершил серию походов черноморских казаков в Царство Польское с целью несения кордонной службы на границе с Пруссией. Во всяком случае, никаких свидетельств о четвёртом походе нам отыскать не удалось. В 1831 г. два черноморских полка в составе русской армии участвовали в подавлении Польского восстания, но этот военный поход лежит вне рамок нашего исследования.

Оценивая изложенное, мы можем признать, что организация «польских походов» в 1820-е гг. стало серьёзным испытанием как для рядовых казаков, так и для властных структур Черноморского войска. Комплектование полков бездомной сиромой имело свои плюсы и минусы. К плюсам можно отнести, во-первых, хотя бы временное удаление из пределов войска маргинальных элементов, которые, по признанию войсковой канцелярии, были «более вредны, нежели полезны для общества». Во-вторых, несомненно положительный характер имело приобщение этих людей к военной службе и воинской дисциплине. В-третьих, этот принцип комплектования позволял войсковому руководству сохранить от разорения хозяйства казаков «состояния бедного и посредственного», а это неминуемо произошло бы при столь длительной отлучке.

К минусам следует отнести прежде всего просто астрономические расходы войска на снаряжение таких казаков. Взыскать с них потом деньги было практически невозможно. Со второго похода руководство войска применяет смешанный принцип комплектования. У казаков-хозяев имелась часть нужных вещей или были хотя бы деньги на их приобретение. Следует подчеркнуть почти полное отсутствие в Черномории «вольной продажи» образцовых вещей, а о производстве их не могло быть и речи. Мундиры казакам шили из синего и алого сукна, закушленного в Москве, там же приобретались многие амуничные вещи, оружие – в Туле, часть снаряжения закупалась в городах России по ходу следования полков.

На формирование полков уходило много времени, средств и нервов. Тем не менее неисчислимы и неразрешимые, казалось бы, трудности, стоявшие перед Черноморским войском в деле организации походов в Польшу, были более или менее успешно преодолены. Полки удалось укомплектовать по штату и снарядить казаков высочайше утвержденными образцами форменной одежды и вооружения.

О.Б. КЛОЧКОВ
г. Славянск-на-Кубани

ПОЛЬСКИЙ «СЛЕД» В СУДЬБЕ ГЕНЕРАЛА Г.А. РАШПИЛЯ

Исправляющий должность наказного атамана Черноморского казачьего войска с 1842 по 1852 г. генерал-лейтенант Григорий Антонович Рашпиль по праву стоит в первых рядах наиболее выдающихся представителей казачьего офицерского корпуса. Долгое время его жизнь и деятельность были непосредственно связаны с кубанской землёй, но в его судьбе можно обнаружить непосредственные связи и с Польшей.

Свою службу России, в которую волею судеб в XIX – начале XX в. входили и польские земли, будущий генерал-лейтенант начинал в Черноморском эскадроне Лейб-гвардии казачьего полка. За почти 25-летнюю службу Григорию Антоновичу пришлось побывать во многих окраинах государства: был на Персидской войне, участвовал в содержании кордонов в Молдавии и Украине от «чумной заразы», а когда в Царстве Польском вспыхнуло Ноябрьское восстание 1830–1831 гг., он в составе Гвардейского корпуса двинулся в его пределы¹. На черноморских казаков, которыми в этом походе командовал Г.А. Рашпиль, наряду с жандармами и Кавказско-горским полуэскадроном, была возложена важная задача охраны Государя Императора². Следует отметить, что эта служба ни в коей мере не была тыловой: в этих местах постоянно появлялись повстанческие отряды. Вот как раз против них часто приходилось действовать казакам. Ротмистр Г.А. Рашпиль докладывал, что «вверенный ему эскадрон употреблялся... для содействий противу мятежников»³.

В июле-августе 1831 г. гвардейский конвой перебазировался поближе к Варшаве, и в 20-х числах августа Г.А. Рашпиль принял участие в осаде города. Казакам было поручено содержание форпостной цепи вокруг Варшавского укрепления, и, несмотря на сильнейший ружейный и ракетный огонь из укрепления, им удалось отразить все контратаки неприятельской конницы, чем «...не допустили ни малейшей тревоги в армии...»⁴. 27 августа 1831 г. Лейб-гвардии черноморский эскадрон под командованием ротмистра Г.А. Рашпиля вошёл в Варшаву во главе войск Гвардейского корпуса⁵.

¹ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 2. Д. 34. Л. 79.

² Там же. Ф. 478. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

³ *Телепень С.В.* Казаки Кубани в военно-политических событиях Польши конца XVIII – начала XX в.; Дис. ... канд. ист. наук. Армавир, 1998. С. 99.

⁴ РГВИА. Ф. 14664. Оп. 2. Д. 44. Л. 51.

⁵ Собственный Его Императорского Величества Конвой. Исторический очерк / Сост. С. Петин. СПб., 1899. С. 35.

Ещё около полутора месяцев после взятия Варшавы и подавления Польского восстания эскадрон Г.А. Рашпиля вместе с другими казачьими подразделениями оставался в городе, «в содержании в оном разъезде»⁶. Лишь 14 октября Г.А. Рашпиль с эскадроном покидает Польшу и возвращается в Санкт-Петербург. За отличие «против польских мятежников» Григорий Антонович был награждён орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, памятной медалью, знаком отличия польского ордена «Военного достоинства» 4-й степени и чином полковника.

Однако польская компания имела для Г.А. Рашпиля и ещё одно последствие неожиданного свойства – он женился. Точную дату бракосочетания установить пока не удалось, поэтому мы можем ориентироваться лишь на дату рождения первенца в семье Рашпилей – Антония, появившегося на свет, по данным послужных списков, 5 сентября 1832 г. Отсюда можно сделать вывод о том, что женитьба состоялась примерно в конце 1831 г., т.е. в тот самый момент, когда Г.А. Рашпиль возвращался из Польши. Супругой Григория Антоновича стала Каролина Адамовна Лепарская – дочь майора. В послужном списке Г.А. Рашпиля за 1842 г. записано, что «родового, благоприобретённого имени ни у него, ни у родителей, ни у жены – нет»⁷. Вероятно, супруга Г.А. Рашпиля была уроженкой Польши и происходила из польской мелкой шляхты.

Каролина Адамовна родила Григорию Антоновичу семерых детей – четырёх мальчиков и трёх девочек. Она была верной опорой мужу, поддерживала его во всех его начинаниях и где могла, сама разворачивала бурную деятельность как супруга атамана. Ф.А. Щербина считает, что Каролина Адамовна стояла у истоков учреждения в землях Войска Черноморского женской общежительной монашеской обители.

Однако Г.А. Рашпиль пережил свою первую супругу и женился во второй раз. Новой его избранницей стала Елена Карловна фон Сок. И вновь с большой долей уверенности мы можем предполагать, что она также была уроженкой Польши.

Как нам кажется, с Еленой Карловной у пожилого уже казачьего генерала сложились непростые отношения. Она родила ему четырёх детей, а в 1864 г. Григорий Антонович подарил супруге дом в Екатеринодаре. Такой щедрости за ним ранее не наблюдалось. Это было очень похоже на некую семейную «взятку», тем более, что Елена Карловна вскоре развернула бурную коммерческую деятельность вокруг этой собственности. Не стала она родной для Кубани, и, видимо, Кубань не стала ей роднее. После смерти Григория Антоновича в ноябре 1871 г. Елена Карловна переезжает на жительство в Варшаву⁸. Это можно считать важным аргументом в пользу того, что Елена Карловна была уроженкой Польши.

Тем самым, в судьбе генерала Г.А. Рашпиля польская тема играла заметную роль, связанную как с его служебными обязанностями, так и с личной жизнью.

⁶ ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1172. Л. 2.

⁷ Там же. Ф. 252. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2198. Л. 406.

М.А. ВОЛХОНСКИЙ
г. Москва

А.А. ПРИГАРИН
г. Одесса

Д.В. СЕНЬ
г. Краснодар

ПАНСЛАВИЗМ МИХАЛА ЧАЙКОВСКОГО И ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

«...Этот ковёр чудной работы стал владением калифов ислама, падишахов обширного мира, но в жилах этих падишахов текла теперь уже кровь сербская, кровь славянская». Такими словами известный представитель польской эмиграции в Османской Империи – Михал Чайковский – образно выразил чувства, охватившие его при видах Стамбула в 1841 г. Расчётливый политик, доверенное лицо князя Адама-Ежи Чарторыйского, умело и уверенно общавшийся с султаном Абдул-Меджидом, талантливый османский администратор – так пронзительно простодушно отозвался он о Стамбуле, в хитросплетениях коридоров власти которого ему надлежало сыграть важную роль – собрать в интересах поляков под эгидой Османов максимальное количество врагов России.

Далее в своих воспоминаниях Чайковский продолжает живописать: «...Когда я увидел этот город, похожий на наш старый Киев, то сказал в душе, что ему действительно принадлежит имя Царьград, потому что это столица не только царства славянского, но царства всемирного»¹. Несомненно, Чайковский являлся крупной личностью, которому А. Чарторыйский отводил важное место в реализации масштабного плана борьбы с Россией – неотъемлемой части польского национализма XIX в. В частности, данный план, как считают современные учёные², предусматривал:

- убедить султана, что надо начать очередную войну против России, а западные державы, что надо оказать Порте помощь;
- устроить бунт на Кавказе, среди поляков, служащих в кавказском корпусе, и донских казаков, чтобы объединиться с горцами в совместной борьбе;
- преодолеть стремление балканских славян к ожиданию помощи от России в борьбе против султанской власти;
- представить в европейской прессе Российскую Империю как варварскую державу, недостойную занять место среди цивилизованных государств Европы.

¹ Записки Мих. Чайковского (Садык-паши) // Киевская старина. 1892. Т. 38 (июль-август). С. 250.

² *Порада А.М.* Почему Мицкевич умер в Стамбуле: польские романтики и восточный вопрос // Славянский мир в социокультурном измерении: Сб. науч. ст. Ставрополь; М.; Минск, 2007. Вып. 3. С. 9–10.

В историографическом опыте, безусловно, имеются работы, в которых так или иначе освещается личность М. Чайковского, его связи с представителями польской эмиграции³. Более того, его литературное наследие (о котором частично пойдёт речь ниже) неоднократно привлекало исследователей украинского казачества. Однако прослеживается «традиционная» заангажированность – оценочная позиция его творчества как проблемного источника при изучении переломных этапов в истории казаков. Характерный пример – со ссылкой на якобы подлинные документы, опубликованные Садык-пашей, И. Застырец пытался аргументировать мнение о наделении Ахмедом III казаков-мазепинцев землями между Прутом и Чёрным морем в начале XVIII в. Украинская историческая мысль эту гипотезу активно отвергает⁴. У истоков такого отношения находились авторитетные учёные конца XIX – начала XX в.⁵. Их критике подвергались эвристический потенциал и историографические взгляды М. Чайковского на прошлое Задунайской Сечи. Например, по утверждению Ф.К. Волкова «невывразительные и оторванные сведения этого писателя... до такой степени запутаны и тенденциозно обработаны, что не могут иметь никакого значения без самой тщательной проверки любого из приведённых им фактов»⁶. Тем не менее, сама деятельность «Османского казачьего войска» оставалась в стороне. А тут автор как активный их участник остаётся очень ценным, хотя и амбициозно-субъективным информатором. И сейчас, через полтора века стоит отметить, что история этого оригинального военно-социального объединения ещё не написана⁷. Авторы видят свою задачу в источниковедческом обеспечении такого труда в будущем. Представляется перспективным актуализировать корпус материалов, отложившийся по многочисленным архивам разных регионов и даже государств.

В отношении научного анализа этой личности (а также других представителей сообществ польской элиты, оказавшихся, например, в гуще событий Восточной, Кавказской войн – Т. Лапинский и др.), ещё не вполне преодолены стереотипы поверхностно-эмоционального, имперско-риторического отношения к нему, как к представителю «нерусских» элит (Ю. Борисёнок – Чайковский как «авантюрист мирового класса»). Говоря другими словами – имперский нарратив, порождавший версии исторического описания, в которых фокус внимания неизбежно концентрировался на власти, государстве (что само по

³ Борисёнок Ю. Атаман Садык-паша // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 1998. № 5–6; Чужинец. М. Чайковский в Стамбуле // Вольное казачество. Париж, 1932. № 113; Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковский-Садык паша и болгарское Възраждане. София, 1973.

⁴ Бачинська О.А. Українські козаки в Придунайських степах у XVIII ст. // Запорозька старовина. Київ; Запоріжжя, 2002. С. 136; Застырец И. Мазепінці в Туреччині (З паперів Садык-паші) // Україна. 1914. № 2.

⁵ Кондратович Ф. Задунайская Сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. 1883. № 1; Рябінін-Склярєвський О. З життя Задунайської Січі // Україна. 1929. Кн. 34. С. 7–34; Он же. Кінець Задунайської Січі // Україна. 1929. Кн. 36. С. 40–71; Он же. Задунайська Січ у народних переказах і письменстві // Наукова збірка за 1927 рік (Записки Українського научного общества в Києве: Историческая секция). Київ, 1927. Т. 26.

⁶ Кондратович Ф. Указ. соч. С. 29.

⁷ Об актуальности научной разработки данной темы косвенно свидетельствует определённая «популярность» Садык-паша и османских казаков в виртуальном мире веб-страниц. Мы наткнулись даже на один форум, где недавно активно обсуждалась роль Чайковского в истории Украины (<http://forum.proua.com/lofiversion/index.php/t14468.html>).

себе, конечно, многое объясняет – например, развивает дискуссию о характеристиках империй⁸), оставляет почти неизбежно в тени «неключевые» фигуры исторического процесса, «людей второго плана в истории»; наконец, такой подход вольно или невольно отталкивает учёного от той позиции, что в идеале все акторы исторического процесса должны быть для него равноценны.

Исключительно актуальной и поэтому назревшей предстает необходимость применения новых методик и концептов. «Примеряя» различные из них, «в пору» пришлось те инструментарии, которые связаны с проблемным полем ситуационного подхода. Он, в частности, позволяет легче освободиться от сознательной или неосознанной самоидентификации со «своим» актором (как правило, со своей этнической группой), с его «правдой». Появляется возможность увидеть разные «правды» разных акторов и групп⁹. Подобные отношения к реальности как совокупности сосуществующих разнохарактерных и векторных смыслов уже получили оправданные места в лингвистике и антропологии (от Ю.В. Лотмана до А.К. Байбурина). Так и в истории возможны не только ретроспективные реконструкции того, что «выжило» и получило развитие. Нередко, перспективный взгляд с «боковой» или «тупиковой» ветви исторического процесса предоставляет возможность глубже понять многоликое прошлое. Убеждены, что история не должна иметь периферии, которая выстраивается отображая победивший «центр».

Из таких представлений логично обратить внимание на недостаточную изученность в науке вопросов националистических движений и идеологий. Несмотря на их «популярность» в колониальную и постколониальную эпоху, большинство современных дискурсов рассматривает их как самодостаточные. А ведь все они эволюционировали в дихотомии (или в более сложные схемы) взаимоотношений имперских центров и окраин: «Все эти противоречия и конфликты осознавались современниками, как активистами национальных движений, так и имперской бюрократией, именно как взаимосвязанные»¹⁰.

В подобные операционные взгляды меньше всего вписываются ультра-националистические или мета-этнические идеологии: панславизм, паносманизм, пангерманизм и т.д. Их компаративное изучение (в том числе на уровне внутреннего содержания) показывает, что они официально не были одобрены ни одним из правителей трёх империй. При этом они же «пользовались большей или меньшей степенью влияния в правящих кругах и порою становились решающим фактором в определении политики»¹¹. Очевидно, что панславизм имел в своём развитии несколько вариантов; русский, например, его вариант, объединял в себе религиозное (православие) и расовое (превосходство великороссов) начала¹². Но, как оказывается, поляки, не менее, чем светские идеологи «русского дела» (Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин¹³), оказались способны на создание своего видения современного славянского национализма.

⁸ Например, см.: Российская Империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004.

⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии истории. М., 2006. С. 39.

¹⁰ Западные окраины Российской Империи. М., 2006. С. 14.

¹¹ Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская Империя в сравнительной перспективе... С. 44.

¹² Там же.

¹³ Западные окраины Российской Империи... С. 111.

Кажется, несмотря, на серьёзные историографические опыты по изучению истории поляков в России¹⁴, данный вопрос ещё ожидает своего исследователя. Не получил, к сожалению, он своего освещения даже в капитальной, новаторской книге – «Западные окраины Российской Империи» (М., 2006). При этом, общность антиколониального дискурса на западную периферию активно пропагандируется в академической среде: «...в конце XVIII века наши ситуации – Польши, Украины и татар – стали совершенно идентичны, – отмечал один польский литературовед, один из авторитетных исследователей художественного романтизма М. Чайковского. – Известно, чем закончились договора и Украины, и Польши с Россией, – как и Крым, они были просто включены в состав империи. Целый XIX век – это время нашей общей судьбы»¹⁵.

Настоящей публикацией открывается цикл авторских исследований, посвящённых сравнительному изучению имперских структур России и державы Османов XVIII–XX вв. Прежде всего нас будет интересовать сравнительный анализ отношения империй к националистическим идеологиям, а также символическому капиталу тех неконформистов, которые конфликтовали (порывали) с «материнской» имперской культурой и находили поддержку в противоположном имперском пространстве, либо вырабатывали свой вариант отношения к унификационным практикам обоих государств. Впрочем, отдельные результаты промежуточных исследований были опубликованы ранее¹⁶.

В XIX в. значительную часть украинского и русского населения Турецкого Причерноморья характеризовало его легендарное казачье прошлое. Тогда ещё была жива память о Задунайской Сечи – последнем Коше украинского казачества, а в разных регионах Малой Азии, Балкан проживали казаки-староверы (некрасовцы, игнат-казаки), а также липоване¹⁷, «казачья мимикрия» которых хотя и раздражала

¹⁴ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политик. Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.

¹⁵ Михайлова О. Взгляд на время нашей общей судьбы (интервью с Кшиштофом Чайковским) // ПолитикHALL. 2004. № 15 (http://politikhall.com/showtext.php?a_id=272).

¹⁶ Гривобовский В.В., Сень Д.В. Проблема стабилизации российско-турецкого порубежья первой трети XVIII в. и роль элит Крымского ханства: кубанский султан Бахты-Гирей // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2008 (в печати); Пригарин О.А. «Козачество в Туреччині» М. Чайківського як джерело вивчення козацьких формувань в Оттоманській Порті середини XIX ст. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. Запоріжжя, 2001. Вип. XIII. С. 17–28; Пригарин А.А. К истории «Оттоманского казачьего войска» // Казачество России: история и современность: Тез. межд. науч. конф. (г. Геленджик, 8–11 октября 2002 г.). Краснодар, 2002.

¹⁷ Лупулеску [Хв. Вовк]. Русские колонии в Добрудже: историко-этнографический очерк // Киевская старина. 1889. Т. 24 (январь). С. 117–154; Бачинський А.Д. Січ Задунайська (1775–1828). Одеса, 1994; Пригарин О.А. Козаки-некрасівці на Дунаї: кінець XVIII – перша третина XIX ст. // Козачтво на Півдні України. Кінець XVIII–XIX ст. / Гол. ред. В.А. Смолій. Одеса, 2000. С.29–41; Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.) / Изд. 2-е, испр. и доп. Краснодар, 2002.; Он же. Кубанское казачество: условия пополнения и развития (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих сообществ) // Социальная организация и обычное право: Матер. науч. конф. (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). Краснодар, 2001; Он же. «У какого царя живём, тому и служим...» // Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал. 2004. № 5; Он же. Казаки-старообрядцы на Северном Кавказе: от первых ватаг к ханскому казачьему войску (некоторые теоретические аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии кубанского казачества) // Липоване. История и культура русских-старообрядцев / Отв. ред. А.А. Пригарин. Одесса, 2005. Вып. 2; Он же. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и переселение казаков-некрасовцев в Османскую империю // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2000. № 1–2.

анатолийских некрасовцев, но по ряду показателей устраивала самих липован. В середине XIX в. из этих групп, а также многочисленных польских эмигрантов в Османской Империи было образовано «Османское казачье войско». Исследователи отмечают, что это был яркий эффективный пример привлечения к военно-полицейской службе христианских подданных со стороны Порты¹⁸. Следует отметить, что подобный опыт использования православного потенциала для военных операций базировался на примере некрасовских казаков. Характеризуя их «вольности» в Османской Империи, наблюдательный современник писал в XIX в.: «И Салтан Турецкой такую дал волю некрасовцам по всей туретчине: кому только угодно и кто чем может, и тем и занимается. А служба им бывает тогда только, когда бывает канпания войны: и сорок левов каждому казаку на сутки, всякая порция и вся капировка... на царском щету. А священников достают от России»¹⁹. Впрочем, необходимо подчеркнуть: войсковая организация некрасовских казаков сложилась на территории Крымского ханства в первой половине XVIII в., структура которой на территории Османской Империи лишь воспроизводилась, со временем – трансформируясь в сторону упрощения и едва ли сугубой символизации²⁰. Тем не менее, некрасовцы приняли участие во всех русско-турецких войнах XVIII–XIX вв., во время которых турки охотно привлекали их для охраны войсковой казны, обозов и пр., разрешая носить оружие даже в мирное время.

Что касается истории создания и существования «Османского казачьего войска» или войска «Добруджинских казаков», то эти факты достаточно редко упоминаются в исследованиях второй половины XIX – начала XX в. А для современной историографии данный сюжет вообще может быть охарактеризован как периферийный и окказиональный, т.е. достойный своего внимания лишь в связи с другими эпизодами и событиями²¹. Вместе с тем история этого искусственно созданного казачьего формирования несёт в себе отражение почти всех противоречий, геополитических и людских коллизий середины XIX в., с которыми оказались связаны судьбы реформ в Турции, страны, не менее гибко, чем другие континентальные империи, отвечавшей на вызовы национализма и столкновения мнений о путях модернизации империи²².

Вдохновителем идеи создания войска и его бессменным руководителем был Михал Станиславович Чайковский (Чайка; Мехмед Садыкпаша). Деятельность данного войска не менее любопытна и самобытна, чем биография его предводителя – выходца из Украины, польско-го революционера, авторитетного чиновника Османской Порты и

¹⁸ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинёв, 1973. С. 27.

¹⁹ АВГПИ. Ф. 161/4. Оп. 729/2. 1837–1840 гг. Д. 20. Л. 10.

²⁰ См.: Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»...

²¹ Например, в обстоятельной энциклопедии «Українське козацтво» (несмотря на скромность в названии – «Малая») отсутствует соответствующая статья. Упоминание о вооруженном полке содержится лишь в связи с самим М. Чайковским См.: Турченко Ф.Г. Чайковский // Українське козацтво: мала енциклопедія. Київ; Запоріжжя, 2002. С. 532.

²² Сомель С.А. Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции // Российская Империя в сравнительной перспективе... С. 185–195; Чичек К. Экономика Османской Империи в период её превращения в периферию Запада. 1700–1914 // Там же. С. 225–228.

талантливового беллетриста. М. Чайковский родился 29 сентября 1804 г. (иногда указывается – 1803 г.) в семье помещика неподалёку от Бердичева, в с. Гальчинцы Житомирского уезда (другой вариант – в с. Халчинец в Киевщине). Происходил он из древнего польского дворянского рода, по матери же приходился родственником гетману Малороссии И. Брюховецкому. Отец героя – Станислав – выводил себя от мифического казачьего полковника Чайки, который якобы погиб при обороне Сечи от войск генерала Текели в 1775 г.

После получения образования в пансионе Уолси (г. Бердичев) М. Чайковского всецело захватывает литературное творчество. Сохранились свидетельства, что он считал себя учеником Гулака-Артемовского, преподававшего у юноши в пансионе²³. Вместе с тем молодой Чайковский принимает активное участие в Польском восстании 1830–1831 гг. К повстанцам он присоединяется со своими крепостными крестьянами уже тогда, когда всем стало ясно – очевидно поражение. Чайковский, вынужденный бежать во Францию, оставил своим крестьянам дарственную на землю и записку, в которой недвусмысленно указывал на необходимость участия украинского населения в польском освободительном движении: «Сочувствуя полякам, Украина тоже должна восстать»²⁴. После этих событий Михал Чайковский оказался в эмиграции в Париже, где его и заметил лидер польской эмиграции – князь Адам-Ежи Чарторыйский.

Престарелый князь Чарторыйский любыми средствами стремился ослабить Россию, стремясь заключить союз с турецким правительством. Интересно здесь отметить, что ещё в начале XIX в. этот политик, являясь товарищем министра иностранных дел России, вынашивал план по созданию Славянской федерации – в том числе за счёт земель Османской Империи. В частности, речь шла о разделе главной массы турецких земель «на отдельные государства, управляемые согласно с местными условиями и связанные общей федерацией, над коей император всероссийский мог бы обеспечить себе решительное и законное влияние посредством звания императора или покровителя восточных славян»²⁵. Примечательно также, что тот же Чарторыйский поддерживал наполеоновский проект частичного восстановления Польши – опять в контексте его рассуждений о создании «федеративной системы славянских наций». Впоследствии, как оказалось, эмигрировавший во Францию князь Чарторыйский уже не считал нужным ставить во главе федерации русского царя, а хотел использовать в интересах возрождения Польши национальные движения славянских народов на территории Османской Империи. Авторам представляется допустимым высказать мысль о предполагаемой связи замыслов князя Адама и его агентов по созданию всё той же Славянской федерации с помощью Османов, хотя дискуссионным остаётся вопрос о том, должен ли был возглавить её в случае создания турецкий султан? И насколько самостоятельной, оригинальной можно в таком случае считать роль Чайковского в истории создания мифа об «Османах как славянах»

²³ [Кельсиев В.] Очерк истории старообрядцев в Добрудже // Старообрядцы в Румынии. Русские писатели о липованах / Сост. В.А. Липинская. М., 1995. С. 103; Борисёнок Ю. Указ. соч. С. 94.

²⁴ Tsalyk S. Українець Садык-Паша // vintages.nnm.ru/ukrainec_sadykpaşa

²⁵ Czartoryski A. Memoirs et correspondance. Paris, 1887. Т. 2. P. 65–66.

(мать одного из султанов XIX в. была сербкой)? В любом случае вряд ли целесообразно считать Садык-пашу одним лишь талантливым исполнителем воли князя Адама, лицом, механистически воспроизводившим на Востоке идеи, рождённые в «Отеле Ламбер»!

Ведь уже в 1841–1842 гг., когда М. Чайковский впервые путешествовал по Добрудже, у него возникла мысль об объединении украинского населения бывшей Задунайской Сечи и райи – христианского податного населения Османской Империи, с религиозными «диссидентами» – некрасовскими казаками и липованами в единое казачье формирование. Целью такого объединения он видел антироссийскую деятельность и помощь польскому, украинскому революционному движению. Это должно было стать, по его мнению, прототипом панславянской организации, которая боролась бы с русским правительством. Он мечтал воссоздать Речь Посполитую и, вместе с тем, выступал за независимость Украины. На протяжении 1845–1847 гг. Чайковский занимался невероятными мистификациями и авантюрами. То он распускал слухи про якобы воскресшего великого князя Константина Павловича (роль которого он соглашался сыграть лично), то предлагал правительствам Европы развернуть кампанию в защиту украинской независимости во главе с гетманом (причем в роли нового Богдана Хмельницкого снова на первых ролях должен был выступить сам Чайковский).

В казачестве этот деятель видел «славного рыцаря», которое должно было послужить связью между северными и южными славянами. Поляки, в свою очередь, должны были «сплотить славян (болгар и др.), под «казачье-турецким флагом»²⁶. Именно Чайковского (или Чайку, как тот предпочитал называться на Востоке), как своего представителя, направляет к турецкому визирю Петрев-паше для координации совместных действий А. Чарторыйский. Сам Чайковский с увлечением воспринял такое предложение, поскольку в Париже он «умирал от скуки, от которой его не спасала ни литература, ни бракосочетание на французенке, ни дети»²⁷. Деятельность Чайки как чиновника Оттоманской Порты была очень активной и разноплановой²⁸. В это же время Николай I добился от Франции, чтобы у Чайковского был отобран французский паспорт. Тогда, по предложению султана, Чайковский принял ислам, получив новое имя – «Мехмед Садык», т.е. «Михаил Верный», генеральское звание «мирамир-паша», а также пожизненный пенсioen в 60 000 пиастров и большое поместье вблизи Стамбула.

Занимаясь разными «государственными» делами, он создал широкую конспиративную сеть, снабжавшую оперативной достоверной информацией А. Чарторыйского и французское правительство²⁹. Ко всему прочему, Садык-паша не отказывался от идеи образования единого фронта из православного населения Турции³⁰. При этом сам проект сначала не поддержали ни официальные круги, ни собственно казачье-липованское население Османской Империи. В условиях революционных событий 1848 г. в Европе, М. Чайковский и его

²⁶ Чужинец М. Чайковский в Стамбуле // Вольное казачество. Париж, 1932. № 113. С. 9.

²⁷ [Кельсиев В.] Очерк истории старообрядцев... С. 103.

²⁸ Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковский – Садык паша и българското Възраждане. София, 1973.

²⁹ [Кельсиев В.] Очерк истории старообрядцев... С. 95.

³⁰ Борисёнок Ю. Указ. соч. С. 95–96.

товарищ – С.С. Раевский – встретились в Добрудже с атаманом местного «некрасовского» (точнее – липованского) населения – Осипом Семёновичем Гончаром (Гончаровым)³¹. Эта встреча послужила своеобразной основой для создания будущего войска, целью которого М. Чайковский видел восстановление «казацкой народности в Южной Руси, или, минимум, в образовании из Добруджи самостоятельного казацкого государства под моим руководством как султанского вассала»³².

Защищая интересы липован, их старообрядческую веру, О. Гончар искал соратников среди разных лиц. Из его «временных» союзников можно назвать и царственных особ Европы, и революционеров (например, А.И. Герцен), и чиновников Османской Империи. Со слов В.И. Кельсиева: «Гончаров понял, что Чайковский при большой власти в Порте и решил его держаться»³³. Оправдывая эти надежды, Садык-паша помог староверам в образовании у них трёхчинной церковной иерархии (так называемой Белокриницкой) и в легализации её в Турции³⁴. В свою очередь, когда создавалось «Османское казачье войско», в его состав вынуждены были войти дунайские некрасовцы-липоване во главе с О. Гончаровым и его помощниками – М. Носом, Марковенком и Шмаргуном³⁵.

Такое «рекрутство» было отрицательно воспринято казаками-некрасовцами, проживавшими в Анатолии, которые находились на своеобразном казачьем положении (не платили налоги, имели самоуправление, выполняли пригранично-патрульные и полицейские обязанности, выступали во время военных действий собственные формирования). Без энтузиазма отнеслись к службе в «Османском казачьем войске» и другое славянское население (липоване и украинцы) Добруджи. Описанное выше полулегальное вооружённое объединение, созданное Садык-пашей на свой страх и риск, было признано официально Оттоманской Портой лишь в 1853 г. После начала очередной войны с Россией (так называемой «Крымской кампании» или Восточной войны), турецкое правительство было заинтересовано в этом формировании. Кроме того, идею подобного войска активно начали поддерживать французские союзники. Кроме некрасовцев, липован и украинцев, в состав войска были зачислены польские эмигранты, которые во множестве находились в Румелии и возле Стамбула (местечко Адамополь)³⁶. Им были предоставлены почти все офицерские должности. Они не только без надлежащего уважения относились к традициям «некрасовского и руснацкого» населения, но и бесчинствовали, пьянствовали. Всё это дискредитировало и без того не особо привлекательную в Османской Империи идею существования такого «странного» войска. Впрочем, не менее «странной» (интересной, закономерной) можно считать реакцию некоторых османских чиновников на то же явление. Так, современник описываемых событий,

³¹ Субботин Н. История так называемого Австрийского или Белокриницкого священства. М., 1899. Вып. 2. С. 64–65, 163–165.

³² Кельсиев В.И. Исповедь // Архив русской революции. М., 1991. Т. 6 (№ 11–12). С. 255.

³³ Там же. С. 107.

³⁴ Субботин Н. Указ. соч. С. 294, 311–316.

³⁵ Кельсиев В.И. Исповедь... С. 256.

³⁶ См.: Гросул В.Я. Польская политическая эмиграция на Балканах в 40 – начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинёв, 1970. Вып. 2. С. 63–65.

Теофил Лапинский (Тэффик-бей) свидетельствует: «Один квазикавалерийский полк, едва ли на десятую часть состоявший из поляков и очень плохо экипированный, служил под именем казаков султана... под командой генерала Чайковского... и настолько выделялся среди турецкой кавалерии..., что сердар поставил перед Портой вопрос о создании второго полка того же типа. Граф Замоиский и занялся созданием и организацией этого полка»³⁷.

Войско состояло из двух полков³⁸, первым из которых (в составе ок. 750 чел.) руководил сам Садык-паша, а вторым (ок. 450 драгун) – граф В. Замоиский, являвшийся представителем польской эмиграции в Париже и племянником А. Чарторыйского. Все команды в войске отдавались на славянских языках до 1870 г. Когда турки попробовали отменить это право, то Садык-паша подал в отставку³⁹. Во время войны 1853–1856 гг. османские казаки, подготовленные в соответствии с французским воинским регламентом, приняли активное участие в событиях на Дунае. Так, например, первый полк занимался партизанскими действиями против подразделений Паскевича в мае 1854 г., во время осады Силистрии⁴⁰. Когда Порта заняла Северную Добруджу и дельту Дуная, Садык-паша на некоторое время был назначен военным комендантом Бухареста, а его полкам доверили охранять границы. Садык-паша избежал пересылки его казачества на Кавказ и считал, что он продолжал отстаивать интересы Польши именно на южных границах России⁴¹.

Однако эти заслуги быстро стали забываться после завершения войны. Украинские и русские поселения, которые входили в состав войска, были обложены бейликом (фискальная повинность, которую они до этого не платили), за три года с них потребовали харач (налог на содержание войска, рекрутства). Эти налоги и повинности как бы нивелировали участие войска в войне, поскольку взимали их лишь с гражданского населения. Парадоксально, что в этом они были уравниены с теми народами, которые, воспользовавшись Крымской войной, попробовали поднять антитурецкие восстания (черногорцы, болгары, боснийцы, албанцы, греки и т.д.)⁴². Вместе с тем, сам Чайка стал ещё более авторитетным чиновником. Султан Абдул-Меджид предоставил ему звание ферики (дивизионного генерала) и назначил

³⁷ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В.К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 261–262.

³⁸ Чайковский М. (Садык-Паша). Записки // Киевская старина. 1891. Т. 34. С. 354–367.

³⁹ [Кельсиев В.] Очерк истории старообрядцев... С. 97.

⁴⁰ Борисёнок Ю. Указ. соч. С. 96.

⁴¹ Меткую характеристику оригинальной деятельности М. Чайковского как личности попавшей между различными властями и настроениями в обществе в своё время дал Е.В. Тарле в своей книге «Крымская война»: «Фантазёр, дилетант в политике и в беллетристической литературе, где он тоже подвизался, временами увлекующийся польский патриот, временами совсем особенно, оригинального типа украинофил, мечтавший о какой-то фантастической польско-украинской казачьей республике, человек с порывами благородства и вместе с тем способный иногда на неожиданные и очень некрасивые поступки» (Тарле Е.В. Сочинения. М., 1959. Т. 9. С. 17). «Эти люди (польские добровольцы в составе турецкой армии на дунайском театре войны. – **Авторы**) были иногда способны дать неглупый совет, но, с другой стороны, немало и вредили, сбивая часто с толку турецкое командование, которому внушали преувеличенное убеждение в слабости русской армии, – пишет известный историк. – Политическая страсть, ненависть к России ослепляла их и заставляла принимать свои желания за действительность» (Тарле Е.В. Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 257).

⁴² Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе... С. 29.

наместником Румелии – всех европейских владений Порты. Тогда, по словам самого М. Чайковского, он задумался над созданием «федерации южных славян под верховной властью султана, потомка сербских королей по женской линии, такова была цель, к которой я стремился»⁴³. В то время Чайка разработал и проект колонизации нижнего Придунавья, который пытался внедрять в жизнь.

Тогда же, впрочем, от деятельности Садык-паши «открестились» его бывшие союзники – штаб польской эмиграции в Париже. Ещё во время войны его деятельность высоко оценил Адам Мицкевич, который приезжал в Турцию⁴⁴. М. Чайковский, занявшись активно внутренними турецкими делами, всё реже слушал указания из Парижа. Например, французское правительство и польская аристократия в эмиграции выступали за объединение Молдавии и Валахии. А вот Садык-паша активно выступал против («...я был против этого объединения и не скрывал своих мыслей»⁴⁵, – писал он позже в своих мемуарах). Но после окончания войны атаман остался «один на один» со своими казаками и турецким правительством. Не последнюю роль в этом сыграли взгляды и позиция М. Чайковского на перспективы самостоятельности украинской народности⁴⁶. В отличие от польской аристократии, принимавшей только идею о возрождении Речи Посполитой в границах до 1772 г., он, потомок гетмана Брюховецкого, призывал учитывать особенности населения Украины. Судьбу казачьего войска не спасло и расширение его состава за счёт бывших российско-подданных солдат, пребывавших в Турции в качестве военнопленных⁴⁷. В последнее десятилетие своего существования османское казачество⁴⁸ выполняло полицейские функции против христианского населения Фессалии, Эпира и др. «Грозная сила» данного формирования в некоторых источниках сравнивается даже с легендарными «башибузуками»⁴⁹.

После 1863 г. эти казачьи части пополнились за счёт молодых польских эмигрантов, имевших определённый боевой опыт⁵⁰. Таких солдат ценил не только Садык-паша, но и сам султан – из них он набрал несколько адъютантов, среди которых был и младший сын Чайковского – Владислав (Музафир-бей), до этого заведовавший военной казачьей школой⁵¹. В этой школе прошли подготовку многие поляки, болгары

⁴³ Чайковский М.С. Записки // Русская старина. 1898. Т. 95. № 9. С. 680.

⁴⁴ Бывает версия, что великий поэт в Константинополе заболел холерой и умер на руках Садык-паши.

⁴⁵ Чайковский М. Записки // Русская старина. 1900. Т. 102. № 6. С. 693.

⁴⁶ Фалькович С.М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х годов XIX в. М., 1966. С. 21.

⁴⁷ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе... С. 52.

⁴⁸ По некоторым данным, в части Чайковского после Крымской войны вошли 280 бывших военнопленных русских солдат (Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе... С. 59). О подобной деятельности в Фессалии и Эпире см.: Чайковский М. Записки // Русская старина. 1900. Т. 102. № 7–8.

⁴⁹ Jouve E. Guerre d'Orient. Voyage a la suite des armees alieies en Turquie, en Valachie et en Crimée. Paris, 1855. Vol. 1. P. 93. Показательно, что эту аналогию приводят и в современной румынской историографии (см., например: Lucaci C., Teodorescu A. Din istoria si traditiile lipovenilor. Vucireiului, 1998. P. 29; очень близкой является и оценка в работе: Феноген С.И., Феноген А.С. Сарикей: загадка XIX столетия. Cluj-Napoca: Kriterion, 2004. С. 26).

⁵⁰ Михал Чайковский гордился, что среди них были: племянник Бисмарка Путкамер и черногогорский князь Петрович (Чайковский М. Записки // Русская старина. 1904. Т.119. № 8. С. 282–283).

⁵¹ Чайковский М. Записки // Русская старина. 1900. Т. 104. № 10. С. 226; № 12. С. 725.

и др., из числа которых было подготовлено ок. 40 офицеров⁵². Балансируя между своим революционным и чиновничьим долгом, М. Чайковский позволял себе вольности в отношении лидеров балканского освободительного движения. Например, известно о его контактах с Г. Раковским или Хр. Ботевым⁵³. При этом, уже после реорганизации в 1866 г., бывшие части Садык-паши приняли участие (правда – без особого энтузиазма и ощутимого эффекта) в подавлении болгарских восстаний, в усмирении переселённых в Добруджу черкесов и т.д.⁵⁴

Усугубившийся далее внутренний кризис в войске – в обстоятельствах смещения акцентов в геополитической ситуации – привёл к ликвидации не только «Османского казачьего войска», но и казачьего положения их составной части – казаков-некрасовцев (1864 г.)⁵⁵. В ряде бывальщин и сказках некрасовцев Садык-пашу не жалуют за «рекрутство», за то, что он попробовал казаков переделать на аскеров (солдат). Вот, например, как об этом упоминается в одном из исторических преданий, записанных Ф.В. Тумилевичем спустя 80 лет после вышеупомянутых событий: «Был такой человек в Турции – Садык-паша..., так вон принуждал нас, чтобы мы аскерами были. Такое дело нам не понравилось. Мы казаки, какие мы аскеры? Круг Войска Кубанского, старики тогда приговорили: “Не подписываться в аскеры и на службу к турку не ходит”. Как отказались наши отцы служить, турка задавил налогами»⁵⁶. Удивительным образом людская память сохранила эти события и поныне: «Свой атаман был. Свой були старейшины, каждую неделю собирались и советывали все. И когда турки були наших в армию не брали, а когда румыны прийшли наших почали в армию брать, а турки не брали наших в армию. Говорили – у вас есть атаман, который говорили учит вас. Как донские казаки на конях учили, а которые сухопутные були, нали, по сухопутью учились. Кажные недели выходили у субботу иль середу и два раза у неделло выходили и учились. И атаман приезжал, помагал тому турецкому везирию, управетелю, штобы: “Иди посмотри, как наши учатся тамотки, где была пустая место”. И он очень одобрыл их: **“Очень хорошо”**. **Донские козаки** – наше село. Круг собирались на майдане. Девки, хлопцы собирались на собрании, а если есть собрание, то старейшины на лавке совещание делают всему селу. Ходили все, а решение брали мужики. Были старейшины, были десятники, которые решали вопросы»⁵⁷.

Часть бывших османских казаков, украинского и русского происхождения, после отмены крепостничества переселилась в Россию – в Бессарабию, Херсонщину, Приазовье, на Кубань⁵⁸. Разочарование самого Чайковского в идее создания казачьего государства совпало с событиями Польского восстания 1863–1864 гг., которое он считал тактически неподготовленным. При всём этом, он пробовал играть собственную роль – всячески пытаясь поднять «добруджинское

⁵² Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе... С. 239.

⁵³ Волков Е.З. Христо Ботев (на заре балканского коммунизма). М.; Пг., 1923. С. 31, 38–39.

⁵⁴ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе... С. 240.

⁵⁵ Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»... С. 150–152.

⁵⁶ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961. С. 217.

⁵⁷ Записано А.А. Пригариным 8 сентября 2000 г. со слов Карпа Степановича Дементьева (1934 г.р., русский, с. Татарица (Айдемир) Силистренской округи, Болгария).

⁵⁸ Бойко Я.В. Заселение Южной Украины. 1860–1890 гг. Черкассы, 1993. Таблица № 22а.

малороссийское население» и Украину на борьбу с Россией⁵⁹. Стремясь поддержать польских повстанцев, он создаёт в Тульче национальный комитет по вербовке «детей родины», отправляет прокламацию «в Украину, в которой уговаривает тамошних жителей присоединиться к восстанию»⁶⁰ и т.д. Эта «польскость» парадоксальным образом сочетается у него с украинофильством – «католиков и поляков он (Чайковский. – **Авторы**) не терпел, но стоял по семейным традициям, за свободу южной России»⁶¹, – писал В.И. Кельсиев. Любопытно, что подобные взгляды были не исключением в офицерском составе османских казаков. Например, поручик-еврей Горнштейн, уроженец Бердичева, был «большой либерал», ненавидевший поляков и мечтавший о восстановлении малороссийского гетманства⁶².

В 1872 г., действуя через Н.П. Игнатьева (российского посла в Турции), М. Чайковский получил разрешение Александра II на возвращение в Россию⁶³. «Отставной генерал-лейтенант турецкой службы» переехал в Киев и получал пенсию и от султана, и от царя. В 1873 г. он принял православную веру и купил имение Борки на Черниговщине (Кролевецкого уезда, ныне – Сумская область в Украине). Здесь он подготовил свои воспоминания-записки, которые были изданы уже после его смерти в журнале «Киевская старина». В ночь с 5 на 6 января 1886 г. он покончил жизни самоубийством. Нужно сказать, что правительство Порты попробовало воссоздать казачество во время войны с Россией в 1877 г.⁶⁴ Однако сам Чайковский отказался возвращаться, а бывшие казаки османского войска не восприняли эту идею вообще.

В 1857 г. М. Чайковский опубликовал свой малоизвестный сборник – «Казачество в Турции»⁶⁵, состоящий из трёх значительных частей⁶⁶. Первая из них – исторический экскурс в прошлое населения, вошедшего в состав «Османского казачьего войска». Сначала автор-составитель печатает «Письмо Х., Казака Оттоманского к земляку» («*List X., Kozaka Ottomańskiego, do Krajowca*»). Аноним обращается к своему товарищу, который живёт в Украине. Он с пафосом описывает создание казачества, а также призывает к украинскому и польскому населению вступать в него для возможности борьбы с российским правительством. Это письмо было напечатано на украинском языке латиницей, а также сопровождалось переводом на польский. Затем следует «Реляция Дамияна Щербини есаула Кошевого» («*Relacja Damiana Szczerbiny Asawity P. Koszowego*»). Перед нами, по сути, – краткий очерк политической эмиграции в Турцию украинцев XVIII в. Главное внимание уделено И. Мазепе, Ф. Орлику, их отношениям с администрацией Оттоманской Порты. В данном очерке М. Чайковский утверждает,

⁵⁹ Гросул В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе... С. 166–167.

⁶⁰ Там же. С. 167. Именно этот сюжет в современных украинских учебниках истории для средней школы склонны рассматривать как попытку «антиросийского восстание в Поднепровье» (Турченко Ф., Марокко В. Історія України: Підручник для 9-го класу. Київ, 2005. С. 40–41).

⁶¹ Кельсиев В.И. Польские агенты в Цареграде // Русский вестник. 1869. Т. 81. № 6. С. 527.

⁶² Там же. С. 524.

⁶³ Борисенюк Ю. Указ. соч. С. 97.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Kozaczyna w Turcyi*. Paryż: w drukarni L. Martinet, 1857.

⁶⁶ Учитывая раритетный характер сборника в научном обороте, приводим его краткую аннотацию. Надеемся, что со временем удастся его опубликовать полностью с современными комментариями.

что в результате деятельности этих украинских эмигрантов возникает Задунайская Сечь. Историческую несостоятельность таких взглядов в своё время доказал ещё Хв. Вовк. Впрочем, вместе с воспоминаниями, записанными в своё время самим Хв. Вовком, эти материалы позволяют проследить жизнь казаков за Дунаем.

Далее печатается «Письмо Филиппа Орлика к запорожцам» («*Filipa Orlika Hetmana list do Zaporozcow*») из архива семьи Чарторыйских, приводимое как доказательство раннего возникновения Задунайской Сечи. Однако известно, что турецкое разрешение на устройство Сечи касалось лишь Алешковской Сечи в Нижнем Поднепровье (1710–1734 гг.). Далее – раздел под названием «О казаках Добруджанских» («*O Kozakach Dobrudzkich*»). В этом разделе идёт рассказ об истории формирования восточнославянского населения Добруджи, которое вошло в состав казачьего войска под руководством М. Чайковского. Особое внимание отводится истории старообрядцев (липован). Данный сюжет был продолжен в параграфе «О староверах и поиске им митрополита» («*O Starowiercach i odtworzeniu im Biskupów*»). В нём сосредоточенно внимание на создание Белокрыницкой старообрядческой иерархии (1846 г.). Роль самого автора-составителя в этих событиях была значительной. Он не только помог старообрядцам Добруджи и Буковины в поиске и проезде митрополита Амвросия, но и оказывал содействие официальному признанию этого церковного объединения турецким правительством.

Почти уникальные сведения содержатся в той части сборника, которая имеет название «Несколько слов о Некрасовцах» («*Kilka słów o Nekrasowcach*»). Эти потопки донских казаков, проживавшие тогда в Анатолии, оставили нам ограниченное количество источников о своей жизнедеятельности в XIX в. Наконец, раздел – «От года 1853 до 1857» («*Od roku 1853 do roku 1857*»). Именно здесь рассказывается об организации «Османского казачьего войска», его составе и устройстве, а также об участии войска в Крымской войне 1853–1856 гг. Даже из этого краткого очерка следует, что различия между отдельными отрядами (задунайскими и некрасовскими казаками, липованами и поляками) были принципиальными, влияя на дисциплину в войске. Это объединение держалось почти исключительно благодаря авторитету личности Мехмед Садык-паши.

Во второй части сборника Чайковский поместил фольклорные и литературные материалы – песни и думы в литературной обработке самого автора-составителя. Основное внимание уделено балканским сюжетам. Нужно указать, что М. Чайковский выступает в большинстве казачьих песен в образе почти легендарного героя. Эта часть больше всего может заинтересовать фольклористов и литературоведов. Для историков этот материал имеет более иллюстративное значение.

Оппозиционность российскому правительству и, вместе с тем, «единство» (по идеалистическим взглядам самого М. Чайковского) между собой всех представителей «Османского казачьего войска» иллюстрирует содержание третьей части. В ней помещаются материалы из истории украинского казачества, его борьбы с русским правительством. Открывается раздел фирманами султана Абдул-Меджида («*Firman, Irady Sułtańskie, oraz dwa listy*»). Ценность раздела состоит в

том, что здесь размещены тексты правовых документов, на основании которых действовало «Османское казачье войско» в середине XIX в. Далее по тексту сборника можно узнать о том резонансе, который получила деятельность казачьего формирования во главе с М. Чайковским в среде польской эмиграции в Европе. Своеобразный вариант этого «тюркофильского панславизма» раскрывают материалы писем, напечатанных в сборнике («*Nota o Zastępach Polskich, i rozmowy A. Mickiewicza*», «*List X.A. Czartoryskiego do Hr. Wład. Zamoyskiego*», «*List A. Mickiewicza z Turcyi do X.A. Czartoryskiego*», «*List M. Sadyka-Paszy do A. Mickiewicza*», «*Tegoż do dawnego towarzysza pułku Jazdy Wołyńskiej*»). Личности адресатов (А.-Е. Чарторыйский, А. Мицкевич) говорят сами за себя; в целом же содержание писем раскрывает планы польских участников и организаторов казачьего войска в Добрудже.

Следом в сборнике – краткий очерк истории казачества на Украине. Здесь обнаруживается главная историографическая позиция М. Чайковского. Он рассматривает казачество как польско-тюркский институт, который на протяжении всего времени существования противостоял русскому «империализму». Указанный материал («*P.W. Kozacy z Litwą i Polską*», «*Uгода Perejasławska*», «*Kozacy z Moskwą i Rossyją*», «*List Attamana Sierko do Hana Krymskiego*») завершается общими оценками русского и православного фактора в истории Европы («*Kijów i Moskwa w walce o supremacyją duchowną*» и «*Wyrój Sekt i źródło Protestantyzmu*»).

Если же анализировать структуру казачьих формирований в Добрудже, то её можно воссоздать благодаря списку казаков, награждённых за участие в войне 1853–1856 гг. («*Spis wyszłych ze służby Kozackiej i zmarłych*»). В соответствии с ним узнаём (конечно, имеются и другие свидетельства), что «Войско казаков Османских» распределялось по полкам: собственно казачьему и драгунскому. Почти весь командный (офицерский) состав как полков, так и штаба был представлен поляками. Необходимо также указать, что текст сопровождается иллюстрациями; благодаря ним можно воссоздать внешний вид украинских задунайцев, липован, некрасовцев, а также форму «Османского казачьего войска». Сборник открывается поясным портретом самого Мехмеда Садык-паши, наместника Румелии и Атамана казаков Оттоманской Империи. Он изображён в стилизованном казацком костюме, с мусульманскими звездой и полумесяцем на кокарде. Помимо портретного изображения Чайковского в журнале «Русская старина» – это, вероятно, единственное известное нам изображение М. Чайковского, сохранившееся до наших дней.

Таким образом, даже такой краткий обзор работы М. Чайковского показывает, что образование и деятельность «Османского казачьего войска» (1851–1857 гг., другой вариант роспуска – 1866 г., когда все казацкие войска Порты были ликвидированы в связи с административной реформой) – яркая страница в истории христианского населения Турецкого Причерноморья. Несмотря на искусственность этого формирования, специфичность его целей и организационной структуры, «османские казаки» под руководством М. Чайковского (Садык-паши) оказались последней попыткой воссоздать казачьи традиции у населения Добруджи.

И.М. СКИБИЦКАЯ
г. Краснодар

ЗАПИСКИ ТЕОФИЛА ЛАПИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

История Кавказской войны XIX в., как и раньше, приковывает к себе внимание исследователей, заставляя порой увидеть минувшие события в новом свете и переосмыслить, казалось бы, устоявшиеся взгляды на эту проблему. В этом плане для всех тех, кто занимается изучением данного периода, интересна замечательная книга Теофила Лапинского «Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских», впервые изданная на русском языке в 1995 г.¹

Бывший повстанец, участник Венгерской революции 1848–1849 гг., поляк Теофил Лапинский (1826–1886), проведя на Кавказе три года, стал впоследствии автором уникального труда по истории и культуре народов Кавказа.

Автор книги был не только свидетелем, но и непосредственным участником описываемых событий накануне завершающего этапа Кавказской войны. Личность яркая и противоречивая, он приковывал к себе внимание современников ещё при жизни. К примеру, А.И. Герцен охарактеризовал Т. Лапинского следующим образом: «Он был долго на Кавказе со стороны черкесов и так хорошо знал войну в горах, что о море и говорить было нечего... Лапинский был в полной мере кондотьер. Он мог идти с белыми и красными, с чистыми и грязными: принадлежал по рождению к Галицкой шляхте, он сильно тянул к Вене. Россию и всё русское он ненавидел дико, безумно, несправимо. Ремесло своё, вероятно, он знал, вёл долго борьбу и написал замечательную книгу о Кавказе»².

Жестокое подавление Польского восстания 1830–1831 гг., отмена конституции Царства Польского, дарованной в 1815 г. Александром I, преследование самодержавием поляков, ведущих освободительную борьбу, стали факторами, сформировавшими отношение Т. Лапинского к России и побудившими его активно включиться в борьбу за независимость Польши. Он вёл её на протяжении всей жизни, везде, куда забрасывала его судьба.

Окончание Крымской войны 1853–1856 гг. стало переломным моментом в политике Запада и в первую очередь Англии на Кавказе. Парижский мирный договор 1856 г. формально обязывал Лондон не вмешиваться в Кавказский вопрос. Англия могла теперь реализовывать свои геополитические интересы на Кавказе, используя в своих

¹ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В.К. Гарданова. Нальчик, 1995.

² По материалам сайта: <http://www.adygi.ru>

целях представителей других народов, в том числе и поляков-эмигрантов, которым отводилась одна из ведущих ролей.

Отряд Т. Лапинского был одним из звеньев в политике Англии на Кавказе, стремившейся затянуть войну между русскими и горцами, приковать основные силы России к Кавказу, чтобы не допустить её вмешательства в ближневосточные и средиземноморские дела. В конце 1855 г. князю Адаму Чарторыйскому³ удалось привлечь английское правительство к организации польской дивизии из трёх пехотных и двух кавалерийских полков⁴. В эту дивизию вступил Т. Лапинский, но заключение мирного договора положило конец надеждам поляков на эту войну.

В Турции Т. Лапинский сближается с лидером черкесского сопротивления Мухаммедом-Амином, находящимся в то время в Константинополе, и вступает с ним в переговоры. Наиб имаму Шамилю Мухаммед-Амин обещал предоставить необходимое снаряжение корпусу до 15 000 чел. По свидетельству самого Т. Лапинского, ему удалось собрать несколько сотен человек, готовых после роспуска польской дивизии «вечно продолжать войну с русскими, а не оставаться на турецкой службе»⁵. Однако в конце сентября 1856 г. на квартире Лапинского в Скутари объявился Измаил-паша, генеральный директор почты Османской Империи. Он предложил полковнику соединиться в Черкесии с лидером аристократических племён Сефер-беем. Измаил-паша должен был полностью оплатить снаряжение в общей сложности в 1000 чел., т.е. стрелкового батальона, кавалерийского дивизиона и полевой батареи с орудийной прислугой⁶.

В конце 1856 г. русский посол в Константинополе получил информацию о готовившейся экспедиции на Кавказ англо-польского легиона. Командование возлагалось на полковника Т. Лапинского. Среди вдохновителей и организаторов похода называли графа Владислава Замойского (1803–1868), племянника Адама Чарторыйского, и Стратфорда Канинга, британского посла в Константинополе. В распоряжение легионеров предоставлялось два корабля: английский «Кенгуру» и турецкий «Аслан». На турецком паруснике, готовом к отправке в начале февраля 1857 г., имелось 1600 центнеров пушечного пороха, 1000 центнеров пуль, 40 ящиков с ружьями и 5–6 орудий малого калибра⁷. Кроме военного обмундирования, закупленного Измаил-пашой, отряд получил от генерала Замойского некоторые припасы из остатков распущенной польской армии.

Полковник разделил вверенный ему отряд на две части. Меньшая часть в составе 4 офицеров и 72 солдат отправлялась вместе с ним к берегам Черкесии на английском судне «Кенгуру» 20 февраля 1857 г. Второй отряд, состоявший из 10 офицеров и 120 солдат, под командой

³ Адам-Ежи Чарторыйский (1770–1861) – лидер консервативно-монархического крыла польского освободительного движения, известного с 1837 г. как «Общество 3-го мая». С начала 1830-х гг. Чарторыйский отправлял на Кавказ оружие и боеприпасы, посылал своих представителей с целью преодоления между горцами межплеменной розни, и превращения Черкесии в плацдарм будущей революции в Польше, так как в русской армии на Кавказе служило много поляков.

⁴ Лапинский Т. (*Тэффик-бей*). Указ. соч. С. 263.

⁵ Там же. С. 264–265.

⁶ Там же. С. 266.

⁷ Там же С. 272–273.

штаб-офицера должен был ждать прибытия оружия и амуниции и отправлялся с Измаил-пашой⁸. 27 февраля 1857 г. польские легионеры высадились в Гуапсе и вступили в земли шапсугов.

Теофил Лапинский принадлежал к числу тех участников польского национально-освободительного движения, которые видели в кавказских горах реальную силу, способную на протяжении длительного времени сопротивляться военной мощи России, а следовательно, они рассматривались ими как союзники поляков в противостоянии Российской Империи.

Мысль отправиться на Кавказ возникла у молодого Лапинского в 1849 г. после поражения Венгерской революции. Находясь в эмиграции, он пытался найти союзников и средства для реализации своей идеи. Однако его воспринимали как «безрассудного мечтателя» и напоминали ему о печальной судьбе его соотечественников, попытавшихся проникнуть вглубь территории и установить отношения с местными племенами⁹.

Следует отметить, что не считая торговых связей на побережье Чёрного моря, в целом Черкесия оставалась для европейцев *terra incognita*. Благополучный исход пребывания европейца в горах напрямую зависел от покровительствующего ему местного представителя. Но даже это не всегда могло защитить иностранного гостя. Предшественник Т. Лапинского в Черкесии Л. Зверковский (Ленуар), находившийся там с января 1845 по февраль 1846 г., имел надёжного человека в качестве проводника и поручителя. Он должен был изучить политическую обстановку на Кавказе, прояснить настроения казачества с целью использования их против России и склонить поляков, находящихся в русской армии, к дезертирству¹⁰. Однако, по свидетельству самого Т. Лапинского, Л. Зверковский был убит в Абазии во время сна выстрелом в живот¹¹. Такая же печальная участь постигла военного инженера поляка К. Гордона (Бендерли-бея). Он прибыл в Черкесию в июне 1846 г. с той же миссией¹². Капитан Гордон находился в Убыхии под покровительством горца Хаджи-Керандука. Поляк был убит и обезглавлен на охоте. Сам же Хаджи-Керандук, как слышал Лапинский от местного населения, получил за голову Гордона от русского начальника в Сухум-Кале 400 серебряных р¹³.

Польское руководство и его лидер А. Чарторыйский стремились превратить Кавказ в плацдарм и поставщика людских ресурсов для обширной военной экспедиции вглубь России. Ведущая роль при этом отводилась полякам¹⁴. Теофил Лапинский сам полагал, что из числа русских перебежчиков польского происхождения можно будет в короткий срок создать регулярную армию. Его надежды были подкреплены обещаниями Мухаммеда-Амина. Он заверил Лапинского в том, что все многочисленные перебежчики из русской армии

⁸ Лапинский Т. (Гефффик-бей). Указ. соч. С. 275.

⁹ Там же. С. 261.

¹⁰ Дегов В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30–60-х годов XIX в. Владикавказ, 1992. С. 69.

¹¹ Там же. С. 70.

¹² Там же. С. 390.

¹³ Лапинский Т. (Гефффик-бей). Указ. соч. С. 284.

¹⁴ Дегов В. В. Указ. соч. С. 71.

будут отданы в распоряжение польского вспомогательного отряда¹⁵. Но ни князь А. Чарторыйский, ни тем более в тот момент Т. Лапинский не располагали точными сведениями о положении дел на Кавказе и не имели полного представления об особенностях горского менталитета.

Судьба дезертиров складывалась чаще всего трагично. Вступив на землю Черкесии, Т. Лапинский сам стал свидетелем реально происходящих событий. Театр военных действий на Кавказе был своеобразным местом ссылки неблагонадежных подданных Российской Империи. В течение многих лет рекрутский контингент из польских провинций регулярно отправлялся на Кавказ. Многие поляки рассматривали службу в Кавказской армии равносильной ссылке в Сибирь и бежали к горцам в надежде объединить усилия в борьбе против русских, но до конца не осознавали, что их ждёт.

По свидетельству Т. Лапинского, адыги принимали дезертиров за подсланных шпионов или изменников, а потому «перебежчик рассматривается тем, кто его первым встретит, как его собственность, как хорошая добыча; если он имеет лошадь, оружие и деньги, то всё это у него отбирается, даже одежду на теле оставляют редко. Адыг ведёт его в свой двор, там бреет ему голову, накидывает на него изодранное в куски платье, и он остаётся во дворе как раб так долго, пока владелец не пожелает продать его дальше». Если раб соглашался вступить в брак с подобранной для него девушкой рабыней, то с этого момента он причислялся к группе рабов (шшитль-тлако). При этом он сам, его жена и дети оставались собственностью его господина. Беглец не получал оружия и не мог принимать участия в борьбе против русских. Перебежчика с помощью различных уловок, обещаний, а чаще плохого обращения склоняли к принятию ислама в магометанских семействах, но даже и в этом случае он оставался рабом¹⁶. Примечательно и то, что после высадки отряда в Туапсе в конце февраля 1857 г., в лагерь Т. Лапинского пришли перебежчики из русской армии, среди которых был поляк, участвовавший в Польском восстании 1830–1831 гг. и сосланный на Кавказ. Он бежал к абазам и находился в рабстве уже ок. 20 лет, имел жену и детей, хорошо знал язык и обычаи страны. Поляк предоставил Лапинскому реальную информацию о лидерах черкесского сопротивления Мухаммеде-Амине, которого он особенно уважал, и князе Сефер-бее, с предательством которого полковнику пришлось столкнуться позднее¹⁷.

Подобные случаи не были редкостью в то время. Британец Дж. Дитсон описал услышанную от русских историю одного польского офицера, сосланного на Кавказ. Он перешёл на сторону горцев, но оказался не в кругу патриотов, борющихся за независимость, а в шайке грабителей, которые использовали его в своих интересах. Польский офицер пытался обучить их правильной системе обороны. Но когда горцы потерпели поражение, его сочли виновным и убили¹⁸. Возможно, что такие факты действительно могли иметь место, если

¹⁵ Лапинский Т. (*Геффик-бей*). Указ. соч. С. 264.

¹⁶ Там же. С. 144–145.

¹⁷ Там же. С. 285.

¹⁸ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 224.

учитывать существенные различия в уровнях социально-политических интересов и политической культуры черкесов и поляков в данный исторический период.

Теофил Лапинский подсчитал примерное число перебежчиков, находящихся в горах Черкесии – ок. 4000 чел. Из них три пятых находилось в Шапсугии и Абадзехии, две пятых в Убыхии. Более половины из них были поляки¹⁹.

Единственным человеком, оказывавшим реальную помощь беглым и отводившим им важную роль в организации боевых действий, был наиб имама Шамиля Мухаммед-Амин. В Абадзехии на реке Шовготча была образована солдатская колония, где находилось ок. 800 чел. Примечателен и тот факт, описанный Лапинским, что «во всех мехеме (народных судах) службу при помещении для арестованных и на караулах несли русские солдаты». Это не могло быть случайностью. Мухаммед-Амин, будучи носителем государственного начала, как никто другой понимал, что за короткий срок ему не удастся привить подвластным ему горцам подчинение закону в форме государственного, а не обычного права. А потому доверял эту миссию беглым из русской армии. Им также предоставлялись грамоты от народных собраний, они не продавались в рабство и не выдавались русским. Такое положение сохранялось в Шапсугии и Абадзехии, где был силен авторитет Мухаммеда-Амина. Напротив, в Убыхии положение беглых оставалось неизменным до 1854 г.²⁰

Трёхлетнее пребывание Т. Лапинского в Черкесии позволило ему детально изучить страну, познакомиться с традициями, культурой, военным бытом местного населения. Его видение Кавказской войны особенно интересно тем, что он, сражаясь на стороне черкесов и стараясь привить им европейскую тактику военных действий, сам убедился в недостатках военной организации черкесских племён, позволивших, по его мнению, ускорить процесс покорения этого края Россией. По его словам, настоящей военной организации у черкесов вообще не существовало. На военном совете все планы обсуждались открыто и каждый знал о решении совета²¹. Эту же особенность отмечал непосредственный очевидец и участник войны на Западном Кавказе русский офицер И. Дроздов, писавший, что «рыцарский образ ведения войны, постоянно открытые встречи, сбор большими массами – ускорили окончание войны. Если бы способный руководитель был в состоянии растолковать горцам их бессилие и, вооружаясь им, из-за угла встречать наступление русских отрядов, то, вероятно, война не окончилась бы так быстро»²². Почти во всех случаях русские были осведомлены о собраниях и решениях горцев, так как всегда находились изменники среди самой стражи, а шпионы служили обыкновенно обеим сторонам²³. Таким же образом русскому командованию на Кавказе были известны планы самого Лапинского. Так, в секретном донесении наказной атаман Черноморского казачьего

¹⁹ Лапинский Т. (Тедфик-бей). Указ. соч. С. 146.

²⁰ Там же. С. 148.

²¹ Там же. С. 170.

²² Марзей А.С. Черкесское наездничество – «Зеклуэ». Нальчик, 2004. С. 120.

²³ Лапинский Т. (Тедфик-бей). Указ. соч. С. 170–171.

войска Г.И. Филипсон сообщал начальнику главного штаба войск следующее: «Имею честь препроводить Вашему превосходительству подлинное письмо Лапинского, который называет себя полковником. Это письмо поручено было Исхаку Схабо тайно отдать в Адагумском отряде кому-нибудь из польских уроженцев, особенно офицерского чина. Исхак Схабо – молочный брат Карабатыра, сына Сефер-бея Занoko. Он бывает у нас с тайного согласия двух вышеназванных лиц, сообщает вовремя сведения, которые бывают всегда верны, но иногда преувеличены»²⁴.

Как свидетельствует Т. Лапинский, состав изменников пополнялся за счёт черкесских пши (князей) и уорков (дворян), которые служили шпионами, проводниками для оперировавших в стране неприятельских войск. Генерал Р.А. Фадеев, находившийся по другую сторону баррикад, упоминает, что абадзехи, заключившие замирение с русскими в ноябре 1859 г., тем не менее не впускали в свою землю ни одного русского, а потому топографы, посланные для обозрения пограничного участка земли, «могли пробираться через него не иначе как переодетыми, по лесным тропам и в сопровождении лазутчиков»²⁵.

Другой проблемой оставалась невозможность собрать значительные силы, так как, со слов Т. Лапинского, не существовало никакого правительства и всё зависело «от доброго желания каждого», отсюда к сражению обычно была готова только та часть страны, которой реально угрожал захват, а остальных это вообще мало заботило²⁶. Понятие «мирные горцы» тоже было весьма относительно, принимая во внимание военный быт адыгов. Замирения, которые заключались, во многом носили формальный характер. «Я мирный, но моё оружие не мирное», – говорил со смехом абаз. Настоящее покорение невозможно и потому, писал Лапинский, что нет ни какой-либо власти, ни начальника²⁷.

Это прекрасно осознавало и русское командование на Западном Кавказе. А главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский вообще считал, что закубанских черкесов нельзя оставлять на занимаемых землях, так как их «тысячелетняя привычка к безначалию и вольности не позволила бы им когда-либо подчиниться правильному устройству и законным властям»²⁸. Из этого вытекал окончательный план русского командования по покорению Закубанья, в ходе реализации которого земля у черкесов должна была быть отобрадена, а на ней водворены победители²⁹.

Военные действия начались осенью 1857 г. Для занятия Кубанского края (правого крыла) была сформирована 19-я пехотная дивизия при наличии ещё пяти линейных батальонов и казачьего войска. Разделённые на три части войска должны были осуществлять три операции для создания трёх прочных оснований, способствующих дальнейшему покорению Закубанья³⁰. В течение трёх лет, следуя тактике

²⁴ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской Империи (20–70-е гг. XIX в.): Сборник архивных документов. Нальчик, 2001. С. 83.

²⁵ Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003. С. 147.

²⁶ Лапинский Т. (Тэффик-бей). Указ. соч. С. 166.

²⁷ Там же. С. 179.

²⁸ ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 29. Л. 160.

²⁹ Там же. Л. 158.

³⁰ Фадеев Р.А. Указ. соч. С. 142–143.

непрерывных действий, русское командование должно было создать на Западном Кавказе три стратегических основания: Лабинскую линию на Востоке, Адагумскую на Западе и в центре Майкоп со штаб-квартирой Кубанского пехотного полка³¹. Всё это время Т. Лапинский продолжал оказывать черкесам большую помощь, в том числе и военную. Польский полковник, насколько это было возможно, наладил у горцев артиллерийское дело. Подобные попытки делались и раньше. По свидетельству Т. Лапинского, в конце 1830 г. в Абазию прибыл транспорт с артиллерией и с боевыми припасами. Он состоял из 15 орудий и приблизительно 300 бочек пороха. Четверо турецких артиллерийских унтер-офицеров были направлены с ними, чтобы научить горские народы обращению с пушками. Однако через несколько недель, лишённые средств, унтер-офицеры вернулись в Турцию. «Порох жители разделили между собой, орудия были переданы уважаемым фамилиям. Вскоре у пушек было сорвано железо с лафетов и колёс и остались только металлические стволы. Эти 15 пушек не сделали ни одного выстрела по русским»³². Фактически Т. Лапинскому пришлось создавать всё заново, на голом месте, учитывая ещё и то, что оружие и боеприпасы, посланные «магометанскими патриотами», были разворованы по дороге, и, со слов Т. Лапинского, отряд за три года больше не получил «от них ни одной нитки»³³. Ему пришлось использовать брошенные в разрушенных русских крепостях орудийные стволы. Полковник приказал свозить эти орудия в Мезиб в надежде использовать их в случае увеличения отряда. За время пребывания в горах Лапинскому встречалось множество перебежчиков, имена которых он записывал, «предупреждая жителей, у которых они служили рабами, что они не имеют права их продавать и отвечают за них»³⁴.

В апреле 1857 г. Т. Лапинский организовал совместные с адыгами боевые действия против русских, вблизи острова, лежащего у впадения речки Адагум. Однако в решающий момент сражения адыги отказались перейти в наступление. «Я поскакал в лес», – вспоминал Т. Лапинский, – «гнал их вперёд, молил, угрожал. Всё напрасно, абазы не желали двигаться»³⁵. Горцев было трудно, а на начальном этапе фактически невозможно заставить подчиняться единым военным требованиям. «Я могу без преувеличения сказать», – писал Лапинский, – «что если бы в обоих сражениях 19-го и 28-го апреля у нас была рота пехоты и пол-эскадрона кавалерии регулярных войск, чтобы управлять массами абазов, то мы могли бы уничтожить и взять в плен столь неосторожно расположившийся русский корпус силой приблизительно 5000 человек, но так мы сумели почти с 18 000 храбрых и решительных, но очень плохо руководимых и непослушных абазских воинов причинить русским только незначительный урон»³⁶.

Другой проблемой Т. Лапинского оставался недостаток средств для отряда. Зная, что на побережье существовал вид произвольной пошлины, которую установили местные старшины для турецких

³¹ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб., 2003. С. 476.

³² Лапинский Т. (Тедфик-бей). Указ. соч. С. 210–211.

³³ Там же. С. 303–304.

³⁴ Там же. С. 302–303.

³⁵ Там же. С. 310.

³⁶ Там же. С. 320.

купцов, полковник вводит пошлину в Геленджике, а затем в Суджук (Новороссийск). Он полагал, что подати и пошлины распространятся на всю страну и будут достаточными для содержания войска в 1000 чел.³⁷ Деятельность Лапинского сильно беспокоила русские власти в Черкесии. После получения очередной информации от лазутчиков в ночь на 20 июня русскому отряду под командованием Г.И. Филиппсона удалось ликвидировать батарею Лапинского в Геленджикской бухте, захватить военные трофеи и уйти в Анапу³⁸. Интересен пример судебного разбирательства, описанный Т. Лапинским. По его требованию народный совет приговорил предателей к высшей мере наказания, однако старшины ничем не смогли помочь и передали исполнение приговора в руки полковника. «Я заметил ещё раньше», – писал он, – «что боязн кривной мести и своеобразная организация фамилий и племён в Абазии делает очень трудным, если [не] невозможным, всякий законный порядок»³⁹.

Полковник перестал доверять Сефер-бею, так как князь препятствовал контактам поляков с местными жителями. Кроме того, собранные для солдат зерно, лошадей и скот князь удержал при себе. После двух покушений на Лапинского в декабре 1857 г. последний порвал связи с Сефер-беем и предпринял неудачную попытку арестовать его⁴⁰. Следующим шагом Т. Лапинского стало его объединение с Мухаммедом-Амином. Он написал письмо имаму Шамилю, в котором объяснял цели приезда легионеров и просил приказать Мухаммеду-Амину объединиться с поляками. Письмо было вручено двум дервишам, возвращавшимся в Дагестан из Мекки, но дервиши оказались русскими агентами, и письмо в Дагестан не попало. Не дождавшись ответа, полковник встретился с Мухаммедом-Амином на земле абадзехов в начале февраля 1859 г. Однако наиб признал, что абадзехи вышли из повиновения и желают переговоров с Россией⁴¹.

Согласно сведениям Т. Лапинского, «русские к концу 1858 года имели 14 батальонов пехоты на Адагуме, где, кроме крепости, был устроен ещё укрепленный лагерь». Общая численность войск достигла 25 000 чел., в то время как у самого полковника в распоряжении оставалось менее сотни⁴². Будучи военным стратегом, Лапинский отмечал успешные действия русских войск, которые позволили окончательно прервать сообщения между натухайцами и шапсугами⁴³. Позднее он сумел определить истинную причину соглашения русского командования с условиями замирения с абадзехами осенью 1859 г., считая, что оно обратит войска, бывшие в Дагестане, Натухае и Абадзехии, против непокорных шапсугов, после покорения которых овладеет Абадзехией без особого труда⁴⁴.

В июне 1859 г. Т. Лапинский предложил Мухаммеду-Амину принять диверсию против русского продвижения в Дагестане. Все

³⁷ Лапинский Т. (*Гейффик-бей*). Указ. соч. С. 327–330.

³⁸ Там же. С. 331–333.

³⁹ Там же. С. 334–335.

⁴⁰ Там же. С. 389–395.

⁴¹ Там же. С. 399.

⁴² Там же. С. 368.

⁴³ Там же. С. 401–402.

⁴⁴ Там же. С. 419.

народы на территории от Кубани до Ингури, от побережья Чёрного моря до Дарьяльского ущелья должны были созвать ополчения. В Южную Черкесию, Абхазию и Осетию были посланы агитаторы, а сам Лапинский выехал в Сванетию. Он намеревался вывести их из состояния мира с Россией и произвести с ними набег на Грузию⁴⁵. Но Мухаммед-Амин уже не контролировал ситуацию, абадзехи требовали начать переговоры с Россией и угрожали ему арестом. Лапинский был вынужден отказаться от своих замыслов. В конце августа 1859 г. имам Шамиль сдался в плен русской армии. Кавказская война вступила в заключительную стадию. Теофил Лапинский осознавал бесперспективность дальнейшей войны, но продолжал помогать горцам до самого отъезда из Черкесии в декабре 1859 г. После него боевыми операциями руководил лейтенант Арановский. В целом легион Лапинского провёл в Закубанье три года, создав при этом немало проблем русскому командованию.

Находясь в Европе, Т. Лапинский не оставлял попыток организовать новую экспедицию в Черкесию, призывая всевозможные европейские организации помочь адыгам. Но его план, предложенный английскому правительству, так и не был воспринят, так как британские политики прекрасно понимали, что участь Черкесии была уже решена.

Подводя итоги, следует отметить: Лапинский – это автор, которого нельзя упрекнуть в предвзятости отдельных оценок, так как он искренне, самоотверженно боролся на стороне горцев, прекрасно осознавая при этом глубинные различия в политической, военной культуре европейцев и традиционной самобытной культуре местных племён. Но, несмотря на эти препятствия, он находил точки соприкосновения, позволяющие вести ему длительное время совместную борьбу.

В целом для исследователей, кавказоведов-историков, этнографов и всех, кто интересуется историей Кавказа и его народов, труд Теофила Лапинского остаётся уникальным источником, заслуживающим особого внимания.

⁴⁵ Лапинский Т. (Тедфик-бей). Указ. соч. С. 404–409.

О.В. МАТВЕЕВ
г. Краснодар

ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ КУБАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА: КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ РАКОВСКИЙ*

Истории отдельных воинских частей, написанные в большинстве случаев офицерами этих формирований, являются наиболее ярким вкладом русского офицерства в отечественную историографию. Эти работы были основаны на первоисточниках, а поскольку полковые архивы в первые годы советской власти были зачастую уничтожены, полковая историография приобрела ныне и источниковую значимость¹. Полковые истории создавались по инициативе командования или отдельных офицеров данной части и преследовали, помимо прочего, цель воспитания личного состава на её боевых традициях². Военный историк Л.Г. Бескровный выделил в 1962 г. в развитии полковой историографии в России несколько этапов. Первый, по его мнению, приходился на середину XIX в., второй был связан с окончанием Русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда по «всем военным округам был издан приказ о составлении во всех войсковых частях памяток для солдат и истории полков»³.

Однако возникновение полковой историографии Кубанского казачьего войска связано в первую очередь с окончанием в 1864 г. войны на Западном Кавказе⁴. 28 февраля 1865 г. командующий войсками Кубанской области получил отзыв начальника Главного штаба Кавказской армии, в котором, в частности, отмечалось: «Его Императорское Высочество Главнокомандующий армиею, желая сохранить для потомства по возможности полное и подробное повествование тех подвигов, которые совершены были частями войск и отдельными лицами в течение продолжавшейся шестьдесят лет непрерывной войны с горцами, приказал мне просить Ваше Сиятельство объявить по вверенной Вам области: 1) чтобы во всех полках и отдельных батальонах была составлена история их действий и всей жизни на Кавказе. Офицеров, которые будут избраны для составления сего описания, Его Высочество разрешает освободить от некоторых служебных обязанностей и увольнять для занятия в тех архивах, где хранятся старые дела и документы; 2) пригласить всех военных и других звания лиц, у кого окажутся какие-либо записки и воспоминания, имеющие

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, исследовательский проект № 07-01-38102 а/Ю.

¹ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 308.

² Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 303.

³ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 308.

⁴ Матвеев О.В. Полковая историография Кубанского казачьего войска // Мир Шолохова: история и культура. Ростов н/Д., 2005. С. 35.

какое-либо отношение к событиям минувшей войны, или записанные ими частные рассказы и случаи, доставить всё это в Главный штаб армии, с тем, что желающим записки их будут возвращены в тот срок, какой они сами назначат»⁵.

Соответствующее распоряжение вскоре поступило из штаба Кубанского войска в бригады и полки. Однако не каждый казачий офицер обладал необходимыми достоинствами и мог взяться за такое трудное и ответственное дело. Так, командир 27-го полка 19 июля 1865 г. сообщал из станицы Хадзыженской в Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска: «Вверенный мне 27-й полк населён весною прошлого года, т.е. тогда, когда Кавказ был уже покорён, почему не имеет и не мог иметь никаких военных отличий, и следовательно истории действий его составить не из чего. Из числа переселенцев 27-го полка хотя и есть такие офицеры и нижние чины, кои бывали до переселения в различных делах с горцами, и без сомнения кто-нибудь из них оказал особое отличие, заслуживающее внимания, но об этом мне всё-таки ничего неизвестно, и сведений здесь никаких нет, а потому описать историю их действий и всей жизни на Кавказе тоже не представляется возможности»⁶. Впрочем командир полка допускал, что отдельные офицеры с академическим образованием или артиллеристы, имеющие склонность к «научным занятиям», могли бы взяться за такое дело, как и офицеры, «кои служили и жили на Кавказе, вероятно, не упустят из виду написать историю»⁷. На этот рапорт начальник штаба полка полковник Пиленко, не скрывая раздражения неадекватностью полкового командира, пояснял: «составление истории вверенного Вам полка в военном отношении совершенно необходимо, по крайней мере, в тех размерах, в каких полк находился со времени сформирования его, например описание: условий местности, необходимости заселения оной новыми станицами и сформирования из них полка, службы и военных дел онаго и пр.». Пиленко напомнил, что избранные для исторического труда офицеры не должны отвлекаться службой, «они будут пользоваться содержанием, определённым 3871 ст., часть 1, книга II Свода военных постановлений, лишь бы достигнуть исполнения неременной воли Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказскою армией»⁸. Для поощрения офицеров, авторов истории полков, было решено отдельные записки публиковать в «Кубанских войсковых ведомостях». 7 октября 1867 г. офицер штаба Кубанского войска пишет есаулу Л.Ф. Праге, редактору «Кубанских войсковых ведомостей»: «Милостивый Государь Лев Фомич! Начальник штаба поручил мне передать Вам вновь полученную историческую записку Ейского округа в дополнение к посланному делу. Его Высокоблагородие Сергей Михайлович выразил пожелание: что надо непременно отпечатать хоть одну какую-нибудь из представленных записок для поощрения к составлению в прочих частях, от коих ещё не представлены записки»⁹.

⁵ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Там же. Л. 155.

Написание истории 23-го (бывшего 25-го) полка было поручено бригадному адъютанту есаулу Раковскому¹⁰. Командир бригады и полка полковник Макаров сообщил 5 марта 1866 г., что «составленную историю 25-го полка бригадным адъютантом вверенной мне бригады есаулом Раковским при сём в оное дежурство представляю»¹¹. В 1867 г. «История 25-го (ныне 23-го) конного полка Кубанского казачьего войска» есаула Раковского была опубликована в трёх номерах «Кубанских войсковых ведомостей».

В Государственном архиве Краснодарского края имеется послужной список прикомандированного к 23-му конному полку Кубанского казачьего войска Константина Ивановича Раковского, составленный 28 декабря 1869 г. Из него следует, что К.И. Раковский родился в 1822 г., происходил из дворян Каменец-Подольской губернии, принадлежал к римско-католическому вероисповеданию. Он закончил Каменец-Подольскую губернскую гимназию, в службу вступил в 1842 г. рядовым в Одесский егерский полк. В том же году стал юнкером, а через шесть лет выслужил первый офицерский чин. В 1851 г. К.И. Раковский переведён в 1-й Кавказский пеший батальон Кавказского линейного казачьего войска с переименованием в хорунжие, затем становится батальонным адъютантом. При преобразовании Кавказского линейного и Черноморского войск поступил в 13-й пеший батальон Кубанского казачьего войска. Графа «В походах и делах против неприятеля находился» занимает в послужном списке несколько страниц уборого текста. Мы видим участие Раковского в отражении «вторгшегося в наши пределы скопища горцев под предводительством Магомет-Амина»¹², в истреблении «завалов и взятии аулов в долине р. Пщекопшы кавалерийскою колонною полковника Ягодкина», в различных перестрелках и поисках в Закубанье, на Белореченской кордонной линии, в Даховском отряде, уничтожении многих «неприятельских аулов и отбитии у горцев скота»¹³. К.И. Раковский был кавалером орденов Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом, 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, имел медали: бронзовую в память Крымской войны 1853–1856 гг., серебряную за покорение Западного Кавказа и крест «За службу на Кавказе»¹⁴. За отличие по службе 11 ноября 1862 г. Раковский был произведён в есаулы, а в марте 1868 г. утверждён начальником станции Ярославской¹⁵. С разрешения Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом К.И. Раковскому 3 мая 1851 г. «разрешено по слабости зрения носить очки»¹⁶. В графе о семейном положении говорилось: «Женат на дворянке девице Октавии Акрепович, у них дети, родившиеся: Виктория, 21 декабря 1865 г. и Марцелина Антонина 16 января 1868 г., жена и дети вероисповедания римско-католического»¹⁷. О дальнейшей судьбе К.И. Раковского нам почти ничего неизвестно.

¹⁰ ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 50.

¹¹ Там же. Л. 76.

¹² Там же. Ф. 396. Оп. 2. Д. 253. Л. 69.

¹³ Там же. Л. 70–73об.

¹⁴ Там же. Л. 63.

¹⁵ Там же. Л. 66об.

¹⁶ Там же. Л. 73.

¹⁷ Там же. Л. 68об.

Лишь из опубликованных А.И. Селицким выписок из римско-католических метрических книг записей о крещёных в Екатеринодаре в 1861–1917 гг. видно, что в 1874 г. у Раковского родился сын Владислав, а в 1877 г. – сын Константин¹⁸. Кроме того, в «Кубанских областных ведомостях» за 1877 г. мелькнула информация о том, что «смотритель Екатеринодарского войскового острога есаул Раковский» назначен «смотрителем Ладожской войсковой тюрьмы»¹⁹.

В своей «Истории 25-го (ныне 23-го) конного полка» Константин Иванович отмечал, что «по объявлении в станицах Кубанского казачьего войска Высочайшего Его Императорского Величества рескрипта, данное в 2 день июня 1861 г. на имя Наказного атамана генерал-адъютанта графа Евдокимова, в котором выражалось желание Его Величества об успешнейшем заселении предгорий Западного Кавказа, из 4-х бригад 1, 2, 3 и 4-й вызвались желающими переселиться на вновь предназначенные к заселению места: штаб-офицеров 2, обер-офицеров 12, урядников и казаков 597; все с своими семействами. Эти-то охотники и были первоначальными основателями 25 конного полка и Белореченской кордонной линии»²⁰. К.И. Раковский рассказывает, что в 1861 г. были населены станица Нижнефарсская на р. Фарс из 2 офицерских и 168 казачьих семей 4-й Хопёрской бригады, станица Кужорская на р. Серале из 2 офицерских и 203 казачьих семей Ставропольской бригады. Эти 2 станицы были временно причислены к 6-й Лабинской бригаде. 1 мая 1862 г. охотниками 1-й бригады была населена станица Белореченская на р. Белой, охотниками 2-й Кубанской бригады – Махошевская на р. Фарс и Ханская на р. Белой, охотниками 3-й бригады – станица Псефирская на р. Псефире, и казаками 1-й бригады, «назначенными по приговорам обществ прежнего места их жительства», – станица Егерухаевская на р. Белой. С этого же времени в состав 25-го полка вошли станицы Нижнефарсская и Кужорская. В августе 1862 г. была населена станица Гиагинская, а в мае 1863 г. станица Келермеская из охотников, казаков 1-й бригады. «Впоследствии, – отмечает К.И. Раковский, – все станицы пополнились охотниками из разных станиц; а именно: казаками, государственными крестьянами и женатыми нижними чинами регулярных войск»²¹.

Переселенцы, по словам Раковского, обустроили свои усадьбы в очень короткое время, «несмотря на беспрестанные тревоги, удобно и прилично, так что не уступают старым станицам, поселённым на Кубани. Земледелие развивается с успехом, так что жители с окончанием провиантской от казны дачи, не только не нуждаются в продовольствии семейств своих, но продают хлеб на сторону, довольно в значительном количестве»²². Как видим, на фоне бедствий переселенцев кубанских станиц в 1860-е гг., ситуация в 25-м полку была счастливым исключением. Есаул Раковский рассказывает о возведении церкви

¹⁸ Селицкий А.И. Поляки-дворяне на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Дворяне Юга России на службе Отечеству. Краснодар, 2004. Прил. С. 47.

¹⁹ КОВ. 1877. № 20. В «Памятной книжке Кубанской области» (Екатеринодар, 1881) К.И. Раковский всё ещё числится как смотритель Ладожской войсковой тюрьмы.

²⁰ Раковский, есаул. История 25-го (ныне 23-го) конного полка Кубанского казачьего войска // КВВ. 1867. № 44.

²¹ Там же.

²² Там же.

и запасных хлебных магазинов, полковой школы в станице Ханской на 50 учеников и школ в других станицах на 25 учеников в каждой. Сформированные новые казачьи сотни «защищали свои станицы от нападения неприятельских партий и сборищ и участвовали в движении отрядов в пределы, занятые враждебными племенами»²³.

Далее офицер подробно освещает участие казаков полка в военных действиях 1862–1864 гг. Так, описывая движение по р. Луку до аула Мишости 26 января 1863 г., он констатирует: «В перестрелке при поиске неприятеля участвовала 2-я Ханская сотня. При отбитии баранов в Кутайне найдено было 10 чел. хаджиретов, которые и убиты, так же убит начальник Ханской сотни храбрый хорунжий Ткачёв»²⁴. Величественно-бесстрастный тон повествования бывалого «кавказца» придавал наиболее значимым пассажирам зловещий оттенок. О бедствиях горцев сообщается столь же хладнокровно, как и о потерях полка. Но прорывается сквозь скупые оценочные строки казачьего офицера и живое человеческое чувство. Рассказывая о возвращении отряда полковника Макарова в станицы в начале января 1864 г., Раковский отмечает: «Пленным татарам казаки отдавали свою лишнюю одежду, хлеб, разводили костры, всячески старались облегчить участь их, в особенности детей»²⁵.

В целом записка К.И. Раковского ещё очень напоминает не столько историческое сочинение, сколько журнал военных действий. Очерки, созданные в конце 1860-х гг. ещё во многом похожи на привычную военную документацию, которая велась полковыми адъютантами или штабными офицерами. Сказывалась недостаточность образования и необходимой подготовки для написания полковой истории. В то же время К.И. Раковский прекрасно представлял себе отличие казачьего полка от обычной армейской воинской части, поэтому много внимания уделил в своей «Истории» населению полка, его обустройству на предназначенных к освоению территориях. Скромные возможности, в чём-то наивные, в основном описательные методы исследования первых полковых историков не должны заслонять от нас главное: их искреннее желание оставить для потомства славные страницы прошлого своего полка. Эти незатейливые очерки и записки явились отправной точкой для создания фундаментальных полковых историй И.Я. Гулыги, В.Г. Толстова, А.Д. Ламанова.

²³ Раковский, *есул.* История 25-го (ныне 23-го) конного полка... № 44

²⁴ Там же. № 47.

²⁵ Там же. № 49. Окончание.

И.В. ЦИФАНОВА
г. Ставрополь

ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В XIX в.

Учитывая географическую отдалённость Польши и разницу между русской и польской культурами, интерес поляков к Кавказу может показаться необъяснимо большим. Более двух столетий Кавказ занимал заметное место в сознании поляков. Со времён царствования Екатерины II, включившей в состав Российской Империи земли Польского государства, менялось отношение поляков к своему восточному соседу. Следствием этого было возникновение и развитие польского национального движения. Участники кампании Наполеона 1812 г., члены патриотических организаций и участники польских восстаний попадали в разные уголки Кавказа. Их судьбы на месте ссылки складывались по-разному.

Несмотря на унижения и страдания в ссылке, многие поляки принимали решение поселиться на Кавказе даже тогда, когда уже получали возможность вернуться в Польшу. Значительное количество польских ссыльных свыкалось с мыслью – жить в России. Адаптируясь к условиям жизни на Кавказе, поляки старались сохранить традиционные для них реалии повседневности. Это отражалось в таких естественных событиях человеческой жизни, как рождение, крещение, причащение, венчание, учёба, работа.

Одним из значимых вопросов, остро вставших перед переселенцами, был вопрос о браке, тесно связанный с религиозной проблемой. Все «инославные» конфессии были поставлены в равные условия как по отношению друг к другу, так и по отношению к государственному православию¹. После восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском и Западном крае в отношении католиков методично вводились всё новые ограничительные меры. В высших политических кругах католицизм и католики неизменно связывались с «польским вопросом». Николай I закрепил преимущества Православной церкви как абсолютные².

Подтверждение принципов государственной политики нашло отражение в вопросе смешанных браков. Брачный союз между представителями различных вероисповеданий, в первую очередь между православными и католиками, был законодательно урегулирован, но юридически претерпевал некоторые изменения. Отправной точкой для рассмотрения дел о «разноверных» браках на протяжении

¹ Колосовская Т.А. Историко-статистический обзор конфессионального состава населения Ставрополя в конце XIX – начале XX в. // *Из истории народов Северного Кавказа: Сб. науч. ст.* Ставрополь, 2001. Вып. 4. С. 97.

² Горизонтов Л. Закон против счастья // *Родина*. 1994. № 12. С. 64.

всего XIX в. служили нормы, зафиксированные в «Уложениях о наказаниях»³. Дети, рождённые в таком браке, непременно должны были исповедовать православие. Супругу-католику запрещалось склонять членов семьи к смене вероисповедания.

Законодательство было призвано способствовать слиянию поляков с русскими, при этом эффект часто был прямо противоположным. Обязательное выполнение условий, закреплённых законом, отвращало многих от вступления в подобный союз⁴.

Российское общество неоднозначно относилось к смешанным бракам. С одной стороны, соединение семейными узами русских и поляков не поощрялось. Распространение смешанных браков приводило к религиозной и национальной путанице в семьях. В одном архивном документе о ходе судебного разбирательства отмечается, что молодой человек православного исповедания, носивший русскую фамилию Евдокимов, унаследовал «польское самосознание от своей матери-польки»⁵. «Русская народность и греко-православное исповедание много от смешанных браков потеряли», – отмечает современник⁶. С другой стороны, браки между русскими и поляками взаимообогащали национально-культурные традиции двух народов созданием семей с русско-польским мироощущением⁷.

Своё исключительное право в вопросе «разноверных» браков высказывали как Православная, так и Римско-католическая церкви⁸.

По мнению М.Н. Каткова, ни один католический священник не сможет благословить брак католика с православной, если вступающие в брак не дадут обещания воспитывать детей в католическом вероисповедании⁹. Характерно, что, несмотря на существовавший в России закон о том, что дети от смешанных браков непременно должны воспитываться в православии, это не было церковным догматом.

Число и характер смешанных браков варьировались в зависимости от региональных особенностей, характера переселения и конкретной исторической эпохи. Обнаруженные метрические книги за период 1840–1861 гг.¹⁰ и 1876 г.¹¹, не введённые ранее в научный оборот, отражают ценную информацию, необходимую для определения семейно-брачных отношений польских переселенцев и их потомков. Данные метрик свидетельствуют, что выходцы из польских земель, вне зависимости от характера их переселения, стремились заключать «одноверные» браки. Поляки, сохраняющие языковые особенности, национальные обычаи и традиции строго придерживались правил и норм в семейном поведении¹². К примеру, городничий Георгиевска

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство / Под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. Т. 6. С. 374.

⁴ Ганцкая О.А. Польская семья: Опыт этнографического изучения. М., 1986. С. 37.

⁵ ГАСК. Ф. 63. Оп. 12. Д. 553. Л. 9–9об.

⁶ Самарин Ю.Ф. Статьи разнородного содержания по польскому вопросу // Самарин Ю.Ф. Сочинения. М., 1877. Т. 1. С. 337.

⁷ Горизонтов Л. Указ. соч. С. 66.

⁸ Ганцкая О.А. Указ. соч. С. 66.

⁹ Чаплицкий Б. Саратовская семинария и Польское восстание 1863 г. // Свет Евангелия. 1996. 9 июня. № 23. С. 71.

¹⁰ ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 1703. Л. 28об.–69.

¹¹ Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8135. Л. 2–43об.

¹² Ганцкая О.А. Указ. соч. С. 59.

Л.К. Конопельский был женат на дворянке и имел от неё четырёх детей, и все они были обращены в римско-католическую веру¹³.

Достаточно распространёнными были и «разноверные» русско-польские браки. В демографическом плане наблюдается значительное численное преобладание мужчин-католиков над женщинами-католичками, заключающих смешанные браки, что могло происходить в силу количественного превосходства переселявшихся на Северный Кавказ мужчин-поляков. Дисбаланс полов был глубоким и ярко выраженным: в конце XIX в. доля поляков-мужчин составляла примерно 68 %¹⁴.

Женигба на православной часто вынуждала поляка переходить в иную веру. После заключения брака секретарь Пятигорского окружного суда М.М. Олышанский принимает православие. Дети его также воспитываются в традициях господствующей религии¹⁵. Решающее значение при этом имела совокупность жизненных обстоятельств – место жительства, учёба, климат в семье. Благоприятно складываясь для польского самосознания, они могли нейтрализовать ассимилирующий заряд не католического исповедания. Причины перемены веры заключаются и в том, что поляк находится «вне общения с лицами польского происхождения на почве проведения или сочувствия польским тенденциям»¹⁶. Подобная форма браков вела к разрыву с соотечественниками, оседанию на Кавказе, полному обрусению и, как следствие, утрате национальных традиций.

Наиболее распространённой была «классическая» модель смешанных браков: глава семьи – католик, поляк по происхождению, остальные члены семьи – православные. Например, губернский секретарь Н. Неинский, гражданский губернатор М.Я. Ольшевский исповедовали католичество, а члены их семей – православие¹⁷. Смешанные браки отличает особый национально-культурный климат в семьях. Дети от «разноверных» браков создавали ядро «мнимо-православных» семей, официальная принадлежность которых к государственной религии скрывала либо тайную приверженность к католицизму, либо религиозную независимость¹⁸. Такого рода семьи сохраняли элементы польской культуры и мироощущения, а также конфликтный потенциал отдалённого будущего.

Крайне редкими были случаи, когда выходившие замуж за католиков девушки переходили из православия в веру мужа. Государство стояло на страже господствующей религии. Надзиратель больницы Ставропольской губернской гимназии И.И. Заводской, исповедующий католицизм, был женат на дворянке Агафье Ильиничне, которая приняла веру мужа¹⁹.

Наряду с существованием смешанных браков существовали «одноверные», чисто польские семьи, строго сохраняющие традиции

¹³ ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 2767. Л. 161.

¹⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи за 1897 г. Ставрополь, 1905. Т. 65. С. 86–89.

¹⁵ ГАСК. Ф. 63. Оп. 22. Д. 219. Л. 151; Оп. 23. Д. 412. Л. 166.

¹⁶ Чаплицкий Б. Указ. соч. С. 68.

¹⁷ ГАСК. Ф. 235. Оп. 1. Д. 101 (ч. II). Л. 636; Ф. 444. Оп. 1. Д. 2767. Л. 3.

¹⁸ Горизонтов Л. Указ. соч. С. 66.

¹⁹ ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 1605. Л. 178.

«польского духа» и католицизма²⁰. Так, непрременный член Ставропольской губернской строительной и дорожной комиссии титулярный советник А.В. Биберштейн-Левицкий и все члены его семьи свято почитали традиции римско-католической веры, национальные обряды и обычаи²¹.

В обыденной жизни польской семьи особое место занимали такие события, как вступление в брак, рождение ребёнка, похороны, традиционные праздники и др. В них прослеживается межпоколенная преемственность, изменение или отмирание старых и формирование новых традиций в ходе этнокультурного развития.

Обратившись, например, к особенностям польской свадьбы, можно проследить региональные и социальные отличия при общей структуре связей, включающей основные элементы в их меняющемся соотношении. Непременным делом как у себя на родине, так и в ссылке было приглашение на свадьбу гостей вне зависимости от возраста, вероисповедания, национальности приглашённых²².

Таким образом, изучение разновидностей польских браков показало, что семья являлась носителем своеобразных этнических черт, особенно в сфере обычаев, обрядов, этикета, позиционных внутрисемейных взаимоотношений. Благополучие семей польских переселенцев зависело от ряда факторов, в том числе от возможностей адаптации всех членов семьи к изменяющимся условиям их домашнего быта, а следовательно, от личностных свойств каждого и от традиций, в том числе и этнических.

²⁰ Горизонтов Л. Указ. соч. С. 67.

²¹ ГАСК. Ф. 103. Оп. 1. Д. 1944. Л. 3–4об.

²² Ганцкая О.А. Указ. соч. С. 100.

С.Н. КТИТОРОВ
г. Армавир

ПОЛЬСКАЯ ДИАСПОРА ДОСОВЕТСКОГО АРМАВИРА

Среди постоянных обитателей Армавира первые поляки появляются в конце XIX в., после проведения через это селение Владикавказской железной дороги. В этот период сюда хлынул поток переселенцев из разных уголков России и заграницы, в результате чего недавний аул черкесо-гаев (черкесских, горских армян) быстро превращается в крупный торгово-промышленный пункт Северного Кавказа со сложным полиэтничным составом населения.

Уже в 1889 г. один из безымянных современников указывал, что в Армавире среди других национальных общин имеется «масса поляков»¹. Этот же автор, кратко характеризую настроение, интересы и профессиональные предпочтения представителей различных народностей, собирающихся кружками на перроне местного вокзала, тонко подметил: «Поляки, всегда осторожные – осмрительные, ведут на своём родном наречии пустые разговоры о семейной жизни, никогда ни заикаясь ни о чём ином и особенно о политике»². Данное свидетельство служит косвенным доказательством того, что значительная часть поляков оказалась на Северном Кавказе, в том числе и в Армавире, в качестве ссыльных, разлучённых со своей родиной за участие в вооружённых мятежах и национально-освободительном движении³. Вполне объяснимо, что, уже пострадав за антиправительственную деятельность, представители этого западнославянского народа вели себя крайне осторожно и, по крайней мере, внешне политикой не интересовались.

В конце XIX – начале XX в. поляки оседали в Армавире преимущественно по делам службы, или движимые экономическими интересами в поисках заработка. Небольшая польская колония Армавира на протяжении всего рассматриваемого периода демонстрировала в целом медленный, но устойчивый рост. По данным Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. в селении проживало 122 поляка (по признаку родного языка)⁴, в 1908 г. их насчитывалось 192 чел.⁵, а к 1911 г. – 208 чел.⁶ В период Первой мировой войны в городах и станицах

¹ Северный Кавказ. Ставрополь, 1889. № 83.

² Там же.

³ Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995. С. 128–129; Матвеев О.В., Ракачёв В.Н., Ракачёв Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар, 2003. С. 68–69.

⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 65. Кубанская область. С. 60–63.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 227. Л. 50.

⁶ ГАКК. Ф. 573. Оп. 1. Д. 44. Л. 43, 46.

Кубани, как и на всём Северном Кавказе, оказалось множество беженцев из оккупированных германской и австро-венгерской армиями польских земель. В 1920 г., когда в Армавире была окончательно установлена советская власть, из общего количества населения города в 64 051 чел. поляков оказалось 1,5 %, что составляло примерно 1000 чел.⁷

Важнейшими факторами сохранения национальной идентичности и самобытной культуры для местных поляков выступали родной язык и католическое вероисповедание. Причём, если в иноэтничной среде польская речь постепенно выходила из употребления и забывалась (уже к началу XX в. почти половина потомков польских переселенцев на Кубани в качестве родного языка назвала русский)⁸, то конфессиональная принадлежность оставалась неизменной. Члены местной общины были очень религиозны и старались строго соблюдать все предписания и каноны Римско-католической церкви.

В рассматриваемый период Армавир быстро превратился в один из религиозных центров для католического населения восточных районов Кубанской области. В Лабинском отделе, административное управление которого располагалось в Армавире, большинство представителей данной конфессии составляли именно поляки⁹. 9 мая 1902 г. атаману отдела группой местных жителей было подано ходатайство следующего содержания: «В селении Армавире и в ближайших к нему хуторах и железнодорожных станциях проживает более пятисот человек католического исповедания, которые для исполнения своих треб и других религиозных нужд тяготеют к с. Армавиру, куда периодически приезжает католический священник; ко времени приезда священника приспособляется какое-нибудь частное помещение для церковной службы, но ни одно из них не может поместить всех молящихся, особенно во время поста, когда бывает много говеющих. Поэтому является настоятельная потребность в открытии в Армавире постоянного молитвенного дома для католиков, сначала в нём службы будут совершаться приезжим священником, а в будущем... для Армавира будет приглашён отдельный священник. На основании изложенного честь имеем просить Ваше превосходительство ходатайствовать перед подлежащим начальством об открытии в с. Армавире молитвенного дома для лиц римско-католического исповедания»¹⁰. 11 марта 1904 г. военный министр разрешил соорудить в селении указанный молитвенный дом, согласно «одобренному строительным отделением Кубанского областного правления плану»¹¹.

К сожалению, точная дата и конкретные обстоятельства возведения в Армавире римско-католического молитвенного дома пока неизвестны. Отсутствуют также фотографии и изобразительные материалы, позволяющие судить о его первоначальном облике. Для католической церкви местное сельское общество подарило прихожанам на вечные времена обширный участок земли размером ок. двух

⁷ АОАА. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 11. Л. 375; Армавирское окружное статистическое бюро. Декабрь 1924 г. Бюллетень № 2. Армавир, 1925. С. 3.

⁸ Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? Этнографический очерк о народах Кубани // Кубанский краевед. Краснодар, 1990. С. 148.

⁹ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи... С. 78.

¹⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2388. Л. 2-2об.

¹¹ Там же. Л. 8.

десятин на западной окраине Армавира, на углу улиц Шереметьевской (ныне ул. Энгельса) и Новой (ул. Ворошилова)¹². Строительство осуществлялось примерно с 1904 до 1909 г. Храм представлял собой вытянутое прямоугольное кирпичное неоштукатуренное здание, с рядом полуциркульных оконных и дверных проёмов и рустованными углами, которое было ориентировано по линии: юго-запад – северо-восток. По данным самого раннего сохранившегося плана 1932 г., постройка имела следующие размеры: в длину – 23,1 м, в ширину с южной стороны – 6,20 м и с северной – 10,20 м. Высота стен от фундамента до карниза равнялась 5,20 м. Общая полезная площадь здания составляла 160,34 кв.м, а объём всего сооружения по наружным очертаниям – 1065,06 куб.м.¹³ В одном из номеров сельской газеты «Отклики Кавказа» за 1911 г. говорится, что армавирский римско-католический храм был посвящён иконе Ченстоховской Божьей Матери. Здесь имелаась звонница с колоколами, доставленными из Варшавы. В дореволюционный период церковь находилась в ведении Тираспольской католической епархии (г. Саратов)¹⁴. К западу от границы селения, у шоссе, ведущего на кирпичные заводы, в эти же годы открылось приходское католическое кладбище¹⁵.

Первоначально при храме не было собственного причта. В 1909 г. в местной газете «Кавказский край» появилось сообщение, что «18 октября в Армавир прибывает вновь назначенный католический ксёндз о. Николай, и обычную мессу совершит в молитвенном доме, в 10 ч утра»¹⁶. Видимо, священник в тот год в селение так и не приехал. 15 ноября пресса известила читателей, что «назначенное на сегодня богослужение в костёле не состоится, за неприбытием по болезни ксёндза»¹⁷. После этого в течение нескольких лет службы в храме проводились приезжими священниками, о чём регулярно объявлялось в армавирской прессе. Так, в одном из таких обычных сообщений за 1912 г. говорилось: «11 марта приедет из колонии Рождественской католический ксёндз и пробудет здесь три, четыре дня для совершения великопостного католического богослужения в местной католической церкви»¹⁸.

Наконец, синдик (церковный староста) И.Р. Шафирович с удовлетворением сообщил прихожанам селения, что им получено отношение Тираспольского римско-католического епископа от 2 октября 1912 г. о назначении настоятелем армавирского костёла ксёндза Келецкой епархии Романа Смолинского¹⁹. С приездом священника уже в начале ноября того же года в храме было введено ежедневное богослужение и исполнение необходимых религиозных треб. В связи с этим, в газете «Отклики Кавказа» появилось сообщение, что ксёндзом и синдиками будет подано ходатайство Тираспольскому епископу (в Саратове) с просьбой «преобразовать местный молитвенный дом в

¹² ГАКК. Ф. 573. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Отклики Кавказа. Армавир, 1914. № 109.

¹³ Архив муниципально-унитарного предприятия Бюро технической инвентаризации города Армавира. Именные фонды. Квартал № 122. Д. 2449. Л. 2–3об.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2388.

¹⁵ Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 948.

¹⁶ Кавказский край. Армавир, 1909. № 24.

¹⁷ Там же. № 51.

¹⁸ Отклики Кавказа. Армавир, 1912. № 56.

¹⁹ Там же. № 224.

костёл и учредить официально приход»²⁰. Имела ли данная инициатива конкретное продолжение и результаты, неизвестно. Возможно, с появлением в армавирской католической церкви собственного причта её статус действительно был изменён. В источниках рассматриваемого периода храм в подавляющем большинстве случаев называется костёлом.

К сожалению, судьба ксёндза Романа Смолинского оказалась трагичной. Современники отмечали, что «с самого приезда в Армавир он завоевал себе симпатию бедняков, не только католиков, но и русских. При всех своих ограниченных средствах помогал всем без исключения». Однако среди прихожан у него нашлось немало недоброжелателей, старавшихся очернить священника перед обществом, распуская оскорбительные для его сана слухи. Суть данного конфликта сегодня установить трудно, если вообще возможно, но, несомненно, что всё это очень тяготило ксёндза. В итоге 26 апреля 1913 г. Роман Смолинский, взяв с собой револьвер, незамеченным ушёл из дома. Оказавшись на Кубани, он выстрелил себе в рот и упал в реку...²¹ Впрочем, армавирские католики недолго оставались без пастыря. По данным за 1914 г., в костёле служил ксёндз Николай Фатерес, а в 1916 г. – Игнатий Лабановский²², которого в 1918 г. сменил ксёндз Иосиф Янелюнас из Ковенской епархии.

13 апреля 1914 г. на площади возле костёла на Шереметьевской улице после торжественного богослужения состоялась закладка кирпичного здания, предназначенного для приходского училища, библиотеки армавирского римско-католического общества пособия бедным (общество было создано в 1912 г.) и квартир для священника и учителя. Строительство осуществлялось на средства прихода и стоило ок. 6000 р²³. Эти работы были завершены уже в 1916 г., и у местных католиков появилась собственная начальная церковная школа и библиотека.

Подавляющее большинство прихожан храма составляли поляки. Среди местных католиков были также чехи, литовцы, небольшие группы немцев и армян. Костёл являлся главным духовным центром армавирской польской колонии. Здесь отмечались не только религиозные католические праздники, но и совершались богослужения в честь важнейших событий в жизни России. Поляки были подданными империи и связывали надежды на своё благополучие со стабильностью и процветанием всего государства, о чём и возносили молитвы к Богу.

21 февраля 1913 г. в армавирской католической церкви при большом стечении прихожан ксёндзом Смолинским было совершено торжественное богослужение в ознаменование 300-летнего юбилея царствующего Дома Романовых²⁴. После начала Первой мировой войны летом 1914 г. во всех храмах Армавира верующие на разных языках молились о даровании победы над врагом своему общему Отечеству – России. В частности, в местной прессе сообщалось: «10 августа в армавирском римско-католическом костёле состоялось торжественное

²⁰ Отклики Кавказа. Армавир, 1912. № 249.

²¹ Там же. 1913. № 95.

²² Там же. 1914. № 138; 1916. № 77.

²³ Там же. 1914. № 84, 109.

²⁴ Там же. 1913. № 44.

молебствие о даровании русскому воинству победы над врагом и здравии обожаемого Государя Императора. Костёл был украшен флагами и гирляндами из зелени и ягод. Перед началом молебствия, находящаяся в костёле музыка исполнила гимн. По окончании молебствия был совершён вокруг костёла крестный ход, а по окончании его, находящимся в ограде костёла оркестром вторично исполнен гимн, покрытый возгласами “ура!”»²⁵. 15 марта 1915 г. торжественным богослужением в армавирском костёле было отмечено взятие российскими войсками сильной австрийской крепости Перемышль²⁶.

Естественно, что местные поляки внимательно следили за событиями своей национальной жизни и культуры. В 1916 г. армавирская община достойно почтила память выдающегося польского писателя Генрика Сенкевича. Городской репортёр так описал эту церемонию: «16 ноября в 11 часов утра костёл не вмещал той многочисленной и разнообразной толпы, которая пришла на молитву о недавно скончавшемся польском писателе Генрихе Сенкевиче, признанном не только нашим отечественным, но и интернациональным писателем. Звучит богатый аккорд басов фисгармонии, тонко переливается звуковая линия прекрасной скрипки, эхом откликается бархатная виолончель. Музыка Грига. Молитвы. Шопен. Посреди церкви в серебряном большом венке, среди зелени, – портрет писателя...»²⁷.

После окончательного установления в Армавире советской власти судьба местного костёла была похожа на судьбы тысяч других храмов разных конфессий нашей страны. В 1923 г. из церковной библиотеки власти изъяли светскую литературу, о чём в духе того времени журналист бодро рапортовал: «При осмотре библиотеки Римско-Католического костёла было обнаружено, что ксёндзы в свободное время не прочь подзаняться вместо молитвы чтением светских книг. Все такие книги (беллетристика) в количестве 850 штук, как не отвечающие сану поповскому, изъяты из библиотеки и направлены в политпросвет. Кладу науки не место в затхлом подвале дурмана!»²⁸. Богослужения в костёле проводились до конца 1920-х гг., а затем здание церкви было отобрано у верующих и передано городскому отделу народного образования. После перепланировки здесь на протяжении нескольких десятилетий действовали различные средние учебные заведения.

Каким-то чудом здания костёла и находящегося рядом во дворе приходского училища и библиотеки уцелели до начала 1990-х гг. Корпус католического храма обветшал и в значительной степени утратил свой первоначальный облик. В последние годы здесь размещался филиал средней школы № 10. В бывшем католическом училище работали кружки юных техников и картингистов. Уже почти никто из армавирцев не помнил о том, что малоприметное школьное помещение по ул. Энгельса № 25 когда-то являлось костёлом. Ничего не сохранилось и от католического кладбища, на месте которого по ул. Шоссейной сегодня располагаются гаражи автохозяйства муниципального предприятия «Благоустройство города».

²⁵ Отклики Кавказа. Армавир, 1914. № 179.

²⁶ Там же. 1915. № 61.

²⁷ Там же. 1916. № 257.

²⁸ Трудовой путь. Армавир, 1923. № 129.

К 1990 г. из помещений бывшего костёла и приходского училища классы и кружки были выведены. Несколько лет церковные постройки стояли пустые и без всякого надзора медленно разрушались. На данном участке городские власти запланировали возведение корпуса налоговой инспекции Армавира. В официальном письме из управления архитектуры администрации города на имя председателя комитета по охране историко-архитектурных ценностей О.П. Куликовой и директора армавирского краеведческого музея О.Н. Мельниковой от 16.11.1992 г. заместитель начальника управления А.В. Волков сообщил: «постановлением главы администрации земельный участок по ул. Энгельса, 25 отведён налоговой инспекции по г. Армавиру для строительства административного здания. Архитектурно-планировочным заданием оговорен вопрос сохранения существующего здания бывшего римско-каголического костёла. В настоящее время ведётся проектирование».

Строительство долго не начиналось. Местные жители воспользовались этим обстоятельством и, буквально за несколько дней, в сентябре 1993 г. разобрали здания храма и училища на кирпичи. От историко-культурного памятника осталась только груда строительного мусора. Сразу же после этого рабочие приступили к возведению корпуса налоговой инспекции. Но в итоге указанное учреждение было открыто не здесь, а в другом районе города. На месте бывшего костёла в наши дни стоит офисное здание, на первом этаже которого действует маленькая православная церковь во имя Св. Георгия Победоносца.

До Октябрьской революции 1917 г. в составе местной польской общины преобладали чиновники, офицеры, представители интеллигенции – учителя, врачи, юристы, инженеры. В местном производстве поляки большой роли не играли. Пожалуй, единственной заметной сферой их профессиональной ориентации было аптекарское дело. В 1910-е гг. в числе владельцев и приказчиков аптек в источниках упоминаются поляки: М.В. Букровский, В.Ф. Снежевский, В.Ф. Габрилевич, М.А. Норман, М.Ф. Лютостанский, бр. Онгирские и др. Предпринимательской деятельностью в этот период в Армавире также занимались: И.А. Рудковский – владелец крупнейшего местного питомника плодовых и декоративных растений и магазина цветов; А. Шварцкопф и А. Паленцкий – хозяева модного парикмахерского салона; Я.Ф. Заляя и А.Ф. Левандовский – торговцы обувью; В.И. Конкель – совладелец (вместе с В.К. Вильде и Г.Б. Челидзе) стекольного завода; Б.Н. Голашевский – обувной мастер; К.М. Пстроконский – инженер, содержавший строительную контору по продаже разнообразного технического оборудования и устройству водопроводов, электростанций, центрального отопления и т.п.

О наличии в досоветском Армавире польской общины косвенно свидетельствует её своеобразный «след» в местной микротопонимике. Так, в 1914–1915 гг. здесь имелись: «1-я Варшавская корсетная мастерская», «Универсальный магазин обуви фабричного склада из Варшавы», обувная «Варшавская мастерская», а также гостиничные номера «Варшава»²⁹. К сожалению, объективное представление об участии поляков в торгово-промышленной, общественно-политической и культурной

²⁹ АООА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 51; Отклики Кавказа. Армавир, 1914. № 7, 270; Там же. 1915. № 25.

жизни досоветского Армавира получить очень сложно, поскольку в источниках того периода этническая принадлежность представителей местного сообщества указывалась крайне редко. Выводы же, полученные на основе анализа имён, весьма ненадежны, так как одни и те же имена и фамилии часто встречались у разных народов.

В конце XIX – начале XX в. Армавир имел очень тесные и интенсивные экономические связи с крупнейшими городами Царства Польского. Одними из важнейших рынков экспорта продукции местных маслособойных и мукомольных предприятий являлись Лодзь и Варшава. Производившиеся на лодзинских фабриках ткани доставлялись на оптовые мануфактурные склады селения, откуда затем расходились по всему Кавказу. Справедливости ради стоит отметить, что эти торговые операции с польской стороны в основном проводились «лицами иудейского вероисповедания», выступавшими в качестве коммивояжёров и посредников³⁰.

Накануне Октябрьской революции из трёх работавших в Армави́ре нотариусов двое (А.П. Мазарек и Ю.П. Пержинский) были поляками. Юлиан Петрович Пержинский, открывший в селении нотариальную контору в 1911 г., являлся, несомненно, самым титулованным представителем местной польской общины. Он родился в 1844 г. в г. Вышеграде Плоцкой губернии. Происходил из дворянского сословия. По окончании курса наук в «Варшавской Главной Школе по юридическому факультету, со степенью магистра права и администрации» в 1869 г. был назначен судебным аппликантом при Варшавском гражданском трибунале. После этого Ю.П. Пержинский на протяжении ряда лет служил в различных судебных учреждениях Царства Польского и Черниговской губернии. В 1906 г. занял высокую должность товарища председателя Екатеринодарского окружного суда, исполняя её до своей добровольной отставки в декабре 1910 г. К моменту увольнения с государственной службы Ю.П. Пержинский имел чин действительного статского советника (по Табели о рангах он соответствовал званию генерал-майора в армии) и годовое жалованье в 4200 р. Был награждён орденами Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени и серебряной медалью на ленте Александра Невского в память царствования императора Александра III³¹. Ю.П. Пержинский имел дочь и трёх сыновей.

В отличие от Ю.П. Пержинского, другой армавирский нотариус – Адам Петрович Мазарек происходил из мещан и никакого чина не имел, однако он являлся одним из лидеров и активным деятелем местной польской общины. А.П. Мазарек родился в 1858 г. и после окончания Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии со степенью магистра богословия в 1890 г. стал работать помощником секретаря Елисаветпольского окружного суда. Прослужив 7 лет в судебных учреждениях Елисаветпольской губернии, в 1897 г. он получил должность судебного следователя 3-го участка Багаллашинского отдела Кубанской области. 21 мая 1902 г. был назначен нотариусом с. Армавир. За всю свою карьеру А.П. Мазарек был награждён только серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования императора Александра III³².

³⁰ Отчёт о деятельности Биржевого комитета Армавирской биржи за 1911 год. Армавир, 1912. С. 39.

³¹ ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 1044. Л. 15, 27–28.

³² Там же. Д. 847. Л. 1–4об.

Оказавшись в Армавире, А.П. Мазарек вошёл в состав самых деятельных местных общественных организаций: Общества попечения о детях и Общества пособия бедным, материально участвовал в ряде благотворительных мероприятий. Он и его супруга – Теодозия Антоновна старались помочь в решении насущных нужд поляков Армавира. Они были в числе инициаторов строительства в селении католического храма и неустанно заботились о его нуждах. А.П. Мазарек имел двух дочерей, и у его жены были две дочери от первого брака. Все дети проживали вместе с родителями.

22 октября 1905 г. квартира и нотариальная контора А.П. Мазарека, располагавшиеся в доме бр. Рудневых на углу Николаевского проспекта и ул. Почтовой (ныне это дом на углу ул. Кирова, 51 и Ленина, 105) были разгромлены черносотенной толпой³³. Сам нотариус и члены его семейства в последний момент успели незамеченными уйти через чёрный ход. Следует отметить, что погромная акция в тот период в Армавире не имела национальной окраски, гнев монархистов был направлен, прежде всего, против демократической интеллигенции, которую обвиняли в участии в революционном движении. И хотя в толпе громил раздавались антипольские выкрики, А.П. Мазарек оказался в проскрипционном списке вместе с другими представителями армавирской общественности вне зависимости от своей этнической принадлежности. Свою роль в этом печальном происшествии сыграло и то обстоятельство, что нотариус являлся довольно состоятельным человеком. В том же году семья Мазарек вернулась в свой дом. Квартира и нотариальная контора были восстановлены.

В апреле 1912 г. в селении учреждается Римско-католическое общество пособия бедным, целью которого провозглашалось «доставление средств и улучшение материального и нравственного состояния бедных христианского вероисповедания, живущих в Армавире, без различия нации, пола, возраста и звания»³⁴. Это благотворительное объединение появилось во многом благодаря хлопотам супругов Мазарек, которые в декабре того же года были избраны в правление общества, куда также вошли М.Е. и В.М. Эдельштейн, Е.Д. Закржевская и инженер Садовский³⁵. После преобразования в 1914 г. Армавира в город Адам Петрович избирается гласным первой городской думы³⁶.

Когда началась Первая мировая война основной заботой А.П. Мазарека и его жены стала помощь прибывавшим в Армавир беженцам-полякам. В ноябре 1915 г. в Армавире начинает действовать отделение Петроградского комитета Польского общества вспомоществования жертвам войны³⁷. Это общество, которое возглавила Теодозия Антоновна Мазарек, оказывало посильную помощь беженцам из западных губерний, собирая для этого денежные средства, продукты, одежду, подыскивая для них работу и кров. По сообщению газеты «Отклики Кавказа» от 10 ноября 1916 г., на попечении Польского комитета в Армавире находилось 683 чел.

³³ Отклики Кавказа. Армавир, 1911. № 208.

³⁴ Там же. 1912. № 234.

³⁵ Там же. № 282.

³⁶ Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 164.

³⁷ Отклики Кавказа. Армавир, 1915. № 248.

В апреле 1916 г. усилиями этой благотворительной организации в городе открываются приют-ясли и школа для детей поляков-беженцев. В газетном репортаже об этом событии сообщалось: «Скромное торжество открылось детским пением польской молитвы “Боже Ойче”. Затем местный римско-католический священник о. Игнатий Лабановский произнёс, обратившись к детям, глубоко прочувствованное слово... После молебна и освящения школы и яслей выступил с краткой, но яркой речью член правления местного отдела А.П. Мазарек... После речи А.П. Мазарека дети пропели “Боже, Царя храни” и польский гимн “Боже, Цось Польскэ”. Затем выступили дети, прочитавшие с большим воодушевлением и умением русские и польские стихотворения... Здесь, как и вообще во всём обучении и воспитании детей следует приписать главную заслугу учительницам В.И. Суделик и Я.К. Завадской, сумевшим в короткий срок блестяще подготовить детей... Представитель печати М.Ф. Дороневич, сделав беглое сравнение двух домов, так называемого периода Грибоедовской Москвы – дома Марии Ивановны Римской-Корсаковой... и дома семьи Мазарек в Армавире, отражающего собою быт и лицо польской армавирской колонии, – сказал, что разница между этими домами та, что салон Марии Ивановны – был домом аристократической Москвы, а дом семьи Мазарек – армавирской демократической Польши. Дом А.П. Мазарека, разрушенный погромами 1905 г. – как бы идейно возрождается в лице открываемого приюта и председательница общества Т.А. Мазарек приобретает новую большую семью родных сердцу детей-беженцев... Училище, открытое благодаря трудам местного комитета, имеет 52 учащихся, в яслях же находится кроме того – 68 детей. Преподавание в училище ведётся на польском языке. Во главе местного отдела Петроградского общества помощи жертвам войны состоят: Т.А. Мазарек (председательница), о. Игнатий Лабановский (вице-председ.), члены правления: гг. Е. Закржевская, Е. Гано, А. Буковская, Э. Гржибовский, М. Буковский, А.П. Мазарек, А.Ф. Свидзинский, М.Ф. Лютостанский, С. Маньковский и С.М. Голошевский»³⁸.

Судя по данному материалу, ясли и приют могли располагаться там же, где проживала семья Мазарек, однако в телефонном справочнике 1917 г. указано, что Польский комитет находился на углу Николаевского проспекта и ул. Бульварной (ныне угол ул. Кирова и Люксембург)³⁹. Таким образом, вопрос о местонахождении данного благотворительного общества остаётся пока открытым.

После Октябрьской революции 1917 г. и кровавых событий гражданской войны сведения о большинстве заметных представителей армавирской польской общины обрываются. К сожалению, ничего неизвестно и о членах семейства Мазарек. Вместе с тем, не будет преувеличением сказать, что большинство поляков Армавира в советский период активно участвовали в строительстве нового общества и в полной мере разделили все моменты судьбы государства в трагическом и героическом XX в.

³⁸ Отклики Кавказа. Армавир, 1916. № 77.

³⁹ Список абонентов Армавирской правительственной телефонной сети. 1917 год. Ставрополь, 1917. Пар. 2. С. 23.

О.В. МАТВЕЕВ
г. Краснодар

ПОЛЯКИ В РЯДАХ КУБАНСКОГО НОТАРИАТА*

В пореформенный период на Кубани заметной становится профессиональная активность представителей польской интеллигенции. Поляки селились преимущественно в городах и крупных станицах, работали врачами, архитекторами, юристами¹. Последние были представлены и в кубанском нотариате.

Профессиональные нотариусы в России появились лишь после того, как 14 апреля 1866 г. император Александр II утвердил временное Положение о нотариальной части. С этого времени лицом, специально наделённым властью совершать и свидетельствовать нотариальные акты в Российской Империи, стал нотариус². Нотариусы состояли при соответствующих окружных судах. До распространения на Кубанскую область Положения о нотариальной части свидетельствование доверенностей, совершение купчих крепостей и другие акты в крае совершал «крепостных дел надсмотрщик» Войскового правления Кубанского войска³.

1 января 1871 г. на торжественном открытии Екатеринодарского окружного суда «исправляющие должности нотариусов по г. Екатеринодару М.Я. Платонов и по г. Ейску С.С. Липинский приняли присягу, установленную судебными уставами 1864 года»⁴. 26 января 1871 г. было обнародовано Высочайшее повеление о введении в Кубанской и Терской областях и в Черноморском округе судебных уставов 1864 г. и Положения о нотариальной части 1866 г.

Подлинным нотариальным актом считалась запись в актовой книге. По истечении одного года со дня совершения последней записи в книге, она должна была поступать в нотариальный архив, который был образован при Екатеринодарском окружном суде. Нотариусы, хотя и числились на государственной службе, ни жалованья, ни пенсии от государства не получали. Перед зачислением на должность они должны были вносить денежный залог, который обеспечивал имущественную ответственность нотариуса за его ошибки в нотариальной деятельности. Все акты и засвидетельствования нотариус составлял в своей конторе, в которой обязан был находиться не менее шести часов, установленных окружным судом. По Положению о нотариальной части при совершении каждого нотариального действия должны

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, исследовательский проект № 07-01-38102 а/Ю.

¹ Селіцкий А.И. Поляки-дворяне на Кубани во второй половине XIX – начале XX в. // Дворяне Юга России на службе Отечеству. Краснодар, 2004. С. 38.

² Верасова Р.И. Нотариат в России. М., 2005. С. 14.

³ ГАКК. Ф. 500. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁴ Там же. Ф. 482. Оп. 1. Д. 36. Л. 10б.

были непременно присутствовать два свидетеля, а при составлении купчих на недвижимое имущество их требовалось обязательно три. Составляя нотариальный акт, нотариус должен был удостовериться в личностях обратившихся к нему, выяснить их волю и способности к совершению акта, предложить сторонам уплатить вознаграждение по таксе, а также сбор в доход города, внести проект в актовую книгу, подписать его одновременно со сторонами и свидетелями и выдать выписку из актовой книги.

Нам не удалось обнаружить послужного списка первого ейского нотариуса С.С. Липинского, но фамилия, имя и отчество позволяют предположить, что он был поляком. Сохранилось несколько актов, оформленных ейским нотариусом С.С. Липинским. Так, 8 июня 1871 г. он доносил старшему нотариусу Екатеринодарского окружного суда: «На основании 80 ст. полож. о нотар. части имею честь донести Вашему Высокоородию, что мною совершён 22 мая сего 1871 года акт о продаже Ейским Мещанином Ларионом Анисимовым Швецовым Ейскому же мещанину Степану Григорьеву Штагепу части дворового места, мерою в длину по Ремесленной улице 4 1/2 сж. и в ширину во внутри квартала 12 1/4 сж., состоящего во 2 части 31 квартала города Ейска, на углу Ремесленной и Степановской улиц под № 51, за двадцать один руб. серебром»⁵. Контора «неимеющего чина» Степана Станиславовича Липинского находилась «во 2-й части города Ейска, на Нахичеванской улице в доме Дзюбенко»⁶.

Служебные обязанности нотариусов были многочисленны и сложны. И за нарушения их, даже единичные, они привлекались к ответственности. Ответственность нотариусов за злоупотребления и упущения, в том числе имевшие характер проступков, регулировалась «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.⁷ Уложение о наказаниях предусматривало три вида упущений – нарушений нотариусами своих обязанностей:

- совершение по неосмотрительности акта от имени лиц, не имеющих по закону права на участие в нём;
- участие нотариуса в противозаконной продаже имущества;
- совершение акта без удостоверения тождества и точной воли лица, или удостоверения по небрежности, невниманию нотариуса на данных, которые не могут служить доказательством чьей-либо самоличности.

К злоупотреблениям полномочиями, за которыми наступала уголовная ответственность, относились совершение, свидетельствование, утверждение подложных сделок, сознательное и по злому умыслу совершение нотариусом акта без узаконенного числа свидетелей, сокрытие нотариусом существующего на имущество законного запрещения отчуждения, сокрытие факта отсутствия у стороны права на совершение нотариального акта, совершение заведомо от чьего-либо имени подложных крепостей, совершение актов задним числом, сокрытие, истребление или заведомая порча книги актов.

⁵ ГАКК. Ф. 500. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Вергасова Р.И. Указ. соч. С. 16.

Несмотря на то, что многие проблемы нотариата решались с трудом, местные власти практически во всех своих решениях, касающихся нотариального дела, высоко ставили деятельность нотариусов. Общественные деятели начала XX в. отмечали в своих публикациях, что нотариат в России пользуется большим доверием и расположением общества⁸. Почёт в обществе российские нотариусы создавали своими нравственными качествами, честным выполнением своих обязанностей, возложенных на них государством. До революции сложились своеобразный нравственный кодекс и профессиональная этика нотариусов, все нарушения которых сразу же оказывались на виду и жёстко пресекались.

Так, в сентябре 1903 г. Екатеринодарский окружной суд слушал дело о несовместимых со служебным достоинством действиях А.П. Мазарека. Мазарек «по назначению его на эту должность дозволил себе весьма широко рекламировать об открытии им нотариальной конторы, не брезгуя помещением объявлений даже в магазинах, на вокзале, парикмахерских и т.д.». Незадолго до этого Председатель Екатеринодарского окружного суда получил следующее письмо: «Милостивый Государь! Едуци из своего имени Кутаисской губернии, мне пришлось выходить на станции Невинномысская и Армавир и первое, что мне бросилось в глаза, – это плакаты, вывешенные в каждом из этих вокзалов, какого-то нотариуса Мазарек, открывшего около года тому назад нотариальную контору в Армавири. Вернувшись в вагон, я завёл разговор с пассажиром, вновь севшим из Армавира и оказавшимся местным крупным кушцом Тер-Ованесовым; от этого кушца я узнал, что этот Мазарек – поляк, при помощи всей польской колонии и в особенности при помощи своей жены и целой плеяды наёмных уличных маклеров зазывают клиентов, ходят по всем торговлям, просят обращаться в контору Мазарека, обещая почти даровую работу и вдобавок, ещё лучше сделать, чем в другой конторе. Узнал я также, что Мазарек развесил плакаты в Почтовой конторе, в казначействе, по всем Армавирским гостиницам, кабакам и т.п., по всем улицам расклеены объявления и непрерывно афишируется в Армавирском листке объявлений.

Неужели в Армавири не бывают члены Екатеринодарского окружного суда? Есть же в Армавири свои представители суда – следователи, прокуроры, и такая неприличная, постыдная реклама для судебного ведомства систематически продолжается около года.

Считая своим долгом довести до Вашего сведения, может к Вам это и не достигло, да и наверно, иначе, конечно, Вы бы давно пресекли бы эту мерзость. Пишу Вам, как своему коллеге, и надеюсь, что не замедлите и распорядитесь и уймёте фантазию расходившегося пана по поводу мерзко-пакостной рекламы. Член 2-го отделения СПб окр. суда Д. Гельшерт»⁹.

Автор письма поднял очень важную и актуальную и поныне проблему профессиональной этики нотариуса. Вскоре о действиях Мазарека написала и ростовская газета «Приазовский край». В заголовке говорилось: «Станция Армавир. Зал I и II классов. На станции

⁸ Вергасова Р.И. Указ соч. С. 20.

⁹ ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

объявление, напечатанное крупными буквами и маленькое на картонке. Реклама фабрики велосипедов, общества “Граммофон” или условия выгодного страхования в обществе “Россия”? О нет... эти объявления проникли в отдалённые углы Северного Кавказа и им никто не изумляется. Пред нами другое. Редкое, исключительное объявление, редкое даже для нашего исключительного края... Оно гласит об открытии новой нотариальной конторы. Некий А.П. Мазарек извещает, что на такой-то улице, в таком-то доме, с такого-то числа предлагаются услуги по засвидетельствованию и т.д. ... Но этого мало... Всюду – в парикмахерских, магазинах, гостиницах, всюду, где предполагаются клиенты, нуждающиеся в засвидетельствовании, укреплении различных прав и вообще в совершении разного рода юридических актов, красуется объявление о новой конторе... Характерно, что армавирцы ничего предосудительного в рекламировании вновь открытой нотариальной конторы не видят и даже с восхищением взирают на нового нотариуса, который, плюнув на этику, за образец взял Генриха Блока или страховое общество “Россия”. Наш армавирский корреспондент сообщает ещё о том, что нотариус, приехав в Армавир, делал визиты всем местным капиталистам, и что все свои объявления он рассылат на почтовые станции и в ближайшие станичные правления... Мы не можем не верить нашему корреспонденту. Мы верим и должны признать, что оповещение *urbi etorbi* о новой нотариальной конторе – явление исключительное... даже для ультра-торгового Армавира¹⁰. Говоря об «исключительности» поведения армавирского нотариуса, автор заметки привёл подобные факты и по центру области – Екатеринодару: «Припоминаю при этом случай из недавнего прошлого. В Екатеринодаре на одной из центральных улиц, у нотариальной конторы стояли скамейки, где обыкновенно располагались клиенты. Не так давно скамейки эти были убраны. Оказалось, что на этих скамейках стали устраиваться особые нотариальные маклеры. Эти господа занимались исключительно тем, что они ежедневно, до открытия нотариальных контор, подвергали беспощадному критическому разбору деятельность, нравы и даже интимные привычки местных нотариусов, а затем, постепенно переходили к рекламированию одного из них... Конечно, от таких криков зазывания до печатания объявлений – один только шаг... Но вряд ли все эти шаги приведут к поддержанию престижа корпорации нотариусов, у которых, кажется, имеется своя профессиональная этика»¹¹.

Суд постановил, что действия Мазарека «несомненно заслуживают порицания, как реклама, несовместимая с достоинством должностного лица»¹².

Не имеющий чина Адам Петрович Мазарек родился 12 декабря 1858 г., вероисповедание имел римско-католическое. По окончании полного курса наук в Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии со степенью магистра богословия в 1890 г. поступил на службу помощником секретаря в Елисаветпольский окружной суд. Затем заведовал следственным участком, был помощником мирового

¹⁰ Каднин С. Станция Армавир // Приазовский край. 1903. № 143.

¹¹ Там же.

¹² ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 178. Л. 10об.

судьи, награждён серебряной медалью на Александровской ленте в память царствования императора Александра III¹³. 21 мая 1902 г. его назначают нотариусом селения Армавир¹⁴.

Вследствие социально-экономического развития края, увеличения объёма товарно-денежных отношений потребность в нотариусах росла. В газете «Кубанский край» сообщалось о положении нотариата в Армавире: «Коммерческих сделок такая масса, что два нотариуса не успевают вовремя исполнять работу. Нотариусы Гольденберг и Мазарек зарабатывают до 80 тысяч в год каждый, но зато задерживают протестованные вексели на две недели, как это говорили мне на бирже... Для Армавира кроме третьего нотариуса, необходим ещё нотариус так называемый – биржевой, специально для коммерческих сделок, как это водится во всех крупных торговых центрах»¹⁵.

В 1910 г. нотариусом станции Баталпашинской значится Л.А. Гаерский¹⁶. Леопольд Антонович Гаерский родился 26 сентября 1864 г. в пос. Бодзентин Келецкой губернии. Происходил из потомственных дворян Келецкой губернии, вероисповедание имел римско-католическое. Окончил Императорский Санкт-Петербургский университет с дипломом 2-й степени, затем служил судебным следователем 3-го участка г. Екатеринодара. К 1910 г. он имел чин коллежского советника, был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени и серебряной медалью в память царствования императора Александра III. 19 июня 1910 г. он открыл в станции Баталпашинской контору в доме вдовы податного инспектора Варвары Маковской¹⁷. Затем нотариальная контора Гаерского была переведена в дом вдовы войскового старшины Надежды Михайловны Косякиной. Но в 1911 г. Л.А. Гаерский был переведён на должность нотариуса г. Бердянска округа Таганрогского окружного суда¹⁸.

В 1912 г. нотариусом в Армавире становится Ю.П. Пержинский¹⁹. Юлиан Петрович Пержинский родился 20 декабря 1844 г. в г. Вышеграде, вероисповедание имел римско-католическое, происходил из польских дворян Плоцкой губернии. Он окончил Варшавскую реальную гимназию и юридический факультет Варшавской Главной Школы. Затем служил на разных судебных должностях в польских губерниях, а 27 ноября 1906 г. был назначен товарищем председателя Екатеринодарского окружного суда. В декабре 1910 г. «уволен от службы, согласно прошению с мундиром должности присвоенном». К этому времени Ю.П. Пержинский был действительным статским советником, имел ордена Св. Станислава 2-й и 3-й степеней, Св. Анны 2-й степени,

¹³ ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 847. Л. 30б.

¹⁴ Объективности ради, следует отметить, что деятельность Адама Петровича Мазарека в Армавире не ограничивалась только профессиональной сферой, но также включала колоссальную общественную работу в сфере просвещения и благотворительности. Немаловажную роль в этом играла и его супруга Теодозия Антоновна, в годы Первой мировой войны возглавлявшая армавирское отделение Польского общества вспомоществования жертвам войны. Более подробно об этом см. статью С.Н. Ктиторова «Польская диаспора досовещанского Армавира» в данном сборнике. (Прим. научн. ред.).

¹⁵ В финансовом мире // Кубанский край. 1910. № 246.

¹⁶ Кубанский календарь на 1911 год. Екатеринодар, 1911. С. 158.

¹⁷ ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 292. Л. 345.

¹⁸ Там же. Л. 356.

¹⁹ Кубанский календарь на 1912 год. Екатеринодар, 1912. С. 162.

Св. Владимира 4-й степени и серебряную медаль Александра Невского на ленте в память царствования императора Александра III²⁰.

В 1914 г. нотариусом в г. Екатеринодаре стал Алексей Иванович Бельский²¹, а в 1915 г. – Александр Николаевич Бельский. В формулярном списке последнего говорится, что статский советник А.Н. Бельский, родившийся 17 октября 1858 г., происходил из мещан города Полтавы. По окончании юридического факультета Императорского Харьковского университета служил в армии, а затем следователем и товарищем прокурора Екатеринодарского окружного суда. Был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени и медалью в память царствования императора Александра III²².

Начавшаяся Первая мировая война не могла не повлиять на положение нотариата на Кубани. В это время в нотариусах хут. Тихорецкого значится Юлиан Дионисьевич Вроблевский²³. В одном из дел, касающихся нотариальной конторы хут. Тихорецкого, говорилось: «Начиная с момента войны и в особенности с начала 1915 года в провинциальных нотариальных конторах, в частности у него (нотариуса хут. Тихорецкого Вроблевского. – О.М.), совершенно нет крупных сделок, как можно убедиться из годовой ведомости за 1915 год; из 2400 номеров – 1100 номеров занято протестом векселей, каждый номер оплачивается 50-ю копейками, 12 номеров заняты духовными завещаниями, а остальные засвидетельствованием копий и подписей; за полтора года не было ни одного крепостного акта, которые только и оплачиваются хорошо»²⁴.

Дореволюционные нотариусы-поляки внесли весомый вклад в становление правовой системы Кубани, в большинстве своём честно и добросовестно выполняли возложенные на них государством непростые обязанности. Их скромный и незаметный, на первый взгляд, труд явился поистине делом государственной важности, требующим глубокого знания законодательства, профессионального мастерства, опыта, человечности. Благодаря их деятельности нам и сегодня есть что почерпнуть из наследия нотариата в структуре дореволюционного Екатеринодарского окружного суда.

²⁰ ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 1044. Л. 18об.

²¹ Кубанский календарь на 1914 год. Екатеринодар, 1914. С. 164.

²² ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 70. Л. 283об.

²³ Кубанский календарь на 1914 год... С. 165.

²⁴ ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 565. Л. 3об.

М.В. ГРИГОРАШВИЛИ-БУРАКОВСКАЯ
г. Владикавказ

ПОЛЯКИ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Появление первых поляков в Северной Осетии предположительно связано с католическими миссиями. Так, уже в XIII–XIV вв. сюда прибывают францисканцы, среди которых могли быть и представители польского народа. Постоянная католическая община складывается в районах, прилегающих к Владикавказу¹, уже к концу XVIII в. С 1820 г. во Владикавказской крепости несли пастырское служение священники-францисканцы (в 1828 г. в документах упомянут священник А. Шиманский)².

После подавления восстания декабристов 1825 г. его репрессированных участников стали ссылать и на Кавказ («тёплую Сибирь»), в том числе во Владикавказ и Моздок. Среди сосланных были и члены польских обществ, связанных с декабристскими организациями. Одним из первых был сослан в Моздокский гарнизон член Южного общества подпоручик Александр Вадковский, имевший польское происхождение. Всего через несколько лет на Кавказ потянулись участники Ноябрьского восстания. В 1831 г. в состав Отдельного Кавказского корпуса было включено 1865 бывших повстанцев, а в течение следующих десяти лет число рекрутов с территорий бывшей Речи Посполитой превысило на Кавказе 21 тыс. чел.

Владикавказ наилучшим образом соответствовал месту ссылки. Военное поселение, вокруг которого происходили волнения горских народов, и жизнь здесь не казалась ни лёгкой, ни безопасной. В 1852 г., когда население Владикавказа составляло 3653 чел., поляков среди них насчитывалось 153 (4,2 %), в том числе был один католический священник.

Следующую волну поляков на Кавказе представляли ссыльные участники Январского восстания 1863 г. Большинству из них удалось избежать губительных сибирских острогов, а из более «мягких» мест ссылки их призвали на 25-летнюю воинскую службу, которую пришлось проходить именно на Кавказе. Во Владикавказе до сих пор живут потомки участников Январского восстания, которые после участия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. решили навсегда остаться в этом тёплом и благодатном крае. Польские ссыльные, как наиболее

¹ Владикавказ был основан в 1784 г. как русская крепость, в 1863–1921 гг. – центр Терской области, в 1921–1924 гг. – столица Горской АССР, центр Северо-Осетинской АО (1924–1936 гг.) и Ингушской АО (1924–1934 гг.) в составе Северо-Кавказского края. С 1936 г. – столица Северной Осетии. В 1931–1944, 1954–1990 гг. назывался Орджоникидзе, в 1944–1954 гг. – Дзауджикау. (Прим. научн. ред.).

² Козлов С. Владикавказ // Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. 1. С. 1031.

просвещённая и культурная прослойка городского сообщества, оказали огромное влияние на развитие культуры и образования, основывая гимназию, лицей и открывая публичную библиотеку.

Судьбы польских повстанцев были связаны также с Терским казачьим войском. В 1838 г. близ Владикавказа была основана казачья станица Архонская. Интересно, что станица, основателями которой были казаки малороссийского происхождения, получившие земельные наделы за активное участие в подавлении Польского восстания, приняла в последующие годы польские семьи. Многие ссыльные поляки, после безупречной десятилетней воинской службы, воспользовались правом перехода в казачье сословие. Это давало возможность завести собственное хозяйство и переселить сюда свою семью. Таким образом, казачья станица Архонская приняла бывших бунтовщиков-поляков. Гораздо позже, уже в советское время сюда переселялись жители Западной Украины, присоединённой к СССР в 1939 г. До сих пор в станице живут: Гнилицкие, Закшевские, Золотовские, Носалевские, Чернуцкие, Шиманские. Это их предки в XIX в. стали казаками и получили здесь землю. Неудивительно, что в местном казачьем фольклорном ансамбле, которым руководят Золотовская и Чернуцкий, охотно танцуют обереки и краковяки, да трогательно поют польские народные песни.

С течением времени Владикавказская крепость стала превращаться в город. Городские права Владикавказ получил в 1860 г., а с 1863 г. он стал административным центром Терской области. В этот период (1867 г.) общая численность населения составляла 23 766 чел., из них поляков – 1106 чел. (4,7 %).

Поляки, как правило, неохотно переселялись во внутренние российские губернии. Однако под влиянием различных государственных реформ, среди которых была идея заселения Северного Кавказа населением преимущественно христианского вероисповедания, поляки вместе с чехами, немцами и армянами начали стекаться сюда «за хлебом и землёй». Следующие массовые переселения поляков на Кавказ проходили уже в результате двух мировых войн.

Кавказ охотно принимал различных польских специалистов: врачей, учителей, инженеров, чиновников, предпринимателей и купцов. Множество поляков было трудоустроено на стройке и эксплуатации Владикавказской железной дороги. Сохранились свидетельства о частном учебном заведении Виталии Ломницкой – «начальной школе для детей женского пола», которую в 1869 г. вела пани Липинская, о книжном магазине с библиотекой пани Елены Червинской, о фотографическом заведении пана Леонтия Рогозинского (1889 г.), об акушерской клинике пани Елены Войцеховской (1896 г.). До сегодняшнего дня во Владикавказе существует необычный топоним – название парка «Сапицкая будка», происходящее от фамилии садовника, который занял эту должность ещё в феврале 1871 г.

Во Владикавказе сложилось настоящее польское сообщество. Поляки сплочённо жили в центре города – преимущественно в так называемом «польском квартале» на улице Польской и владели полутора тысячами дворов. Важным местом для всей Полонии являлся

римско-католический храм Вознесения Господня, строительство которого было начато в 1864 г. на средства прихожан. Первым его настоятелем был о. Каменский. Постройка кирпичного костёла в неоготическом стиле была окончена в 1891 г. В 1913 г. храм осветил епископ Иосиф Кесслер. Рядом с костёлом располагалась Польская приходская школа, каменные причтовые здания и католическое кладбище. В 1917 г. приход насчитывал 1551 верующего³.

Здание костёла было частично разрушено в 1930-х гг., а его последний и бессменный с 1911 г. настоятель о. Антоний Червинский (1881–1938) был арестован в 1936 г. и, после двух лет заключения, расстрелян⁴. Органист костёла и личный секретарь настоятеля Валериан Станиславович Обухович (1906–1971) был сослан в лагерь⁵. До настоящего времени сохранился первый этаж римско-католического храма. Сейчас в нём размещается Комитет по делам радио. Время пошадило здания Польской приходской школы (в настоящее время здесь располагается «Гамид-банк») и гостиницы-приюта для временно приезжающих во Владикавказ католических священников.

Любопытна история этой гостиницы, возведённой в 1916 г. До Первой мировой войны успели построить только первый этаж, где и размещался приют. Финансовые трудности не сопутствовали строительству, и о. Антоний Червинский решил передать это здание своему другу, известному осетинскому врачу Лаврентию Борисовичу Газданову для размещения на его втором этаже глазной клиники. В письме, долгие годы хранящемся в семье Газдановых и доставшемся внуку Л.Б. Газданова – Таймуразу Сергеевичу Газданову, говорится: «В благодарность за моральную поддержку дарим доктору Газданову для постройки его клиники принадлежащее нам здание»⁶. Строительство было успешно завершено. На первом этаже разместилась гостиница, а на втором заработала глазная клиника. В номерах гостиницы в разное время останавливались Велимир Хлебников, Михаил Булгаков, Марина Цветаева, Зураб Церетели, Микалоюс Чюрленис и др. В знак благодарности господин Газданов сделал дополнительную пристройку в готическом стиле и предложил полякам разместить в ней Польский культурный клуб им. Адама Мицкевича, просуществовавший до 1933 г.

Лаврентий Газданов был глазным хирургом европейского класса, выдающимся интеллектуалом, обладавшим безупречными манерами. Он дружил с поляками (в частности с доктором Г.Н. Вербицким, более известным под псевдонимом «Антиох»), был увлечён польской культурой и восхищался творчеством Мицкевича, а «Пана Тадеуша» декламировал по памяти. Газданов выучил польский язык в сорокалетнем возрасте. Случилось это в значительной мере благодаря Вере Николаевне

³ Козлов С. Владикавказ... С. 1031.

⁴ Более подробно об этом выдающемся человеке см.: Чаплицкий Б., Осипова И. Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. М., 2000. С. 185–186.

⁵ В 1948 г. В.С. Обухович был освобождён, остался на спецпоселении в Коми АССР, работая бухгалтером в вагонном депо. С 1958 г. он поселился в Грозном, где и жил до конца своих дней, сохранив глубокую веру. См.: Чаплицкий Б., Осипова И. Указ. соч. С. 691–692.

⁶ Цит. по: Гибзובה З. Дом Польский: нам 5 лет! // Польская газета – Алания. Издание национально-культурной общественной организации Союз Поляков Северной Осетии «Дом Польский». 2005. № 1(1). С. 1.

(Дике Налыковне) Абациевой-Газдановой (1876–1940/1941) – матери известного писателя Гайто (Георгия Ивановича) Газданова (1903–1971), который был племянником и крёстным сыном Л.Б. Газданова. Вера Николаевна содержала в Санкт-Петербурге частный литературно-музыкальный салон и была большой поклонницей творчества Фридерика Шопена, а также блестящей исполнительницей его произведений. В.Н. Абациева-Газданова говорила: «Это величайшее недоразумение, что классическая опера родилась не на базе польского языка, а итальянского». Она охотно принимала в своём салоне поляков, среди которых был блестящий литератор и журналист Збигнев Сташевский. Прекрасная польская речь Сташевского настолько восхитила Лаврентия Газданова, что он принялся за изучение польского языка. Изучение начал с книг, а затем воспользовался помощью своих друзей-поляков. В 1918 г. во время пребывания в Варшаве, куда он был приглашён на врачебный консилиум, Лаврентий Газданов в кабаре «У пикадора» познакомился с молодым польским поэтом Юлианом Тувимом, которому и Осетия, и дом Газданова уже были хорошо знакомы по рассказам его приятеля, художника и композитора М. Чюрлёниса. В течение ряда лет в семье Газданова переводили на осетинский язык самые последние стихи Тувима, присылаемые автором по почте. Поэтому иногда стихи Тувима декламировались по-осетински на Кавказе раньше, чем печатались по-польски. Любопытно, что Л.Б. Газданов даже подготовил цикл лекций на польском языке «Быт и нравы горцев Северного Кавказа»⁷.

После бурных лет Первой мировой войны, революций и Гражданской войны поляки стали массово покидать Кавказ, направляясь в возрождённую Речь Посполитую. Судьбы тех, кто остался, были нелёгкими, и даже трагическими. Те, кто не сумел приспособиться к новым социалистическим реалиям, расстаться с польским духом и католической верой, подверглись репрессиям. Выжившие, при любом удобном случае, меняли в официальных записях национальную и классовую принадлежность, имена и фамилии. Если даже не для себя, то, хотя бы, для детей и внуков. В начале 1930-х гг. перестали действовать Клуб им. Мицкевича и Польская школа. Исчез римско-католический приход.

В результате миграционных процессов, вызванных Второй мировой войной и её последствиями, а также государственной национальной и кадровой политикой, в городе Орджоникидзе поселились, в частности: Адамовичи, Вандровские, Вонсленские, Дзядковские, Каменские, Клоссовские, Колодзейчики, Крассовские, Крентовские, Кузьминские, Поплавские, Радовские, Стефановские, Шиманские, Ясинские. Согласно переписи 1979 г. в городе проживало 228 поляков. В те времена поляки открытым репрессиям уже не подвергались, но никто не хотел рисковать, афишируя свой польский дух публично. Все, в общем-то, знали, что лучший кондитер в городе – Крентовский, что учится музыке лучше всего у Целины Цезаревны Грейм, а очень способный футболист, это – Яновский, но старались избегать каких-либо ассоциаций с их национальным происхождением.

⁷ Гибизова З. Указ. соч. С. 1.

Постепенное возрождение польского духа пришлось на 1960–1970-е гг. В этот период кое-кому удалось не только найти своих родственников в Польше, но и побывать в гостях друг у друга, не привлекая особого внимания властей. Наконец, в 1990 г. ксёндз Бронислав Чаплицкий со страниц городской газеты обратился к жителям Владикавказа с предложением возродить римско-католический приход. Первой откликнулась пани Фелиция Гречко (умерла 7 марта 2004 г.), которая и предоставила свой дом для проведения богослужений. Позднее богослужения по латинскому обряду стали проходить в армянской церкви. Владикавказский римско-католический приход был зарегистрирован в 1993 г. В настоящее время верующие (ок. 100 чел.) располагают собственным молитвенным домом в центре города. К сожалению, приход долгое время оставался без собственного причта, и Владикавказ посещал ксёндз из другого города. Наконец эта проблема нашла своё решение, и настоятелем прихода стал ксёндз из Польши о. Януш Бляут.

В ноябре 2000 г. по инициативе пана Александра Ляшевского и пана Виталия Пинуса во Владикавказе было образовано Польское национально-культурное объединение «Дом Польский». Его члены впервые собрались вместе в костёле по случаю Рождества Христова. Таким образом, ещё раз явственно проявилась значительная роль костёла в объединении поляков. Начали с изучения польского языка, возрождения национальных традиций, с генеалогических разысканий. В настоящее время члены «Дома Польского» под руководством инструкторов, прошедших обучение в Жешове и Люблине, разучивают польские народные песни и танцы. Ведутся исследования деятельности поляков на Кавказе. В настоящее время одной из важнейших задач «Дома Польского» является установление мемориальных досок на зданиях бывших Польской школы, Польского клуба им. Адама Мицкевича и римско-католического костёла.

О.П. БРИДНЯ
г. Краснодар

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА МОРДМИЛЛОВИЧ НА КУБАНИ

В последнее время большое внимание уделяется изучению истории русско-польских отношений на территории Юга России. Исследователи, рассматривая различные аспекты экономического, политического, религиозного и культурного развития польского населения Северного Кавказа, пришли к единому выводу о значительном вкладе представителей этой этнической группы в становление культурной жизни нашего региона.

Судьба рода Мордмиллович – яркое свидетельство процесса адаптации поляков на территории Северного Кавказа с 30-х гг. XIX в. Выходец из дворян Витебской губернии Яков Александрович Мордмиллович родился 3 ноября 1839 г. в г. Темир-Хан-Шуре (с 1922 г. – г. Буйнакск). Родители, о которых мы не имеем никаких сведений, крестили его в Римско-католической церкви. Я.А. Мордмиллович прошёл полный курс обучения в школе Кавказских межевиков, после окончания которой, был произведён в коллежские регистраторы и с 21 июля 1856 г. зачислен старшим помощником землемера в межевое ведомство на Кавказе. В 1862 г. Якова Александровича перевели в ведение Закавказской межевой палаты, а затем – в Тифлисскую губернскую строительную комиссию на должность городского землемера. Через два года он написал заявление об увольнении со службы. Затем, с 20 января 1865 г. Я.А. Мордмиллович был принят в Бакинское губернское правление участковым следователем и назначен судебным заседателем в Ленкорань. После преобразований административных учреждений Закавказского края, в 1868 г. Якова Александровича назначили помощником Ленкоранского уездного начальника, а через год – Кубинского мирового судьи.

С 5 января 1873 г. Я.А. Мордмилловича перевели на должность судебного следователя 2-го участка Майкопского уезда Кубанской области¹. В марте 1875 г. он был перемещён на ту же должность в Ейский уезд. С 11 февраля 1876 г. Яков Александрович служил в г. Екатеринодаре. В 1878 г. его назначили членом Екатеринодарского окружного суда с повышением жалования. 18 ноября 1905 г. Я.А. Мордмиллович стал товарищем председателя Екатеринодарского окружного суда. За трудные годы службы он получил большое количество различных орденов и знаков отличия: Св. Владимира 3-й² и 4-й степеней, Св. Анны

¹ ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 774. Л. 14об.

² КОВ. 1902. 8 января.

2-й степени, Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й степеней, персидский Льва и Солнца 4-й степени, знак отличия беспорочной службы, серебряную медаль в память царствования Александра III и др.

21 сентября 1910 г. Яков Александрович написал заявление об увольнении со службы, в котором сообщал: «...ныне, в виду преклонных моих лет и расстроенного, особенно в последние два года, здоровья, к глубокому моему прискорбию, не могу нести возложенных на меня обязанностей по должности товарища председателя». Мордмиллович просил начальство рассмотреть вопрос о назначении ему усиленной пенсии, так как прослужил на государственной службе 54 года³. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 2 ноября 1910 г. Я.А. Мордмиллович был уволен в отставку «с мундиром, должности присвоенном»⁴. К тому времени Яков Александрович дослужился до чина действительного статского советника.

Однако в дореволюционной литературе встречается другая версия отставки Якова Александровича. Мордмиллович начал свою службу в судебном ведомстве в 1860-е гг., когда были выработаны основные начала нового судоустройства и судопроизводства. Он глубоко проникся идеей независимости суда и сохранил ей верность до последних дней своей карьеры и жизни. Именно принципы судейской независимости и чувство личного достоинства послужили главной причиной его отставки в 1910 г. Тогда в министерстве юстиции проводилась работа против самостоятельности суда и велась открытая борьба с либерально настроенными чинами ведомства. Очень рьяно проводилась политика «чистки» судебных ведомств от инородцев. Так, председатель Екатеринодарского окружного суда Н.Н. Лагода завоевал себе всероссийскую известность как раз в решении вопроса избавления от «засорения» местных судов представителями других конфессий. Именно во время визита И.Г. Щегловитова (руководил министерством юстиции в 1906–1915 гг.) в Екатеринодар Мордмилловичу было высказано предложение об увольнении⁵.

Я.А. Мордмиллович не оставался без внимания к общественно-политической и культурной жизни нашего края. 19 ноября 1905 г. он выступил на общем собрании местного отделения Конституционно-демократической партии, на котором был избран товарищем председателя областного комитета.

Яков Александрович являлся членом правления Екатеринодарского мужского благотворительного общества (1884 г.)⁶ и членом ревизионной комиссии Екатеринодарского благотворительного общества (1894 г.)⁷, работал в Кубанском экономическом обществе (1894–1902 гг.) и ОЛИКО⁸. Его неоднократно избирали председателем попечительного совета Екатеринодарской городской женской гимназии⁹.

³ ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 774. Л. 208.

⁴ Там же. Л. 180б.

⁵ Кубанская мысль. 1916. 4 февраля.

⁶ ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 185. Л. 190б.

⁷ КОВ. 1894. 27 апреля.

⁸ Отчёт Кубанского экономического общества за 1894 год. Екатеринодар, 1895. С. 38; КОВ. 1902. 29 января.

⁹ ГАКК. Ф. 495. Оп. 1. Д. 565. Л. 48.

Я. Мордмиллович много сделал для создания и существования Римско-католического общества пособия бедным в г. Екатеринодаре. В сентябре 1904 г. юрист и учредитель Мордмиллович работал над составлением и правкой проекта устава этого общества¹⁰. В следующие три года Яков Александрович являлся членом правления Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным и почётным блюстителем местной приходской школы. 11 мая 1908 г. на общем собрании его единогласно избрали председателем совета общества¹¹.

Яков Александрович также посвятил себя литературной и научной деятельности. Он написал несколько докладов, с которыми выступал на заседаниях действовавшего с 1902 г. Екатеринодарского юридического общества (главным образом по вопросу о правовой инструкции кубанского землевладения).

Бывший товарищ председателя окружного суда и бывший гласный Екатеринодарской городской думы (избирался на несколько четырёхлетий) в последние годы своей жизни тяжело болел, поэтому и отошёл от общественной работы. Семидесятисемилетний Яков Александрович умер 20 января 1916 г. от паралича сердца¹². 22 января после проведения панихиды в костёле (ул. Графская, 14) священником Брониславом Намиоткевичем его похоронили на Екатеринодарском городском кладбище¹³.

В местной прессе был опубликован некролог о незаурядной личности поляка. «Не будучи юристом по образованию, Яков Александрович обладал огромным судебным опытом, а глубокое уважение к науке побудило его самостоятельно ознакомиться с рядом юридических дисциплин, так что и в области теоретических вопросов права покойный не уступал многим профессиональным юристам. Мнение его, которое он до последних дней своей судебной деятельности умел горячо отстаивать, всегда встречало заслуженное внимание со стороны его товарищей по суду»¹⁴.

На протяжении всего периода зрелой жизни Яков Александрович был обеспечен надёжной опорой и поддержкой в лице своей супруги – Розалии Ивановны Ленуар. Дочь французского дворянина, принявшего русское подданство, появилась на свет в г. Шемахе Бакинской губернии (к сожалению, не удалось установить точные даты рождения и смерти жены Мордмилловича). Любопытно, что таинство бракосочетания католика Якова и лютеранки Розалии проходило по обряду Православной церкви. В наследство Розалия Ивановна получила дачу в Киеве (по ул. Крутой университетский спуск) и дом в Екатеринодаре. В родовое имение на Украину семейство приезжало ежегодно.

В семье Мордмиллович увидели свет три дочери (Эмма-Розалия, Мария-Луиза и Юлия-Ванда-Виктория) и пять сыновей (Адольф, Адольф-Генрих-Александр, Яков-Александр, Константин и Григорий). Первый и последний сыновья Мордмиллович умерли в детском возрасте, о чём сохранились записи в костельных книгах¹⁵. Старшая дочь – Эмма (родилась 19 марта 1868 г.) получила образование в

¹⁰ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 3809. Л. 4.

¹¹ Там же. Д. 3940. Л. 77об.; Д. 6157. Л. 9; Д. 4027. Л. 92, 94.

¹² Кубанская мысль. 1916. 21 января.

¹³ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 329. Л. 35.

¹⁴ Кубанская мысль. 1916. 4 февраля.

¹⁵ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 120, 329.

Кубанском Мариинском училище, которое успешно окончила в 1884 г.¹⁶ В журналах по русскому и французскому языкам за 1879/80 учебный год напротив фамилии ученицы II класса проставлены отличные годовые оценки – по 9 баллов¹⁷.

Удалось установить, что Мария Яковлевна Мордмиллович, родившаяся 17 ноября 1872 г. в г. Шуша и крещённая в г. Екатеринодаре 11 июля 1873 г. патором Фердинандом Сенкевичем, в августе 1893 г. обвенчалась с учителем математики и физики Екатеринодарской городской мужской гимназии Семёном Ивановичем Борчевским (для него это был второй брак после смерти первой жены и сына). 2 октября 1894 г. у четы Борчевских родилась дочь Валентина, а затем 12 июня 1896 г. – сын Юрий¹⁸. С.И. Борчевский был поверенным со стороны невесты на венчании сестры Марии – Юлии.

Юлия-Ванда-Виктория появилась на свет 19 июня 1878 г. и была крещена в Екатеринодаре 7 апреля 1879 г. ксёндзом Иосифом Канумовым. 6 ноября 1905 г. в Александро-Невском соборе Юлия Яковлевна вступила в брак с секретарём Екатеринодарского окружного суда, уроженцем станицы Челбасской Стефаном (Степаном) Василием Маглиновским, родившимся 2 августа 1876 г.¹⁹ Своих детей в семье Маглиновских не было. В 1910 г. они взяли на воспитание подкидыша Наталию, трёх с половиной лет²⁰. Имеется несколько фрагментарных сведений о судьбе Ю.Я. Маглиновской в годы Первой мировой войны: в 1916 г. её избрали членом правления женского клуба²¹, в этом же году умер её супруг. Затем, в 1919–1920 гг. она работала машинисткой (стенографисткой) в Кубанской Законодательной Раде²². Умерла Юлия Яковлевна в Краснодаре в 1964 г.

Сохранились отрывочные сведения о Якове-Александр, родившемся 30 августа 1880 г., и Константине, родившемся 20 февраля 1883 г., крещённых в Екатеринодарском римско-католическом костёле и числившихся в 1897 г. учащимися Екатеринодарской городской гимназии²³. Вопрос о дальнейшей их судьбе остаётся открытым.

Второй сын Я.А. Мордмилловича Адольф-Генрих-Александр, родившийся 13 марта 1876 г. в станице Уманской и крещённый в Екатеринодарском костёле 16 ноября того же года, пошёл по стопам отца. После окончания в 1902 г. юридического факультета Императорского Киевского университета Св. Владимира он поступил на службу в Екатеринодарский окружной суд младшим кандидатом на судебные должности. 28 апреля 1905 г. определением общественного собрания отделений окружного суда Г.Я. Мордмилловича командировали в помощь к мировому судье Сочинского участка с правом самостоятельного производства следственных и мировых дел. В 1905–1910 гг. он заведовал различными следственными участками в Баталпашинском и Майкопском отделах Кубанской области. С июня 1911 г. Генрих Яковлевич заведовал 4-м следственным участком г. Екатеринодара²⁴.

¹⁶ *Калмытан С.И.* Пятидесятилетие Кубанского Мариинского женского института 1863 – 25.X.1913 г. Екатеринодар, 1913. С. 85.

¹⁷ ГАКК. Ф. 469. Оп. 1. Д. 44. Л. 40, 72.

¹⁸ Там же. Д. 434. Л. 75.

¹⁹ Там же. Ф. 482. Оп. 2. Д. 810. Л. 126об.; Ф. 801. Оп. 1. Д. 141. Л. 134об. – 135.

²⁰ Там же. Ф. 482. Оп. 1. Д. 810.

²¹ Листок войны. 1916. 2 декабря.

²² ГАКК. Ф. Р-1542. Оп. 1. Д. 54. Л. 3–4.

²³ Там же. Ф. 482. Оп. 2. Д. 774. Л. 170.

²⁴ Там же. Д. 860. Л. 1-7.

В 1916 и январе 1917 г. Г.Я. Мордмиллович исполнял обязанности судебного следователя по важнейшим делам в Екатеринодарском окружном суде, а с марта 1917 г. – являлся членом президиума местного гражданского комитета²⁵. Приказом Кубанского краевого правительства по ведомству юстиции от 22 января 1919 г. Г.Я. Мордмиллович был назначен на должность судебного следователя по важнейшим делам.

22 августа 1901 г. Адольф-Генрих-Александр сочетался браком по обряду Евангелическо-лютеранской церкви с девицей Адельгейд-Елизабет Пост (она же – Адельгейда Андреасовна), родившейся 5 октября 1877 г. в мешанской семье в г. Юрьеве Лифляндской губернии. Они воспитали трёх сыновей: Эриха-Якова (Эрика-Якоба), родившегося 12 марта 1903 г., Генриха-Адольфа, родившегося 7 июля 1907 г., и Роберта-Герберта, родившегося 8 февраля 1909 г. Любопытно, что Адельгейда Андреасовна и все её сыновья придерживались евангелическо-лютеранского вероисповедания, в то время как отец семейства сохранил верность Римско-католической церкви. Семья Г.Я. Мордмилловича проживала в г. Екатеринодаре в собственном доме на ул. Пospолитаканской, 39 (по оценке 1916 г. стоимостью в 19 020 р.)²⁶.

После смерти родителей Генриху перешли в наследство домовладения по ул. Бурсаковской, 12, дача в Железноводске и 1/5 части усадьбы в г. Киеве. В мае 1915 г. Генрих Яковлевич во время отпуска поехал на Украину для наблюдения за ремонтными работами в доставшемся ему по наследству от матери доме. Через два года он вновь отправился в поездку по домашним обязательствам – «для окончания ликвидации недвижимости в г. Киеве»²⁷. Затем осенью 1918 г. Г.Я. Мордмиллович серьёзно переболел гриппом. В силу пока неизвестных обстоятельств Генрих Мордмиллович уехал с Кубани и уже в 1930-х гг. жил в Москве, где работал юрисконсультом в Управлении электротехнической промышленности. По обвинению в контрреволюционной агитации он был арестован 4 ноября 1937 г., приговорён тройкой УНКВД по Московской области к высшей мере наказания 7 декабря 1937 г. и расстрелян 15 декабря 1937 г. в Бутове. Двадцать лет спустя – в сентябре 1957 г. он был реабилитирован²⁸.

Эрик Генрихович Мордмиллович был выдающимся художником-графиком. За афишу к фильму «Броненосец “Потёмкин”» он был удостоен первой премии на европейском конкурсе. В 1927 г. к десятилетию Октябрьской революции по эскизам Мордмилловича было украшено здание кинотеатра «Палас» в Краснодаре²⁹. С 1952 г. Эрик Мордмиллович как театральный художник стал работать в Калужском облдрамтеатре. Он умер в Калуге 25 ноября 1968 г. Эрик Генрихович остался в памяти калужан как автор многочисленных шаржей не только на артистов, но и на многих деятелей культуры и науки³⁰.

Изучение родословной только трёх поколений дворянского рода Мордмиллович позволило увидеть процесс взаимопроникновения культурных традиций русского и польского народов во второй половине XIX – начале XX в.

²⁵ ГАКК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 561, 585; Ф.Р-1260. Оп. 1. Д. 4.

²⁶ Там же. Ф. Р-1120. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Красное знамя. 1922. 5 марта.

²⁷ ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 860. Л. 196.

²⁸ Библиографический указатель «Книга памяти жертв политических репрессий в СССР». База данных 1 345 796 имён жертв репрессий: Казахстан, Россия, Узбекистан, Украина. Диск 1.

²⁹ Екатеринодар – Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 519.

³⁰ Краткая информация о калужском периоде жизни Эрика Мордмилловича содержится на сайте калужского журналиста-краеведа К.М. Афанасьева: <http://letopis20vek.narod.ru/Age/1968.htm>

О.А. ЛЕУСЯН
г. Краснодар

АЛЕКСАНДР АНТОНОВИЧ ЖУК (ПОПЫТКА ВОССОЗДАНИЯ БИОГРАФИИ ПОЧЁТНОГО ГРАЖДАНИНА Г. ЕКАТЕРИНОДАРА)

В 1860-е гг. в России возникает и постепенно развивается институт почётного гражданства городов. Вплоть до 1917 г. он являлся единственной возможностью для органов городского общественного управления выразить признательность людям, своими усилиями способствовавшим развитию города. Поэтому получение звания почётного гражданина являлось большой честью, решение о его присвоении принимала городская дума, далее оно в обязательном порядке утверждалось губернатором и министерством, в ведении которого находился город. Окончательно звание вступало в силу после Высочайшего одобрения. Особо следует заметить, что звание почётного гражданина города не давало никаких льгот и привилегий, в отличие от сословного звания потомственного или личного потомственного гражданина.

В настоящее время мы знаем имена шести почётных граждан г. Екатеринодара. Это два наказных атамана Кубанского казачьего войска и начальника Кубанской области – Н.Н. Кармалин и Я.Д. Малама, члены правления Владикавказской железной дороги Р.В. Штейнгель и А.А. Жук, попечитель Кавказского учебного округа К.П. Яновский, а также военный министр и активный участник подготовки крестьянской реформы 1861 г. Д.А. Милютин. Биография пятерых из них более или менее известна. А вот об Александре Антоновиче Жуке мы знаем крайне мало, хотя почти в самом центре города, близ насыпи железнодорожного виадука на ул. Вишняковой, и поныне стоит небольшой обелиск, поставленный в память о нём в 1893 г.

Большинству краснодарцев, интересующихся историей своего города, он известен по очеркам замечательного краснодарского краеведа В.П. Бардадыма¹. В них А.А. Жук предстаёт не только директором-распорядителем Владикавказской железной дороги, но и инженером-железнодорожником, под руководством которого сооружалась Новороссийская ветвь Владикавказской железной дороги (в том числе тоннели близ Новороссийска, дамба и виадук в Екатеринодаре). Ссылаясь на рассказы старожилов, В.П. Бардадым пишет о том, что Александр Антонович был очень добрым и чутким человеком, заботился о рабочих, которые платили ему уважением и любовью. Поэтому, когда

¹ Бардадым В.П. Этюды о Екатеринодаре. Краснодар, 1989; Он же. Почётный гражданин Екатеринодара // Замечательные кубанцы. Краснодар, 2002. С. 86–91.

в июле 1892 г. он умер в Екатеринодаре, рабочие собрали средства на установку упомянутого памятника. Автор очерков приводит и данные метрической книги Александро-Невского собора, в которой содержится запись о кончине Жука.

Эти сведения метрической книги², пожалуй, являются почти единственным документальным свидетельством о жизни этого человека, имеющимся в нашем распоряжении. Запись в книге гласит, что умер директор-распорядитель Владикавказской железной дороги, «отставной губернский секретарь» Александр Антонович Жук, римско-католического вероисповедания, 25 июля 1892 г. «от воспаления печени» в возрасте 51 года и похоронен на общем кладбище г. Екатеринодара. Несмотря на то что умерший был католиком и в городе имелся римско-католический костёл, отпелвался он в православном храме и православными священниками – протоиереем Михаилом Воскресенским, священниками Иоанном Кущём и Созонтом Мищенко. Более подробные сведения, обычно содержащиеся в подобных записях, – сословная принадлежность, город, губерния, к которым он был приписан, и т.п. – отсутствуют.

Многолетние попытки полностью восстановить биографию этого, несомненно, замечательного человека пока не увенчались успехом, но всё же дали некоторые результаты. Большую ценность в этом отношении представляют сведения вышедшего в 1870–1880-е гг. «Путеводителя по российским железным дорогам и пароходным сообщениям». Издавался он ежемесячно и в нём содержались сведения о составе руководящих органов всех железнодорожных обществ России, включая правителей дел. Последнее очень важно, так как впервые в составе руководящих органов общества Ростово-Владикавказской железной дороги А.А. Жук упоминается именно как правитель дел³. Одновременно он значится директором правления Новгородской узкоколейной железной дороги и правителем дел Новоторжской железной дороги. Причём в последнем качестве согласно сведениям путеводителя Александр Антонович служил ещё в 1873 г. (к которому и относятся первые по времени обнаруженные нами выпуски этого издания)⁴. В нескольких выпусках путеводителя имеются упоминания о том, что А.А. Жук – дворянин и в начале 1880-х гг. служил ещё и чиновником Морского министерства⁵. Риснём выдвинуть предположение, что по какому-то причинам ему понадобилось получить гражданский чин, чего можно было добиться только на государственной службе. Возможен и другой вариант – Морское министерство традиционно имело свои интересы в железнодорожном деле и могло пригласить А.А. Жука в качестве специалиста в этой области. Правда, в справочниках служащих Морского министерства за 1881 г. и 1882 г., которые удалось просмотреть, имени Александра Антоновича нет. Не удалось пока обнаружить подтверждения этому и в Российском государственном архиве Военно-морского флота, где в основном хранятся

² ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 36. Л. 293–294.

³ Путеводитель по российским железным дорогам и пароходным сообщениям. СПб., 1880. № 11.

⁴ Там же. 1873. № 12.

⁵ Путеводитель по российским железным дорогам и пароходным сообщениям. СПб., 1881. № 11, 12; 1882. № 10, 12; 1883. № 10 и др.

документы Морского министерства. А вот в «Путеводителях...» уже в 1883 г. относительно него появляются пояснения: «отставной губернский секретарь». К этому времени он уже являлся директором правления общества Ростово-Владикавказской железной дороги. Должность эту он занял скорее всего в начале осени 1882 г.

В том же 1882 г., по-видимому, произошло первое знакомство А.А. Жука с Кубанью. Благодаря «Кубанским областным ведомостям» мы узнаем, что он вместе с другими «сведущими лицами» принимал участие в работе межведомственной комиссии, созданной по решению правительства для выяснения «размеров производительности различных частей Кубанской области, движения, ожидаемого на проектируемой железной дороге, к Новороссийску и условиям, которым дорога эта должна удовлетворять в отношении потребностей страны». Задача комиссии, работавшей в Екатеринодаре, состояла в определении направления железной дороги, которой предстояло соединить будущий порт Новороссийск и главную магистраль РВЖД. В её состав входили представители министерств путей сообщения, финансов и госимуществ. А.А. Жук значился среди представителей местных интересов вместе с городским головой В.С. Климовым и секретарём Кубанского областного статистического комитета Е.Д. Фелицыным. Вместе с В.С. Климовым А.А. Жук отстаивал направление Тихорецкая–Екатеринодар–Новороссийск против предложения Е.Д. Фелицына и некоторых других вести линию от станицы Кавказской⁶. В итоге победила точка зрения А.А. Жука и В.С. Климова. Надо думать, в течение последующих двух лет вместе с учредителем и с 1883 г. председателем правления Ростово-Владикавказской железной дороги бароном Р.В. Штейнгелем А.А. Жук оказывал активную поддержку ходатайствам Екатеринодарской городской думы о проведении этой линии. Когда наконец-то был утвержден новый устав Общества РВЖД (теперь оно стало называться Обществом Владикавказской железной дороги), именно А.А. Жук телеграммой из Санкт-Петербурга сообщил об этом важнейшем в истории Кубани событии⁷. Телеграмма стала поводом для экстренного заседания городской думы «для выражения благодарности высшим правительственным лицам, принимавшим участие в осуществлении сооружения Новороссийской железной дороги...», в результате которого гласные решили присвоить А.А. Жуку и Р.В. Штейнгелю звание почётных граждан Екатеринодара. Высочайше это решение екатеринодарской думы был одобрено в начале 1886 г.⁸

Нужно отметить, что ход сооружения Новороссийской ветви Владикавказской железной дороги довольно подробно освещался в «Кубанских областных ведомостях». Но упоминаний о том, что А.А. Жук непосредственно руководил этим процессом как инженер, мы не встретили в данных ни за 1885 г., ни за 1886 г., ни за 1887 г., т.е. когда велось основное строительство. Зато в качестве такового постоянно фигурирует главный инженер по постройке ветви С.И. Комарницкий. Именно его имя называется в одной из заметок областной газеты, в которой рассказывается о постоянной заботе правления общества и

⁶ КОВ. 1883. № 1.

⁷ Там же. 1885. № 1.

⁸ ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 2025. Л. 213; Д. 2090.

главного инженера о быте и условиях труда рабочих⁹. Возможно, как раз здесь и кроются истоки рассказов старожилов о «гуманном инженере» Жуке, т.е. в их сознании в единый образ слился директор правления, по долгу службы бывавший на Кубани, и главный инженер, на самом деле руководивший строительством.

О том, что А.А. Жук не являлся строителем Новороссийской ветви Владикавказской железной дороги, говорят ещё некоторые сведения. Ранее уже приводились данные «Путеводителя по российским железным дорогам...», в которых наш герой фигурирует как правитель дел (должность, которую редко занимали действующие инженеры) и директор правления Ростово-Владикавказской (Владикавказской) и Новгородской железных дорог (в правление последней он входил как минимум до 1887 г.). Служба в качестве директора правления двух железных дорог, правления которых находились в Петербурге, наверняка требовала его частого присутствия в столице. Кроме того, документы правления дороги, связанные со строительством Новороссийской ветви и хранящиеся в РГИА, в основном подписаны А.А. Жуком в Петербурге. В «Адресной книге г. Санкт-Петербурга» 1892 г. указан и его адрес: пер. Ковенский, 4.

Имя Александра Антоновича не значится среди выпускников Петербургского института инженеров путей сообщения, не упоминается в связи со строительством дороги и в корпоративном издании Собрания инженеров путей сообщения («Известия Собрания...»). Между тем в последнем излагались подробности сооружения тоннелей на новороссийском участке дороги. Ни разу не упоминается о том, что А.А. Жук – инженер путей сообщения или хотя бы гражданский инженер и в упомянутых «Путеводителях», что постоянно делалось в отношении других членов правления Владикавказской железной дороги. А право руководить сооружением железных дорог имели только инженеры, причём гражданские инженеры (выпускники Технологического и подобных институтов) должны были дополнительно сдать соответствующие экзамены.

Несомненно, А.А. Жук в правлении Владикавказской железной дороги занимался экономическими вопросами. Об этом свидетельствует и его участие в комиссии по определению направления Новороссийской ветви, и единственная найденная нами его работа¹⁰ и то, что он являлся членом специальной комиссии, созданной в 1888 г. по решению очередного съезда представителей русских железных дорог для предварительного обсуждения выносимых на такие съезды вопросов и урегулирования возникающих между дорогами конфликтов¹¹. В 1892 г., когда начиналось экономическое обследование района Владикавказской дороги, Александр Антонович составил его подробную

⁹ КОВ. 1885. № 32.

¹⁰ Жук А.А., Соловейчик А.М. Особое мнение членов от общего съезда представителей русских железных дорог А. Соловейчика и А. Жука по поводу проекта правил о производстве при эксплуатации железных дорог расходов, не имеющих строго эксплуатационного характера. СПб., 1886.

¹¹ Исторический очерк разных отраслей железнодорожного дела и развития финансово-экономической стороны железнодорожного дела в России по 1897 г. включительно, составленный с Высочайшего соизволения по распоряжению министра путей сообщения М.И. Хилкова / Под ред. В.М. Верховского. СПб., 1901. Пар. III. С. 25.

программу и должен был осуществлять руководство ходом исследований, для проведения которых правление дороги пригласило известного российского статистика Ф.А. Щербину¹². Неожиданная смерть А.А. Жука в Екатеринодаре 25 июля 1892 г. (на обелиске ошибочно стоит дата 28 июля), не позволила ему осуществить эту задачу.

Теперь о происхождении А.А. Жука. К сожалению, здесь мы можем опираться только на некоторые догадки. В частности, в одном из фондов Министерства путей сообщения, хранящихся в РГИА, нами обнаружено личное дело Карла Антоновича Жука (брата А.А. Жука? – О.Л.), родившегося в 1848 г.¹³ В деле имеется выписка из метрической крестной книги Радусского костёла с печатью Гомлянского (Гомельского? – О.Л.) костёла, в которой названы родители Карла Антоновича: «благородные» (т.е. шляхетского происхождения) Антон и Анна «с Порголевичов» Жуки. Упоминается в деле и брат Карла Антоновича Иван. В то же время К.А. Жук на момент составления формулярного списка уже значится мещанином г. Гомеля, а об А.А. Жуке нам известно, что он был дворянином.

Таким образом, мы можем проследить жизненный путь почётного гражданина г. Екатеринодара Александра Антоновича Жука, начиная с 1873 г. Предстоит ещё очень долгая и кропотливая работа по восстановлению его полной биографии, выяснению мест его рождения и пребывания в течение первых тридцати лет жизни. Необходимо обращение в архивы Республики Беларусь и дальнейшая работа в центральных архивах России (что осложняется временным закрытием РГИА и РГА ВМФ); возможно, какие-либо сведения относительно его деятельности на Новоторжской и Новгородской железной дорогах хранятся в архивах Твери и Новгорода.

¹² Предисловие Правления Общества Владикавказской железной дороги // *Щербина Ф.А.* Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. СПб., 1892. Вып. 1: Северный район Владикавказской железной дороги. С. VIII.

¹³ РГИА. Ф. 229. Оп. 18. Д. 3148.

В.И. ШКУРО
г. Краснодар

ГЕНЕРАЛ ОТ АРТИЛЛЕРИИ В.А. ЯЦКЕВИЧ - КУБАНСКИЙ КАЗАК

В романтические времена казачества, когда казацкие общины располагались вне признанных границ Московского, а затем Российского государства, пополнение общин, будь то Запорожская, Донская, Яицкая и т.д. происходило просто: приходил человек, какое-то время жил или сражался с басурманами вместе со старожилыми и, если такой образ жизни его устраивал, он объявлял о своём намерении остаться. Его официально принимали в казаки, давали новую фамилию (прозвище) и записывали в один из куреней или в одну из станиц.

С вхождением же казачьих земель в состав Российской Империи, казаком можно было стать только с разрешения вышестоящего начальства: для рядовых казаков – приказом Кавказского наместника, позже приказом наказного атамана, для офицеров – только Высочайшим приказом, причём, соответствующие прошения дожидались очереди по многу лет. Так произошло и с будущим генералом от артиллерии Владимиром Авксентьевичем Яцкевичем.

Родился он 15 ноября 1839 г. в семье Авксентия Сильвёстровича и Екатерины Григорьевны Яцкевичей в городе Полоцке, где его отец служил в Полоцкой Духовной консистории. Польско-литовский род Яцкевичей герба Гоздава подтвердил дворянское достоинство в Российской Империи и Указом Правительствующего Сената от 19 ноября 1818 г. за № 3502 был внесён в VI часть родословной книги Витебской губернии¹.

16 июня 1850 г. В.А. Яцкевич поступил в Полоцкий кадетский корпус, а через пять лет, 26 июля 1855 г., перевёлся в Константиновское артиллерийское военное училище².

Был разгар Крымской войны, когда вся Россия восхищалась подвигами матроса Кошки и кубанских пластунов во время обороны Севастополя. Видимо тогда у Владимира Яцкевича возникло желание стать казаком. Но до этого надо было дождаться совершеннолетия, добросовестно постигать военную науку, а потом написать убедительное прошение на имя императора. Возможен и другой вариант: кто-то из предков был запорожским казаком и в семье сохранялась память об этом. Разгадку может дать его прошение, но оно пока не найдено.

¹ *Попова-Яцкевич Е.Г.* Польская шляхта в России: род Яцкевичей герба Гоздава // *Поляки в России: XVII–XX вв.: Матер. Межд. науч. конф. / Науч. ред. и сост. А.И. Селицкий. Краснодар, 2003. С. 88.*

² ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 336. Л. 11; *Шкуро В.И.* Имена Кубанских дворян на стенах Георгиевского зала Московского Кремля // *Из истории дворянских родов Кубани. Краснодар, 2000. С. 57–58.*

О том факте, что в военном училище Владимир Авксентьевич не «бил баклуши», свидетельствует его послужной список: 30 марта 1857 г. он из юнкеров рядового состава производится в унтер-офицеры, а вскоре и в фельдфебели.

30 июня 1858 г. по окончании курса наук в училище, он произведён из фельдфебелей в прапорщики гвардии, но назначение получил не в гвардейскую артиллерию, а в распоряжение наказного атамана Черноморского казачьего войска, в связи с чем, тем же приказом был произведён в сотники, перешагнув первый офицерский чин хорунжего в казачьих войсках.

Отгуляв положенный 28-дневный отпуск в доме родителей, он навсегда покинул родные места и отправился в Екатеринодар, который стал для него и родным домом, и местом последнего упокоения. 1 октября 1858 г. он прибыл в 4-ю батарею Черноморской конно-артиллерийской бригады.

Боевое крещение В.А. Яцкевич получил в период последнего акта Кавказской войны – замирения Западного Кавказа. Дело в том, что эта территория вошла в состав России по Адрианопольскому миру 2 сентября 1829 г., но за тридцать лет так и не вжилась в единую ткань государства. После Крымской войны началось усмирение черкесских племён и поселение их аулами попеременно с казачьими станицами. Именно накануне этих событий В.А. Яцкевич и прибыл на Кавказ.

За отличие в бою с неприятелем 14 апреля 1861 г. он был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Произошло это уже 19 апреля того же года, а 26 июля 1862 г. Яцкевич произведён в есаулы. С 1 по 12 октября 1862 г. он принял участие в совместных действиях пшихеского и даховского отрядов под личным командованием наказного атамана Кубанского казачьего войска и командующего войсками Кубанской области графа Н.И. Евдокимова. 17 июля 1864 г. после окончания Кавказской войны он был награждён орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Граф Евдокимов высоко оценил храбрость, знание дела и распорядительность молодого артиллерийского офицера и в неполные 24 года назначил его командиром 4-й Кубанской казачьей батареи. А вот Высочайшее утверждение в должности произошло только через два года, 19 июня 1866 г. К этому моменту В.А. Яцкевич был награждён ещё одним боевым орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами (3 декабря 1865 г.).

В мирное время жизнь шла своим чередом. 20 января 1867 г. В.А. Яцкевич был произведён в чин войскового старшины, 31 августа 1870 г. – подполковника. 30 августа 1873 г. он был награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с императорской короной. Как сказали бы сейчас, он «по совместительству» 28 мая 1874 г. был назначен начальником Ладожской войсковой больницы, а 8 октября 1876 г. – Усть-Лабинского войскового госпиталя.

С 21 марта 1875 г. В.А. Яцкевич был одним из активных членов Совещательного комитета под председательством начальника штаба Кубанского казачьего войска, который готовил предложения по реформе военной службы в Кубанском казачьем войске. Это было связано с переводом кадровых частей на охрану границ России в Закавказье (против Турции и Персии).

Звёздным часом Владимира Авксентьевича стала Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Тогда 2-й Кубанский конный полк, 7-й Кубанский пластунский батальон и две гвардейские кубанские сотни Собственного Его Императорского Величества конвоя сражались на Балканах за свободу Болгарии, Румынии, Сербии и Черногории. Основная же часть кубанских частей была отправлена на азиатский театр военных действий, где изначально успехи русских войск не впечатляли. Этому было простое объяснение. По итогам Крымской войны 1854–1856 гг. Россия лишилась не только Черноморского флота, но были скрыты и все прибрежные черноморские укрепления. И война здесь началась с того, что турецкая эскадра стала бомбардировать прибрежные поселения и высаживать десанты, заняв таким образом всё восточное побережье вплоть до Адлера.

Накануне этой войны В.А. Яцкевич 26 февраля 1877 г. был произведён в полковники. При освобождении черноморского побережья новоиспечённый полковник со своей 4-й батареей вошёл в состав Ингурского отряда. Надо думать, что воевал Владимир Авксентьевич лично, так как вошёл в число тех немногих офицеров Кавказской армии, получивших по две статутные награды или награды храбрых³.

«В приказе по Иррегулярным войскам от 14-го минувшего января № 3 объявлено, что Государь Император по Всеподданнейшему докладу ходатайств моих, Всемилостивейше соизволил в 27-й день декабря 1877 года утвердить сделанное мною назначение наград чинам Иррегулярного войска за отличия, оказанные в делах против турок 2-го и 15-го июня 1877 года:

Командиру 4-й батареи конно-артиллерийской бригады Кубанского казачьего войска, полковнику Владимиру Яцкевичу – Золотая пашка с надписью “За храбрость”»⁴.

27 августа 1878 г. в приказе по Кавказской армии и Кавказскому военному округу объявлено: «Государь Император, по Всеподданнейшему докладу ходатайства моего и согласно удостоверения Кавалерской думы ордена Св. Георгия, в 23-й день мая Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Св. Георгия 4-й степени командиру 4-й батареи конно-артиллерийской бригады Кубанского казачьего войска полковнику Яцкевичу за подвиги, оказанные в делах с турецким десантом и возмущившимися абхазами 13 и 15 июня, 10 июля, 18 и 19 августа 1877 года в Сухумском отделе...»⁵.

В ту войну он был награждён ещё двумя боевыми наградами: орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом и орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

Боевые отличия в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. имели и дальнейшие последствия. Высочайшим приказом 24 марта 1879 г. В.А. Яцкевич был назначен командиром конно-артиллерийской бригады Кубанского казачьего войска⁶, а 7 ноября того же года записан навечно в списки 4-й Кубанской казачьей батареи. А вот в кубанские

³ Список (по старшинству чинов) генералам, штаб- и обер-офицерам Кубанского казачьего войска. 1907 г. Екатеринодар, 1908. С. 7.

⁴ Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1877 г. // ГАКК. Библиотека. Инв. № 8314.

⁵ Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1878 г. // ГАКК. Библиотека. Инв. № 1598.

⁶ Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1879 г. // ГАКК. Библиотека. Инв. № 8074.

казаки он был зачислен только 27 апреля 1895 г. по станице Усть-Лабинской, с предоставлением звания почётного старика этой станицы⁷.

В период командования Владимиром Авксентьевичем конно-артиллерийской бригадой произошло три заметных в его биографии события. 22 июля 1882 г. он был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени, 5 мая 1888 г. был произведён в генерал-майоры и на следующий год избран членом и товарищем председателя Кубанского местного управления Российского общества Красного Креста (председателем была супруга наказного атамана Я.Д. Маламы – Е.И. Малама). В.А. Яцкевич во многом способствовал оживлению работы местного общества. С того времени в кубанской столице в районе войскового сада сохранилось красивое здание из красного кирпича, построенное для Кубанской общины сестёр милосердия.

21 марта 1890 г. генерал-майор В.А.Яцкевич назначен старшим помощником начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска, и в отсутствие атамана, ежегодно исполнял обязанности наказного атамана и начальника области. В бытность помощником наказного атамана, он стал почётным членом Кубанского областного статистического комитета. 9 июля 1890 г. Владимир Авксентьевич был назначен почётным попечителем Кубанской войсковой гимназии, 8 октября 1893 г. – попечителем Кубанского Александровского реального училища, 9 ноября 1895 г. – директором Кубанского областного попечительского о тюрьмах комитета⁸.

6 июля 1898 г. В.А. Яцкевич был произведён в генерал-лейтенанты и назначен комендантом Карской крепости⁹, 13 декабря 1902 г. – командиром 1-го Кавказского армейского корпуса, а с 27 июля по 15 сентября 1905 г. был исполняющим должность генерал-губернатора г. Тифлиса и Тифлиского уезда. С 11 октября 1905 по 15 мая 1907 г. он был генерал-губернатором Эриванской губернии и в 1906 г. получил чин генерала от артиллерии.

В этот период он был награждён орденом Св. Владимира 3-й степени (6 декабря 1902 г.) и орденом Белого Орла (6 декабря 1905 г.), орденом Св. Александра Невского (30 июня 1908 г.).

1 января 1910 г. В.А. Яцкевич назначен членом Военного Совета Российской Империи. 22 марта 1915 г. ему были пожалованы бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского. 1 января 1916 г. Владимир Авксентьевич идёт на пенсию с мундиром. Он отправляется на малую родину в Беларусь, откуда присылает в военное ведомство свой новый адрес: г. Витебск, ул. Никольская № 10¹⁰. Однако здесь Яцкевич не прижился и вскоре вернулся в Екатеринодар.

8 февраля 1919 г. Владимир Авксентьевич умер и был похоронен на Екатеринодарском Всесвятском кладбище¹¹. Он не был женат и потомства не оставил. Память об этом неординарном человеке надолго останется в сердцах кубанцев.

⁷ Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1895 г. // ГАКК. Библиотека. Инв. № 8201.

⁸ ГАКК. Ф. 396. Оп. 2. Д. 386. Л. 1–8; Шкуро В.И. Родился в Белоруссии, похоронен на Кубани // Славянская неделя. 2002. 24–31 мая. № 25.

⁹ Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1898 г. // ГАКК. Библиотека. Инв. № 8207.

¹⁰ РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 183415. Л. 30–47 (послужной список № 241 – 309).

¹¹ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 222. Л. 128об.-129; Шкуро В.И. Яцкевич Владимир Авксентьевич // Большая Кубанская энциклопедия. Краснодар, 2005. С. 568.

М. КУЛИК
г. Люблин

ПОЛЯКИ НА СТАРШИХ И ВЫСШИХ ДОЛЖНОСТЯХ В КАВКАЗСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Служба поляков в русской армии на рубеже XIX–XX вв. – это явление, получившее, хотя и многочисленные, но неоднозначные оценки. Данная работа посвящена некоторым аспектам службы поляков в Кавказском военном округе (КВО) на старших и высших должностях, т.е. в качестве штаб-офицеров и генералов.

КВО был одним из важнейших военных округов России и охватывал территорию так называемого Кавказского края (собственно Кавказ и восточное побережье Чёрного моря)¹. Господство над этой территорией открывало пути в Малую Азию, Персидский залив и бассейн Индийского океана². Округ включал Бакинскую, Елисаветпольскую, Кутаисскую, Ставропольскую, Тифлисскую, Черноморскую и Эриванскую губернии, Дагестанскую, Карскую, Кубанскую и Терскую области. На его территории размещались линейные, запасные и местные воинские части, а также казачьи войска. Эти части в 1878 г. были объединены в два, а с 1910 г. – в три армейских корпуса³:

– I Кавказский армейский корпус в следующем составе: 20-я пехотная дивизия, 39-я пехотная дивизия, 1-я Кавказская сапёрная бригада, Кубанская пластунская бригада (с 1910 г.), 1-я Кавказская казачья дивизия, 20-я артиллерийская бригада, 39-я артиллерийская бригада, 1-й Кавказский миномётный дивизион (с 1910 г.), 1-й Кавказский стрелковый дивизион, 1-й Кавказский казачий дивизион, 65-я запасная пехотная бригада (до 1910 г.), 66-я запасная пехотная бригада (до 1910 г.), 1-й Кавказский сапёрный батальон, 1-я Кавказская телеграфная рота, Кавказский инженерный парк;

– II Кавказский армейский корпус в следующем составе: Кавказская гренадерская дивизия, 21-я пехотная дивизия (до 1910 г.), 51-я пехотная дивизия (с 1910 г.), 2-я Кавказская сапёрная бригада, Кавказская кавалерийская дивизия, 2-я Кавказская казачья дивизия, артиллерийская бригада Кавказских гренадер, 21-я артиллерийская бригада (до 1910 г.), 51-я артиллерийская бригада (с 1910 г.), 2-й Кавказский стрелковый дивизион, 2-й Кавказский миномётный дивизион (с 1910 г.), Кавказский горный дивизион конной артиллерии, 2-й Кавказский

¹ Свод военных постановлений 1869 г. Кн. II. Ст. 1. Приложение.

² *Pitonicki G. Polacy wojskowi i zesłańcy w carskiej armii na Kaukazie w XIX i na początku XX wieku. Toruń, 2001. S. 94.*

³ *Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. С. 44.*

казачий дивизион, 1-я Терская казачья артиллерийская батарея, 63-я запасная пехотная бригада (до 1910 г.), 64-я запасная пехотная бригада (до 1910 г.), 2-й Кавказский сапёрный батальон, Кавказский железнодорожный батальон;

– III Кавказский армейский корпус в следующем составе: 21-я пехотная дивизия, 52-я пехотная дивизия, 3-я Кавказская казачья дивизия, 21-я артиллерийская бригада, 52-я артиллерийская бригада, 3-й Кавказский миномётный дивизион, 3-й Кавказский казачий дивизион, 3-й Кавказский сапёрный батальон;

– части, не входящие в состав армейских корпусов: 7-й миномётный полк, 7-й артиллерийский парк, Кубанская казачья сапёрная бригада (4 батальона), 1-й Екатеринодарский полк кубанских казаков, 1-й Кизляро-Гребенский полк терских казаков, Кубанская бригада конной артиллерии, 2-я Терская батарея конной артиллерии, Кавказская сапёрная бригада, 5-й эскадрон полевой жандармерии, Асландуский и Башкадыкларский запасные пехотные батальоны, Кавказская запасная артиллерийская бригада, Кавказский запасной артиллерийский парк, Кавказский обозный батальон, Кавказская запасная артиллерийская батарея и др.

Кроме того, на территории округа находились крепости: в Александрополе, в Карсе, Михайловская в Батуме и Дагестанско-Терская.

Российские силы в КВО располагали 100 батальонами, 92 эскадронами и сотнями, 39 артиллерийскими батареями, 6 батареями конной артиллерии, 2 миномётными батареями⁴. Они были размещены в стратегически значимых местах, зачастую в городах, расположенных на важных путях сообщений и в приграничной части округа.

Количественный состав российского офицерского корпуса подвергался частым изменениям. В первой декаде XX в. в штабах, управлениях и частях КВО, включая и казачьи войска, служило, без учёта вакансий, ок. 4300 офицеров, в том числе ок. 100 генералов, 630 штаб-офицеров и 3600 обер-офицеров⁵.

Таблица 1

Численность офицеров в некоторых частях и учреждениях КВО на 1909 г.

	Штабы, управления и учебные заведения	I Кавказский армейский корпус	II Кавказский армейский корпус	Крепости	Всего
Генералы	3	1			4
Генерал-лейтенанты	8	3	4	1	16
Генерал-майоры	23	12	15	7	57
Полковники	74	45	45	9	173
Подполковники, войсковые старшины	84	111	110	22	327

⁴ Краткое расписание сухопутных войск (КРСУ). 1909 г. С. 262–263; Potęga wojenna Rosji w świetle najnowszych danych urzędowych. Lwów, 1900. S. 4, 9, 15–16; Carlowitz-Maxen Einteilung und Dislokation der Russischen Armee und Flotte: April 1901. S. 24–26; Ibid. April 1904. S. 35–38; Ibid. April 1905. S. 35–38; Ibid. Oktober 1908. S. 36–39; Ibid. Oktober 1912. S. 35–38.

⁵ Подсчитано автором по изданию: Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909.

Капитаны, ротмистры, есаулы	148	248	237	52	685
Штабс-капитаны, штабс-ротмистры, подьесаулы	37	331	294	58	720
Поручики, сотники	9	249	235	39	532
Подпоручики, корнеги, хорунжие	6	284	381	49	720
Итого	392	1284	1321	237	3234

Источник: Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909.

В 1914 г. в КВО, без учёта казачьих офицеров и офицеров военно-учебных заведений, служило 3519 офицеров, в том числе 83 генерала, 521 штаб-офицер и 2915 обер-офицеров⁶.

В русской армии в мирное время существовало три вида штатов развёртывания воинских частей: пониженный, нормальный и усиленный. Комплектование по усиленному штату применялось в приграничных округах, по нормальному – в центральных и на Дальнем Востоке, а в иных – по пониженному. Части КВО были развёрнуты по усиленным штатам⁷.

Таблица 2

Штатный состав пехотного полка

Штатный состав	Усиленный		Нормальный		Пониженный	
	Офицеров	Нижних чинов	Офицеров	Нижних чинов	Офицеров	Нижних чинов
Рота	3	163	3	111	3	105
Батальон	15	675	15	446	15	422
Полк	77	2757	77	1893	77	1694

Источник: Die Russische Armee. Wien, 1901. S. 170.

Стрелковые и резервные пехотные полки состояли из двух батальонов и имели штат из 37 офицеров. В составе рот было по 163 нижних чина⁸.

Таблица 3

Штатный состав драгунского полка

	Офицеры	Нижние чины	Кони
Эскадрон	5	170	156
Полк	43	1097	959

Источник: Die Russische Armee. Wien, 1901. S. 173.

⁶ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 320.

⁷ Die Russische Armee. Wien, 1901. S. 170.

⁸ Die Russische Armee... S. 171, 184.

Офицерский штат пехотного полка насчитывал ок. 80 чел., но зачастую, не был заполнен, как, например, в полках Кавказской гренадерской дивизии.

Таблица 4

Численность офицерского состава Кавказской гренадерской дивизии в 1909 г.

	Штаб	13-й полк	14-й полк	15-й полк	16-й полк	Всего
Генерал-лейтенанты						
Генерал-майоры	2					2
Полковники	1	3	2	2	4	12
Подполковники		6	6	6	5	23
Капитаны	1	16	17	17	18	69
Штабс-капитаны		23	22	20	27	92
Поручики		21	14	21	20	76
Подпоручики		1	7	14	7	29
Итого	4	70	68	80	81	303

Источник: Общий список офицерским чинам Русской Императорской армии. Составлен по 1-е января 1909 г. СПб., 1909.

В России национальность зачастую ассоциировалась с вероисповеданием, что приводило к возникновению недоразумений. В соответствии с такими взглядами православные подданные Российской Империи считались русскими, католики – поляками, протестанты – немцами и т.п. В случае смены конфессии, что нередко случалось во второй половине XIX в., этот принцип давал сбой⁹. После подавления Польского восстания 1863 г. в русской армии был введён ряд ограничений для лиц, не принадлежащих к православию. Офицеры-католики или женатые на католичках могли составлять не более 20 % офицерского или классного гражданского чиновничьего состава конкретной воинской части. Это количественное ограничение действовало в пехоте (полки лейб-гвардии, гренадер, пехоты; батальоны: стрелковые, резервные пехотные, запасные, местные), кавалерии и артиллерии. Это ограничение касалось также вольноопределяющихся, юнкеров и подпрапорщиков¹⁰. Эти же количественные ограничения (20 %) касались также командиров местных и линейных бригад и уездных воинских начальников.

Офицеры-католики не имели права служить в:

– запасных пехотных батальонах, артиллерийских парках,

⁹ Волков С.В. Указ. соч. С. 278.

¹⁰ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М., 1973. С. 199–202; Wojtasik J. Wojskowość polska w latach 1864–1914 // Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864–1939 / Pod red. P. Stawckiego. Warszawa, 1990. S. 49; Волков С.В. Указ. соч. С. 276; Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 105, 224–237.

инженерных частях (сапёрные и понтонные батальоны) и т.п., дислоцированных в Варшавском военном округе, в крепостях в европейской части России и на Кавказе;

- жандармском корпусе (это касалось и женатых на католичках¹¹);
- штабах: военных округов (особенно Варшавского), армейских корпусов и дивизий;
- строительных управлений и инженерных дистанциях Варшавского военного округа;
- железнодорожных частях по всей империи.

В Варшавском военном округе, крепостях в европейской части России и на Кавказе офицеры-католики не имели права занимать следующие должности:

- командиров высшего звена, включая командиров отдельных воинских частей (а также командиров артиллерийских батареи), и в высшей администрации;
- уездных воинских начальников в Варшавской, Виленской, Киевской губерниях, а также в Финляндском и Кавказском военных округах;
- заведующих вооружением или хозяйством, адъютантов, казначеев во всех отдельных воинских частях.

Несмотря на такие ограничения, поляки, служащие на Кавказе, достигали высоких должностей в русской армии. Их можно обнаружить как на командных должностях в линейных частях, так и в различных управлениях военного ведомства.

Некоторые проблемы при произведении количественных оценок представляет специфический состав частей КВО, состоящих не только из линейных, но и из казачьих частей, где поляков было значительно меньше.

В пехотном полку на 80 чел. офицерского состава примерно 15 офицеров и чиновников могли быть католиками, в том числе: один штаб-офицер (на должности командира батальона, заведующего полковым хозяйством или младшего штаб-офицера) и 15 обер-офицеров (на различных должностях, в том числе 3–4 командира рот)¹². Однако зачастую эти цифры были меньшими и количество католиков не достигало 20 % кадров части.

Принимая во внимание действующие положения, число офицерских должностей в КВО, недоступных католикам (по большей части полякам), составляло ок. 400. Из остальных примерно 3100 должностей поляки могли бы занять ок. 620 (20 %), начиная от командира взвода и заканчивая командиром бригады. Это вовсе не значит, что всё это число должностей было занято католиками. Чаще всего, чем выше были должности, тем реже они замещались католиками.

В 1907 г. из 58 генералов-католиков русской армии, в КВО их служило 10, т.е. каждый десятый из 105 генералов округа являлся католиком, что было велико по сравнению с другими военными округами¹³.

¹¹ Chwałba A. Polacy w służbie Moskali. Kraków, 1999. S. 199; Поляков А. Записки жандармского офицера // Жандармы России. М., 2002. С. 483.

¹² Tłokarz J. Polacy w armii rosyjskiej // Wiarus. 1918. Z. 6. S. 130–132.

¹³ Количество генералов-католиков в остальных округах составило: Амурский – 2, Варшавский – 3, Виленский – 2, Иркутский – 3, Казанский – 7, Киевский – 4, Маньчжурский – 1, Московский – 2, Одесский – 3, Петербургский – 17, Туркестанский – 4. Среди этой группы генералов-католиков не все были поляками, например, Павел Леопольд Бенкендорф, Людомир Бирон, Георгий Глазенап, Оскар Вендорф или принц Людовик Наполеон. См.: Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е июля 1907 года. СПб., 1907.

Католиками, служившими в КВО в генеральских чинах были: Леонард Балбашевский, Юлиан-Рох Лавданский, Вацлав Просинский, Анджей Семашко, Марцин-Станислав Габриалович, Стефан Дановский, Людомир Ржевуский, Станислав Окулич, Александр Воеводский и Зыгмунт Вольский. Четверо из них занимало должности командиров бригад и полков¹⁴, один был атаманом казачьего войска¹⁵, трое служило в военной юстиции¹⁶, а двое – в Инженерном управлении КВО¹⁷.

Из числа примерно 220 полковников, служивших в КВО¹⁸, католиков было 10 (1909 г.), что составляло примерно 5 %. Из шестнадцати командиров полков, входивших в состав армейских корпусов, католиками были двое¹⁹ (12,5 %), один католик был командиром дивизиона горной артиллерии²⁰, двое католиков были командирами запасных частей²¹ и ещё один католик командовал пластунизским полком²².

В 1903 г. в КВО могло служить не менее 15 католиков в чине подполковников²³, а в 1912 г. только 9 из примерно 400 подполковников, служивших в КВО, что составляло ок. 2 %²⁴.

Большинство офицеров-католиков окончили пехотные училища, выпускников училищ других родов войск было намного меньше. Генералы и штаб-офицеры из числа поляков (католиков) окончили следующие училища:

а) пехотные:

– 1-е Павловское (6 чел.) – генералы: Стефан Дановский, Константин Довбор-Мусницкий, Вацлав Просинский, Зыгмунт Вольский, полковники: Витольд-Миколай Лавданский, Эдвард-Циприан Туробойский;

– 2-е Константиновское (10 чел.) – генералы: Францишек-Марцелий Бокщанин, Марцин-Станислав Габриалович, Анджей Семашко, Ольгерд Щербович-Вечор, Александр Воеводский; полковники: Юзеф (Викентьевич) Лесневский, Виктор Радзиковский, Владислав Побоевский; подполковники: Юзеф Пожецкий, Станислав Чекотовский;

– 3-е Александровское (4 чел.) – генералы: Станислав Окулич, Эдмунд-Леонард Свидзинский; полковник Юзеф (Александрович) Лесневский, подполковник Юзеф Жибурт-Жибуртович;

¹⁴ Должности командиров бригад занимали: генерал-майор Станислав Окулич (Кубанская пластунизская бригада), генерал-майор Вацлав Просинский (2-я бригада 21-й пехотной дивизии), генерал-майор Зыгмунт Вольский (2-я бригада Кавказской гренадерской дивизии). Полком командовал генерал-майор Стефан Дановский (84-й Ширванский пехотный полк).

¹⁵ Генерал-майор Людомир Ржевуский (Жевуский) был старшим помощником начальника Терской области и атаманом Терского казачьего войска.

¹⁶ Военными судьями Кавказского окружного военного суда были: генерал-майор Анджей Семашко, генерал-майор Марцин-Станислав Габриалович и генерал-майор Александр Воеводский.

¹⁷ В Инженерном управлении КВО служили: генерал-майор Леонард Балбашевский (помощник начальника Окружного инженерного управления) и генерал-майор Юлиан-Рох Лавданский (инспектор работ Окружного инженерного управления).

¹⁸ Подсчитано автором по изданию: Список полковникам по старшинству. Составлен по 1-е ноября 1909 г. СПб., 1909.

¹⁹ Полковник Тимофей-Раймунд Шишко командовал 79-м пехотным полком, а полковник Юзеф Лесневский командовал 53-м пехотным полком.

²⁰ Полковник Рудольф Иванович командовал 1-м Кавказским дивизионом горной артиллерии.

²¹ Полковник Игнаций Луцинский командовал 252-м запасным пехотным батальоном, а полковник Эдвард-Циприан Туробойский командовал 256-м запасным пехотным батальоном.

²² Полковник Павел Глушанин командовал 5-м Кубанским пластунизским полком.

²³ Подсчитано автором по изданию: Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1-е января 1903 г. СПб., 1903. С. 1–752.

²⁴ Подсчитано автором по изданию: Список подполковникам по старшинству. Составлен по 1-е мая 1912 г. СПб., 1912.

- другие пехотные (4 чел.) – полковники: Станислав Чиж, Антоний-Августин Кражовский, Август Кучевский, Болеслав-Юлиан Пентко;

- юнкерские пехотные (12 чел.) – генерал Адам Славочинский²⁵; полковники: Павел Глушанин (Тифлисское), Игнаций Лучинский (Варшавское), Юзеф Островский (Чугуевское), Тимотеуш-Раймунд Шишко (Рижское); подполковники: Пётр Бенклевский (Тифлисское), Йозафат-Витольд Ходецкий, Францишек Гурецкий (Одесское), Адольф Кучевский (Тифлисское), Константин Лисовский (Тифлисское), Мечислав Мудрович (Варшавское), Теодор Ольхович (Киевское);

б) кавалерийские:

- Николаевское кавалерийское (1 чел.) – генерал Людомир Ржевуский;

- юнкерское кавалерийское (1 чел.) – подполковник Альберт Корево (Тверское);

в) Михайловское артиллерийское (2 чел.) – генерал Адольф Измаилович; полковник Рудольф Иванович;

г) Николаевское инженерное (3 чел.) – генералы: Леонард Балбашевский, Юлиан-Рох Лавданский, полковник Виктор Радзиковский;

д) военно-топографическое (1 чел.) – полковник Мечислав Фергисс.

Военные академии окончили:

- Николаевскую академию генерального штаба (1 чел.) – генерал Эдмунд-Леонард Свидзинский;

- Михайловскую артиллерийскую академию (1 чел.) – генерал Адольф Измаилович;

- Николаевскую инженерную академию (2 чел.) – генералы: Леонард Балбашевский и Юлиан-Рох Лавданский;

- Александровскую военно-юридическую академию (5 чел.) – генералы: Александр Воеводский, Марцин-Станислав Габриалович, Константин Довбор-Мусьницкий, Анджей Семашко, Ольгерд Щербович-Вечор;

- Академию интендантуры (2 чел.) – подполковники: Францишек Гурецкий, Юзеф Жибурт-Жибуртович (Интендантские курсы);

- Варшавский университет (2 чел.) – генерал Анджей Семашко, полковник Игнаций Лучинский (неполный курс).

Поляки в КВО занимали командные должности преимущественно от командира взвода до командира бригады включительно. Лишь изредка офицеры-католики достигали более высоких должностей. В круг поляков, или католиков, которые занимали командные должности разного уровня в частях и соединениях КВО вошли:

Пехота:

1. генерал-майор Францишек-Марцелий Бокщанин – командир 1-й Кавказской стрелковой бригады (1911–1912)²⁶;

²⁵ В доступных документах имеются разночтения, касающиеся начального периода службы Адама Славочинского. В «Списке генералам... 1907 г.» отмечено, что он окончил юнкерское училище, а в автобиографии Адама Славочинского из личного дела, хранящегося в Центральном военном архиве в Варшаве (СВАУ), отмечено, что в 1887 г. он окончил (или сдал экзамен на офицерский чин) Константиновское училище. См.: СВАУ. Sygn. Ar. 16 555; Список генералам по старшинству. Составлен по 1-е июля 1907 года. СПб., 1907. Ч. I. С. 689; Polski Słownik Biograficzny, T. 38. S. 623–624.

²⁶ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 623; КРСВ. 1.02.1911 г. С. 90; Carlowitz-Maxen... Oktober 1912. S. 35.

2. полковник (позднее генерал-майор) Зыгмунт Вольский – командир 3-го Кавказского стрелкового батальона (4.11.1896–7.05.1901); командир 13-го Лейб-гвардии Эриванского гренадерского полка (7.05.1901–21.06.1905); командир 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизии (11.03.1906–1907); командир 1-й Кавказской стрелковой бригады (1908)²⁷.

3. полковник Павел Глушанин – командир 5-го Кубанского пластунского полка (1909–1911)²⁸;

4. полковник (позднее генерал-лейтенант) Александр Гурчин – начальник Кавказской стрелковой школы (1864); командир 13-го Эриванского гренадерского полка (1869–1876); командир Кавказской стрелковой бригады (1876–1880); командир 38-й пехотной дивизии (1886–1894)²⁹;

5. полковник (позднее генерал-майор) Стефан Дановский – командир 84-го Ширванского пехотного полка (19.03.1903–1907)³⁰;

6. генерал-майор Константин Довбор-Мусьницкий – командир 2-й Кавказской стрелковой бригады (1909–1911)³¹;

7. генерал-майор Ян Карасс (Карась) – командир 2-й бригады 20-й пехотной дивизии (16.08.1885–12.03.1886), командир 1-й бригады 20-й пехотной дивизии (12.03.1886–12.02.1893), командир 2-й Кавказской резервной пехотной бригады (12.02.1893–14.08.1895)³²;

8. полковник Витольд-Миколай Лавданский – командир Кавказского кадрового обозного батальона (20.12.1903–1909)³³;

9. полковник Юзеф (Александрович) Лесневский – командир 153-го Бакинского пехотного полка (1909–1911)³⁴;

10. полковник Юзеф (Викентьевич) Лесневский – командир 82-го Дагестанского пехотного полка (6.02.1913–1915)³⁵;

11. полковник Игнаций Лучинский – командир 252-го Анапского резервного пехотного полка (1909)³⁶;

12. генерал-майор Станислав Окулич – командир 5-го пластунского батальона Кубанского казачьего войска (16.10.1892–28.11.1899); командир Кубанской пластунской бригады (25.09.1906–1908)³⁷;

13. полковник Юзеф Островский – командир 264-го Лорийского резервного пехотного полка (12.07.1907–26.10.1908)³⁸;

14. полковник Владислав Побоевский – командир 252-го Анапского резервного пехотного батальона (10.1907–19.01.1909)³⁹;

²⁷ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 720; КРСВ. 1.01.1902 г. С. 24; Там же. 1.09.1904 г. С. 26; Там же. 1.06.1905 г. С. 16; Там же. 1.05.1907 г. С. 16; Carlowitz-Maxen... Oktober 1908. S. 36.

²⁸ Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 1232; Общий список... 1909 г. Кол. 441; КРСВ. 1.08.1909 г. С. 238; Там же. 1.02.1911 г. С. 202.

²⁹ Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. 8. С. 545.

³⁰ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 879; КРСВ. 1.09.1904 г. С. 47; Там же. 1.06.1905 г. С. 37; Там же. 1.05.1907 г. С. 37.

³¹ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 643; Общий список... 1909 г. Кол. 423; КРСВ. 1.08.1909 г. С. 81; Там же. 1.02.1911 г. С. 91.

³² Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 51.

³³ Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 623; КРСВ. 1.06.1905 г. С. 115; Там же. 1.05.1907 г. С. 117; Там же. 1.08.1909 г. С. 117.

³⁴ Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 437; Общий список... 1909 г. Кол. 340; КРСВ. 1.08.1909 г. С. 55; Там же. 1.02.1911 г. С. 57.

³⁵ SAW. Sygn. Ar. 4224. OOP 1/517. K. 5, 12–16 (Личное дело генерала Юзефа Лесневского).

³⁶ Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 386.

³⁷ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 411; Carlowitz-Maxen... Oktober 1908. S. 39.

³⁸ SAW. Sygn. Ar. 3456. K. 2 (Личное дело генерала Юзефа Островского).

³⁹ SAW. Sygn. Ar. 8006. K. 3 (Личное дело генерала Владислава Побоевского); Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 776; Общий список... 1909 г. Кол. 487.

15. генерал-майор Вацлав Просинский – командир 2-й бригады 21-й пехотной дивизии (2.12.1906–1907)⁴⁰;

16. генерал-майор Людомир Ржевуский – атаман Пятигорского отдела Терской области (2.05.1899–20.05.1904); старший помощник воинского начальника Терской области и Атаман Терского казачьего войска (20.05.1904–1907); командир 2-й Кавказской кавалерийской дивизии (1908–1909)⁴¹;

17. полковник Генерального штаба Эдмунд-Леонард Свидзинский – начальник штаба: 21-й пехотной дивизии (19.09.–29.10.1892), 38-й пехотной дивизии (29.10.1892–22.08.1894) и 20-й пехотной дивизии (22.08.1894–16.03.1899)⁴²;

18. полковник Эдвард-Циприан Туробойский – командир 255-го Аварского резервного пехотного батальона (1909)⁴³;

19. полковник Тимотеуш-Раймонд Шишко – командир 79-го Куринского пехотного полка (1905–1909)⁴⁴.

Отметим также и других католиков, проходивших службу в штаб-офицерских чинах в перечисленных ниже соединениях и частях КВО:

– Кавказская гренадерская дивизия:

13-й Эриванский гренадерский полк: подполковник Ян Стельницкий (1909)⁴⁵;

14-й Грузинский гренадерский полк: подполковник Эдвард-Циприан Туробойский (1903)⁴⁶;

15-й Тифлиский гренадерский полк: подполковник Адольф Кучевский (командир батальона в 1911–1914 гг.)⁴⁷;

16-й Мингрельский гренадерский полк: подполковник Витольд-Миколай Лавданский (командир батальона 1.04.1895–20.12.1903)⁴⁸;

– 20-я пехотная дивизия:

77-й Тенгинский пехотный полк: подполковник Пётр Бенклевский (1912)⁴⁹;

78-й Навагинский пехотный полк: подполковник Станислав Чиж (1903)⁵⁰, подполковник Болеслав-Юлиан Пентко (1903)⁵¹, подполковник Антоний-Август Кражовский (командир батальона 5.08.1892–1903)⁵², подполковник Мечислав Мудрович (1912)⁵³;

79-й Куринский пехотный полк: подполковник Йозафат-Витольд Ходецкий (1903)⁵⁴;

– 21-я пехотная дивизия:

⁴⁰ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 761; КРСВ. 1.05.1907 г. С. 37.

⁴¹ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 401; КРСВ. 1.06.1905 г. С. 55; Там же. 1.08.1909 г. С. 138; Carlowitz-Maxen... Oktober 1908. S. 138.

⁴² Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 371; КРСВ. 1.10.1898 г. С. 36; Kulik M. Kariery polskich generałów w armii rosyjskiej przed Pierwszą wojną światową // Czyn zbrojny w dziejach narodu polskiego. Studia ofiarowane Profesorowi Januszowi Wojtasikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin / Pod red. P. Matusaka, M. Plewczyńskiego i M. Wagnera. Siedlce, 2004. S. 212.

⁴³ Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 693.

⁴⁴ Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 147; Общий список... 1909 г. Кол. 262; КРСВ. 1.08.1909 г. С. 36.

⁴⁵ Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 341; Общий список... 1909 г. Кол. 180.

⁴⁶ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 520.

⁴⁷ САУ. Sygn. Ар. 17 816. KW 62/5 085. К. 6, 34 (Личное дело генерала Адольфа Кучевского); Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 1496.

⁴⁸ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 107; Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 623.

⁴⁹ Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 19.

⁵⁰ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 289.

⁵¹ Там же. С. 142.

⁵² Там же. С. 107.

⁵³ Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 1148.

⁵⁴ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 608.

83-й Самурский пехотный полк: подполковник Константин Лисовский (командир батальона в 1912 г.)⁵⁵;

– 39-я пехотная дивизия:

154-й Дербентский пехотный полк: подполковник Константин Домбровский (1903)⁵⁶;

155-й Кубанский пехотный полк: подполковник Теодор Ольхович (1912)⁵⁷;

156-й Елисаветпольский пехотный полк: подполковник Август Кучевский (1903)⁵⁸;

– 52-я пехотная дивизия:

205-й Шемаханский пехотный полк: подполковник Станислав Чекотовский (1912)⁵⁹;

207-й Новобаязетский пехотный полк: подполковник Францишек Карась (начальник обоза 52-й дивизии, командир батальона 18.10.1913–17.09.1914)⁶⁰;

– 1-я Кавказская стрелковая бригада:

3-й Кавказский стрелковый батальон: подполковник Казимеж Пентко (1909)⁶¹;

1-й Владикавказский пехотный полк: подполковник Болеслав Кимонт (1903)⁶²;

Инженерные войска:

1. генерал-майор Леонард Балбашевский – инспектор работ Инженерного управления КВО (22.10.1883–23.01.1907), помощник инженерного начальника КВО (23.01.1907–1909)⁶³;

2. подпоручик – генерал-майор Юлиан-Рох Лавданский – в распоряжении инженерного начальника КВО (10.07.1873), военный инженер (13.07.1873), помощник начальника Кутаисского инженерного участка (23.02.1877), начальник Закатальского инженерного участка (21.04.1886), инспектор работ Инженерного управления КВО (18.12.1906–1907)⁶⁴;

3. подполковник Стефан-Томаш Лопатто – в 1903 г. во 2-м Кавказском сапёрном батальоне⁶⁵;

4. подполковник Флориан Войлевич – в 1903 г. в 1-м Кавказском сапёрном батальоне⁶⁶.

Артиллерия:

1. полковник (позднее генерал-майор) Адольф Измаилович – начальник 2-го артиллерийского полигона КВО (22.12.1890–14.08.1896)⁶⁷;

2. подполковник Миколай Баумгарт – 39-я артиллерийская бригада (1903 г.)⁶⁸;

⁵⁵ Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 1743.

⁵⁶ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 447.

⁵⁷ Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 1148.

⁵⁸ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 232.

⁵⁹ Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 1736.

⁶⁰ САУ. *Sygn. Ар.* 16 498 (Личное дело генерала Францишека Карась).

⁶¹ Общий список... 1909 г. Кол. 422.

⁶² Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 383.

⁶³ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 659; Общий список... 1909 г. Кол. 102.

⁶⁴ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 802; Общий список... 1909 г. Кол. 102.

⁶⁵ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 362.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 150.

⁶⁸ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 566.

3. подполковник (позднее полковник) Рудольф Иванович - командир 2-й батареи 39-й артиллерийской бригады (1903 г.), командир 1-го Кавказского дивизиона горной артиллерии (1909 г.)⁶⁹;

4. подполковник Юзеф Пожецкий - командир 1-й батареи 20-й артиллерийской бригады (с 5.08.1910 г.)⁷⁰.

Судебный аппарат:

1. генерал-майор Марцин-Станислав Габриалович - судья КВО (7.12.1905-1907)⁷¹;

2. генерал-майор Анджей Семашко - помощник прокурора КВО (11.06.1886-21.04.1890), следователь КВО (21.04.1890-22.08.1892), прокурор (22.08.1892-11.03.1906), судья КВО (11.03.1906-1907)⁷²;

3. генерал-лейтенант Ольгерд Щербович-Вечор - военный прокурор КВО (12.08.1888-3.09.1901), председатель окружного суда КВО (3.10.1905-13.01.1907)⁷³;

4. генерал-майор Ян Рошковский - судья КВО (24.07.1905-14.02.1906)⁷⁴;

5. капитан (позднее генерал-майор) Александр Воеводский - следователь КВО (17.09.1884-30.12.1884), помощник прокурора КВО (30.12.1884-20.03.1887), следователь (20.03.1887-23.06.1901), судья КВО (23.06.1901-1907)⁷⁵;

6. капитан (позднее полковник) Каетан Аффанасович - помощник военного прокурора КВО (14.05.1889-15.01.1891), следователь КВО (15.01.1891-1.10.1896)⁷⁶;

7. подполковник Вацлав Уссаковский - следователь КВО (11.04.1886-23.01.1887)⁷⁷.

Интендантство:

1. подполковник Францишек Гурецкий - интендант 2-й Кавказской сапёрной бригады (1912 г.)⁷⁸;

2. подполковник Юзеф Жибурт-Жибуртович - начальник отделения Интендантского управления КВО (1912 г.)⁷⁹;

3. подполковник (позднее полковник) Альберт Корево - член постоянной ремонтной кавалерийской комиссии по Северному Кавказу (1903-1909 гг.)⁸⁰.

Некоторые поляки занимали также административные должности, как например, полковник (позднее генерал-майор) Адам Славочинский - начальник Батумского округа (12.11.1898-7.09.1904), губернатор Кутаисской губернии (1908-1914 гг.)⁸¹, или полковник Виктор Радзиковский - Эриванский уездный воинский начальник (1909 г.)⁸².

⁶⁹ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 366; Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 349.

⁷⁰ SAW. Sygn. Ap. 7572. К. 3 (Личное дело генерала Юзефа Пожецкого); Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 1335.

⁷¹ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 378.

⁷² Там же. С. 758.

⁷³ Там же. Ч. II. С. 5.

⁷⁴ SAW. Sygn. Ap. 6007. К. 1 (Личное дело генерала Яна Рошковского).

⁷⁵ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 413.

⁷⁶ Там же. С. 536.

⁷⁷ Там же. С. 378.

⁷⁸ Список подполковникам... 1912 г. Ч. I. С. 1639.

⁷⁹ Там же. Ч. II. С. 101; Общий список... 1909 г. Кол. 101.

⁸⁰ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 596; Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 237.

⁸¹ SAW. Sygn. Ap. 16 555. К. 2 (Личное дело генерала Адама Славочинского); Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 689.

⁸² Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 148.

Поляки служили также в кавказском корпусе военных топографов. Одним из наиболее известных был генерал-лейтенант Юзеф Ходзько, который в середине XIX в. произвёл топографические измерения и триангуляцию Северного Кавказа. В 1852 г. он стал начальником геодезического отдела Кавказского корпуса, а в 1858 г. начальником геодезического отдела главного штаба Кавказской армии⁸³. С Юзефом Ходзько сотрудничал полковник (позднее генерал-лейтенант) Иероним Стебницкий, который в 1867 г. стал начальником военных топографов на Кавказе⁸⁴. Среди работавших в отделе военных картографов можно найти также других поляков или лиц католического вероисповедания, как например, полковник Мечислав Ферглицс⁸⁵.

В Судебном управлении КВО, насчитывающем в 1909 г. ок. 27 чел. (6 генерал-майоров, 11 полковников, 7 подполковников и 3 капитанов), офицеры-католики занимали иногда очень высокие посты. Так, в 1907 г. в нём служили три генерала-католика, занимавших должности судей⁸⁶. Эта ситуация могла быть вызвана тем, что председателем окружного суда в то время был генерал-майор Ольгерд Щербович-Вечор.

Как и в иных военных округах, поляки без больших препятствий, но в соответствии с действующими положениями, занимали командные должности до уровня командира батальона включительно, что соответствовало чину подполковника. Назначение на более высокие командные должности (командир полка и выше) было затруднено. На этих должностях поляков или католиков можно было встретить лишь эпизодически.

Любопытным случаем занятия поляком высоких должностей в КВО является карьера генерала-лейтенанта Александра Гурчина. Ещё во время службы в этом округе он был назначен командиром 38-й пехотной дивизии. После реорганизации русской армии в 1890-х гг., он со своей дивизией попал в Варшавский военный округ. Через некоторое время он пошёл на повышение – командующим XIX армейского корпуса (штаб в Брест-Литовске). Очередным этапом карьеры, которого удалось достичь в 1901 г., была должность командующего Виленским военным округом, которую Гурчин занимал до момента смерти в 1902 г.⁸⁷. В той же 38-й пехотной дивизии, которой командовал генерал Александр Гурчин, начальником штаба был тоже поляк – полковник Эдмунд Свидзинский.

⁸³ Polski Słownik Biograficzny. T. 3. S. 385–386; *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII w. do 1917 roku: Słownik Biograficzny. Warszawa; Poznań, 2004. S. 40–41; *Furier A.* Józef Chodźko 1800–1881. Polski badacz Kaukazu. Warszawa, 2001; *Piwnicki G.* Op. cit. S. 96–99.

⁸⁴ *Kijas A.* Op. cit. S. 336; *Piwnicki G.* Op. cit. S. 99.

⁸⁵ Список подполковникам... 1903 г. Ч. I. С. 221; Список полковникам... 1909 г. Ч. I. С. 1087; Общий список... 1909 г. Кол. 100.

⁸⁶ Подсчитано автором по изданию: Общий список ... Кол. 902.

⁸⁷ Памятная книжка Люблинской губернии (ПКЛГ) на 1895 г. С. 236; ПКЛГ на 1896 г. С. 239; ПКЛГ на 1897 г. С. 243; ПКЛГ на 1898 г. С. 213; ПКЛГ на 1899 г. С. 198; ПКЛГ на 1900 г. С. 199; ПКЛГ на 1901 г. С. 202; Памятная книжка Суwałьской губернии на 1902 г. С. 168; *Mineyko Z.* Z tajgi pod Akropol. Wspomnienia z lat 1848–1866. Warszawa, 1971. S. 80; *Wejtko W.* Ramoty i ramotki wojskowe. Warszawa, 1931. S. 67; *Radziunowicz T.* Polacy w armii rosyjskiej (1874–1914) // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1988. T. XXX. S. 220; *Kulik M.* Oficerowie armii rosyjskiej pochodzący z terenów dawnej Rzeczypospolitej w latach 1864–1914 // Rzeczpospolita Obojga Narodów i jej tradycje. Studia i szkice / Pod red. M. Wagnera i J. Wojtasika. Siedlce, 2004. S. 277.

В КВО служили также поляки, которые годы спустя стали генералами в Войске Польском. К ним принадлежали: Леонард Бжезинский, Францишек Карась, Адольф Кучевский, Юзеф Левшецкий, Юзеф Островский, Владислав Побоевский, Юзеф Пожецкий, Ян Рошковский, Ян Савицкий и Адам Славочинский⁸⁸.

По отношению к некоторым из них отдельные критерии, употребляемые в России для определения национальности, оказывались обманчивыми. Владислав Побоевский до начала Первой мировой войны был лицом православного вероисповедания, а после её окончания вступил в Войско Польское в качестве католика. Как участник русско-японской войны он был назначен на должность командира резервного полка, а позднее (1913 г.) был переведён в Варшавский военный округ командиром 7-го стрелкового полка, дислоцированного в Ченстохове⁸⁹.

Были случаи сокрытия действительного прохождения службы в русской армии. К примеру, в документах Адама Славочинского можно найти две разные даты рождения (1855 и 1860 г.) и две версии начального периода службы. В период службы в КВО он занимал должность начальника Батумского округа (12.11.1898–7.09.1904), губернатора Кутаисской губернии в чине генерала (1908–1914). В 1914 г. был назначен командиром бригады в 45-ю пехотную дивизию⁹⁰.

Поляком мог быть и полковник Зыгмунт-Михал Суликовский – командир 14-го Грузинского гренадерского полка (31.10.1899–26.11.1901). Некоторое время он оставался в распоряжении начальника Генерального штаба (26.11.1901–8.10.1902), после чего был назначен на должность начальника штаба XIX армейского корпуса (8.10.1902–1907)⁹¹. Оценка его деятельности достаточно противоречива. В мемуарах можно встретить мнение, что он был снят с должности и уволен из армии в дисциплинарном порядке. Этому утверждению противоречит ход его дальнейшей воинской службы⁹².

Вероисповедание не всегда было критерием национальности. К примеру, генерал Ольгерд Щербович-Вечор был католического вероисповедания, а капитан (позднее подполковник) Александр Ольгердович Щербович-Вечор (1-й Кавказский сапёрный батальон) был православным. Католиком был командир Кавказской кавалерийской дивизии генерал-майор принц Людовик Наполеон (12.07.1902–3.03.1906), который поляком не был⁹³.

⁸⁸ SAW. Sygn. Ap. 9682 (Личное дело генерала Леонарда Бжезинского); Sygn. Ap. 16 498 (Личное дело генерала Францишека Карася); Sygn. Ap. 17 816 (Личное дело генерала Адольфа Кучевского); Sygn. Ap. 4225 (Личное дело генерала Юзефа Левшецкого); Sygn. Ap. 3456 (Личное дело генерала Юзефа Островского); Sygn. Ap. 8006 (Личное дело генерала Владислава Побоевского); Sygn. Ap. 7572 (Личное дело генерала Юзефа Пожецкого); Sygn. Ap. 6007 (Личное дело генерала Яна Рошковского); Sygn. Ap. 17 901 (Личное дело генерала Яна Савицкого); Sygn. Ap. 16 555 (Личное дело генерала Адама Славочинского).

⁸⁹ SAW. Sygn. Ap. 8006 (Личное дело генерала Владислава Побоевского).

⁹⁰ SAW. Sygn. Ap. 16 555 (Личное дело генерала Адама Славочинского); Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 689; *Polski Słownik Biograficzny*. T. 38. S. 623–624; *Stawiecki P. Słownik...* S. 309; *Kulik M. Kariery polskich generałów w armii rosyjskiej...* S. 212.

⁹¹ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 410; ПКЛГ на 1904 г. С. 263.

⁹² Ср. Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 410; *Грулев М.* Записки генерала-еврея. Париж, 1930. С. 220, 226.

⁹³ Список генералам... 1907 г. Ч. I. С. 255; *Carlowitz-Maxen...* April 1904. S. 37; *Carlowitz-Maxen...* April 1905. S. 37.

Редко кто из офицеров-католиков КВО всю свою службу провёл только в этом округе. Зачастую попадали они сюда из других регионов России. К примеру, из Варшавского округа пришёл генерал Юзеф Лесневский, до этого служивший в Петербургском гвардейском пехотном полку, дислоцированном в Варшаве. В этом же Варшавском округе служил некоторое время и генерал Зыгмунт Вольский. Генерал Константин Довбор-Мусьницкий раньше служил на Дальнем Востоке.

В российских частях, дислоцированных в КВО, поляки, в соответствии с действующими предписаниями, могли составлять не более 20 % их численного состава. Количественно так называемая «католическая вакансия» могла составлять ок. 600 офицерских должностей. Это были, как правило, командирские должности в пехоте и, реже, в других родах войск. В полку поляки (по большей части католики) редко достигали упомянутый процентный порог. Среди командиров батальонов в полку был один подполковник-католик, а командиров рот – трое или четверо. В пехотной дивизии могло быть пятеро подполковников-иноверцев (в том числе католиков). Иногда поляков назначали и на более высокие должности, такие как командир дивизии. Однако несмотря все ограничения, некоторым полякам удалось сделать удачную военную карьеру в русской армии.

А.А. БОГОЛЮБОВ
г. Пятигорск

ПОЛЯКИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1991 гг.)

Советский период на Северном Кавказе – это время многоплановых социально-экономических преобразований, во многом обусловивших нынешнюю, весьма непростую, социально-политическую ситуацию в этом регионе. Хочется надеяться, что осмысление участия в этих процессах такой специфической этнической группы, как поляки, поможет полнее понять всю многоплановость политических, экономических и этносоциальных процессов, происходивших на Северном Кавказе за последние почти 90 лет.

Образованный в первые дни советской власти Совет Народных Комиссаров имел в своём составе Комиссариат по делам национальностей. При нём одним из первых был образован и Комиссариат по польским делам, называвшийся также Польским комиссариатом. В образованный при нём совет вошли представители польских левых партий. На Северном Кавказе, как и по всей стране, активистами этих партий были образованы представительства Польского комиссариата. Армавирское представительство возглавил активист левого крыла Польской социалистической партии Копчинский¹. В Туапсе организаторами отделения стали как представители этой партии, так и Союза эвакуированных железнодорожников. Местным комиссаром по польским делам, после долгих переговоров с городским советом, 27 апреля 1918 г. стал Ян Голембиовский². В Пятигорске представителями левых партий не было. В этих условиях с инициативой организации отделения Польского комиссариата выступили Союз военных поляков, Союз прогрессивной молодёжи, Социалистический клуб, Демократическое объединение беженцев и Товарищество помощи жертвам войны. Местным комиссаром 1 февраля 1918 г. Совет делегатов утвердил В. Чарнецкого (Чарноцкого). 12 февраля того же года в Армавире состоялся съезд польских комиссаров региона³. Деятельность польских комиссариатов была вскоре прервана разразившейся Гражданской войной и подчинением Северного Кавказа белыми.

В конце 1918 г. обязанности польского военного коменданта при штабе Белой армии в Екатеринодаре исполнял граф Бем де Косбан. Благодаря его стараниям, а также усилиям побывавших в Екатеринодаре

¹ Najdus W. Lewica polska w Kraju Rad, 1918–1920. Warszawa, 1971. S. 21–25, 37.

² Golembiowski J. Korespondencje, Tuapse (Czarnomorskie wybrzeże) // Wiadomości Komisariatu. 22.07.1918. № 11. S. 7–8.

³ Czarnecki W. Sprawozdanie z działalności Komisariatu do spraw polskich w Piatigorsku za luty i marzec (st.st.) 1918 r. // Wiadomości Komisariatu. 26.06.1918. № 14–15. S. 16.

в июне того же года офицеров Юзефа Зайонца, Леона Бабицкого и Станислава Зелинского генералы Михаил Алексеев и Антон Деникин подписали декларацию, позволявшую формировать подразделения польской армии на территории, занятой Добровольческой Армией⁴. В конце октября 1918 г., как результат этого соглашения, в Екатеринодаре возник комитет во главе с генералом Люцианом Желиговским. Этому энергичному деятелю удалось сформировать польскую пехотную дивизию, которая вскоре, однако, потеряла контакт с другими польскими подразделениями. С целью сохранения этой воинской части генерал Желиговский принял решение о её преобразовании в отдельную пехотную бригаду, которая 1 декабря 1918 г. была эвакуирована в Одессу⁵.

В трёх других крупных городах Северного Кавказа: Темир-Хан-Шуре (ныне Буйнакск)⁶, Грозном⁷ и Пятигорске⁸ также возникли в 1918 г. польские вооружённые формирования, которые внесли решающий вклад в охрану жителей этих городов от грабителей и мародёров, которых в годы Гражданской войны было предостаточно. К сожалению, командованию этих подразделений не удалось, в отличие от генерала Желиговского, организованно провести их эвакуацию и объединиться впоследствии с главными силами Войска Польского.

В 1919–1920 гг. мобилизацией поляков в армию возродившейся Польши занимались на Северном Кавказе польские дипломатические представительства, о которых речь пойдёт ниже. При этом польский МИД особо подчёркивал необходимость направлять в Войско Польское тех поляков, кто служил в Добровольческой Армии⁹.

В Гражданской войне на Северном Кавказе поляки также принимали активное участие на стороне красных. Одним из организаторов движения красных партизан в регионе был Михал Левандовский. Позднее под его командованием 9-я Кубанская красная армия выбила белых из Краснодара¹⁰. Нельзя не отметить контакты этого человека с другим представителем польского народа, проживавшим тогда в Чечне Нуридином Тапчинским (Торчинским). Уроженец города Калиша, Тапчинский был сослан на Кавказ за участие в революционном движении, где после неудачной попытки покушения на генерала Григория Голицына бежал в горы Чечни. Живя среди чеченцев, принял ислам и женился на чеченке. Вскоре пользовался в своей среде таким авторитетом, что даже принимал участие в прекращении родовой вражды¹¹. В 1918 г. Тапчинский вместе с представителями кавказских народов, а также большевиков, защищал Грозный от наступавших войск Деникина. На помощь оборонявшимся пришли части Красной Армии под командованием Левандовского. Совместными усилиями белые были разбиты, а Тапчинский и Левандовский при встрече говорили по-польски¹².

⁴ Lipiński W. Walka zbrojna o niepodległość Polski w latach 1905–1918. Warszawa, 1990. S. 329.

⁵ Ibid. S. 330.

⁶ ЦГАРД. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷ Furier A. Polskie ślady w czeczeńskiej historii // Przegląd Polonijny. Kraków, 1995. Z. 3. S. 17–34.

⁸ Mądzik M. Polskie formacje wojskowe na Kaukazie w latach 1917–1918 // Polonia i odbudowa Państwa Polskiego. Lublin; Warszawa, 1991. S. 147–148.

⁹ AAN. MSZ. Политико-экономический департамент. Восточный отдел. Ф. 6674В. S. 27–28.

¹⁰ Najdus W. Op. cit. S. 380.

¹¹ Miłoszowie G. i A. Kaukaz. Warszawa, 1979. S. 119–120.

¹² Ibid. S. 121.

Первые шесть лет (1917–1923 гг.) советского периода в регионе – это не только активное участие поляков в событиях революций и Гражданской войны. Это прежде всего проблема польских беженцев, многие из которых в годы Первой мировой войны после эвакуации из Царства Польского оказались на Северном Кавказе. Таких беженцев в одном только Новороссийске насчитывалось летом 1918 г. ок. четырёх тыс.¹³. Безусловно, многие из этих людей, а также те поляки, которые сами обосновались на Северном Кавказе или были потомками переехавших сюда поляков, мечтали о выезде на родину, особенно если принять во внимание нестабильность и даже опасность их положения в лихолетье Гражданской войны.

Решением проблем польских беженцев и занимались в первую очередь польские дипломатические представительства, возникшие в регионе в конце 1918 г., т.е. сразу же после провозглашения независимости Польши 11 ноября 1918 г. В Новороссийске исполняющим обязанности польского консула был назначен Казимир Пстроконский, а вице-консулом – Януш Кнафлевский¹⁴. В декабре Бюро полномочного представительства консульства было организовано в Сочи. Его руководителем был Ян Пневский, а секретарём – Казимир Залейский¹⁵. В Анапе полномочным представителем консульства стал Промбчевский.

В столице Кубанской области Екатеринодаре также было организовано консульство. Это дипломатическое представительство возглавил граф Бем де Косбан¹⁶. Полномочным представителем консульства в Армавире был Г.А. Свидзинский¹⁷.

Во Владикавказе, тогда столице Терской области, по решению Консульского совета временным консулом был назначен Гай¹⁸. Временным исполняющим обязанности вице-консула в Грозном, тогда уездном городе области, стал Юзеф Мыслиньский¹⁹.

Польское дипломатическое представительство возникло тогда и в Пятигорске, в ту пору также уездном городе Терской области. Следует, однако, отметить, что в начале своего существования оно под названием Консульского агентства функционировало в другом городе Кавказских Минеральных Вод – Кисловодске²⁰. Можно предположить, что причиной такого первоначального выбора могло послужить успешное функционирование в этом городе «Польского дома», который в 1916 г. за слишком активную деятельность был закрыт царскими властями, а сразу же после Февральской революции возобновил свою работу. После переезда консульства в Пятигорск обязанности консульского

¹³ *Mądzik M. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków w Gruzji na przełomie XIX i XX wieku. Lublin, 1987. S. 158.*

¹⁴ *Ibid. S. 159.*

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *AAN. MSZ. F. 5. S. 432.*

¹⁷ *Ibid. S. 315.*

¹⁸ *AAN. MSZ. F. 6674B. S. 194.*

¹⁹ *Ibid.*

²⁰ *Mądzik M. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków w Gruzji... S. 159.*

агента исполнял Венцлавович²¹, а секретаря – Яцкевич²². После отъезда Венцлавовича консульским агентом на КМВ стал С. Кретам²³, а после него – инженер Ян Мацеевский²⁴.

Репатриация поляков на родину с Северного Кавказа в 1919–1920 гг. проводилась настолько интенсивно, что в июле 1920 г. польский МИД даже объявил её законченной²⁵. Такое решение оказалось, безусловно, слишком преждевременным и по окончании польско-большевистской войны и подписания 18 марта 1921 г. Рижского мирного договора процесс репатриации поляков возобновился. Точных данных о количестве желающих тогда выехать в Польшу, к сожалению, обнаружить не удалось, однако, учитывая, что только в трёх городах КМВ – Пятигорске, Ессентуках и Кисловодске их было более тысячи²⁶, можно предположить, что всего в этом регионе желающих выехать было от 10 до 20 тыс. Репатриантов отправляли в Польшу специальными эшелонами, которых только с КМВ выехало три. Последний из них – 24 апреля 1923 г. Причём даже после его выезда только в Кисловодске осталось 24 чел. всё ещё ожидающих отправки в Польшу²⁷. Причины невыезда этих людей были различны: у кого-то на КМВ оставался тяжело больной родственник, кто-то нашёл себе неплохую работу и не захотел менять свои относительно комфортные условия на трудности быта репатрианта. Так, например, в Пятигорске осталась семья Новкунских – муж, жена и четверо детей, глава которой, Ипполит, устроился работать торговым агентом в отделе исполкома Терской губернии²⁸.

К сожалению, сбор сведений о поляках на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. сильно затруднён, так как здесь не существовало ничего подобного Мархлевщизне на Украине или Дзержинщизне в Белоруссии, к тому же архивы на западе региона сильно пострадали во время Великой Отечественной войны. Известно, что польская компартия функционировала, например, в Новороссийске. Для её культурно-просветительских нужд 13 сентября 1929 г. исполком Черноморского округа постановил конфисковать квартиры священника и церковно-государственного сторожа при костёле в этом приморском городе²⁹.

Руководство Речи Посполитой также проявляло интерес к Северному Кавказу, видимо, стремясь использовать национальные движения в регионе в своих целях. Например, в Польшу велась подготовка офицеров из числа горцев Северного Кавказа, которые по окончании учёбы имели право остаться служить по контракту в польской армии. Приказ о принятии их на учёбу был отдан лично маршалом Юзефом Пилсудским на рубеже 1922–1923 гг.³⁰ Юзеф Петруцын-Петрашевский, политический авантюрист, ставший во второй половине 1920-х гг.

²¹ *Mądzik M. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków w Gruzji...* S. 152.

²² ГАСК. Ф. Р-3457. Оп. 3. Д. 9. Л. 6.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ *Mądzik M. Działalność społeczno-kulturalna i polityczna Polaków w Gruzji...* S. 152.

²⁵ *Ibid.* S. 17.

²⁶ ГАСК. Ф. Р-3457. Оп. 3. Д. 4.

²⁷ Там же. Д. 20. Л. 47–49.

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 189–191.

²⁹ ААН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1072. Л. 111.

³⁰ *Materski W. Georgia rediviva. Republika gruzińska w stosunkach międzynarodowych. 1918–1921. Warszawa, 1994. S. 230.*

офицером польской разведки, утверждал, что в 1925 г. принимал участие в антибольшевистском восстании в Чечне³¹.

В 1930-е гг. многие поляки активно участвовали в жизни советского общества. Так, например, в марте 1936 г. одним из заседателей транспортно-железнодорожного суда в Минеральных Водах был избран рабочий депо этого города, стахановец, поляк по национальности, Юзеф Сорочинский³².

В этот период на Северном Кавказе побывали и путешественники из Речи Посполитой. Среди них были: Ян-Станислав Берсон (литературный псевдоним «Отмар»), который в 1934 г. проехал поездом от Ростова-на-Дону до Беслана, а далее – автомобилем до Орджоникидзе³³; группа польских альпинистов во главе с Тадеушем Бернадзиковичем, которая в 1935 г. впервые совместно с советскими альпинистами покорила второй по величине пятитысячник Кавказа Дых-тау³⁴; капитан Мечислав Лепецкий, адъютант Ю. Пилсудского. Последний плыл морем с заходом в порты Анапа, Новороссийск, Туапсе и Сочи. Лепецкий подробно описал эти города, причём особенно поразил его вид людей в Новороссийске, которые, по его мнению, отнюдь не подходили на весёлых и шумных южан, а, наоборот, двигались как механические манекены³⁵.

Наверное, для такого поведения были все основания, поскольку вскоре настала страшная пора репрессий 1937–1938 гг. Её жертвами стали как рядовые труженики (фельдшер Казимир Мотак в Пятигорске), так и активисты костёла (Антоний Гатовский, там же), и католические священники (Антоний Червинский во Владикавказе-Орджоникидзе)³⁶.

В годы Второй мировой войны, а точнее – с весны 1944 г., ок. четырёх тыс. репатриантов из Польши, оказавшихся в начале войны в СССР, получили разрешение переселиться из восточных районов европейской части страны на Северный Кавказ³⁷. Материальное положение этих людей, 45 % которых составляли поляки, было очень тяжёлым – не хватало элементарной одежды и продуктов питания. Поэтому в июле 1945 г. в связи с началом репатриации им было выдано достаточное количество еды и одежды, в том числе по распоряжению Совнаркома СССР. Репатриация началась 28 февраля 1946 г., когда со станции Тихорецкая до пограничной Медьки отправился эшелон, в котором было более 1200 чел., в том числе 188 воспитанников польского детского дома в Ипатове³⁸. Второй эшелон с Северного Кавказа прибыл на станцию Рава Русская 28 апреля 1946 г. Тем самым репатриация польских граждан на родину была фактически завершена³⁹.

³¹ Furier A. Polskie ślady w czeczeńskiej historii... S. 22.

³² ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 1. Д. 356. Л. 7.

³³ Berson J. Minus Moskwa (Wolga-Kaukaz-Krym). Warszawa, 1935. S. 77–90.

³⁴ Ostrowski W. W skałe i lodzie. Warszawa, 1982. S. 17–20.

³⁵ Lепецки M.B. Sowecki Kaukaz. Podróż po Gruzji, Armenii i Azerbejdżanu. Warszawa, 1935. S. 28–31.

³⁶ Dzwonkowski R. Kościół katolicki w ZSRR 1917–1991. Zarys historii. Lublin, 1997. S. 156–157.

³⁷ Głównacki A. Przemieszczenie obywateli polskich w Związku Radzieckim w 1944 roku. Łódź, 1989. S. 6–7.

³⁸ ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 83. Л. 84.

³⁹ Там же. Л. 243.

В 1950–1980-х гг. на Северном Кавказе также жили и работали представители польского народа. Это, прежде всего, поэт Ян Игнатъевич Бернардак⁴⁰. Большой вклад в развитие археологии в регионе КМВ внёс геодезист и археолог-любитель Андрей Петрович Рунич, работы которого в течение 20 лет (1961–1981 гг.) публиковались на страницах журнала «Советская археология»⁴¹. С 1948 г. на КМВ живёт известный ныне архитектор Казимир Валяровский. Будучи в 1973–1977 гг. главным архитектором Кисловодска, он, в частности, выполнил проект знаменитого памятника героям войны «Журавли». Позднее Валяровский работал в Невинномысске и Пятигорске, а в 1987–1992 гг. был директором художественной школы в Кисловодске⁴².

Следует отметить, что именно тогда, в 1960-е гг., на КМВ приехали на жительство Е.А. Хомутова-Анцевич (1926–2004) и С.А. Лемпицкая (1927–2000), которые наряду с Эугениушем Суперсоном стали основателями Союза Поляков на КМВ. Причём начало этой организации было положено ещё в советский период, когда 28 сентября 1991 г. пан Эугениуш рассказал на страницах пятигорской газеты «Кавказская здравница» о Конгрессе поляков в России, предлагая местным представителям польского народа создать свою полонийную организацию. Её история, как мне думается, может быть предметом отдельного исследования.

⁴⁰ Orłowski J. Miecze i gałązki oliwne. Warszawa, 1995. S. 432.

⁴¹ Березин И., Савенко С. Рунич Андрей Петрович. Армавир; Кисловодск, 1996. С. 4–5.

⁴² Мартыненко В. Вокруг следы его творений // Кавказская здравница. 2002. № 174 (19784). С. 2.

А.И. СЕЛИЦКИЙ
г. Краснодар

КАВКАЗСКАЯ САГА РОДА КОСИНСКИХ

История народа складывается из истории родов. Семейные хроники подчас являются важным источником для понимания социально-экономического или культурного развития этнических групп и регионов. Важными факторами в развитии отдельных родов являются как объективно-исторические условия жизни, так и субъективные внутрисемейные отношения. Проследив поколенную историю хотя бы одного рода, можно оценить, как судьбы конкретных людей преломляются в общих политических, экономических и этнокультурных процессах.

История рода Косинских, известная нам со второй половины XIX в., является ярким примером социокультурных и этноконфессиональных изменений, происходивших в малой социальной группе. Кроме того, история этого рода позволяет лучше понять общие тенденции и закономерности развития польской диаспоры в России.

Основными источниками работы стали данные метрических книг Екатеринодарской римско-католической церкви и воспоминания старейшего представителя рода Косинских – Бориса Владимировича (Болеслава Владиславовича) (1916 г.р.).

I

Историю Косинских на Кавказе можно проследить со времён Игнация Косинского, который родился примерно в 1856 г. в семье Михаила и Марианны, урождённой Левендовской, Косинских¹. Пока ещё не выяснены место рождения Игнация и его сословная принадлежность. Семейная легенда Косинских говорит об их шляхетском происхождении и далёком предке, который выступил во главе казаков против польского короля. Скорее всего, речь идёт о гетмане запорожских казаков Кшиштофе Косинском, погибшем в ходе неудачного восстания против короля Сигизмунда III в конце XVI в. Он происходил из подлясской шляхты и пользовался гербом Равич². Со временем род Косинских обеднел и потерял привилегированный статус.

Можно предположить, что Косинские проживали в западных окраинах Российской Империи (бывшие земли Речи Посполитой), откуда Игнаций был призван на службу и поступил рядовым в Екатеринодарский местный батальон, а, будучи католиком, стал прихожанином

¹ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 122. Л. 57об.

² Следует отметить, что известно несколько родов Косинских, пользующихся разными гербами (Долива, Лис, Помян, Равич, Роголя, Самсон и др.). В 1813 г. польский генерал Антон «Амилькар» Косинский стал бароном Французской империи Наполеона I.

римско-католического прихода в Екатеринодаре. Если учесть, что согласно «Уставу о воинской повинности от 1 января 1874 г.» призыву подлежало всё мужское население, достигшее 21-летнего возраста, а общий срок службы в сухопутных войсках определялся в 15 лет, из которых 6 лет действительной службы и 9 лет в запасе³, то можно исчислить время службы Игнация Косинского. При этом, следует учесть, что к концу царствования Александра II срок действительной службы в пехоте был снижен до 4 лет, а с 23 августа 1881 г. срок общей службы в сухопутных войсках увеличился до 18 лет, из которых 5 лет действительной службы и 13 – в запасе⁴. Косинский был призван примерно в 1877 г. и, прослужив до 1881/1882 г., ушёл в запас (в котором должен был числиться до 1894/1895 г.).

Екатеринодарский местный батальон был отдельной войсковой частью, располагавшейся в кубанской столице и пополнявшейся новобранцами также и из западных губерний. Часто поляки-католики занимали здесь командные должности. Например, в 1880 г. командиром батальона и екатеринодарским уездным воинским начальником был майор Альбин-Фердинанд Янович Отоцкий, а старшим врачом батальона – коллежский советник Иосиф Александрович Опенховский⁵.

Показательно, что в 1897 г. из-за того, что в местный батальон пришло значительное количество новобранцев-католиков, преимущественно из Ковенской губернии, привыкших исповедоваться только на жмудском (литовском) языке, в Екатеринодарском римско-католическом приходе появилась новая штатная единица – второй vicарный священник (им стал жмудин Варфоломей Миколаюнас)⁶. К этому времени в местном батальоне служило до 200 чел. нижних чинов римско-католического вероисповедания⁷.

6 июня 1883 г. запасной рядовой Екатеринодарского местного батальона двадцатипятилетний Игнаций Косинский женился первым браком на семнадцатилетней девице Павлине Левкович (род. в Екатеринодаре 6 мая 1866 г.)⁸. Оба молодожёна были римско-католического вероисповедания. Павлина (или как её называли в семье – Пелагея) была дочерью отставного рядового Ставропольского пехотного полка Романа Васильевича Левковича (род. ок. 1826 г.), который был родом из Гродненской губернии и уезда, и Антонины Антоновны, урождённой Богданович (род. ок. 1836 г.), происходившей из г. Ковно⁹. Из римско-католических метрических книг мы узнаём, что Роман и Антонина Левковичи поженились в Екатеринодаре 18 января 1864 г. Обряд венчания совершил тогдашний капеллан войск Кубанской области Антоний Ходоровский¹⁰.

³ История России XIX – начала XX века: Хрестоматия / Под ред. М.Д. Карпачева. Воронеж, 2002. С. 350–353.

⁴ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. С. 10, 91.

⁵ Памятная книжка Кубанской области на 1881 г. / Сост. Е.Д. Фелицын. Екатеринодар, 1881. Адрес-календарь. С. 45. В этот период управление местных войск Кубанской области осуществлял поляк-католик кубанский губернский воинский начальник, генерал-майор Ашполинский Фомич Рукевич.

⁶ Судьба отца Варфоломея Миколаюнаса надолго будет связана с Кубанью; последний раз его имя встречается в метрических книгах Екатеринодарского римско-католического прихода в 1919 г. См.: ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 122. Л. 221.

⁷ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 4868. Л. 2, 2об.

⁸ Там же. Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 39об.

⁹ Антонина Левкович скончалась в Екатеринодаре «от горячки» 6 апреля 1882 г., так и не дожив до свадьбы своей дочери. См.: ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 120. Л. 26об.

¹⁰ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 122. Л. 7об.

Павлина Романовна не была единственным ребёнком в семье, у неё было два брата: Иосиф (род. в Екатеринодаре 2 июля 1864 г.)¹¹ и Флориан (род. в Екатеринодаре 16 октября 1869 г.)¹², а также две сестры: Элеонора (род. в Екатеринодаре 22 февраля 1868 г.¹³; она умерла предположительно до 1882 г.¹⁴) и Мария (род. в Екатеринодаре 18 декабря 1875 г., но умерла уже через 10 дней)¹⁵. Таким образом, основательница екатеринодарской ветви Левковичей, оказавшись на Северном Кавказе, сумел здесь обосноваться и создать семью. Теперь уже второе поколение Левковичей проживало в Екатеринодаре, интегрируясь в местную среду. Характерно, что восприемниками при крещении детей Романа Левковича, как правило, были такие же отставные солдаты-католики, как и он сам (Михаил Жишкевич, Францишек Климович, Яков Кучинский). Это позволяет лучше понять дружеский круг общения Левковичей, а также социальный состав екатеринодарского прихода в 1860–1870-е гг.¹⁶

Венчание Игнация и Павлины прошло в костёле. Как и положено, обряду венчания предшествовало троекратное оглашение, сделанное «перед народом по литургии собранным»: первое – 29 мая, второе – 5 июня и, наконец, третье – 6 июня в день свадьбы. В «веродостоинные свидетели» молодожёны пригласили Бронислава Рай(о)вского и Якова Квятковского. В 1883 г. это была первая свадьба среди екатеринодарских католиков. Обряд совершил сам настоятель Иосиф Канумов – человек так много сделавший для местной религиозной общины¹⁷. Отец Иосиф происходил из ахалцигской католической семьи. Выбрав путь священнослужителя, он окончил знаменитый Папский университет «Урбанианум» и уже в России получил звание почётного каноника. С конца 1870-х гг. судьба отца Канумова навсегда стала связанной с Кубанью – он становится капелланом войск Кубанской области, настоятелем екатеринодарского прихода и именно ему удалось добиться строительства каменного костёла в Екатеринодаре по ул. Графской (с 1920 г. – Советской) в доме № 14 (освящение здания состоялось в 1893 г.)¹⁸.

Брак Косинских был многодетным – молодая жена подарила супругу пятерых сыновей: Павла (род. 27 июня 1884 г.)¹⁹, Ивана (Яна) (род. 6 января 1888 г.)²⁰, Иосифа (род. 11 марта 1890 г., но умершего в том же месяце 31 марта)²¹, Владимира (Владислава) (род. 9 февраля

¹¹ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 19.

¹² Там же. Л. 128об.

¹³ Там же. Л. 66об.

¹⁴ Мы делаем такой вывод, так как в метрической записи о смерти Антонины Левкович в 1882 г. есть информация о том, что покойная оставила мужа, сыновей Иосифа и Флориана и только одну (!) дочь Павлину. См.: ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 120. Л. 26об.

¹⁵ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 193; Д. 120. Л. 16об.

¹⁶ Заметим, что в последующие десятилетия нижние чины продолжали составлять значительную часть местного римско-католического прихода. Так, на ноябрь 1895 г. в городе проживало 1439 католиков, из них 179 нижних чинов 252-го Анапского резервного батальона и 145 отставных и запасных. См.: ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1998. Л. 5.

¹⁷ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 122. Л. 57об.

¹⁸ Более подробно об отце Иосифе Канумове см.: *Селицкий А.И.* Почётный каноник Иосиф Канумов – «отец» екатеринодарской римско-католической приходской церкви // *Екатеринодар – Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность.* Краснодар, 2007. С. 110–115.

¹⁹ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 119. Л. 234об.

²⁰ Там же. Д. 121 (1). Л. 23об.

²¹ Там же. Л. 44; Д. 120. Л. 50об.

1891 г.)²² и вновь Иосифа (Юзефа), имя которого стало напоминанием об ушедшем за три года до этого малыше (род. 16 августа 1893 г.)²³. Все сыновья родились в Екатеринодаре и здесь же были крещены отцом Канумовым. Дочери-близняшки, Анна и Мария, которые родились 28 августа 1886 г., к горю родителей скончались «от конвульсий» в трёхмесячном возрасте²⁴.

Косинские были семьёй тружеников. Особенно доставалось отцу семейства и уже через двенадцать лет – 20 февраля 1895 г. – болезнь пожирает перетружденного Игнация. В метрической костельной книге сохранилась запись о смерти «от сухоты» запасного рядового Игната Михайловича Косинского, тридцати девяти лет от роду. Через два дня после смерти отец Иосиф Канумов совершил обряд погребения на Екатеринодарском Всесвятском кладбище²⁵.

Теперь все заботы о многочисленной семье легли на плечи Павлины Романовны, которой исполнилось почти двадцать девять. Однако ещё молодая и обаятельная женщина, большая труженица пани Павлина не осталась одна. Уже 23 мая 1895 г. её – солдатскую вдову с четырьмя сыновьями – взял в жёны тридцатидвухлетний «неспособный рядовой», происходивший из Варшавской губернии, Иван (Ян) Зантарский (Зантард; Зентарский) – сын Якова (Яна) и Теклы, урождённой Данарской, Зантарских²⁶. Характерно, что одним из свидетелей на свадьбе Яна и Павлины был Казимир Лекстутис, который в 1888 г. был воспитанником Ивана Косинского, при этом Евдокия Лекстутис стала в 1886 г. крёстной матерью Анны Косинской. Очевидно, круг общения Косинских и Зантарских был довольно близок.

Ян Янович стал настоящим отцом для мальчиков. Он был мастером на все руки: умел сапоги и сшить, и починить, да и столяр был отменный, мог и обед приготовить! К тому же и единоведец – католик, что для религиозной пани Павлины представлялось очень важным. Стали жить все вместе по ул. Дмитриевской (с 1932 г. – Горького) в доме № 99 (ныне дом № 141). Напротив, в доме № 94 находилась известная фабрика консервов «Товарищества Градинарова, Петкова и Иванова» (в настоящее время здесь, в доме под № 124, располагается «Экспериментальная фабрика экстрактов»)²⁷. Там всегда было полно обрезков лужёной жести, которые подраставшие мальчишки часто использовали в своих играх.

Став взрослее, старшие из братьев – Павел (Пава) и Ян (Ваня) – начали заниматься сапожным делом. Мастерскую организовали тут же в доме. И работа пошла. Ребята научились изготавливать чудесные мужские шевровые сапоги, причём сами делали и драгву для них. Слава о молодых сапожниках Косинских быстро разнеслась по городу. Заказы шли потоком. Приходилось работать при лампе до двенадцати, а то и часу ночи, стараясь всё выполнить в срок. Пока старшие братья

²² ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 121 (1). Л. 51об.

²³ Там же. Л. 77об.

²⁴ Там же. Л. 10; Д. 120. Л. 38.

²⁵ Там же. Д. 120. Л. 71. Заметим, что на надгробии, поставленном на могиле Игнация Косинского, сохранилась надпись на польском языке, не совпадающая с данными метрической книги. Согласно этой надписи он умер в 1894 г. на 40-м году жизни.

²⁶ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 122. Л. 94.

²⁷ В 1914 г. на фабрике трудилось 120 рабочих. См.: Вест Кавказ на 1914 г. С. 43.

работали, Владимир читал им книги (особенно всем запомнился роман Александра Дюма «Три мушкетёра»), а маленький Юзеф (Юзья) играл здесь же в мастерской.

Однако, несмотря на многочисленные заказы, Косинские жили бедно. Трудился Ян Янович, приходилось подрабатывать стиркой и уборкой в богатых домах и пани Павлине. Суровая жизнь закалила Павлину Романовну, сделала её очень строгой и бережливой. Она всё держала в своих руках. Заработанные деньги сыновья сдавали матери, а та копила на будущее, зная, что ребята быстро подрастут и у них будут свои семьи. Вот тогда-то и понадобятся эти припасённые средства.

У старшего из братьев – Павы – был чудный голос. Он очень любил петь за работой. Как-то в Екатеринодар с гастролями приехал Московский оперный театр и его артисты, случайно проходившие мимо мастерской, услышали пение Павла. Они были удивлены и решили познакомиться с талантливым певцом: ему предложили поехать в Москву, но Павел отказался, считая, что должен остаться со своей семьёй.

Начало XX в. принесло в Россию новые политические вейния и социальные вихри. Империя шла к своему краху. На Кубани начались забастовки, демонстрации, митинги. Постоянным участником демонстраций стал молодой Павел Косинский. Организаторы акций неповиновения властям, зная о красивом голосе Павла, обращались к нему с просьбой петь «Интернационал». Павел шёл впереди демонстрантов и песней вдохновлял их бороться за новое общество. Благодаря пению и решительности Косинский был очень популярен: его выступления всегда заканчивались громом аплодисментов. Во время Первой русской революции 1905–1907 гг. Павла Косинского арестовали. 4 октября 1906 г. на ул. Красной он стал агитировать учеников реального училища оставить занятия и устроить противоправительственную демонстрацию в честь декабрьского восстания урущев. Урущцы – воины 2-го Урупского казачьего полка, в декабре 1905 г. отказавшиеся выполнять полицейско-карательные функции против революции и засеявшие в станице Гиангинской Майкопского отдела. До 6 февраля 1906 г. восставшие казаки сопротивлялись властям, но были разбиты. В октябре 1906 г. Екатеринодарский окружной суд приговорил наиболее активных участников восстания к различным наказаниям, в том числе и к каторжным работам до 20 лет²⁸. Именно это и спровоцировало Павла Косинского и его единомышленников на акцию поддержки. Вследствие призывов Косинского собралась толпа. Когда пришли полицейские и потребовали разойтись, Павел стал осуждать их действия, уверяя, что они незаконны и продолжал агитировать. Его арестовали и продержали под стражей в городском полицейском управлении 28 суток, считая их с 5 октября по 2 ноября 1906 г. Временный генерал-губернатор Кубанской области Д.А. Одинцов разрешил матери Павла одно свидание с арестованным 10 октября, а через два дня на встречу с братом пришла его двоюродная сестра Мария Левкович. Пани Павлина пыталась помочь сыну и написала два прошения с просьбой о дополнительном расследовании, но безрезультатно. Павла продержали весь установленный срок²⁹.

²⁸ История Кубани с древнейших времён до конца XX века / Рук. авторск. кол. проф. В.Е. Шетнёв. Краснодар, 2004. С. 148–149.

²⁹ ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 816. Л. 1–11.

Третий из братьев Косинских – Владимир – имел склонность к рисованию. Когда он подрос, пани Павлина решила ему помочь. Она взяла сына, его рисунки и отправилась к известному екатеринодарскому фотографу, другу семьи – Рубену Маркаровичу Гличёву, имевшему мастерскую на ул. Дмитриевской (ныне дом № 102), рядом с ул. Красной. Мастер посмотрел работы Владимира, высоко оценил их уровень, но сказал, что ему нужен ученик-фотограф, а не художник. Он подсказал Павлине Романовне адреса художественных мастерских, находящихся здесь же на главной улице кубанской столицы. И удача улыбнулась! Владелец ювелирной мастерской на углу ул. Красной и Гоголевской (Гоголя), в доме кушца П.Ф. Акритаса, пан Манжевский согласился взять мальчика в качестве ученика. Владимир Косинский прожил в доме Манжевского целый год. Однако затем пан Манжевский собрался переехать в Польшу и сообщил Павлине Романовне, что мог бы забрать мальчика с собой, чтобы тот продолжил обучение и прошёл трёхгодичные курсы ювелира в Варшаве. И, конечно, пани Павлина согласилась, ведь мальчик мог пожить в польской среде, да ещё и получить жизненный опыт. Владимир уехал. Столичная варшавская жизнь не вскружила парню голову, и после обучения он вернулся в начале 1910-х гг. домой. Теперь он был профессионалом своего дела, ювелиром высокой пробы.

II

Шло время, братья Косинские, мещане г. Екатеринодара, взрослели. Наступила пора создания новых ветвей рода. Первым женился Ян Игнатович, выбрав себе в жёны младшую его на три года Веру (Веронику) Иудовну, урождённую Махонину. Бережливая пани Павлина не зря копила деньги: молодожёны получили такую сумму, что смогли купить в 1912 г. домовладение по ул. Пospолитакинской (с 1920 г. – Октябрьская), дом № 126 (ныне дом № 152). Первенец Яна и Веры Косинских – Валентин – род. 18 декабря 1910 г.³⁰ Затем на свет появилось ещё четверо: Генрих (13 сентября 1912 г.)³¹, Антонина (30 декабря 1914 г.)³², Екатерина (1916 г.) и Бронислав (Болеслав) (30 октября 1920 г.)³³. Все дети стали католиками. Ян Игнатович, как и его старший брат, сочувственно относился к идеям марксизма. В 1910-е гг. в его доме по Пospолитакинской находилась подпольная типография Северо-Кавказской ячейки большевиков.

Заметим, что Ян Игнатович долгое время был наиболее зажиточным из братьев. К примеру, в 1916 г. он с супругой владел ещё одним домом: по ул. Базовская, № 121³⁴.

Не позже 1911 г. создал свою семью Павел Игнатович. Его избранницей стала Нота – Наталья Петровна, урождённая Головки. Чтобы начать самостоятельную семейную жизнь, Павлу пришлось занять денег у стоявшего более крепко на ногах брата Яна.

³⁰ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 121 (2). Л. 411.

³¹ Там же. Л. 457об.

³² Там же. Л. 534об.

³³ Там же. Д. 347. Л. 8.

³⁴ Список лиц и учреждений, имеющих право ... участвовать в выборах гласных Екатеринодарской Городской Думы ... по 3-му избирательному участку. Екатеринодар, 1916. С. 9.

В 1912 г. женился и Владимир Игнатович. Его супругой стала казачка Людмила Александровна, урождённая Кондакова. Её семья издавна проживала в станице Пашковской под Екатеринодаром и была в родстве со знаменитым конезаводчиком Александром Гарчуковым. В своё время Гарчуков был железнодорожным машинистом и, согласно сохранившимся семейным воспоминаниям, спас императора Николая II во время одного из его путешествий по России. Благодарный царь подарил Гарчукову золотые часы и некоторую сумму денег, которые предприимчивый кубанец вложил в разведение коней, регулярное участвующих в скачках, и в покупку кинотеатра.

Людмила Кондакова была на пять лет младше супруга. Вскоре у молодожёнов появилось трое сыновей, получивших традиционные польские имена: Владислав (род. 18 июня 1914 г.)³⁵, Болеслав (род. 23 сентября 1916 г.)³⁶ и Станислав (род. 12 июня 1921 г.)³⁷. Все они были крещены в Екатеринодарском костёле. Счастливый отец изготовил сыновьям крестики и именные столовые приборы: серебряные ложки и вилки с монограммами.

Семью надо было содержать, а в Екатеринодаре для ювелира работы было маловато. Приходилось выезжать летом на сезонные заработки в Кисловодск, куда на лечение и отдых прибывали аристократы и богачи, с удовольствием заказывавшие ювелирные изделия. Вскоре Косинский открыл собственную мастерскую в родительском доме, где когда-то трудились его братья-сапожники.

Теперь старая квартира по ул. Дмитриевской вмещала значительно увеличившееся семейство Косинских. Здесь проживали Владимир Игнатович с семьёй, Павел Игнатович с супругой, долго не женившийся Юзеф и, наконец, Ян Янович (второй муж пан Павлины), чьи отношения с супругой постепенно охладились.

Вскоре Юзеф открыл на Сенном базаре магазин обувной торговли и стал реализовывать продукцию братьев: по данным на 1916 г. годовой оборот магазина составлял 6000 р³⁸. После революции Иосиф Игнатович Косинский работал в торговой сети, женился на Таисии Моисеевне, урождённой Бондаренко, хористке православного Екатерининского собора, и переехал жить по адресу: ул. Северная, дом № 93 (позднее № 353, дом уже не существует). 14 августа 1921 г. у них родилась дочь Виктория, крещённая в Краснодарском костёле³⁹.

Тем временем, Павлина Романовна, устроив всех детей, стала жить одна, в домике недалеко от ул. Северной (по адресу: ул. Базовская, дом № 121). Рядом с домом был хорошо ухоженный садик. Она оставалась фактическим главой семьи до конца своих дней. Круглолицая, красивая, чуть полная женщина, всю свою жизнь отдавшая семье. Собирала волосы в косу. Обожала цветы. Любила, когда её многочисленная семья собирается у неё на большие праздники. Она была очень набожной и возила внуков в Екатеринодарский костёл (неоготическое

³⁵ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 121 (2). Л. 518.

³⁶ Там же. Л. 588об.

³⁷ Там же. Д. 347. Л. 13об.

³⁸ Кубанский календарь на 1916 год / Под ред. Л.Т. Соколова, при сотрудничестве А. Ст. Селевко. Екатеринодар, 1916. С. 275.

³⁹ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 347. Л. 17об.

здание с красиво выложенной плиткой во дворе). Старалась передать им традиции, но в её расширившейся семье уже все говорили преимущественно по-русски и использовали русские имена. Когда вся семья собиралась на Дмитриевской, пани Павлина брала детей и вела их в одну из комнат, где было много икон. Там они вместе молились. Именно Павлина Романовна задавала тон в семейных и религиозных празднествах. Невестки даже соревновались: кто лучше сделает пасхальный кулич, однако чаще победителем становился специалист по выпечке – Виктор Кондаков, брат Людмилы, жены Владимира Игнатовича.

В самом начале 1920-х гг. неизлечимо больная Павлина Романовна лежала в первой городской больнице. Она попросила, чтобы в палату привели всех детей и одарила их конфетами... Это была последняя встеча внучат со своей бабушкой.

Характерной чертой этого периода истории Косинских были смешанные браки: ни один из братьев Косинских не нашёл себе невесты-католички, и ни один из них не венчался в костёле. Показательно и то, что в семьях Косинских языком общения стал уже русский. Такая ситуация постепенно становится типичной для польских (или смешанно-польских) семей Кубани. К концу XIX – началу XX в. уже почти половина потомков польских переселенцев принимали здесь в качестве родного языка русский⁴⁰.

При этом Косинские сохранили этноконфессиональное самосознание поляков-католиков: все братья крестили своих детей в костёле, пользуясь смягчением российского законодательства после 1905 г. по вопросу о «разноверных» браках и определении конфессиональной принадлежности рождённых в них детей⁴¹.

III

С началом Первой мировой началась всеобщая мобилизация. От семьи Косинских на войну ушёл Владимир Игнатович. Благодаря тому, что у него был каллиграфический почерк, служба протекала в штабе. В 1915 г. его жена Людмила, взяв первенца, смогла приехать в Одессу, где стояла его часть. Во время войны Владимир Косинский вступил в РСДРП(б) и в 1917 г. солдаты выдвинули его делегатом на съезд партии, на который он и приехал с фронта. Потом Владимир отправился в Екатеринодар, откуда уже не было необходимости возвращаться на фронт – война заканчивалась. В 1918–1919 гг. Владимир Игнатович стал работать в Госбанке оценщиком золотых вещей, а затем вновь занялся любимым ювелирным делом. Один из его друзей – часовой мастер – научил его чинить часы, что тоже было не лишним, ведь в то время ценился любой дополнительный заработок.

Вихри революций и Гражданской войны многое изменили в жизни Косинских. После обретения в 1918 г. Польшей независимости и советско-польской войны, закончившейся Рижским миром 1921 г. для многих поляков или бывших жителей польских земель, обитавших

⁴⁰ Ракачёв В.Н. Поляки на Кубани: демографический аспект // Поляки в России: XVII–XX вв.: Матер. Межд. науч. конф. / Науч. ред. и сост. А.И. Селицкий. Краснодар, 2003. С. 279.

⁴¹ Горizontов Л.Е. Парадоксы имперской политик. Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 93–95.

к тому времени на Кубани, актуальным стал вопрос о репатриации. Составлялись списки, желающих перебраться на историческую Родину. Косинские тоже собрались ехать. Характерно, что Ян и Иосиф уже официально называли себя гражданами Польской Республики (Иосиф даже уточнял: из Варшавской губернии), а Владимир (который всё чаще именовал себя Владиславом) держался более реального статуса, назвав себя гражданином г. Краснодара⁴².

В 1921 г. в списки репатриантов были включены: по адресу Дмитриевская, дом № 99 – Павел Игнатович 39 лет, его набожная супруга Наталья Петровна 32 лет, воспитываемые ею племянницы: Мария 15 лет и Александра 11 лет⁴³, Владислав Игнатович 32 лет, его жена Людмила Александровна 27 лет, их сыновья: Владислав 7 лет и Болеслав 5 лет⁴⁴, а также отчим Павла и Владислава Игнатовичей – Ян Янович Зантарский 62 лет⁴⁵; по адресу Посполитакинская, дом № 126 – Ян Игнатович 33 лет, его жена Вера Иудовна 30 лет, их дети: Валентин 11 лет, Генрих 9 лет, Антонина 7 лет, Екатерина 5 лет и Болеслав 7 месяцев⁴⁶; по адресу Северная, дом № 93 – Иосиф Игнатович 29 лет с супругой Таисией Моисеевной 21 года⁴⁷. Однако выехать им так и не удалось. Пришлось налаживать жизнь в большевистской России.

В эпоху НЭПа Косинские продолжали заниматься сапожным ремеслом и торговлей. В 1924 г. Пава сагитировал брата Владимира открыть в долевом участии сапожный магазинчик на углу ул. Красной и Горького, хотя жена Владимира Игнатовича Людмила и была категорически против занятия торговлей. Тогда же Ян (теперь уже Иван) Игнатович также открыл свой магазинчик продажи белья и материи по ул. Красной.

После свертывания НЭПа в конце 1920-х гг., семью Косинских коснулись серьёзные перемены. Предпринимателей-торговцев давили высокими налогами, они возвращали патенты и закрывали свои лавки. В довершение всего, новые власти попытались лишить Косинских большого домовладения по ул. Октябрьской. В то время Иван Игнатович с семьёй по приглашению известного советского и партийного деятеля Яна Полуяна выехал в Москву. Стали жить в дачном посёлке Малаховка. Оттуда ездили в Москву на работу и учёбу. За это время Иван Игнатович, подготовив необходимые документы, стал добиваться справедливости: он напомнил властям, что до революции именно в его доме «приютилась» большевистская подпольная типография. Благодаря этому Косинским оставили часть их старого домовладения по Октябрьской. Однако жить в этом доме довелось уже не Ивану, а его братьям. Судьба Ивана Игнатовича навсегда стала связанной со столицей, где он и умер в 1950-е гг.

Судьба детей Ивана Игнатовича сложилась по-разному. Его старший сын Валентин окончил университет, получил историко-филологическое образование. Он стал жить в Москве, работал в Академии наук СССР, был членом редакции первого издания «Большой

⁴² ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 347. Л. 8, 13об., 17об.

⁴³ Там же. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 450. Л. 78. Заметим, что в ряде случаев возраст лиц, включённых в списки, не соответствует метрическим данным, что, вероятно, связано с небрежностью составителей списков, которым приходилось быстро записывать всех многочисленных желающих стать польскими гражданами.

⁴⁴ Там же. Л. 82.

⁴⁵ Там же. Л. 78.

⁴⁶ Там же. Л. 90об.

⁴⁷ Там же. Л. 87об.

советской энциклопедии». Женился Валентин в Краснодаре, найдя будущую супругу в соседской семье Цветиковых, живших в другой половине бывшего дома Косинских по ул. Октябрьская. Работая в Академии наук, Валентин стал членом кружка молодых литераторов. В 1937 г. его вызвали на беседу в НКВД и предложили сотрудничество. Валентин Иванович отказался, предупредив о состоявшемся разговоре своих коллег. Вскоре после этого он исчез...

Второй сын Ивана Игнатовича – Генрих (Женя) – окончил Высшее техническое училище им. Н. Баумана, во время Великой Отечественной войны был на фронте, стал подполковником. После жил с семьёй в Москве в маленькой комнатухе, работал в Министерстве газовой промышленности. Умер он в 2003 г., оставив дочь Татьяну (юриста по образованию) и внучку Ольгу, которые и сейчас живут в столице.

Дочери Ивана Игнатовича: Антонина умерла незадолго до Великой Отечественной войны, а Екатерина (Кета) закончила Институт иностранных языков, во время войны служила военным переводчиком с немецкого и английского языков, переводила У. Черчилля. Муж Екатерины Ивановны – будущий заместитель директора Института истории АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы истории» и академик РАН (с 1992 г.) Владимир Григорьевич Трухановский (1914–2000)⁴⁸. Екатерина Ивановна помогала мужу в защите диссертации. У них было два сына-близнеца. Один из них, после развода, остался с отцом, стал работать в МГИМО, а второй – Владимир стал жить с матерью, служил в МИДе, много сил посвятив работе на Кубе. Умерла Екатерина Ивановна в 2004 г.

Наконец, Бронислав (Болеслав) Иванович Косинский, имея слабое здоровье, был освобождён от службы в армии, но с началом Великой Отечественной войны добровольно ушёл на фронт и погиб под Москвой.

IV

Дом на Дмитриевской был «родовым гнездом» Косинских и в хорошие годы вмещал до девяти человек, которые всегда жили дружно и во взаимопомощи. В 1928 г. в доме появилось «чудо» тогдашней техники – детекторное радио. Казалось, что жизнь налаживается, но уже через год наступают другие времена. В 1929 г. к Косинским пришла милиция для обыска. Павел дружил с еврейской семьёй Фридманов. В своё время Фридман принёс Павлу Игнатовичу копилку с семейными ценностями на сохранение, так как чувствовал, что его могут арестовать. Милиция обнаружила копилку и последовала кара: в течение 24 часов вся семья Косинских должна была выселиться из дома. И уже утром следующего дня Павел с семьёй и вещами перебрался в дом к брату Ивану Игнатовичу на Октябрьскую.

На семейном совете было решено, что Владимир с семьёй останутся в Краснодаре, а Павел поедет в Анапу, куда незадолго до этого выехал на заработки их отчим – Ян Зантарский. В Анапе Ян Янович стал работать сапожником и нашёл себе новую супругу. Ею стала именно полька – пани Хмель, уже имевшая от первого брака дочь – Софью.

⁴⁸ Большая советская энциклопедия: В 30 т. / Третье издание; гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1977. Т. 26. С. 275; Новая иллюстрированная энциклопедия: В 20 т. М., 2001. Т. 18. С. 183.

Позже, в 1930 г. в Анапу – город удивительный, где некоторые улицы были бесчисленными частными виноградниками – перебрался и Владимир Игнатович. Он купил здесь домик и открыл ювелирную мастерскую. Сыновья пана Владимира стали подрабатывать в качестве гребцов на лодках, добывая первые трудовые деньги.

Однако и здесь наступили тяжёлые времена. В 1930–1931 гг. вследствие насильственной коллективизации началось массовое бегство крестьян и наступил голод. Павел Косинский уехал в Сухум и стал агитировать братьев перебраться к нему. Однако Владимир вначале поехал в Москву и начал работать на Первом часовом заводе (пригодились знания полученные от друга). Всё же отсутствие жилья и хорошего заработка подтолкнули Владимира Игнатовича переехать к брату в Сухум. Здесь пан Владимир устроился в Торгсин (синдикат, торговавший за золото и валюту). Его супруга была домохозяйкой. Чтобы оплатить проживание в доме из двух комнат с коридором пришлось продать все драгоценности Людмилы Александровны. Но голод добрался и до Сухума: люди умирали прямо на улице. Братьям пришлось уехать. Павел с супругой вернулись в Анапу к Яну Яновичу. Здесь Павел стал работать в коллективе сапожников, его жена Нота стала парикмахером и мастером маникюра. Владимир Игнатович в 1936 г. перебрался с семьёй в Краснодар, обосновавшись в доме по Октябрьской.

В 1933 г. в Анапе умер Ян Янович. Впоследствии его вдова с дочкой Софьей перебралась в Краснодар. Здесь Софья вышла замуж и родила сына. Она прожила долгую жизнь и умерла в 2002 г.

Павел Косинский, как и до революции, продолжал живо интересоваться общественной жизнью, читал и открыто обсуждал газетные публикации. Однажды за ним пришли. Его арестовали и вскоре расстреляли. Шёл 1937 год. Его супруга Наталья Петровна выехала в Краснодар, купила домишко, недалеко от церкви Ильи Пророка (чтобы быть ближе к родственникам Косинским, обитавшим на Октябрьской), и жила в нём с племянницей Еленой до конца своих дней, где и умерла во второй половине 1940-х гг.

V

Дети Владимира Косинского подрастали. Старший сын – Владислав (теперь уже Владимир) окончил Краснодарское музыкальное училище по классу фортепьяно. Когда семья переехала в Анапу, а потом в Сухум, он продолжал заниматься музыкой и планировал поступить в Ленинградскую музыкальную консерваторию. В день отъезда Владимир упал с обрыва и сломал руку: поездка не состоялась. Тогда он поехал в Москву и поступил в медицинский институт, но вскоре был вынужден из него уйти в связи с женитьбой. Впоследствии Владимир Владимирович окончил военно-морское училище и служил в Кронштадте, где застал блокаду Ленинграда и получил звание капитана 3-го ранга. Его супруга абхазка Татьяна Владимировна, урождённая Чочуа, окончила медицинский техникум в Сухуми. В Ленинграде у молодожёнов родилась их первая дочь Наталья. Позднее Татьяна

Владимировна уехала в Сухуми, а после Великой Отечественной войны семья поселилась в Краснодаре, где у них родилась вторая дочь Людмила. Дальнейшую службу теперь уже майор Косинский продолжил в Сочи, а затем в Сухуми. В 1990-е гг. Владимир Владимирович переехал в Москву, где мэр столицы Ю.М. Лужков давал блокадникам квартиры. Умер В.В. Косинский в 2004 г.

Обе дочери Владимира Владимировича окончили Московский химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева (с 1992 г. – Российский химико-технологический университет). Сейчас они живут в Москве: у Натальи родились дочь и внук, Людмила так никогда и не вышла замуж.

Второй сын Владимира Игнатовича – Болеслав (ставший Борисом) поступил в Сухумское трёхгодичное строительное училище при Закавказской железной дороге. Оттуда он вышел специалистом – мастером отделочных работ. Параллельно Болеслав стал возглавлять туристические группы. Каждую субботу организовывались экскурсии по удивительным местам Абхазии, в том числе на Новый Афон и в пещеры. Эти экскурсии на всю жизнь запомнились Болеславу Владимировичу. Как старший группы он имел льготный туристический билет для бесплатных поездок по черноморскому побережью. Как было здорово выехать в Новороссийск, где жила сестра мамы, а затем в Анапу. Можно было погулять, купить продукты для семьи и вернуться обратно в голодный Сухум.

Окончив строительное училище Болеслав стал работать в строительном отделе Абхазской научно-исследовательской станции. Первое время по вечерам подрабатывал киномехаником в местном кинопрокате, а когда открылись курсы рабфака, стал по вечерам учиться и окончил их в 1935 г. Все заработанные деньги Болеслав, по семейной традиции, отдавал матери, чтобы та откладывала их «на чёрный день».

В душе Болеслава жила мечта: стать кинооператором. С другом детства Евгением Васюгинским он решил поехать в Москву, чтобы поступить в «Межрабпром-Русь» (нынешний «Мосфильм»). Но их ждал отказ. В столице Болеслав повидался с родичами (дядей Ваней и его семьёй) и после первой неудачи решил испытать судьбу и попробовать поступить в строительный институт. Однако, придя на вступительные испытания, Болеслав понял, что мало знает. Он встал и ушёл с экзамена.

Как ни обидно, но нужно было возвращаться домой. В Сухуми, по совету друга, Косинский решил поступить на подготовительные курсы Тбилисского индустриально-строительного института. Ещё в Москве он купил все необходимые учебники (по алгебре, геометрии начиная с самых ранних классов), толстые тетради в клетку и стал готовиться. Испысал пять тетрадей. Мама Болеслава даже пыталась заставить его немного развлекаться и погулять, но парень упорно сидел над конспектами. После он стал искать у букинистов книги для поступающих в самый престижный в царские времена Институт инженеров путей сообщения. Результат был налицо. Болеслав самостоятельно получил глубокие знания и даже стал помогать в учёбе друзьям. В 1936 г. он за 15 минут поступил в Институт лесного хозяйства в

Тбилиси. Через два года институт расформировали, а строительный факультет передали в Тбилисский институт инженеров железнодорожного транспорта им. В.И. Ленина. Болеслав попал на третий курс. Приходилось срочно досдавать пропущенное. Выдержали не все, на курсе осталось только 12 чел., но из них 7 получили дипломы первой степени (т.е. с отличием).

28 июня 1941 г. Болеслав Косинский получил диплом с отличием первой степени по специальности «инженер по строительству железных дорог и путевому хозяйству». Уже шла война. После окончания в декабре 1941 г. краткосрочных курсов Тбилисского артиллерийского училища Закавказского военного округа, Косинский воевал в Крыму и на Северном Кавказе. В звании старшего лейтенанта сражался на Малой земле под Новороссийском. Его младший брат – Станислав Владимирович – погиб в самом начале Великой Отечественной в битве за Москву.

Тем временем родители Болеслава сполна испытали «радости» прифронтового, а затем оккупированного города. Пан Владимир стал начальником штаба гражданской обороны Краснодара, а перед оккупацией города со всем штабом был эвакуирован в Сочи. Людмила Александровна часто оставалась одна в доме. Она копала противотанковые рвы, готовила еду для военнопленных. Немцы, оккупировав город, устроили в доме Косинских штаб технических работников...

После изгнания фашистов семья Владимира Игнатовича вернулась на Октябрьскую. Сам пан Владимир стал работать часовым мастером, сохранив верность этой профессии до конца своих дней. Умер он в 1961 г. Его супруга Людмила Александровна с течением лет постепенно слепла и работала по дому, с радостью ожидая, когда её сыновья и внуки приезжали погостить. Впоследствии она перебралась к старшему сыну в более тёплый Сухуми, где и скончалась в 1992 г.

После войны в январе 1946 г. Болеслав Владимирович приехал в Тбилиси за документами и остался на Кавказе – ему предложили работать инженером-строителем в столице Южной Осетии – Сталинире (ныне Цхинвал). Начались трудовые будни. В 1947 г. состоялась встреча с будущей супругой – Розой Аршаковной Сомхиевой. Встреча, которая стала судьбой... В 1948 г. они поженились. Роза Аршаковна происходила из армяно-грузинской семьи, её отец погиб на фронте, семья какое-то время жила в Гори (малой родине Сталина), тётя Розы даже дружила с матерью вождя. Роза Аршаковна выучилась бухгалтерии и стала финансовым работником. 22 мая 1948 г. в семье Косинских родился старший сын, получивший благородное имя – Георгий, а 2 декабря 1951 г. – младший – Станислав, чьё имя напоминало о польских традициях рода. В 1950 г. Болеслав Владимирович стал работать в городе Квайси в свинцово-цинковом рудоуправлении. Через некоторое время он заболел высокогорной болезнью. Пролежав три месяца, чудом выжил. Пришлось переехать в Цхинвал, где Косинский стал инженером городского хозяйства. В середине 1950-х гг. его уже перевели в областной отдел архитектуры на должность начальника отдела строительства и архитектуры.

Работа в государственных органах продолжалась до 1973 г. В то время руководителем компартии Грузии стал Э.А. Шеварднадзе, начались «этнические чистки». Беспартийный и не-грузин Болеслав

Владимирович был вынужден уйти в проектные организации. На счету Б.В. Косинского множество проектных работ: школы, сады, дома культуры. За долголетнюю и плодотворную инженерную деятельность он получил почётное звание заслуженного инженера Грузинской ССР (1967 г.). В 1990–1991 гг. прошла кровопролитная война в Южной Осетии. Косинским пришлось уехать, оставив всё, что было так дорого и стать беженцами!

Сегодня представители этой ветви рода Косинских живут в Краснодаре. Главой семьи является пан Болеслав (Борис Владимирович) Косинский, опорой которого на долгие годы стала его любящая супруга Роза Аршаковна. Постепенно их сыновья также перебрались из Южной Осетии в Краснодар.

Старший сын – Георгий Борисович – заочно окончил факультет промышленного и гражданского строительства Тбилисского политехнического института, параллельно обучаясь в Цхинвальском художественном училище им. М.С. Туганова. Затем работал в различных организациях, в том числе на должности главного инженера отдела архитектурно-строительного контроля Облисполкома Южной Осетии. После развала Советского Союза и кровавых межнациональных конфликтов, его отдел стал «не нужен». Георгию Борисовичу пришлось открывать своё дело, начиная всё с нуля и затрачивая колоссальные человеческие силы. Но жить становилось всё сложнее и в 1999 г. Георгий Борисович переезжает в Краснодар. У него крепкая православная семья: гостеприимная жена Нана Константиновна, урождённая Пуричачиаишвили, и талантливая дочь Ирина.

Младший сын пана Болеслава – Станислав – окончил исторический факультет Южно-Осетинского государственного университета, работал учителем в деревенской школе в Ксуисе, затем решил испытать судьбу и уехал на Чукотку. Здесь он получил новые профессии, работая буровым мастером, на верфи, а затем в рыбнадзоре. В 2005 г. он также перебрался в Краснодар. У него двое сыновей. Старший Борис Станиславович служит капитаном милиции в далёком Анадыре. Он взял в жёны полурусскую полчукчанку красавицу Диану, тем самым, продолжив семейную интернациональную традицию. Его младший брат Владимир учится там же в Анадыре на факультете управления и также служит в милиции.

***

История рода Косинских – это яркий пример постепенной интеграции поляков в кавказское этнокультурное пространство. Старшее поколение (Игнаций Косинский – Павлина Левкович – Ян Зантарский) ещё бережно хранили родной язык и веру предков даже в доминирующей православной русскоязычной среде. Их дети (братья Косинские – Павел, Ян, Владислав, Юзеф) продолжали сохранять польское самосознание и верность Римско-католической церкви, но смешанные «разноверные» браки привели к существенной трансформации этноконфессиональных ориентиров и переходу к преимущественному общению на русском языке даже дома. Следующее же поколение (дети братьев Косинских), хотя и не забывали о своём происхождении, уже были интегральной частью советской политической нации. Характерной чертой рода Косинских стали браки с представителями кавказских народов, что ещё больше сплавило потомков польских переселенцев с Кавказом. Их дети, внуки и правнуки уже в наши дни самостоятельно и по-разному решают вопрос о своей этнической и конфессиональной принадлежности.

Важно отметить, что для всех представителей рода Косинских был свойственен набор таких качеств и черт характера, как неиссякаемая энергия, трудолюбие и стремление выжить даже, казалось, в самых безнадежных обстоятельствах.

В.С. ПУКИШ
г. Анапа

КАТОЛИЧЕСКИЕ ХРАМЫ ЧЕРНОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

I

Со второй половины XIX в. католические приходы Северного Кавказа относились к Тираспольской епархии, основанной в 1847 г.

Согласно официальным документам, проанализированным современной исследовательницей Ольгой Лиценбергер, Тираспольская римско-католическая епархия охватывала Таврическую, Екатеринославскую, Херсонскую, Саратовскую, Астраханскую и Ставропольскую губернии, два уезда Самарской губернии, Закавказье и Бессарабию¹. По нашему мнению, термин «Закавказье» включал, кроме собственно Закавказья, и географически не относящиеся к нему Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области, Черноморский округ и Ставропольскую губернию, ведь находившиеся там приходы упоминаются в более поздних документах как приходы Тираспольской епархии.

Как сообщила автору О.А. Лиценбергер, после того как в 1845 г. по указу Николая I священники латинского обряда были выселены из Грузии, их немногочисленная паства, а также католики латинского обряда, проживавшие на территории Северного Кавказа, отказались присоединиться к общинам армяно-католиков. Они остались без своих священнослужителей и уже в 1848 г. забота о них была передана в ведение Тираспольского епископа².

Согласно Статистическому временнику Российской Империи, в 1867 г. в Кубанской области проживало 239 католиков (причём, армяно-католики отдельно не выделялись, а по Черноморскому округу данные не представлены)³.

Католические приходы Кубанской, Терской, Дагестанской областей, а также Ставропольской губернии входили в состав Пятигорского деканата Тираспольской епархии. Что касается Черноморского округа, то в сентябре 1896 г. Тираспольский епископ сделал распоряжение изъять из ведения католического священника города Керчи и причислить к Екатеринодарскому римско-католическому приходу город Новороссийск, селения Мефодиевку, Кирилловку, Владимировку, Глебовку, Варваровку, Павловку, Малую Воланку, Большую Воланку,

¹ Лиценбергер О.А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 159, 353.

² Письмо О.А. Лиценбергер В.С. Пукишу. Октябрь 2006 г. // Личный архив автора.

³ Цит. по: Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007. С. 378.

Вербовку и посёлок на Кудаке, то есть поселения, находящиеся в созданной в том же году новой губернии – Черноморской⁴. Можно предположить, что первоначально католики Черноморского округа принадлежали к Симферопольскому деканату, в ведении которого находился Керченский приход. В дальнейшем католическая община Новороссийска становится самостоятельным приходом.

Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., в Кубанской области было 7534 католика и 143 армяно-католика, в том числе католиков и армяно-католиков, соответственно: в Екатеринодарском отделе – 1223 и 42; в Баталпашинском отделе – 1477 и 6; в Ейском отделе – 384 и 7; в Кавказском отделе – 11 и 1; в Лабинском отделе – 671 и 13; в Майкопском отделе – 627 и 26; в Темрюкском отделе – 1033 и 48. Городскими жителями в Кубанской области были 1910 католиков и 94 армяно-католика, сельскими – 5624 католика и 49 армяно-католиков.

Согласно той же переписи, в Черноморской губернии проживало 2429 католиков и 82 армяно-католика, в том числе католиков и армяно-католиков, соответственно: в Новороссийском округе – 1961 и 68; в Сочинском округе – 104 и 4; в Туапсинском округе – 364 и 10. Городскими жителями в Черноморской губернии были 794 католика и 54 армяно-католика, сельскими – 1635 католиков и 28 армяно-католиков⁵.

Из одиннадцати приходов Пятигорского деканата три находились в Кубанской области (Екатеринодар – 2500 прихожан, Рождественское – 2638 прихожан, Семёновка – 2750 прихожан) и один – в Черноморской губернии (Новороссийск – 3580 прихожан). Впоследствии к этим приходам добавится ещё один – Армавир (156 прихожан) в Кубанской области⁶. Количество прихожан дано на 1917 г.

Согласно «Каталогу духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год», в Новороссийском округе Черноморской губернии функционировал единственный приход – Новороссийский. К нему, кроме городской католической общины, были причислены следующие населенные пункты: Мефодиевка, Кирилловка с молитвенным домом во имя Св. Вячеслава (имелся в виду Св. Вацлав), Владимировка, Глебовка, Варваровка с молитвенным домом во имя Св. Вячеслава (Св. Вацлава), Павловка, Тешевс с каменной часовней, Текос, Анастасиевка с деревянной часовней на каменном фундаменте, Геленджик, Анапа, Туапсе, Сочи, Хоста, Адлер, Гагры и Гудауты⁷.

В Кубанской области в 1917 г. было четыре прихода:

– в Екатеринодарском отделе – Екатеринодар (г. Екатеринодар с приходской церковью во имя Розария Пресвятой Девы Марии, сооруженной в 1893 г.; г. Темрюк; г. Майкоп с филиальной каменной церковью во имя Св. Антония Падуанского, построенной в 1914 г.; станицы Крымская, Тихорецкая, а также католики, проживающие в станицах Екатеринодарского отдела);

⁴ КОВ. 1896. № 195.

⁵ Цит. по: Северный Кавказ в составе Российской Империи. М., 2007. С. 379–381.

⁶ Лиценбергер О.А. Указ. соч. С. 353.

⁷ Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. С. 60.

- в Кавказском отделе – Семёновка (Семёновка с молитвенным домом во имя Св. Михаила Архангела, построенным в 1894 г.; филиал Новониколаевка с каменным молитвенным домом во имя Св. Сердца Иисуса Христа, построенным в 1905 г.; католики, проживающие на хуторе Мамацева, Гесова; селения Гахаевка и Анновка (Линенталь));

- в Баталпашинском уезде – Рождественское (с приходской церковью во имя Св. Семейства, сооруженной в 1883 г.; сюда причислены католики, проживающие в станицах Невинномысской, Лапинской, Спокойной и колонии Великокняжеской) и, наконец, приход г. Армавир (с молитвенным домом)⁸.

Первоначально прихожанами Пятигорского деканата были поляки и армяне. Во второй половине XIX – начале XX в. на юге России появляются новые католические поселенцы: бельгийцы, итальянцы, немцы, французы, чехи. Согласно «Каталогу Тираспольской епархии за 1919 г.» среди 368 685 прихожан епархии было 228 680 немцев, 114 172 поляка, 8118 литовцев, 6148 чехов⁹.

Резиденция Тираспольского епископа с 1856 по 1918 г. находилась в Саратове, а с 1918 по 1920 гг. – в Одессе. Во время Гражданской войны католические приходы Кавказа относились к Апостольскому Викариату Крыма и Кавказа, выделенному из южной части Тираспольской епархии, а с 1926 г. они вошли во вновь созданную Апостольскую Администратуру Северного Кавказа¹⁰. К концу 1930-х гг., с арестами и уничтожением священнослужителей, закрытием церквей и прекращением деятельности церковных органов, деятельность Римско-католической церкви в СССР была практически приостановлена.

II Новороссийск

На рубеже XIX–XX вв. в Новороссийске проживала довольно многочисленная католическая община. Основу её составляли армяне, итальянцы, немцы, поляки, французы и чехи.

Согласно Первой Всеобщей переписи населения Российской Империи 1897 г., среди 16 897 жителей Новороссийска было 723 католика. Кроме польской колонии, в городе проживало 170 чехов (1,0 % населения), а из 391 армянина 316 принадлежало к Армянской Апостольской церкви (предполагаем, что остальные были армяно-католиками)¹¹.

Новороссийский старожил Мария Чехова (Сисель) (1925 г.р.) рассказывает, что её бабушка говорила, что когда в городе ещё не было католического храма, чехи посещали православные богослужения, хотя больше им нравилось ходить в немецкую лютеранскую кирху (её здание сохранилось до настоящего времени).

⁸ Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. С. 60–61. Следует отметить, что в 1917 г. уже не существовало такой административно-территориальной единицы как Баталпашинский уезд. Рождественский приход тогда находился на территории Баталпашинского отдела Кубанской отделения, а Армавирский приход – Лабинского отдела.

⁹ Цит. по: Чаплицкий Б. История Католической церкви в России // <http://history.catholic.spb.ru/?chpr07>

¹⁰ Чаплицкий Б., Оситова И. Книга памяти. Мартиролог Католической церкви в СССР. М., 2000. С. XXXI.

¹¹ Цит. по: Герасименко А., Санев С. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С. 264.

После причисления в 1896 г. католиков вновь созданной Черноморской губернии к Екатеринодарскому римско-католическому приходу их стал окормливать екатеринодарский викарный священник Михаил Ягулов (грузин)¹².

Предыстория Новороссийского римско-католического храма начинается в 1889 г., когда жители Новороссийска чехи Франц Кошка и Яков Коляр ходатайствовали перед властями об открытии в городе католического молитвенного дома, но не получили на это разрешение¹³. Отметим, что фамилии ходатаев, скорее всего, русифицированы: по-чешски они должны звучать как Кочка и Коларж, соответственно.

В то время, согласно строительному уставу Российской Империи (статья 676), строительство неправославных церквей разрешалось только через подачу просьбы в губернское правление, а затем в МВД и его Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, которые выносили вердикт по каждому отдельному случаю¹⁴.

Только в 1895 г. в Новороссийске иждивением прихожан сооружён каменный молитвенный дом во имя Св. Анны¹⁵. В 1899 г. этот молитвенный дом, построенный на ул. Лазаревской (сейчас ул. Конституции), был освящён, но без разрешения властей. Нарушение негласного запрета властей не могло остаться незамеченным. Хотя освящённую часовню решили оставить, настоятель Екатеринодарского прихода, к которому тогда относился Новороссийск, почётный каноник Иосиф Канумов должен был понести наказание. По распоряжению министра внутренних дел его отстранили от должности настоятеля «за неправильные действия по службе» и ему грозило «заклучение на два года в монастырь»¹⁶. Однако уважаемый священник остался в Екатеринодаре. Официальная версия выглядела так, что в декабре 1900 г. ксёндз Канумов подал прошение об отставке «в связи с преклонным возрастом» и уволен Тираспольским епископом по болезни 20 января 1901 г. Отец Ягулов же был переведён в другой приход (впоследствии он служил в Луганске)¹⁷.

Богослужение в Новороссийском молитвенном доме было обставлено с должным благолепием, с пением псалмов и хоралов на польском и чешском языках¹⁸.

Одним из первых настоятелей Новороссийской римско-католической общины (теперь уже самостоятельного прихода, а не филиала Екатеринодарского) стал словак Штепан (Стефан) Порубский. В газете «Черноморское побережье» за 7 октября 1904 г. появляется сообщение: «Священник местного римско-католического молитвенного дома

¹² См.: Селицкий А.И. Почётный каноник Иосиф Канумов – «отец» Екатеринодарской римско-католической приходской церкви // Екатеринодар – Краснодар: 140 лет городского самоуправления. История и современность. Краснодар, 2007. С. 110–115.

¹³ Чаплицкий Б. История Католической церкви в России // <http://www.katolik.ru/modules.php?name=Encyclopedia&op=content&tid=602>

¹⁴ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской Империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2007. С. 230.

¹⁵ Каталог духовенства и церквей Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. С. 60.

¹⁶ ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 6280; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2468.

¹⁷ Селицкий А.И. Указ. соч. С. 113–114.

¹⁸ Максимов В. Наши приходы: Анапа. Храм в станице // Свет Евангелия. Российская католическая газета. 1999. 12 сентября. № 33. С. 4.

г. Парубский (должно быть: Порубский. – В.П.) обратился в городскую управу с просьбой о постановке фонаря против молитвенного дома, в виду того, что Лазаревская улица освещается плохо и по ней по ночам разгуливают тёмные личности»¹⁹.

Чешский исследователь начала XX в. Ян Ауэрган сообщает, что за несколько лет до его приезда на Кавказ бывший новороссийский настоятель Порубский, «много заботившийся о чешских сёлах, в силу разных причин был переведён» в другое место, и настоятелем в городе стал, «вероятно», немец²⁰. Этим немцем, скорее всего, был «курят» (викарный, младший приходской священник) Александр Штанг, которого упоминает «Каталог духовенства и церкви Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год»²¹.

Наконец 22 октября 1907 г. в Новороссийске на углу ул. Мартыновской (ныне ул. Рубина) и Лазаревской (неподалёку от молитвенного дома) начинается закладка римско-католического храма по проекту варшавского архитектора Войцеховского, но вскоре прекращается ввиду отсутствия средств²².

Отметим, что к тому времени получение разрешения на открытие костёлов в Российской Империи значительно упростилось: для этого требовалось только согласие католического начальства, наличие необходимых денежных средств и соблюдение технических требований строительного устава. Такие изменения были провозглашены в Высочайшем именном указе от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», появившемся в результате событий Первой русской революции²³.

Поскольку средств на строительство не было, то есть не выполнялось одно из условий получения разрешения на строительство, его приостановили и возобновили лишь в 1915 г.²⁴ При этом, ещё в 1914 г. при костёле открылось одноклассное приходское училище.

Здания молитвенного дома и построенного костёла сохранились до наших дней. Новороссийский костёл представлял собой вид домового строения. В фасадной части здания располагался собственно

¹⁹ Черноморское побережье. 1904. 7 октября. № 506.

²⁰ Auerhan J. České osady na Kavkaze // *Agrární Revue*. [Praha], 1914. Мы используем другое издание этой работы: Auerhan J. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze. Praha, 1920. S. 64. Ян Ауэрган (1880–1942) – чешский учёный и государственный деятель. Во времена Австро-Венгрии работал в Краевом статистическом управлении, а после провозглашения независимости Чехословакии становится сотрудником Государственного статистического управления (1919 г.). С 1921 г. – советник министра, с 1926 г. – заведующий отделом и вице-президент, а в 1929–1939 гг. – президент Государственного статистического управления. Преподавал в Карловом университете в Праге, занимался изучением переселенческого движения и чехословацких меньшинств за границей (в Польше, Пруссии, России), проблемой языковых меньшинств в Европе (автор книги «Языковые меньшинства в Европе», 1924 г.). На основании личного посещения чешских диаспорных групп и анализа письменных источников, написал работы: «Чешские поселения в Вольнской губернии» (1912 г.), «Чехи в Вольнской губернии» (1913 г.), «Народнохозяйственное значение чешских поселений в Вольнской губернии» (1912 г.), «Чешские поселения в Таврической губернии» (1914 г.), «Чешские поселения на Кавказе» (1914 г.), которые в 1920 г. издал вместе в сборнике «Чешские поселения на Волыни, в Крыму и на Кавказе». Во время нацистской оккупации поддерживал связи с нелегальным освободительным движением. Казнен нацистами в 1942 г. См.: http://www.czso.cz/csu/redakce.nsf/i/historie_statistiky_v_ceilchach_po_roce_1918

²¹ Каталог духовенства и церкви Тираспольской римско-католической епархии на 1917 год. С. 60.

²² Черноморское побережье. 1907. 11 октября; 24 октября; 1915. 15 июля.

²³ Тихонов А.К. Указ. соч. С. 231.

²⁴ Черноморское побережье. 1915. 15 июля.

храм, а в тыльной стороне – три комнаты (из них две – квартира священника, а третья – квартира сторожа). Каждая из квартир имела свой выход во двор.

Но пришли новые времена, и над костёлом нависли тучи. 5 февраля 1923 г. члены польской религиозной общины, по договору, заключённому с Черноморским окружным исполкомом, приняли от него в бессрочное бесплатное пользование «каменный молитвенный дом и флигель»²⁵. Но уже 28 мая 1929 г. Президиум Черноморского окружного исполнительного комитета вынес постановление – расторгнуть договора с религиозными общинами города, в том числе с католической церковью, в части передачи им жилых домов при храмах, и обязал общины передать их в ведение городского Совета, в его муниципализированный фонд²⁶.

Католическая община, как видно из вышеупомянутого договора от 5 февраля 1923 г., не имела какого-либо отдельного дома при храме, и 19 августа 1929 г. в Москву, в Президиум ВЦИК РСФСР обратилась группа католиков Новороссийска с жалобой на действия органов власти по изъятию квартир, находящихся непосредственно в здании костёла. Верующие просили отменить решение Черокрисполкома от 28 мая 1929 г. Жалобу подписала уполномоченная от прихожан Ядвига Эдмундовна Дзержинская, сестра «железного Феликса», проживавшая в то время в Новороссийске.

Из ВЦИК жалобу переслали на разрешение Председателю краевого ЦИК, который перенаправил её Черокрисполкому с тем, чтобы тот пересмотрел своё решение и, если есть возможность, оставил бы общине жилые комнаты при костёле. О принятом решении было предложено донести в Северо-Кавказский крайисполком.

13 сентября 1929 г. Черокрисполком рассмотрел на своём заседании жалобу прихожан и вторично принял решение: «Ввиду того, что польская коммунистическая секция ходатайствует о передаче ей трёх комнат – в ходатайстве общины об оставлении за ксендзом и сторожем квартир – ОТКАЗАТЬ, а примыкающие к молитвенному помещению квартиры предоставить польской комиссии под культурно-просветительные учреждения»²⁷.

Последним годом существования Новороссийского костёла стал 1938-й. 23 марта того года комиссией по культурам при горсовете был поставлен вопрос на Президиуме горсовета, где было принято следующее решение: «Принимая во внимание, что в костёле молитвенных собраний не проводится, костёл постоянно закрыт, состояние имущества и здания внутри, ввиду отсутствия кого-либо из исполнительных органов – неизвестно – считать религиозное общество, взявшее по договору от 5 июня 1923 года молитвенное здание по ул. Конституции, 31 – костёл и имущество в нём для удовлетворения религиозных потребностей – развалившимся и костёл свободным. Просить оргкомитет ВЦИК РСФСР по Краснодарскому краю закрыть костёл, как молитвенное здание, и разрешить использовать его... под клуб»²⁸.

17 июня 1938 г. комиссия по культурам удовлетворила ходатайство горсовета, а 15 июля 1938 г. решение комиссии было утверждено оргкомитетом ВЦИК по Краснодарскому краю²⁹.

²⁵ ААН. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 1072. Л. 72.

²⁶ Там же. Д. 1135. Л. 88.

²⁷ Там же. Д. 1072. Л. 98, 99, 102, 110.

²⁸ Там же. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 380. Л. 62.

²⁹ Там же.

И всё же католическая община в Новороссийске ещё существовала официально до конца 1940 г. Так, 19 сентября 1940 г. Новороссийским горисполкомом была составлена информация о религиозных общинах и сектах, официально зарегистрированных в горсовете. В их составе значится: «Римско-католическая религиозная община при костёле (ул. Конституции), учредителей 346 человек»³⁰. Но уже через полгода общины не стало: «В результате работы, проведённой с соблюдением всех существующих законов, закрыт костёл Римско-католической церкви»³¹.

На долгие годы жизнь католиков в Новороссийске умолкла. Возобновление католических богослужений в городе неразрывно связано с историей чешского национального движения. В августе 2000 г. в Новороссийске было зарегистрировано городское чешское национально-культурное общество «Наздар» (сейчас объединяющее ок. 50 чел.). 11 января 2005 г. при участии тогдашнего посла Чешской Республики в РФ Ярослава Башты при обществе «Наздар» открылся Чешский культурный центр (ул. Гордеева, 4). С 2002 г. для катехизации чешской общины Новороссийска по субботам стал приезжать католический священник из Анапы – отец Йозеф Валабек (1953–2005), словак по национальности. Были планы основать в Новороссийске католическое общество и начать строительство костёла, но в августе 2005 г. отец Йозеф умер. Занятия по катехизации в помещении центра «Наздар» возобновились осенью 2006 г., когда туда по воскресеньям стали приезжать новый настоятель Анапского католического прихода отец Яцек Ягодзинский и его помощник отец Даниил Радзишевский (оба – поляки). Они же отслужили в воскресенье, 25 февраля 2007 г., в помещении центра «Наздар» первую Св. Мессу (и вообще – первое за многие десятилетия католическое Богослужение в Новороссийске). С этого дня Св. Месса служится в Новороссийске каждое воскресенье в 15.00.

III

Поселения возле Новороссийска: Кирилловка и Глебовка

В начале XX в. в Черноморской губернии костёлы, кроме Новороссийска, были лишь в двух сёлах. Уже упомянутый исследователь Ян Ауэрган уточняет: «в Кирилловке и, возможно, ещё одном селе»³². Таким селом, по нашему мнению, была Павловка под Анапой, где костёл просуществовал до 1930-х гг. Но костёлы были без приходского священника. В остальных поселениях стояли лишь простые колоколенки (молитвенные дома). Все эти поселения являлись филиалами Новороссийского прихода. Поскольку один новороссийский священник обслуживал несколько сёл, а зимой сообщение с городом нередко становилось практически невозможным, богослужения и похороны поселенцы проводили сами, без священника.

Большую роль в организации религиозной жизни католиков Новороссийского округа внёс уже известный нам отец Порубский.

³⁰ ААН. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 193. Л. 17.

³¹ Там же. Д. 579. Л. 57.

³² *Auerhan J. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze...* S. 64.

Чешский исследователь начала XX в. Карел Хотек так характеризует новороссийского настоятеля: «...в некоторых сёлах есть русские школы, а в иных – лишь некие языковые курсы, которые ведёт самоотверженный католический настоятель новороссийский, словак»; кроме курсов, «организуются празднования Рождественской ёлки с чешскими декламациями и песнями, являющимися большим праздником для всего села», здесь же «заложена чешская библиотечка»³³. Речь здесь, очевидно, идёт о Кирилловке, так как другой исследователь Ян Ауэрган сообщает, что отец Порубский основал в Кирилловке единственную в чешских сёлах края библиотеку³⁴.

Католический костёл в Кирилловке был построен в начале XX в. на пожертвования поселенцев этого и других близлежащих сёл. Большой крест для костёла сделали жители села Кирилл Виктора и Длоуги. Кирилловские старожилы говорят, что на том месте, где позже был построен костёл, рос большой старый дуб, на котором был подвешен колокол. Под этим дубом и проводились Св. Мессы. Житель села Павел Лузум (1911–2005) сообщал, что именно по колоколу крестьяне села сверяли время³⁵.

Старожилы вспоминают, что до 1930-х гг. после Св. Мессы в костёле устраивались соревнования среди сельских духовых оркестров, которые были в каждом чешском селе округи.

Кирилловцы рассказывают, что, после того как костёл переоборудовали под клуб (в 1937 г.) и в нём проводили первый танцевальный вечер, местный каменотес Йозеф Шимберски первым пригласил на танец девушку Божену Крагулец, поскольку никто не решался начать танцевать в храме. Вскоре после этого вечера его убило молнией во время грозы, что люди связывают с карой небес.

Во время Второй мировой войны Кирилловка была оккупирована немецкими и румынскими войсками (с сентября 1942 по сентябрь 1943 г.). По рассказам старожиллов, немцы восстановили костёл, украсили его стены красивыми фресками и ходили туда молиться. Вероятно, богослужения совершали военные капелланы³⁶. Жители Кирилловки вновь стали собираться на Св. Мессы.

После войны советские власти решили сбросить большой крест с купола. Семья кузнеца Длоутого отважилась спрятать крест у себя в доме на чердаке. Однажды их дом загорелся, но огонь дошёл только до того места, где был крест. Так, говорят кирилловцы, крест остановил огонь и спас хозяев. Уже в новое время крест отнесли на кладбище, где он стоял как памятник возле могил, но сейчас, похоже, кто-то его забрал, возможно, для переплавки... До сих пор хранится на кладбище

³³ Chotek K. Čechové na Kavkaze // Národopisný Věstník. Praha, 1910. Roč. V. S. 203. Карел Хотек (1881–1967) – чешский этнограф; изучал общую этнографию в Лейдене, Берлине, Париже и Цюрихе. Многочисленные этнографические труды писал на основании собственных путешествий по Европе (в том числе по славянским странам) и США. Результатом двух путешествий на Кавказ явилась монография о русской колонизации на Кавказе (1910 г.), работы «Абхазия и абхазцы» (1915 г.), «Чехи на Кавказе» (1910 г.) и др. Работал в Чехословацком этнографическом обществе, был основателем Этнографического института, экспертом Парижской мирной конференции (1920 г.). См.: <http://tyfoza.no-ip.com/narodopis/html/kniha/texty/0150-0150.htm>

³⁴ Auerhan J. České osady na Volyni, na Krymu a na Kavkaze... S. 63.

³⁵ Купов Г. Чехия у реки Цемес (Воспоминания П.М. Лузума) // Новороссийский рабочий.

³⁶ Schmurr J. Die Kirchen und das religiöse Leben der Russlandsdeutschen, Katholischer Teil. Stuttgart, 1980. S. 102, 103, 314, 315; Чаплицкий Б., Осипова И. Книга памяти... С. Л.

малый крест, который был установлен на нижнем куполе костёла³⁷. В настоящее время в здании костёла находится сельский Дом культуры.

В Новороссийском городском архиве хранятся весьма примечательные материалы, касающиеся всестороннего изучения быта чешских крестьянских хозяйств села Глебовка, проводившегося в 1925 г. Обследование проводилось отдельно по бедняцким, середняцким и зажиточным крестьянским хозяйствам. В них есть данные и о религиозной ситуации в селе. Так, о семье крестьянина-середняка Василия Чмелинского сказано, что «церковные обряды, крест, свадьба, похороны сохранились в полной силе, Церкви нет, молеальный дом, недавно открывшийся, посещается редко»³⁸. Ещё об одной семье сказано следующее: «Католические обряды исполняются слабо, а сыновья даже не молятся Богу». И далее: «Все члены семьи, как заявляет хозяин, не особенно крепко держатся своих религиозных обрядов, тем не менее, в комнатах много места уделено “святому углу” с порядочным деревянным крестом, с изображением распятия»³⁹. Есть информация и о колоколе, висящем посреди села: «Время завтрака, обеда и ужина указывается звонком колокола посреди деревни – это один из сохранившихся обычаев, так как часы в деревне – редкое явление»⁴⁰. Безусловно, эта традиция имела религиозные корни.

IV

Поселения возле Анапы: Павловка и Варваровка

До 1930-х гг. костёлы были в обоих чешских селах под Анапой (Павловке и Варваровке). Проживающая сейчас в Анапе уроженка Варваровки Анастасия Сланец (Вондриска) (1913 г.р.) рассказывает, что в Варваровку из Новороссийска (ок. 50 км) католический священник приезжал всего лишь раз в год. Также раз в год он приезжал и в соседнюю Павловку (эти сёла расположены близко друг к другу; сейчас Павловка административно входит в состав Варваровки). В отсутствие священника, вспоминает бабушка Анастасия, жителям разрешалось самим крестить детей и отпевать покойников дома, а хозяйственной деятельностью занимались церковные старосты. Однако в обоих сёлах были костёлы (здания не сохранились).

О том, что священник служил Св. Мессу в варваровском костёле лишь раз в год, упоминает и чехословацкий писатель Пётр Йилемницкий в своём романе «Звонкий шаг» (1939 г.) о жизни чешского села в начальный период коллективизации (писатель работал учителем в соседней Павловке в 1927–1928 гг.)⁴¹.

³⁷ Автор благодарит жительницу села Кирилловка Ирину Третьякову (Кабрду) за предоставленные записи воспоминаний старожилов села.

³⁸ ААН. Л. 401/140.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Jilemnický P. Dunivý krok. Praha, 1959. S. 99. Пётр Йилемницкий (1901–1949) – чешский писатель и педагог, основоположник словацкой пролетарской литературы. Автор романа о жизни чешских сел на Кавказе “Zuniaci krok” (в чешском переводе – “Dunivý krok”). Совершил четыре поездки в СССР: в 1926–1928 гг. (именно во время этой поездки он работал учителем в Павловке и учился в Московском институте журналистики), в 1931 г., в 1934 г. (был делегатом на съезде советских писателей) и в 1948–1949 гг. (работал атташе по культуре Посольства Чехословакии). Умер в Москве. О нём см.: *Truhlář B. Předmluva // Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů. Praha, 1953. S. 7.**

Тот же Йилемницкий, ссылаясь на старожилов Павловки Влчка и Сланца (из тех, кто приехал на Кавказ в 1868–1870 гг.), пишет в своём очерке «Чехи на Кавказе» (1929 г., издан в Чикаго в сборнике репортажей «Два года в Стране Советов»), что вначале переселенцы жили в землянках, а когда «уже наступили лучшие времена и когда уже все имели крышу над головой» построили для себя «маленький молитвенный дом». После того, как через несколько лет поселенцы «построили настоящий костёл», то «тот первый (молитвенный дом. – В.П.) переделали под школу»⁴². Далее П. Йилемницкий указывает, что «строительство то было ненужным, потому что туда (в костёл. – В.П.) сейчас никто не ходит, лишь несколько женщин, которые в воскресенье после обеда сходятся на его ступеньках, чтобы по старому обычаю посплетничать...»⁴³. Правда, в написанном в 1938 г. очерке «Словацкий учитель на чужбине» П. Йилемницкий отмечает, как наиболее показательный и достойный уважения факт, именно то, что первые жители Павловки вначале построили здания для школы и молитвенного дома, а уже затем – жилые дома для себя⁴⁴. Когда автор более искренен судить трудно, но следует учесть, что П. Йилемницкий был идейным коммунистом, членом ВКП(б), членом сельсовета в Су-Псехе (село под Анапой; к этому сельсовету относились чешские сёла Павловка и Варваровка) и восхищался «новой жизнью», которую строили в СССР⁴⁵.

В свою очередь, Анастасия Сланец вспоминает, что в отсутствие священника в костёлы в Павловке и Варваровке каждое воскресенье на Литургию Слова⁴⁶ собиравались люди: «костёлы были полны народом». В Павловке у алтаря молебен вёл «дедушка» Ержик (Иржи?) Сланец, с другой стороны «на коленях стояли дети». В варваровском костёле тоже был такой «дедушка», который вёл Литургию Слова, по фамилии Бауэр. Помогал ему, «зажигал свечи, как это сейчас делают министренты», Гроудек. Когда это было, Анастасия Сланец точно не помнит, но, учитывая, что родилась она в 1913 г., а во время описываемых событий она уже была взрослой, то, скорее всего, речь идёт о 1920-х – начале 1930-х гг., но не позднее (её дочь Мария Сланец, 1931 г.р., говорит, что, когда она была ребёнком, в здании варваровского костёла уже был сельский клуб, а павловского – МТС: «ремонтровали тракторы»).

Пани Анастасия Сланец также вспоминает, что в годы советской власти в чешских семьях крестили детей и отпевали покойников «бабушки дома», а венчаний не проводили вовсе. Её дочь, пани Мария, добавляет, что, в случае смешанных браков, крещение и отпевание, если и проводились вообще, то уже по православному обряду.

Возрождение католического прихода в районе Анапы начинается в 1990-е гг. В 1991 г. отец Богдан Северыник, приехавший на

⁴² Jilemnický P. Česi na Kavkaze // Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů... S. 83–84.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Jilemnický P. Slovenský učitel v cizině // Jilemnický P. Dva roky v zemi Sovětů... S. 97–98.

⁴⁵ Truhlař B. Kroky, které dúní // Jilemnický P. Důvěřivý krok... S. 18–19.

⁴⁶ Литургия Слова – часть Св. Мессы, которую в отсутствие священника прихожане могут вести самостоятельно (её основную часть составляют чтения из Св. Писания, Символ Веры и молитва верных), что отличает её от Литургии Евхаристии, во время которой священник под видом хлеба и вина осуществляет таинство Бескровной Жертвы.

черноморское побережье как капеллан польских рабочих строительной фирмы «Будимекс», совершил ознакомительную поездку от Сочи до Анапы и встретился в станице Анапской с польской семьёй Пеньковских, а затем и со многими другими потомками католических семей. Уже с 1993 г. в станице Анапской в маленькой комнатке-часовенке при приходском доме, а также в столовой в соседнем посёлке Витязево, где работала бригада словацких строителей, стали проходить Св. Мессы. Сюда приезжали польские священники: отец Анджей Моравский и отец Януш Бляут.

В 1996–2001 гг. настоятелем Анапского прихода был отец Мирослав Яняк (поляк). Именно его стараниями и при финансовой поддержке католической общины г. Падеборн (Германия) в саду приходского дома в станице Анапской было построено здание римско-католического костёла Св. Ядвиги и Св. Либория. Краеугольный камень для строительства храма был освящён в Ватикане 17 апреля 1999 г. папой Иоанном Павлом II. **Уже построенный храм был освящён в сентябре 2000 г.**

С сентября 2001 по август 2005 г. приход возглавлял ныне покойный отец Йозеф Валабек. С 24 октября 2005 г. настоятелем прихода является отец Яцек Ягодзинский, а викарным священником (с 18 сентября 2006 г.) – отец Даниил Радзишевский.

Анапский римско-католический костёл, наверное, единственный в России, где каждое воскресенье звучит «Отче наш» на четырёх языках – русском, польском, чешском, а затем и армянском. На Рождество и Пасху молитва Господня читается ещё на ассирийском и украинском языках.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абациева-Газданова, В.Н. (Д.Н.) 196, 197
Абдул-Меджид 147, 155, 159
Адамовичи 197
Айдукевич, К. 94, 96, 97
Акрепович, О., см. *Раковская, О.*
Акритас, П.Ф. 238
Александр I 25, 161
Александр II 48, 158, 188, 234
Александр III 18, 37, 58, 78, 185, 192, 193, 200
Алексеев, М.В. 228
Амвросий, митрополит 159
Андерс, В. 112–114, 116
Андроновские 58
Анна Ваза, см. *Ваза, А.*
Анна Иоанновна 88
Антиох, см. *Вербицкий, Г.Н.*
Антонов, О.К. 132
Апухтин, А.Л. 61
Апухтина, В.А. 118
Арановский 169
Аращенко, Г. 92, 93
Артман, А., см. *Бяллезор, А.*
Архипова, А.Ф., см. *Кашубская, А.Ф.*
Астафьев, В.П. 118–125
Ауэрган, Я. 251, 253, 254
Афанасьев, А.Н. 124
Афанасьев, Д.Д. 20
Афанасьев, К.Д. 203
Аффанасович, К. 223
Ахмед III 148

Б

- Бабицкий, Л. 228
Байбурин, А.К. 149
Балашёв, П.М. 27
Балбашевский, Л. 218, 219, 222
Балей, С. 94
Бандровский, Б. 94
Бардадым, В.П. 204
Барковская, Н.Е. 72, 76
Барковский, В.И. 76
Барятинский, А.И. 166
Басевич 49
Баторий, С. 138
Батурин 51
Батюшков, П.Н. 73
Баумгарт, М. 222

- Бауэр 256
Башта, Я. 253
Безбородко 25
Безкровный, А.Д. 142, 143
Белозор, см. *Бялзор, Ю.Ю.*
Бельский, А.И. 193
Бельский, А.Н. 193
Бем де Косбан, граф 227, 229
Бемм, Г. 51
Бендерли-бей, см. *Гордон, К.*
Бенкендорф, П.Л. 217
Бенклевский, П. 219, 221
Бериев, Г.М. 128
Берия, Л.П. 104, 110, 111, 115
Берлинг, З. 110–117
Берлинг, С., см. *Берлинг, З.*
Бернадзикевич, Т. 231
Бернард, Я.И. 232
Берсон, Я.-С. 231
Бескровный, Л.Г. 170
Бжезинский, Л. 225
Биберштейн-Левицкий, А.В. 178
Бирон, Л. 217
Блаховский, С. 94
Блок, Г. 191
Бляут, Я. 198, 257
Бобжинский (Бобжинский, Бобржинский), М. 61–67
Богданович, А.А., см. *Левкович, А.А.*
Богданович, А.Е. 70
Бодуэн де Куртенэ, И.А. 73
Бокщанин, Ф.-М. 218, 219
Бондарчик, В.К. 68
Бондаренко, Т.М., см. *Косинская, Т.М.*
Борисенко, В.К. 30
Борисёнок, Ю. 148
Борчевская, В.С. 202
Борчевская, М.Я. 201, 202
Борчевский, С.И. 202
Борчевский, Ю.С. 202
Ботев, Хр. 157
Браницкая 25
Браницкие 25
Брюховецкий, И. 152, 156
Бугаев, Б.П. 129
Буйницкий, И. 72
Буковская, А. 187
Буковский, М.В. 184, 187
Букоемский, Л. 110
Булгаков, М.А. 196
Буш, Дж.У. 133, 134

- Бяллозор, А. 14
Бяллозор, Б.Ю. 14
Бяллозор, Г.Ю. 15, 19, 20
Бяллозор, Е.Ю. 19
Бяллозор, И.Э. 21
Бяллозор, Кшиштоф, хорунжий 21
Бяллозор, Кшиштоф, каноник 21
Бяллозор, К.Ю. 14
Бяллозор, Марциан 20, 21
Бяллозор, М.И. 15, 19
Бяллозор, М.М. 20
Бяллозор, М.Ю. 14
Бяллозор, Николай Юлианович, сын Ю.Н. Бяллозора 14
Бяллозор, Николай Юлианович, сын Ю.Ю. Бяллозора 19
Бяллозор, О. 21
Бяллозор, Паулина Юлиановна 14
Бяллозор, Пелагия Юлиановна 14
Бяллозор, Р.Ю., см. *Бяллозор, Ю.Ю.*
Бяллозор, С.Г. 14, 15, 19, 20
Бяллозор, Ц.Ю. 14
Бяллозор, Ю.Н. 14
Бяллозор, Ю.Ю. 14–19
Бяллозор, Я.К. 21
Бяллозор, Я.Ю. 14
Бяллозоры 16, 23
Бяллозор, сын А. Саковича 13
Бяллозор, Адольф Антонович 21
Бяллозор, Александр Адольфович 14, 20–23
Бяллозор, А.Ф. 21, 23
Бяллозор, Г.А. 23
Бяллозор, Е. 20, 21
Бяллозор, Е.Ф., см. *Ермолаева, Е.Ф.*
Бяллозор, З.А. 23
Бяллозор, К.А. 23
Бяллозор, Михалина 21
Бяллозор, О.Г. 21
Бяллозор, Ф.Ф. 23
Бяллозоры 13–16, 20, 21, 23

В

- Ваза, А. 7
Вадковский, А.Ф. 194
Валабек, Й. 253, 257
Валуев, П.А. 42, 43, 51
Валяровский, К. 232
Вандровские 197
Варинский 48
Василевская, В. 110, 113, 114, 116
Васютинский, Е. 244
Вендорф, О. 217

- Венцлавович 230
Венцковский, А. 58
Венява-Длугошевские 14
Венява-Длугошевский, Б. 14
Венявские 14
Венявский, Г. 14
Венявский, И. 14
Венявский, Ю. 14
Вербицкий, Г.Н. 196
Вербловский, С. 114
Вехов, С.И. 74, 75
Виктора, К. 254
Виль, Г. 49
Вильде, В.К. 184
Виноградский, К. 22
Витвицкий, В. 94
Витос, А. 113
Вишневецкий 21
Владислав (IV) 7
Власов, М.Г. 142
Влчек 255
Вовк, Хв. 159
Воеводский, А. 218, 219, 223
Войлович, Ф. 222
Войцек, С. 50
Войцеховская, В. 55, 58
Войцеховская Г., см. *Войцеховская-Месснер, Г.*
Войцеховская, Е. 195
Войцеховская, Мария 58, 60
Войцеховская, Михалина 58, 60
Войцеховская, Э. 57, 58
Войцеховская-Месснер, Г. 55
Войцеховские 55, 58, 60
Войцеховский, архитектор 251
Войцеховский, Б. 55, 58–60
Войцеховский, К. 58, 59
Войцеховский, Л. 58, 60
Войцеховский, Н. 55–60
Войцеховский, Станислав, брат Н. Войцеховского 55
Войцеховский, Станислав, сын Н. Войцеховского 58
Войцеховский, Юзеф, отец Н. Войцеховского 55, 58
Войцеховский, Юзеф, сын Н. Войцеховского 58
Войцеховский, Я. 58, 59
Волков, А.В. 184
Волков, Ф.К. 148
Вольский, З. 218, 220, 226
Вондриска, А., см. *Сланец, А.*
Вонсленские 197
Воробьёва, И.Г. 65, 66
Воскресенский, М. 205

Врангель, А.Е. 53
Врангель, П.Н. 15
Вроблевский, Ю.Д. 193
Врублевский, Ю. 57
Выжиковская, Михалина, *см. Бялзор, Михалина*
Вышинский, А.Я. 103

Г

Габриалович, М.-С. 218, 219, 223
Габрилевич, В.Ф. 184
Гаерский, Л.А. 192
Газданов, Г.И. 197
Газданов, Л.Б. 196, 197
Газданов, Т.С. 196
Гай 229
Галле, И.Г. 96
Гано, Е. 187
Гарчуков, А. 239
Гатовский, А. 231
Гедимин 13
Гельшерт, Д. 190
Геник, К. 49
Гердер, И.Г. 31
Герек, Э. 128
Геринг, Г. 98
Гернет, М.Н. 41, 42
Герцен, А.И. 154, 161
Глазенац, Г. 217
Глеб-Кошанская, М.И., *см. Бялзор, М.И.*
Глеб-Кошанская, Э. 19
Глеб-Кошанские 15
Глеб-Кошанский 19
Глеб-Кошанский, И. 19
Гличёв, Р.М. 238
Глушанин, П. 218–220
Глюксман, А. 135, 136
Гнилицкие 195
Голашевский, Б.Н. 184
Голембиовский, Я. 227
Голицин, Г.С. 228
Головин, Ф. 10
Головко, Н.П., *см. Косинская, Н.П.*
Голошевский, С.М. 187
Гольденберг 192
Гончар, О.С. 154
Гончаров, А. 22
Гончаров, О.С., *см. Гончар, О.С.*
Горбачёв, М.С. 131
Гордон, К. 163
Горнштейн 158

Горчинский, Е. 110
Гославский, М. 32
Гоцила, К. 129
Гоштовт, Ш. 57
Греим, Ц.Ц. 197
Гречко, Ф. 198
Гржибовский, Э. 187
Григ, Э. 183
Григорьев, Г. 49, 51
Григорьев, С. 52
Гринблат, М.Я. 68
Гриневицкий, И. 48
Гроудек 256
Гулак-Артемковский 142
Гулыга, И.Я. 174
Гурецкий, Ф. 219, 223
Гурин, С.О. 20
Гурский, П. 50
Гурчин, А. 220, 224
Гусев, С. 57
Гутовский, С. 58

Д

Давыдов, Д.Л. 75
Данарская, Т., см. *Зантарская, Т.*
Данилович 58
Даниловичи 55, 58
Даниловский 57
Дановский, С. 218, 220
Дарвин, Ч. 96
Дворецкая, Т.А. 44, 45
Дементьев, К.С. 157
Деникин, А.И. 228
Держинская, Я.Э. 252
Дзядковские 197
Дзюбенко 189
Диаментовский, В. 8
Димитров, Г.М. 109, 111, 116
Дитсон, Дж. 164
Длоуги 254
Длугопольский, А. 38
Длугош, Я. 14
Длугоши 14
Дмитрий I Самозванец 7, 8, 11, 12, 138
Добровольский, В.Н. 70, 72
Добровольский, Ф. 91
Добролюбов, Н.А. 123
Довбор-Мусьницкий, К. 218–220, 226
Довнар-Запольский, М.В. 72
Доленга-Ходаковский, З.Я. 70

Долмат-Исайковская, И.Э., см. *Бялмозор, И.Э.*
Домбровский 27
Домбровский, К. 222
Дорант, В., см. *Войцеховская, В.*
Доре, Г. 35
Доронович, М.Ф. 187
Достоевский, Ф.М. 119, 121, 125, 135
Драгоманов, М.П. 29, 31, 32
Дробнер, Б. 113
Дроздов, И. 165
Дроздовский, М.Г. 18
Дьяков, В.А. 44
Дюма, А. 237

Е

Евдокимов 176
Евдокимов, Н.И. 173, 210
Ежов, Н.И. 99-103
Екатерина II 25, 77, 175
Ермолаева, Е.Ф. 23
Ермолаева, О.Н. 23
Ермолов, А.П. 141
Ерофеев, В.В. 133, 134

Ж

Жевусский Л., см. *Ржевусский, Л.*
Желиговский, Л.-М. 228
Желтковский 58
Жибурт-Жибуртович, Ю. 218, 219, 223
Жилярди, Д.Б. 23
Жишкевич, М. 235
Жук, Анна 208
Жук, Антон 208
Жук, А.А. 204-208
Жук, И.А. 208
Жук, К.А. 208
Жуков, Г.С. 117

З

Завадская, Я.К. 187
Завадский, А. 110, 116
Заводская, А.И. 177
Заводской, И.И. 177
Зайонц, Ю. 228
Закржевская, Е.Д. 186, 187
Закшевкие 195
Залевинский, Ц. 49
Залейский, К. 229
Залесский, В. 32
Заляс, Я.Ф. 184

Замойский, В. 155, 162
Зантард, Я.Я., см. *Зантарский, Я.(И.)Я.*
Зантарская, Т. 236
Зантарские 236
Зантарский, Я. 236
Зантарский, Я.(И.)Я. 236, 237, 239, 241–243, 246
Застырец, И. 148
Зверковский, Л. 163
Зелинский, С. 228
Зентарский, Я.Я., см. *Зантарский, Я.(И.)Я.*
Золотовская 195
Золотовские 195

И

Иван IV Грозный 10
Иванович, Р. 218, 219, 223
Игнатъев, Н.П. 158
Игнатъев, П.К. 15
Игнатъевич 36
Иевлев 48
Измаил-паша 162, 163
Измаилович, А. 219, 222
Измайлов, Р.А. 129
Илинич, В.В. 100
Илютович, А.А. 20
Иоанн Павел II 257

Й

Йилемницкий, П. 255, 256

К

Кабрда, И., см. *Третьякова, И.*
Каковский, А. 90
Каменские 197
Каменский 196
Канинг, С. 162
Канумов, И. 202, 235, 236, 250
Карабатыр 166
Карасс, Я. 220
Карась, Ф. 222, 225
Карась, Я., см. *Карасс, Я.*
Кареев, Н.И. 61, 62, 64–67
Карлович, Я. 72
Кармалин, Н.Н. 204
Карская, Н.Е., см. *Барковская, Н.Е.*
Карская, Т.С. 76
Карский, Е.Ф. 68–76
Катков, М.Н. 176
Кашубская, А.Ф. 20
Кашубская, М.М., см. *Бяллзор, М.М.*

- Кашубский, М. 20
Квятовский, Я. 235
Кельсиев, В.И. 154, 158
Керзон, Дж. Н. 107
Кесслер, И. 196
Кимонт, Б. 222
Киньский, Ф. 57
Киров, С.М. 20
Климов, В.С. 206
Климович, Ф. 235
Клопотовская, И. 91
Клопотовский, Б. 90
Клопотовский, Игнатий 91, 92
Клопотовский, Иоанн 91
Клоссовские 197
Кнафлевский, Я. 229
Кобзон, И. 136
Коженёвская, Л. 57
Коженёвские (Корженёвские) 55, 58
Коженёвский, В. 57
Колодзейчики 197
Коляр, Я. 250
Комарницкий, С.И. 206
Кондаков, В. 240
Кондакова, Л.А., см. *Косинская, Л.А.*
Конкель, В.И. 184
Конопельский, Л.К. 177
Константин Павлович, великий князь 141, 153
Коперник, М. 96
Копчиньский 227
Корево, А. 219, 223
Корженёвские, см. *Коженёвские*
Корзон, Т. 64
Короленко, П.П. 140
Косинская, Анна И. 236
Косинская, Антонина И. 238, 241, 242
Косинская, Вера И. 238, 241
Косинская, Виктория И. 239
Косинская, Е.И. 238, 241, 242
Косинская, И.Г. 246
Косинская, Л.А. 239–241, 243–245
Косинская, Л.В. 244
Косинская, М. 233
Косинская, М.И. 236
Косинская, Н.В. 243, 244
Косинская, Н.К. 246
Косинская, Н.П. 238, 241, 243
Косинская, П.Р. 234–240, 246
Косинская, Р.А. 245, 246
Косинская, Т.В. 243, 244
Косинская, Т.Г. 242

Косинская, Т.М. 239, 241
Косинские 233, 235–243, 246
Косинский, А.А. 233
Косинский, Б.В. 233, 239, 241, 244–246
Косинский, Б.И. 238, 241, 242
Косинский, Б.С. 246
Косинский, В.В. 239, 241, 243, 244
Косинский, В.С. 246
Косинский, Валентин И. 238, 241, 242
Косинский, Владимир И. 235, 237–246
Косинский, Г.Б. 245, 246
Косинский, Г.И. 238, 241, 242
Косинский, И.М. 233–236, 246
Косинский, Иван (Ян) И. 235, 236, 238, 241, 242, 244, 246
Косинский, Иосиф И. 235
Косинский, Иосиф (Юзеф) И. 236, 237, 239, 241, 246
Косинский, К. 233
Косинский, М. 233
Косинский, П.И. 235–239, 241–243, 246
Косинский, С.Б. 245, 246
Косинский, С.В. 239, 245
Костржева, Ю. 49
Костюшко, Т. 114
Косякина, Н.М. 192
Коцелл 21
Коцеллы 13
Кошка П.М. 209
Кошка, Ф. 250
Коялович, В. 13
Кравцов 142
Крагулец, Б. 254
Кражовский, А.-А. 219, 221
Крассовские 197
Краузе, Э. 49
Крашевский, И. 70
Крентовские 197
Крентовский 197
Кретам, С. 230
Крутченский, В. 22
Ктиторов, С.Н. 192
Кузьмин, С. 50
Кузьминские 197
Куликова, О.П. 184
Куль-Сельверстова, С. 48
Курилов, В.В. 75
Курчаб-Редлих, К. 137
Кутузов, М.И. 25
Кучевский, Август 219, 222
Кучевский, Адольф 219, 221, 225
Кучинский, Я. 235
Куц, И. 205

Л

- Лабановский, И. 182, 187
Лавданский, В.-М. 218, 220, 221
Лавданский, Ю.-Р. 218, 219, 222
Лагода, Н.Н. 200
Ламанов, А.Д. 174
Ланге 117
Ланжерон, А.Ф. 139, 140
Лапинский, Т. 148, 155, 161–169
Лашкевич, Г. 135
Левандовский, А.Ф. 184
Левандовский, М.К. 228
Левендовская, М., *см. Косинская, М.*
Леверье, У.Ж.Ж. 95, 96
Левкович, А.А. 234, 235
Левкович, И.Р. 235
Левкович, М. 237
Левкович, М.Р. 235
Левкович, П.Р., *см. Косинская, П.Р.*
Левкович, Р.В. 234, 235
Левкович, Ф.Р. 235
Левкович, Э.Р. 235
Левковичи 235
Левчик, Г. 72
Левшецкий, Ю. 225
Лекстутис, Е. 236
Лекстутис, К. 236
Лелевель, И. 66
Лемпицкая, С.А. 232
Лентяев, Н. 141
Ленуар, *см. Зверковский, Л.*
Ленуар, Р.И., *см. Мордмиллович, Р.И.*
Леонтьев, Н. 50
Лепарская, К.А., *см. Раипиль, К.А.*
Лепецкий, М. 231
Лермонтов, М.Ю. 120
Лесков, Н.С. 120
Лесневский, Ю.А. 218, 220
Лесневский, Ю.В. 218, 220
Леськевич, Т. 87
Лесьневский, С. 94
Лещинская, М., *см. Мария Лещинская*
Лещинские 14
Лещинский, С., *см. Станислав Лещинский*
Липинская 195
Липинский, С.С. 188, 189
Лисевич, И.Т. 30, 31
Лисовский, К. 219, 222
Лиценбергер, О.А. 247
Лозовский, С.А. 113, 114

Ломницкая, В. 195
Лопатто, С.-Т. 222
Лотман, Ю.В. 149
Лужков, Ю.М. 244
Лузум, П.М. 254
Лукаевич, Я. 94–96
Лукьянов, В.П. 15
Лущов, П.Н. 44
Лучинский, И. 218–220
Любомирский, Е.Д. 21
Людовик XV 14
Людовик Наполеон, принц 217, 225
Лютоганский, М.Ф. 184, 187
Лямпе, А. 110, 113
Лятковский, С. 136
Ляшевский, А. 198
Ляшенко 144

М

Маглиновская, Н.С. 202
Маглиновская, Ю.Я. 201, 202
Маглиновский, С.В. 202
Магомет-Амин, см. *Мухаммед-Амин*
Мазарек, А.П. 185–187, 190–192
Мазарек, Т.А. 186, 187, 192
Мазепа, И. 158
Мазинг, К.К. 23
Макаров, полковник 172, 174
Маковская, В. 192
Маковский, Ю.И. 100
Малама, Е.И. 212
Малама, Я.Д. 204, 212
Маленков, Г. 109
Малецкий, А.И. 89
Манжевский 238
Мануильский, Д.З. 117
Маньковский, С. 187
Мария Лещинская 14
Марков 25
Марковенка 154
Мартьянов, Н.М. 55, 58
Маскевич, С. 9–11
Матвеев, Г.К. 139–143
Матвеев, Л.Т. 19
Матулевич, Ю. 90
Махонина, В.И., см. *Косинская, Вера И.*
Мацевский, В. 65
Мацевский, Я. 230
Мельникова, О.Н. 184
Меркулов, В.Н. 111

- Мехмед Садык-паша, см. *Чайковский, М.С.*
Миколайчик, С. 107
Миколаюнас, В. 234
Миллер, И.С. 44
Милютин, Д.А. 42, 46, 52, 53, 204
Минин, К. 7
Михальский, Я. 49
Михневич, Э. 87
Мицкевич, А. 137, 156, 160, 196
Мищенко, С. 205
Мнишек, М. 8
Молотов, В.М. 116, 138
Монвид, см. *Монтвид*
Монтвид 13
Монтвид-Бяллосор, Р.И. 13
Монтвиды-Бяллосоры 13, 14
Моравский, А. 257
Мордмиллович, А.-Е.А. 203
Мордмиллович, А.Я. 201
Мордмиллович, Генрих (А.-Г.-А.) Я. 201–203
Мордмиллович, Григорий Я. 201
Мордмиллович, Г.-А.Г. 203
Мордмиллович, К.Я. 201, 202
Мордмиллович, М.-Л.Я., см. *Борчевская, М.Я.*
Мордмиллович, Р.И. 201
Мордмиллович, Р.-Г.Г. 203
Мордмиллович, Э.-Р.Я. 201
Мордмиллович, Э.(Э.-Я.) Г. 203
Мордмиллович, Ю.-В.-В.Я., см. *Маглиновская, Ю.Я.*
Мордмиллович, Я.А. 199–201
Мордмиллович, Я.-А.Я. 201, 202
Морков 25
Мотак, К. 231
Мрожек, С. 138
Мудрович, М. 219, 221
Музафир-бей, см. *Чайковский, В.М.*
Муравьев, М.Н. 44
Мухаммед-Амин 162–165, 168, 169, 172
Мухин, М. 50
Мыслиньский, Ю. 229
Мыстковский 56
Мюссе, А. де 121

Н

- Наленч 48
Намиоткевич, Б. 201
Наполеон I 138, 175, 233
Нарушевич, А. 66
Неверли, И. 55
Неинский, Н. 177

Немоевский, С. 7-12
Неселовский, А. 35
Никифоровский, Н.Я. 70, 72
Николай, ксёндз 181
Николай I 41, 42, 77, 153, 175, 247
Николай II 239
Новак, В. 22
Новицкий 19
Новкунские 230
Новкунский, И. 230
Новосильцев 25
Новотко, М. 110
Норманч, М.А. 184
Нос, М. 154
Носалевские 195
Ньютон, И. 95

О

Обух, Н.Н. 22
Обухович, В.С. 196
Огинский (Огиньский) 21
Огинский (Огиньский), М. 122
Одинцов, Д.А. 237
Окулич, С. 218, 220
Олексяк, Ю. 132
Ольхович, Т. 219, 222
Ольшанский, М.М. 177
Ольшевский, М.Я. 177
Онгирские, бр. 184
Онучин, А. 51
Опенховский, И.А. 234
Орлик, Ф. 158
Осипов, Е.В. 75
Османы 147, 150, 152
Островский, Ю. 219, 220, 225
Отмар, см. Берсон, Я.-С.
Отоцкий, А.-Ф.Я. 234

П

Павлович, Б. 87
Падура, Т. 32
Паленцкий, А. 184
Папроцкий, Б. 13
Парийский, Н.В. 74
Паскевич, И.Ф. 155
Пельгжимовский, Э. 7
Пентко, Б.-Ю. 219, 221
Пентко, К. 222
Пеньковские 257
Перекрест 143

- Пержинский, Ю.П. 185, 192
Петрев-паша 153
Петров, Л. 51
Петрович 156
Пётр I Великий 7, 11, 21, 89
Петруцын-Петрашевский, Ю. 230
Пиленко 171
Пилсудский, Ю. 14, 98, 102, 230, 231
Пинус, В. 198
Платонов, М.Я. 188
Пневский, Я. 229
Побоевский, В. 218, 220, 225
Погодин, М.П. 149
Погорелов, В.А. 75
Пожарский, Д.М. 7
Пожецкий, Ю. 218, 223, 225
Полюян, Я. 241
Понятовский, С.А., см. *Станислав Август Понятовский*
Поплавские 197
Попов, Н.А. 65–67
Порголевич, Анна, см. *Жук, Анна*
Порубский, Ш.(С.) 250, 251, 253, 254
Пост, А.-Е.А., см. *Мордмиллович, А.-Е.А.*
Потебня, А.А. 73
Потёмкин 25
Потоцкие 25
Прага, Л.Ф. 171
Прендовский, Я. 57
Пригарин, А.А. 157
Пришвин, М.М. 119
Промбчевский 229
Просинский, В. 218, 221
Пстроконский, К. 229
Пстроконский, К.М. 184
Пукиш, В.С. 247
Пуричамиашвили, Н.К., см. *Косинская, Н.К.*
Путин, В.В. 134, 136–138
Путкамер 156
Пушкин, А.С. 121, 133
Пшепюрковский, М. 57
Пшибыльский, В. 50
Пятецкий, М.А. 132

Р

- Радзивиллы 13
Радзиковский, В. 218, 219, 223
Радзишевский, Д. 253, 257
Радовские 197
Раевский, С.С. 154
Разумовский, И.С. 129

Рай(о)вский, Б. 235
Рак, К. 50
Раковская, В.К. 172
Раковская, М.-А.К. 172
Раковская, О. 172
Раковский, В.К. 173
Раковский, Г. 157
Раковский, К.И. 170, 172-174
Раковский, К.К. 173
Рамадан, Т. 136
Рафаэль 35
Рахманинов, С.В. 122, 123
Рашипиль А.Г. 146
Рашипиль Г.А. 145, 146
Рашипиль Е.К. 146
Рашипиль К.А. 146
Рейс 17
Ренненкампф, П.К. 15
Репнин 25
Ржевусские 25
Ржевусский, Л. 218, 219, 221
Риббентроп, И. 138
Римская-Корсакова, М.И. 187
Рогозинский, Л. 195
Родионов 20
Романов, Е.Р. 70, 72
Романовы 18, 182
Ромер, Т. 112, 115
Рошковский, Я. 223, 225
Рощевская, Л.П. 45
Рудковский, И.А. 184
Рудневы, бр. 186
Рузвельт, Ф. 107
Рукевич, А.Ф. 234
Рунич, А.П. 232
Рыльский, Ф. 32
Рыпинский, А. 70

С
Савицкий, Я. 225
Садовский 186
Садык-паша, см. *Чайковский, М.С.*
Сака, С. 13
Сакович, А. 13
Самойлов, Г. 50
Сангушки 25
Сапеги 21
(Сапицкий) 195
Сватко, А.К. 20
Свейковский 27

- Свентковский, П. 50
Сверчевский, К. 116
Свидзинский, А.Ф. 187
Свидзинский, Г.А. 229
Свидзинский, Э.-Л. 218, 219, 221, 224
Свирский, И. 90
Северыник, Б. 92, 256
Селезнёв, Ю. 118, 124
Селицкий, А.И. 173
Семашко, А. 218, 219, 223
Сенкевич, Г. 183
Сенкевич, Ф. 202
Сербинов, М.Г. 106
Сергеев, В.Д. 45
Сержпутовский, А.К. 70
Сефер-бей Заноко 162, 164, 166, 168
Сигизмунд II Август 90
Сигизмунд III 7, 233
Сизова, Т.И. 110
Симон, Ф.-А. 90
Синицкий, Д. 32
Сисель, М., см. *Чехова, М.*
Скавронская 25
Скобейко, Ф. 58
Скоробогатов 48
Скочинский, А. 58
Славочинский, А. 219, 223, 225
Сланец 255
Сланец, А. 255, 256
Сланец, Е. 256
Сланец, М. 256
Сливовская, В. 45
Смирнов, К.Н. 17
Смоленский, В. 64
Смолинский, Р. 181, 182
Смолька, С. 63
Снежевский, В.Ф. 184
Снытко, Т.Г. 48
Собанский 27
Соболевский, А.И. 73
Соболенко, Э.Р. 68
Сок, Е.К. фон, см. *Рашиль, Е.К.*
Соколов 38
Солженицын, А.И. 135, 138
Соллогубы 13
Соловьёв, С.М. 66, 67
Соловьёвич, А. 72
Сомхиева, Р.А., см. *Косинская, Р.А.*
Сорочинский, Ю. 231
Сосновский И.И. 100

Спирготин 15
Спирготина 15
Срезневский, И.И. 73
Стадницкий, М. 8
Сталин, И.В. 98, 104–110, 112, 113, 115–117, 245
Станислав Август Понятовский 88
Станислав Лещинский 14, 88
Станкевич, Я. 86, 87
Старогородский, С. 22
Сташевский, З. 197
Стебницкий, И. 224
Стельницкий, Я. 221
Степулковская, С. 88
Стерблич, Г.Д. 106
Стессель, А.М. 17
Стефановские 197
Стольпин, П.А. 38
Стрекилов, С. 25
Стринский 140, 141
Суделик, В.И. 187
Суликовский 57
Суликовский, З.-М. 225
Суперсон, Э. 232
Суслов, М.А. 127
Сухозанет, И. 13
Схабо, И. 166
Сцепуржинская, С.Н. 72

Т

Тапчинский, Н. 228
Тарле, Е.В. 155
Тарский, А. 94
Татаркевич, В. 94
Твардовский, К. 94
Текели 152
Тер-Ованесов 190
Теременев, В. 25
Теттау, фон 17
Тэффик-бей, см. *Лапинский, Т.*
Тихон, патриарх 22
Ткачѳв 174
Тойнби, А. 29
Токарев, С.А. 68
Толстов, В.Г. 174
Толстой, Л.Н. 15, 95
Торчинский, Н., см. *Тапчинский, Н.*
Третьяков, Н. 16, 19
Третьякова, И. 254
Трухановский, В.В. 242
Трухановский, В.Г. 242

Тувим, Ю. 197
Тумилевич, Ф.В. 157
Тургенев, И.С. 119, 123
Турлейский, Я. 110
Туробойский, Э.-Ц. 218, 221
Тышинский, Л. 110
Тютчев, Ф.И. 137

У

Уваров, С.С. 31
Уортман, Р. 42
Уссаковский, В. 223
Устрялов, Н.Г. 149

Ф

Фадеев, Р.А. 166
Фарадей, М. 95
Фатерес, Н. 182
Федоровский (Федеровский), М. 70, 72
Фелицын, Е.Д. 206
Фергисс, М. 219, 224
Ферзен 25
Филипсон, Г.И. 166, 168
Финдер, П. 110
Фок, А.В. 17
Фоменкова, В.М. 44
Форнальская, М. 110
Фридман 242
Фридманы 242

Х

Хаджи-Керандук 163
Харалстад 136
Хармс, Д.И. 15
Хлебников, В. (В.В.) 196
Хмелевский, М. 49
Хмель 242, 243
Хмель, С. 242, 243
Хмельницкий, Б. 7, 153
Ходецкий, Й.-В. 219, 221
Ходзько, Ю. 224
Ходоровский, А. 234
Хомутова-Анцевич, Е.А. 232
Хотек, К. 254
Хофстеде, Г. 133
Хрущёв, Н.С. 127

Ц

Цветаева, М. 196
Цветиковы 242

Цвикло, И. 50
Цепляк, И. 90
Цертели, З. 196

Ч

Чайка, казачий полковник 152
Чайка, см. *Чайковский, М.С.*
Чайковский, В.М. 156
Чайковский, М.С. 147, 148, 150-160
Чайковский, С. 152
Чалеев 49
Чаплицкий, Б. 198
Чарковский, П. 49
Чарнецкий, В. 227
Чарноцкий В., см. *Чарнецкий, В.*
Чарторьские 159
Чарторьский, А.-Е. 147, 152, 153, 155, 160, 162-164
Чекотовский, С. 218, 222
Челидзе, Г.Б. 184
Червинская, Е. 195
Червинский, А. 196, 231
Черепнин, Н.П. 19
Чернуцкие 195
Чернуцкий 195
Черчилль, У. 107, 242
Чехова, М. 249
Чечот, Я. 70
Чибишев, И. 60
Чиж, С. 219, 221
Чмелинский, В. 255
Чмиль, В.Т. 132
Чочуа, Т.В., см. *Косинская, Т.В.*
Чубинский, П. 31, 32
Чюрлёнис, М.К. 196, 197

Ш

Шамиль 162, 165, 168, 169
Шагин 16, 17
Шафарик, П.Й. 70
Шафирович, И.Р. 181
Шахматов, А.А. 73
Шварцкопф, А. 184
Швецов, Л.А. 189
Шеварнадзе, Э.А. 245
Шейн, П.В. 70, 72
Шершилов, Е. 21
Шерцингер 57
Шерцингер, Л., см. *Коженёвская, Л.*
Шерцингер, Э., см. *Войцеховская, Э.*
Шидловский, Н. 70
Шиманские 195, 197

Шиманьский, А. 194
Шимберски, И. 254
Шишко, Т.-Р. 218, 219, 221
Шлегель, бр. 31
Шмаргун 154
Шмитт, Г. 65
Шопен, Ф. 122, 183, 197
Штагеп, С.Г. 189
Штанг, А. 251
Штейнгель, Р.В. 204, 206
Шуйский Ю. 64, 65

Щ

Щеловитов, И.Г. 200
Щелкановцев, Я.П. 75
Щербина, Ф.А. 141, 208
Щербович-Вечор, А.О. 225
Щербович-Вечор, О. 218, 219, 223–225

Э

Эдельштейн, В.М. 186
Эдельштейн, М.Е. 186
Эйлер, А.А. 38
Эмерсон, Р.У. 136

Ю

Ювачёв, И.П. 15, 16

Я

Ягич, И.В. 73
Ягодзинский, Я. 253, 257
Ягодкин 172
Ягулов, М. 250
Янелюнас, И. 182
Яницкий, Ф. 50
Яновский 197
Яновский, К.П. 204
Янсон, Ю.Э. 26
Янчек, С. 49
Янчук, Н.А. 70, 72
Яняк, М. 257
Ясинские 197
Ястрембский, М. 36
Яцкевич 230
Яцкевич, А.С. 209
Яцкевич, В.А. 209–212
Яцкевич, Е.Г. 209
Яцкевичи герба Гоздава 209
Ячевский, Ф. 91

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

ААН	- Муниципальное учреждение «Архив администрации г. Новороссийск»
АВПРИ	- Архив внешней политики Российской Империи
АВП РФ	- Архив внешней политики Российской Федерации
АК	- Армия Крайова
АН	- Академия наук
АОАА	- Архивный отдел администрации г. Армавир
БПС	- бригада пограничной стражи
бр.	- братья
БССР	- Белорусская Советская Социалистическая Республика
ВКП(б)	- Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЧК	- Всероссийская чрезвычайная комиссия
ВЦИК	- Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
г.	- город; год
г.р.	- год рождения
ГАИО	- Государственный архив Иркутской области
ГАКК	- Государственный архив Краснодарского края
ГАКО	- Государственный архив Кировской области
ГАКрК	- Государственный архив Красноярского края
ГАРО	- Государственный архив Ростовской области
ГАРФ	- Государственный архив Российской Федерации
ГАСК	- Государственный архив Ставропольского края
ГИАЛ	- Государственный исторический архив Литвы
ГУТБ	- Главное управление государственной безопасности
д.	- дом; деревня
докл.	- доклад
ДОСААФ	- Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту
др.	- другие
и.д.	- исправляющий должность
и.о.	- исполняющий обязанности
ИККИ	- Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
ИРГО	- Императорское Русское Географическое общество
ИССБО	- Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества
к.	- копейка
кв.м	- квадратный метр
КВВ	- «Кубанские войсковые ведомости»
КВЖД	- Китайско-Восточная железная дорога
КВО	- Кавказский военный округ
КГБ	- Комитет государственной безопасности.
КГИАМЗ	- Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына
км	- километр
КМВ	- Кавказские Минеральные Воды
КОВ	- «Кубанские областные ведомости»
КП(б)	- коммунистическая партия (большевиков)
К-ПГА	- Каменец-Подольский городской государственный архив

- КПП** – Коммунистическая партия Польши
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КРСВ – Краткое расписание сухопутных войск
кс. – ксёндз
КСМП – Коммунистический союз молодёжи Польши
куб.м – кубический метр
м – метр
МВД – Министерство внутренних дел
МГУ – Московский государственный университет
МИД – Министерство иностранных дел
млн – миллион
МОПР – Международная организация помощи борцам революции
МТС – машинно-тракторная станция
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения
НИАБ – Национальный исторический архив Беларуси
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НПК ПАНХ – Научно-производственная компания применения [гражданской] авиации в народном хозяйстве
о. – отец
ОГПУ – Объединённое главное политическое управление
ок. – около
ОКБ – Особое конструкторское бюро
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОСО – Особое совещание
ПЕВ – Подольские епархиальные ведомости
ПКЛГ – Памятная книжка Люблинской губернии
ПНР – Польская Народная Республика
ПОВ – «Польска организация войскова»
польск. – польский
ПОРП – Польская объединённая рабочая партия
пос. – посёлок
ППР – Польская рабочая партия
ППС – Польская социалистическая партия
пр. – прочее
Прил. – приложение
ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи
р – рубль
Разведупр – Разведывательное управление
РАН – Российская Академия наук
РВЖД – Ростово-Владикавказская железная дорога
РГА ВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия
род. – родился
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ – Российская Федерация

с.	- село, селение; сестра
сб.	- сборник
Св.	- святой, святая
сж.	- сажень
см.	- смотрите
СНК	- Совет Народных Комиссаров
сообщ.	- сообщение
СПП	- Союз польских патриотов в СССР
ССР	- Советская Социалистическая Республика
СССР	- Союз Советских Социалистических Республик
СЭВ	- Совет экономической взаимопомощи
т.е.	- то есть
т.д.	- так далее
т.п.	- тому подобное
тыс.	- тысяча
УВД	- Управление внутренних дел
УГБ	- Управление госбезопасности
ул.	- улица
УНКВД	- Управление НКВД
УССР	- Украинская Советская Социалистическая Республика
ФИСМО	- факультет истории, социологии и международных отношений
хут.	- хутор
ЦГАРД	- Центральный государственный архив Республики Дагестан
ЦГИА	- Центральный государственный исторический архив
ЦИК	- Центральный исполнительный комитет
ЦК	- Центральный комитет
ЧБЛ	- Черноморская береговая линия
чел.	- человек
ЧССР	- Чехословацкая Социалистическая Республика
AAN	- Archiwum Akt Nowych w Warszawie (<i>польск.</i> Архив новых актов в Варшаве)
AGAD	- Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie (<i>польск.</i> Центральный архив древних актов)
Ар.	- akta personalne (<i>польск.</i> личное дело)
APL	- Archiwum Państwowe w Lublinie (<i>польск.</i> Государственный архив в Люблине)
CAW	- Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie (<i>польск.</i> Центральный военный архив в Варшаве)
Cz.	- część (<i>польск.</i> часть)
Ibid.	- ibidem (<i>лат.</i> там же)
K.	- kartka (<i>польск.</i> лист)
MSZ	- Ministerstwo Spraw Zagranicznych (<i>польск.</i> Министерство иностранных дел)
Op. cit.	- opus citatum (<i>лат.</i> цитируемое произведение)
R.	- rocznik (<i>польск.</i> ежегодник, годовой комплект)
st.st.	- starego stylu (<i>польск.</i> старого стиля)
S.	- strona (<i>польск.</i> страница); Seite (<i>нем.</i> страница)
Sygn.	- sygnatura (<i>польск.</i> шифр)
Z.	- zeszyt (<i>польск.</i> тетрадь)

СПИСОК АВТОРОВ

- Аржакова, Лариса Михайловна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории славянских и балканских стран исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета
- Боголюбов, Александр Александрович* – кандидат исторических наук, член Союза поляков на Кавказских Минеральных водах (г. Пятигорск)
- Бридня, Ольга Петровна* – кандидат исторических наук, заместитель директора Филиала негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права» в г. Краснодаре
- Волхонский, Михаил Алексеевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра кавказских исследований Московского государственного института международных отношений (У)
- Григорашвили-Бураковская, Марианна Владимировна* – член Союза поляков Северной Осетии «Дом Польский» (г. Владикавказ)
- Жлоба, Екатерина Владимировна* – главный специалист учебного отдела Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия (г. Краснодар)
- Канарская, Анна Николаевна* – младший научный сотрудник Института славяноведения РАН
- Кирей, Николай Иванович* – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета
- Клочков, Олег Борисович* – старший преподаватель кафедры истории Славянского-на-Кубани государственного педагогического института, аспирант Армавирского государственного педагогического университета
- Крыськов, Андрей Анатольевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры украинологии и философии Тернопольского государственного технического университета им. Ивана Пулюя, член Польского культурного общества г. Тернополя
- Кшиторев, Сергей Николаевич* – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и специальных исторических дисциплин Армавирского государственного педагогического университета
- Кулик, Мариуш* – доктор исторических наук (г. Люблин)
- Лазари, Анджей де* – доктор общественных наук, профессор Лодзинского университета, член Комитета славяноведения Польской Академии наук

- Леончик, Сергей Владимирович** – кандидат исторических наук, председатель Культурно-национальной общественной организации «Полония» Республики Хакасия, редактор сибирского издания Конгресса поляков в России „Rodacy” («Соотечественники») (г. Абакан)
- Леусян, Ольга Алексеевна** – старший научный сотрудник отдела этнографии Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына
- Лятавец, Кишиштоф** – доктор исторических наук (Институт истории Университета Марии Склодовской-Кюри в Люблине)
- Мартианов, Владислав Евгеньевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и связей с общественностью Академии маркетинга и социально-информационных технологий (г. Краснодар)
- Масловская, Анастасия Анатольевна** – член Красноярской региональной национально-культурной автономии «Дом Польский»
- Матвеев, Олег Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета
- Нестеренко, Валерий Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, социологии и политологии Подольского государственного аграрно-технического университета
- Палечна, Иоахима** – сестра (Римско-католический приход Святых Апостолов Петра и Павла в Туапсе)
- Подлевских, Леонтий Геннадьевич** – кандидат исторических наук, майор внутренней службы, начальник кафедры гражданско-правовых и общегуманитарных дисциплин Кировского филиала Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России
- Пригарин, Александр Анатольевич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета им. И.И. Мечникова
- Попов, Владислав Павлович** – доктор филологических наук, профессор Кубанского государственного университета
- Пукиш, Владимир Степанович** – соискатель кафедры русского языка Адыгейского государственного университета
- Рачков, Илья Витальевич** – кандидат юридических наук, магистр права (LL.M.), преподаватель кафедры международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, адвокат (г. Москва)
- Селицкий, Александр Игоревич** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, председатель Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство», главный редактор «Польских ведомостей»

- Сень, Дмитрий Владимирович* – кандидат исторических наук, заместитель генерального директора Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына по научной работе
- Сидоренко, Наталия Сергеевна* – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета
- Скибицкая, Ирина Михайловна* – председатель Краснодарской краевой общественной организации «Содружество “Кубань-Украина”», соискатель кафедры дореволюционной отечественной истории Кубанского государственного университета
- Фролов, Борис Ефимович* – заведующий отделом истории Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына
- Цифанова, Ирина Владимировна* – кандидат исторических наук, старший преподаватель Михайловского филиала Московского государственного лингвистического университета
- Шкуро, Владимир Ильич* – главный специалист Государственного архива Краснодарского края

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов..... 5

ПОЛЯКИ И РОССИЯ, ПОЛЬША И РУССКИЕ

Анастасия Масловская (г. Красноярск).

Культура и быт России XVII в. по данным польских источников..... 7

Илья Рачков (г. Москва).

Из истории рода Бялосоров герба Венява..... 13

Андрей Крыськов (г. Тернополь).

Политика деполонизации в отношении польского землевладения на Правобережной Украине (1861–1883 гг.)..... 24

Валерий Нестеренко (г. Каменец-Подольский).

Взаимоотношения между Римско-католической и Православной церквями Правобережной Украины во второй половине XIX – начале XX в. 29

Леонтий Подлевских (г. Киров).

Система арестантских рот гражданского ведомства и её роль в истории польской политической ссылки начала 1860-х гг. 41

Сергей Леончик (г. Абакан).

Спасение – только в единстве. Нарциз Войцеховский – ссыльный участник восстания 1863 г. 55

Лариса Аржакова (г. Санкт-Петербург).

Николай Кареев и Михал Бобжиньский..... 61

Николай Кирей (г. Краснодар).

Научная деятельность Е.Ф. Карского в Российском Императорском Варшавском университете в 1893–1915 гг. 68

Кшиштоф Лятавец (г. Люблин).

Поляки в Отдельном корпусе пограничной стражи Российской Империи на рубеже XIX–XX вв. 77

с. Иоахима Палечна (г. Туапсе).

Орден сестёр Лоретанок: духовные истоки и современность..... 88

- Наталья Сидоренко** (г. Краснодар).
Львовско-Варшавская философская школа..... 94
- Екатерина Жлоба** (г. Краснодар).
«Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. 98
- Анна Канарская** (г. Москва).
К истории формирования Польской Армии в СССР..... 107
- Владислав Попов** (г. Краснодар).
Польские мотивы в творчестве В.П. Астафьева..... 118
- Владислав Мартианов** (г. Краснодар).
Некоторые аспекты советско-польского сотрудничества
в области гражданского авиастроения..... 126
- Анджей де Лазари** (г. Лодзь).
Mus! to na Rusi... (о российской «культурной
запрограммированности» и польской русофобии)..... 133

ПОЛЯКИ НА КУБАНИ И КАВКАЗЕ

- Борис Фролов** (г. Краснодар).
«Польские командирания» черноморских казаков
в первой трети XIX в. 139
- Олег Клочков** (г. Славянск-на-Кубани).
Польский «след» в судьбе генерала
Г.А. Рашпиля..... 145
- Михаил Волхонский** (г. Москва),
Александр Пригарин (г. Одесса),
Дмитрий Сень (г. Краснодар).
Панславизм Михала Чайковского и история
казачества в Османской империи..... 147
- Ирина Скибицкая** (г. Краснодар).
Записки Теофила Лапинского как источник по истории
Кавказской войны..... 161
- Олег Матвеев** (г. Краснодар).
Зарождение полковой историографии Кубанского казачьего
войска: Константин Иванович Раковский..... 170
- Ирина Цифанова** (г. Ставрополь).
Проблемы семейно-брачных отношений польских
переселенцев на Северном Кавказе в XIX в. 175

Сергей Кгиторов (г. Армавир). Польская диаспора досоветского Армавира.....	179
Олег Матвеев (г. Краснодар). Поляки в рядах кубанского нотариата.....	188
Марианна Григорашвили-Бураковская (г. Владикавказ). Поляки в Северной Осетии.....	194
Ольга Бридня (г. Краснодар). Представители рода Мордмиллович на Кубани.....	199
Ольга Леусян (г. Краснодар). Александр Антонович Жук (попытка воссоздания биографии почётного гражданина г. Екатеринодара).....	204
Владимир Шкуро (г. Краснодар). Генерал от артиллерии В.А. Яцкевич – кубанский казак.....	209
Мариуш Кулик (г. Люблин). Поляки на старших и высших должностях в Кавказском военном округе на рубеже XIX–XX вв.	213
Александр Боголюбов (г. Пятигорск). Поляки на Северном Кавказе в советский период (1917–1991 гг.).....	227
Александр Селицкий (г. Краснодар). Кавказская сага рода Косинских.....	233
Владимир Пукиш (г. Анапа) Католические храмы Черноморского побережья Северного Кавказа.....	247
Именной указатель.....	258
Список основных сокращений.....	279
Список авторов.....	282

Научное издание

**ПОЛЯКИ В РОССИИ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Редактор Г.С. Курбатова

Подписанов печать 27.12.07

Формат . Уч.-изд. л. . Усл. печ. л.

Тираж 500 экз. Заказ № .

Кубанский государственный университет
350040 г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Типография
полиграфическое объединение
ПЛЕХАНОВЕЦ

г. Краснодар, ул. Индустриальная, 28.

**Владимир Косинский,
1912 г.**

**Людмила, урождённая Кондакова;
Косинская, 1912 г.**

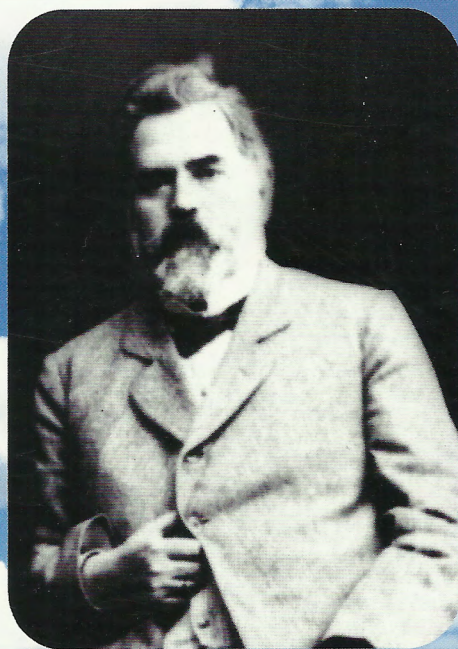
**Владимир, Людмила, Стасик,
Владек и Болек Косинские,
19 ноября 1926 г.**

**Болеслав и Владимир
Косинские, друг семьи; сидят:
Евгения Кондакова, Станислав
и Людмила Косинские, 1936 г.**

Яков Мордмиллович

Адам Мазарек, 1911 г.